Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»
Центр частноправовых исследований

И.А. МАНЬКОВСКИЙ
С.С. ВАБИЩЕВИЧ

ЛИЧНЫЕ И ВЕЩНЫЕ ПРАВА:

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ

МОНОГРАФИЯ

Минск
Международный университет «МИТСО»
2012

УДК 347(476)
ББК 67.404(4Беи)
М24

Рекомендована к изданию научно-методическим советом Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (протокол № 2 от 25.10.2011 г.)

Рецензенты:
Витушко В.А., доктор юридических наук, профессор;
Тихиня В.Г., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси

Маньковский, И. А.
М24 Личные и вещные права : современное состояние и новые научные подходы : монография / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-тет «МИТСО», 2012. – 336 с.
ISBN 978-985-497-164-3.

Монография представляет собой комплексное, системное научное исследование личных и вещных прав субъектов гражданского права. Материал излагается с учетом имеющихся в белорусской и российской цивилистической науке отдельных точек зрения по дискуссионным вопросам науки гражданского права и практики его применения.

Адресована научным работникам, аспирантам, магистрантам, преподавателям учреждений образования, обеспечивающих получение высшего образования, студентам, обучающимся по юридическим и экономическим специальностям, практическим работникам.

УДК 347(476)
ББК 67.404(4Беи)

ISBN 978-985-497-164-3

© Маньковский И.А., Вабищевич С.С., 2012
© Оформление.
Международный университет «МИТСО», 2012

Авторы:

Маньковский Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент по специальности «Право», заведующий кафедрой частного права Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»[1] – главы 2–7, 9.

Вабищевич Светлана Степановна – кандидат юридических наук, доцент по специальности «Право», доцент кафедры гражданского права и процесса ГОУ высшего профессионального образования «Российский государственный социальный университет», филиал в г. Минске[2] – предисловие, главы 1, 8.

Авторы выражают благодарность рецензентам:

– доктору юридических наук, профессору *Владимиру Александровичу Витушко*;

– доктору юридических наук, профессору, члену-корреспонденту Национальной академии наук Беларуси *Валерию Гурьевичу Тихине.*

[1] **Маньковский И.А.** является автором 105 научных работ. К основным относятся: Юридические лица и налоговые правоотношения : монография. – Минск, 1999. – 220 с. Теория юридического лица : монография. – Минск, 2002. – 170 с. Гражданское право Республики Беларусь. Особенная часть. – Минск, 2003. – 308 с. Курс гражданского права. Общая часть : монография : в 3-х т. – Т. 1. – Минск, 2006. – 580 с. Налоговое право и налогообложение. – Минск, 2006. – 346 с. Курс гражданского права. Особенная часть : в 3 т. – Т. 1. – Минск, 2008. – 512 с. – Т. 2. – Минск, 2010. – 568 с.

[2] **Вабищевич С.С.** является автором 90 научных работ. К основным относятся: Финансово-промышленные группы : проблемы теории и законодательства : монография. – Минск, 2003. – 112 с. Предпринимательское (хозяйственное право) Республики Беларусь. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск, 2005. – 448 с. Внешнеэкономическая деятельность в Республике Беларусь : правовые перспективы : монография. – Минск, 2005. – 232 с. Предпринимательское право : состояние и перспективы развития предпринимательской деятельности : монография: в 2 т. – Минск, 2008. – Т. 1.– 498 с. – Т. 2. – 512 с.

Основные совместные работы: Правовое регулирование коммерческой деятельности : учеб. пособие. – Минск : Выш. шк., 2004. – 288 с. Правовое регулирование хозяйственной деятельности : учеб. пособие. – Минск : Выш. шк., 2008. – 624 с. Юридические лица : научно-практическое исследование сущности и современного правового положения : монография. – Минск, 2009. – 304 с. Гражданское право. Особенная часть. – Минск, 2010. – 288 с. Субъекты гражданского права : монография. – Минск, 2010. – 496 с. Хозяйственное право. – Минск, 2011. – 304 с. Гражданское право. Общая часть. – Минск, 2011. – 184 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сфера интересов современного человека достаточно обширна, но при этом объекты таких интересов и возникающих в связи с их удовлетворением социальных отношений, можно разделить всего лишь на два вида – материальные и нематериальные. А поскольку право и юриспруденция содержательно не произвольны, т.е. подчиняются объективным законам, по которым развивается человеческое общество, начиная от законов природы и заканчивая законами социологическими, то вполне закономерным представляется появление субъективных гражданских прав – вещных и личных, позволяющих удовлетворить соответствующий интерес.

«Чем далее, тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей, – писал И.А. Покровский. – <…> Содержание гражданского права находится в прямой и непосредственной зависимости от содержания человеческих интересов, и … вследствие этого гражданское право должно неизбежно расти вместе с ростом человеческой личности»[3]. Таким образом, вполне закономерно право собственности и вещные права в целом стали обязательным условием становления и дальнейшего развития рыночных отношений, а права личные – условием формирования и развития гражданского общества. Не взирая на то, что появление конструкции названных субъективных гражданских прав является результатом развития общественных отношений и права как явления общественной жизни, законномерности такого развития продолжают оставаться в режиме юридической научной проблемы. Это обстоятельство, безусловно, объясняется динамикой самих общественных отношений и, как результат – постоянным изменением правового регулирования этих отношений. В то же время нельзя не обратить внимание на само состояние научных знаний в области этих основных, по своей сути, абсолютных прав.

Да, действительно, усложнение общественного устройства предопределяет расширение свободы личности. В свою очередь возрастает внимание общества и государства к правовому регулированию прав и свобод человека. В теории российского гражданского права это вызвало увеличение числа публикаций по вопросам личных неимущественных прав граждан, в частности появился ряд монографических исследований, а в некоторые учебники включены отдельные главы о личных неимущественных правах.

---

[3] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (серия «Классика российской цивилистики»). – М.: Статут, 1998. – С. 121, 132.

Вместе с тем, во-первых, сами понятия неимущественных прав и нематериальных благ остаются на уровне 30–50-х гг. XX столетия. Во-вторых, хотя перечень личных неимущественных прав и соответствующих им нематериальных благ в теории гражданского права существенно расширился, их систематизация строилась, главным образом, на случайно выбранных основаниях. В-третьих, остаются вне поля анализа личные неимущественные права организаций со статусом юридического лица и публичных образований. В четвертых, в белорусской юридической литературе проблемы личных неимущественных прав рассматривались отдельными авторами лишь применительно к защите чести, достоинства и деловой репутации субъектов гражданского права.

Характерной чертой правового регулирования общественных отношений по поводу формирования и (или) использования личных благ является отсутствие специального раздела Гражданского кодекса, посвященного личным правам, в отличие, например, от разделов, посвященных вещным, исключительным правам, что также является причиной отсутствия специальных работ, посвященных характеристике этой разновидности субъективных прав.

Раздел Гражданского кодекса «Право собственности и другие вещные права» подвергается постоянным изменениям, которые предметом самостоятельного научного анализа также не становились.

В настоящей работе авторы делают попытку сформулировать новые подходы к пониманию вещных и личных прав как абсолютных гражданских прав, их субъект-объектной характеристике, основаниям возникновения и способам защиты. Наиболее актуальными представляются вопросы об определении места личных прав в системе субъективных гражданских прав, места приобретательной давности в системе оснований приобретения права собственности, о классификации оснований приобретения права собственности, о сущности категории «доля в праве собственности» и ее применении в Гражданском кодексе и доктрине, о сущности права хозяйственного ведения и права оперативного управления как ограниченных вещных прав организаций по хозяйственному и иному использованию имущества собственника.

Авторы полагают, что целый ряд выводов и предложений может быть использован в сфере деятельности правотворческих и правоприменительных органов для преодоления противоречий в сфере правовой регламентации имущественных и неимущественных отношений.

Работа представляет собой не только монографическое научное издание, но и содержит признаки, характерные для учебника и комментария, поэтому она будет полезной и для других категорий читателей.

РАЗДЕЛ I
ЛИЧНЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

ГЛАВА 1. ЛИЧНЫЕ ПРАВА

§ 1. Нематериальные блага как объекты личных прав: вопросы определения и классификации

Частное право охраняет имущественное положение человека как основу его гражданской свободы и частной жизни. Но вся жизнедеятельность не сводится лишь к удовлетворению имущественных интересов, человек ищет свое место в жизни, пытается себя реализовать в различных сферах (что, безусловно, может давать одновременно недостающие средства для обеспечения существования), и все это происходит в общении с другими людьми в системе, именуемой обществом, т.е. человек есть существо социальное. Для выражения социальной природы человека было сконструировано понятие «личность». При этом нормальная жизнедеятельность личности как физического существа возможна в условиях соответствующей природной и социальной среды. Такими элементарно необходимыми условиями выступают благоприятная окружающая среда, свобода, неприкосновенность, достоинство личности и т.д. На высшем, конституционном уровне эти условия охватываются категорией основных прав и свобод человека и гражданина (раздел 2 Конституции), являющихся основополагающими для статуса личности и предопределяющими содержание иных прав и свобод.

Поскольку жизнь, здоровье, достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация и т.п. входят в сферу частных интересов человека, постольку на отраслевом гражданско-правовом уровне эти же условия были объединены общим понятием «нематериальные блага», примерный перечень которых закреплен в ст. 151 ГК: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу акта законодательства.

Законодатель, можно сказать, традиционно не закрепил легального определения нематериальных благ, а ограничился указанием на их принадлежность к объектам гражданских прав (ст. 128 ГК), их специфические свойства (неотчуждаемость и непередаваемость) и основания воз-

никновения (по рождению или в силу акта законодательства) (п. 1 ст. 151 ГК). Невзирая на это, «объектоспособность» нематериальных благ не находит всеобщей поддержки, так же как и само отнесение большинства из вышеперечисленных ценностей к нематериальным благам является предметом постоянной дискуссии. Более того, анализ учебной и научной юридической литературы показывает, что эти ценности до сих пор не имеют единого общего названия.

Наряду с закрепленным в ГК термином *нематериальные блага*, используются термины: «*личные нематериальные блага*» – для обозначения тех нематериальных благ, которые неотделимы от личности их носителя, и дифференциации с другими нематериальными благами, «которые могут быть отделены от субъекта посредством их воплощения в каком-либо внешнем по отношению к человеку материальном объекте» (например, произведение литературы и искусства)[4]; «*личные блага*» – как блага, представляющие собой «социальные условия существования и выражения качеств субъекта как личности»[5]. Отдельные авторы считают более предпочтительным именовать нематериальные блага «*личными неимущественными*, поскольку этот термин позволяет лучше отразить их особенности»[6], либо предлагают заменить применяемый законодателем термин «нематериальные блага» на «неимущественные блага», «... что позволит подчеркнуть правовою природу и сущность нематериальных благ, регулируемых и охраняемых законом»[7].

Применительно к вопросу о признании нематериальных благ в качестве объектов гражданских прав заслуживающая внимания точка зрения высказана Н.Д. Егоровым. По его мнению, нематериальные блага могут быть дифференцированы на «личные нематериальные блага», неотделимые от личности носителя (жизнь, здоровье, честь достоинство, деловая репутация и т.д.), и «другие нематериальные блага, которые могут быть отделены от субъекта посредством воплощения их в каком-либо внешнем по отношению к человеку материальном объекте (произведения науки, литературы и искусства, изобретение, промышленный образец и т.п.)»[8]. По логике цитируемого автора, личные нематериальные блага в силу их

---

[4] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. Ю.К. Толстого. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 374.

[5] Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учеб. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – П. 1664; Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Юрид. лит., 1963. – С. 83.

[6] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 413.

[7] Тимешов Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита. ... дис. к.ю.н.: 12.00.03. – Кубанский гос. агр. ун-т. – Краснодар, 2010. – С. 7.

[8] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. Ю.К. Толстого. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 373.

идеальной природы не могут иметь внешнюю, объективированную форму выражения, и по этой причине способны удовлетворять потребности только тех субъектов, с которыми они неразрывно связаны, а это, в свою очередь, препятствует возникновению общественных отношений, участники которых были бы наделены субъективными правами в отношении таких благ. «Соответственно, личные нематериальные блага не могут быть объектами субъективных гражданских прав»[9].

Да, действительно, «невозможно отделить от гражданина его честь и достоинство, воплотить их в каком-то материальном объекте и подобно рукописи передать другому гражданину для удовлетворения его потребностей»[10]. Однако все дело в том, и на этот факт обращает внимание сам Н.Д. Егоров, что частный интерес участника гражданского оборота удовлетворяет не материальный носитель, а нематериальное благо, в частности, результат интеллектуальной деятельности, ценность которого, как объекта исключительных прав, состоит в том, что он является результатом творческой деятельности его создателя. Утверждение о том, что объект противостоит субъекту, аксиоматично, однако, если материальное благо в силу своих естественных свойств, предопределяемых его пространственной ограниченностью, удовлетворяет законный частный интерес в первую очередь посредством фактического воздействия на это благо, то содержанием исключительного права на результаты творческой деятельности, которые, также в силу нематериальной природы, неотделимы от личности их создателей, выступают действия по их использованию и воспроизведению. Кроме того, не следует забывать о возможности существования произведения в объективной форме, не связанной с материальным носителем, например, устной, отчего произведение не перестает быть объектом исключительного права. Также и выделяемые Н.Д. Егоровым личные нематериальные блага как явления действительности используются управомоченным лицом в процессе жизнедеятельности. Материальные и нематериальные блага в целом как атрибуты различных аспектов бытия человека обусловливают содержание действий, которые в отношении них можно реально совершить, и, соответственно, являются объектами различных субъективных гражданских прав.

Вопрос о том, как все же правильно именовать блага, перечисленные в ст. 151 ГК, и какие из них относить к объектам гражданских прав, достаточно подробно и всесторонне рассмотрен российским ученым В.А. Беловым. Правда, этот вопрос ставился им применительно к субъективным правам, обеспечивающим использование этих благ, однако его вы-

[9] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. Ю.К. Толстого. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 374.

[10] Там же. – С. 373.

воды вполне применимы к самим благам. Использовать характеристику «личные неимущественные» применительно к благам и правам не представляется по мнению указанного автора возможным, поскольку при таком подходе в едино сливаются характеристики двух различных сторон объектов – неразрывная связь с личностью обладателя и неимущественная природа удовлетворяемого ими интереса, т.е. выделение таких объектов происходит не по одному, а по двум различным критериям[11].

Аргументы в пользу наименования «личные нематериальные блага», предложенные Н.Д. Егоровым, не выдерживают критики по следующим соображениям. Как отмечалось выше, нематериальная природа объектов исключительных прав также препятствует отделению их от личности создателя. Не удачным представляется и пример автора об отделимости имени гражданина и фирменного наименования юридического лица от указанных субъектов ввиду возможности воплощения во внешних материальных объектах (документах, вывесках, книгах и т.д.)[12]. Речь в данном случае идет не об отделимости, ибо ее невозможность не вызывает сомнений, а об использовании указанных благ для отличия одних субъектов от других.

Выбор наименования рассматриваемых благ зависит, безусловно, от их сущностной характеристики, тем более, что используемое законодателем наименование «нематериальные блага» построено на отрицании, что явно недостаточно для описания какого бы то ни было явления. Из предыдущего изложения видно, что большинство исследователей усматривают таковую в неотделимости благ от конкретной личности их носителя, т.е. суть выражается очередным отрицанием.

Некоторые авторы к этому свойству добавляют указание на то, что нематериальные блага – это «духовные ценности внеэкономического характера, которые направлены на всестороннее (имеется в виду физическое и социальное – *прим. автора*) обеспечение существования личности»[13]. В данном определении слово «блага» раскрывается через понятие «духовные ценности», а эти последние опять характеризуются через признак, который в них отсутствует (внеэкономический характер), но вводится такой признак, как предназначение нематериальных благ, охраняемых гражданским правом. На наш взгляд, именно в этом признаке заключена субстанция нематериальных благ. В данном контексте также уместно отметить, что множество разработанных до сегодняшне-

[11] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 626–628.

[12] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. Ю.К. Толстого. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 374.

[13] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 413.

го дня классификаций нематериальных благ весьма разнообразны по составу, но построены на основе одного критерия – цель признания этих благ. В этой связи, например, различают блага, обеспечивающие 1) физическое и 2) социальное существование человека[14].

Кроме выше приведенного широкого по своей сути подхода в литературе получили распространение следующие варианты объяснения значения рассматриваемых благ. По мнению В.С. Толстого, подробно исследовавшего структуру личных неимущественных отношений, неимущественные блага (в соответствии с терминологией автора) «в совокупности определяют автономию субъекта в отношениях, регулируемых гражданским правом»[15]. Это, безусловно, так, но проявления автономии воли не исчерпываются этими благами, на что указывает сам автор.

Флейшиц Е.А. в свое время, предлагая при принятии нового ГК установить в общей форме охрану личных интересов граждан, что дало бы возможность защитить «те разнообразные интересы личности, которые поименовать и перечислить в законе невозможно, и которые именно вследствие своей *нетипичности* (выделено мною – *С.В.*) и не могут отлиться в объект особых субъективных прав», пришла к выводу о том, что «объект личных прав совпадает с охраняемым этими правами интересом»[16]

Белов В.А., несколько корректируя точку зрения Е.А. Флейшиц, при ответе на вопрос о том, «какие именно нематериальные блага могут быть объектами личных прав», указывает, что таковые представляют собой «социальные условия общественной активности (деятельности) лица (существования личности)»[17], и в этой связи заслуживают наименования «личные блага». С учетом смысла и элементов термина «общественная деятельность», по мнению В.А. Белова, правовой охране подлежат «социальные условия: а) индивидуализации действующего субъекта, в том числе б) посредством обособления его личной (интимной) сферы; в) индивидуализации самой деятельности; г) индивидуализации результатов деятельности; д) стимулирования общественно полезной деятельности»[18].

Определенные несовпадения в объяснении гражданско-правовой

---

[14] Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. – Екатеринбург, 1994. – С. 68–197.

[15] Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. – М.: Изд-во Акад. повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – С. 52.

[16] Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве СССР и капиталистических стран. – М., 1941. – С. 8–9.

[17] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 630–634.

[18] Там же. – С. 645.

функции нематериальных благ имеют последствия, далеко выходящие за рамки терминологии, а именно, как отмечалось выше, норма ст. 151 ГК (ст. 150 ГК РФ) либо воспринимается одними исследователями безоговорочно, либо в процессе научного познания получает совершенно иной вид, обусловленный изменением закрепляемого названной нормой перечня нематериальных благ. При втором подходе абсолютное большинство благ не является точкой пересечения существующих мнений. Отмечая тщательную аргументацию двух последних концепций объекта личных прав (предложенных Е.А. Флейшиц и В.А. Беловым), выскажем собственные соображения.

Наименования главы 8 ГК и указанной выше нормы содержат слова «нематериальные блага», однако, что неоднократно отмечалось в литературе, фактически речь идет о защите этих благ и «личных неимущественных прав». Ни один из действовавших ранее Гражданских кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь, впрочем, как и других республик бывшего СССР, не содержал понятия «нематериальные блага» и «личные неимущественные права».

Как утверждает философ Карл Поппер, несмотря на множество недостатков, человечество еще не создавало лучшего строя, чем гражданское общество и капитализм[19]. Гражданское общество – это общество, объединяющее свободные личности. Но благодаря чему произошло становление и развитие гражданского общества? Со времен древнегреческой философии основой такого общества называют частную собственность, которая, в свою очередь, стала «предшественником таких личных прав, как право на имя, честь и достоинство граждан, тайну переписки»[20]. Более того, «личность, как общественно признанная уникальность каждого человека, возникает с появлением его «правового», да само понятие «личность» проникает в гуманитарное мировоззрение через правовые отношения»[21]. Следовательно, гражданское общество опирается на систему общепризнанных ценностей, обеспечивающих как интересы отдельной личности, так и всего общества в целом. Поскольку носителями личностного начала выступают не только сознание человека, но и внешние физические формы его организма, постольку многие естественные неотъемлемые блага, характерные для личности как физического существа, получили свое позитивное закрепление в Конституции.

Вместе с тем, вытекающие из Конституции возможности останутся

---

[19] Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М., 1992. – Т. 1. С. 15.

[20] Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, ИНФРА М-НОРМА, 1997. – С. 236.

[21] Шайкенов Н.А.: Книга памяти. – Алматы, 2001. – С. 72. Приведено по: Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 126.

декларативным заявлением, если с ними не связать гражданско-правовые последствия. В частности, вред, причиненный личности в любых ее проявлениях, возмещается по правилам, закрепленным в ГК (например, глава 58). Поэтому в соответствии с положениями п. 2 ст. 1 и п. 2 ст. 151 ГК нематериальные блага и неотчуждаемые права и свободы человека защищаются нормами гражданского права[22]. Аналогичные положения ГК РФ подвергаются критике, поскольку противоречат самому понятию права и его роли в обществе: «право регулирует отношения и предусматривает защиту прав, а не непосредственно благ, какими бы значимыми они не были»[23]. В целом соглашаясь с таким подходом, отметим, что большинство из перечисленных в ст. 151 ГК благ как объектов естественных прав являются условиями физического существования, целостности и морально-этического благополучия личности, прикреплены к ней естественным образом и реализуются независимо от права. Например, жизнь – это существование организма человека, а здоровье – это состояние организма. Жизнь, здоровье, свобода, индивидуальность и т.п. – это естественное состояние, которое предопределяет все остальные нематериальные блага как условия существования человека. Но эти блага существуют и проявляются в сложной социальной среде, которая, с одной стороны, позволяет реализовывать возможности разума и свободы человека в различных сферах деятельности, а с другой – представляет собой переплетение интересов, конфликтов и противоборств, соблазнов и слабостей человеческой натуры. Гражданское право дает возможность их разрешения и преодоления.

Следовательно, защищать блага (подчеркнем, именно блага), возникающие от рождения, призванные обеспечить собственную личность человека, можно непосредственно, без признания таковых объектами субъективных прав. В этом, в том числе, проявляется такая функция частного права, как обеспечение стабильности социальной среды. Степень признания и гарантии неприкосновенности этих благ являются, с одной стороны, условиями правового государства, а с другой – характеризуют частное право как правовую основу свободы личности в экономических отношениях. Как справедливо отмечает С.С. Алексеев, первоисточником

---

[22] Формулировку п. 2 ст. 1 нельзя признать удачной как минимум по двум причинам. Во-первых, блага не могут осуществляться нормами права. Представляется, что в этом качестве могут выступать субъективные права личности или личные права. Во-вторых, отношения, связанные «с <…> защитой неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ», не могут выступать в качестве элемента предмета гражданско-правового регулирования, т.к. защита сама по себе – одна из форм правового регулирования.

[23] Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения. – М.: Изд-во Акад. повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – С. 24.

частного права является «естественное право свободы индивида»[24].

Самореализация человека, в том числе участие в общественных отношениях, регулируемых гражданским правом, строится не только на имущественной обособленности и самостоятельности, но и на его социальной обособленности. Иными словами, человек выступает активным участником общественно-полезной деятельности при том условии, что существует реальная возможность персонифицировать его самого и осуществляемые им социальные функции. В этой связи в соответствии с положениями ГК участники гражданских правоотношений (физические лица и организации со статусом юридического лица) обладают правами на такие блага, как имя, творческое имя, авторство, фирменное наименование, товарный знак (знак обслуживания), наименование места происхождения товара[25]. Таким образом, эти блага возникают в силу закона, являются объектами субъективных гражданских прав и создают предпосылки участия в гражданском обороте посредством идентификации субъекта и результатов его деятельности. В данном контексте необходимо отметить специфику такого блага, как имя. Во-первых, право на имя – это естественное право, возникающее в силу рождения человека. Во-вторых, имя как способ гражданско-правовой идентификации лица подлежит регистрации в установленном нормами права порядке, после чего у его носителя возникает не только право, но и обязанность пользоваться зарегистрированным именем в процессе участия в гражданско-правовых отношениях (п. 1 ст. 18 ГК). Иными словами, человек получает конкретное имя на основании регистрации через некоторое время после рождения. По этой причине имя можно относить к благам, приобретаемым в связи с фактом рождения в порядке, установленном законом.

Перечисленные выше блага, возникающие в силу закона, в отличие от благ, возникающих в силу рождения, в отдельных случаях могут обладать свойством оборотоспособности, например, лицо может предоставить право использования собственного имени в качестве составной части фирменного наименования хозяйственного товарищества (п. 3 ст. 66, п. 4 ст. 81 ГК).

Кроме рассмотренных благ, в норме ст. 151 ГК названы блага, которые по своей природе не возникают сразу в полном объеме в силу рождения или в силу закона, а создаются собственными усилиями лица, в том числе целенаправленно, – достоинство, честь, доброе имя, деловая репутация. При этом достоинство, выражающее отношение человека к

[24] Алексеев С.С. Частное право. – М.: Статут, 1999. – С. 80.

[25] В соответствии с прямым указанием п. 1, 2 ст. 125 ГК Республика Беларусь и административно-территориальные единицы могут иметь личные права. Объектами таковых, в частности, выступают наименование, конституция, герб, флаг, гимн. Эти права входят в предмет изучения науки конституционного права.

себе как к личности, формируется также и под влиянием внешних факторов, в частности, воспитания. Поскольку эти блага создаются в процессе проявления индивидуальных особенностей, т.е. прикреплены к их носителю естественным образом, они охраняются правом непосредственно. В то же время такие блага обеспечивают участие лица в общественных отношениях, в том числе расширение его профессиональных или предпринимательских возможностей (деловая репутация). Задача их правовой охраны не будет выполнена, если право не будет охранять сам процесс формирования этих благ, т.е. право не может бездействовать до тех пор, пока не будет создано устойчивое положительное представление других лиц о каких-либо личных качествах человека. В этой связи, полагаем, следует вести речь о таком личном праве, являющемся элементом правоспособности, как право на формирование объективных представлений о себе в виде достоинства, чести, доброго имени, деловой репутации.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

Поскольку система общепризнанных ценностей, примерный перечень которых закреплен в ст. 151 ГК, призвана обеспечить физическое, духовное и социальное обособление человека, эти ценности или блага можно именовать, как предлагается в литературе, личными.

Перечисленные блага условно можно разделить на три группы исходя из оснований возникновения: 1) блага, которые возникают в силу рождения и направлены на охрану собственной личности человека; 2) блага, которые возникают в силу закона и направлены на идентификацию субъектов гражданского права; 3) блага, которые создаются, преимущественно, действиями самого их носителя в процессе проявления его индивидуальных качеств и, также как блага второй группы, создают условия его участия в гражданско-правовых отношениях. Соответственно блага, возникающие в силу закона, выступают объектами субъективных прав и в отдельных случаях обладают свойством оборотоспособности.

Возвращаясь к концепциям личных прав, предложенным Е.А. Флейшиц и В.А. Беловым, отметим, что индивидуализация субъекта, его деятельности и конкретных результатов – это, на наш взгляд, не цель признания личных прав, а средство обеспечения интересов личности, ее социальной обособленности. Если видеть предназначение личных прав только в индивидуализации личности, возникает, например, вопрос о том, каким образом сведения, составляющие личную или семейную тайну, индивидуализируют (т.е. обособляют среди других членов гражданского общества) лицо, если кроме него эти сведения никому не известны. Эти сведения охраняются не как условия индивидуализации лица «как средоточия определенной личной (интимной сферы), нуж-

дающейся в сохранении в конфиденциальности»[26], а как сведения, касающиеся частной жизни человека, т.е. его глубоко личных интересов. Представляется, что тайна – это не благо, а правовой режим, предоставляемый сведениям о частной жизни лица, а сами эти сведения являются разновидностью такого объекта гражданских прав, как охраняемая информация. В целом, многие нематериальные блага, в частности, имя, творческое имя, авторство, фирменное наименование, товарный знак (знак обслуживания), наименование места происхождения товара, достоинство, честь, доброе имя, деловая репутация имеют информационную природу.

Кроме того, необходимо в принципе различать индивидуализацию и идентификацию. В первом случае речь идет о признании качеств, отличающих конкретное лицо от других, во втором – об установлении тождества[27] субъекта на основе каких-либо критериев, например, имя, подпись и т.д. На наш взгляд, имя человека становится средством индивидуализации и обозначает конкретную личность только после проявления им в процессе самореализации каких-либо личностных качеств. Нельзя сказать, что сразу после присвоения в связи с фактом рождения имя индивидуализирует «деятельность лица»[28]. В этой связи законодатель в числе непосредственно охраняемых нематериальных благ называет доброе имя.

Индивидуальные «нетипичные интересы личности» (Е.А. Флейшиц) получают правовую охрану не непосредственно, а в результате признания и установления гарантии неприкосновенности тех общепризнанных ценностей, которые являются жизненно важными условиями нормального развития гражданского общества.

§ 2. Современная научная характеристика личных прав

Свойства нематериальных благ как объектов субъективных гражданских прав обусловили природу и содержание самостоятельной разновидности последних – личных прав. Как отмечалось ранее, указанные объекты призваны обеспечить социальное обособление субъектов граж-

[26] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 645. Отметим также, что товарный знак (знак обслуживания) индивидуализируют не результаты деятельности (товары, услуги), как утверждает В.А. Белов, а их производителя.

[27] Ожегов И.С., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 236, 246.

[28] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 645.

данского права, т.е. выступают критериями их гражданско-правовой идентификации. Эти критерии всегда строго конкретны, например, имя человека всегда обозначает конкретную личность даже в том случае, когда имена лиц совпадают. Отдельные нематериальные блага (авторство, честь, достоинство, деловая репутация) являются объективным фактом – результатом проявления личных качеств человека и в силу этого они неразрывно связаны с конкретным субъектом и не могут переходить по какому бы то ни было основанию к другим лицам. Следовательно, непосредственно воздействовать на нематериальные блага может только их обладатель, т.е. законный интерес последнего как управомоченного лица может быть удовлетворен только в результате его собственных активных действий. Неопределенный круг остальных лиц должен воздерживаться от совершения действий, препятствующих реализации возможностей управомоченного лица, которое, в свою очередь, может требовать такого воздержания. Соответственно личные права необходимо относить к числу абсолютных гражданских прав. *Содержание личных прав* составляют юридически обеспеченные возможности управомоченного лица осуществлять абсолютное формирование и (или) использование личного блага, направленного на его (лица) социальное обособление, в том числе посредством гражданско-правовой идентификации, а также требовать от любых третьих лиц воздержания от действий, выходящих за пределы принадлежащих им субъективных прав.

Исходя из изложенного, а также из анализа норм, посвященных нематериальным благам, можно назвать ряд признаков личных прав, выделяющих их среди иных абсолютных прав.

1. Объектами личных прав выступают принадлежащие в силу закона неотчуждаемые и неотделимые от лица нематериальные (личные) блага, имеющие информационную природу. Названные характеристики личных благ преопределяют такие их качества, как *уникальность* и *неповторимость*, т.е. личные блага в результате их формирования и (или) использования становятся *индивидуально определенными*. Специфика социального назначения личных благ обусловливает определенные ограничения при выборе последних. Например, в качестве специального наименования как части фирменного наименования организации не может быть зарегистрировано наименование организации, исключенной из ЕГР, наименование организации, в отношении которой в ЕГР внесена запись о прекращении деятельности, за исключением случаев обращения за согласованием наименования правопреемника прекратившей деятельность организации (подп. 1.8.10 Постановления Министерства юстиции от 5 марта 2009 г. № 20 «О согласовании наименований юридических лиц»).

2. Неотчуждаемость личных благ не свидетельствует о невозможности перехода самих личных прав. Обладатель личного права может

разрешить другому лицу *использовать* свои собственные критерии гражданско-правовой идентификации, т.е. передать право на использование личного блага, но не само личное благо. При этом, если отчуждение вещи, влекущее переход вещного права на нее, по общему правилу, связано с ее фактической передачей, то передача прав на использование личного блага не лишает лицо возможности его дальнейшего использования. Наличие возможности одновременного использования личных благ самим их обладателем и определенным(и) им другим(и) лицом(ами) также объясняется информационной природой этих благ. Как отмечалось ранее, лицо может предоставить право использования собственного имени в качестве составной части фирменного наименования хозяйственного товарищества (п. 3 ст. 66, п. 4 ст. 81 ГК), однако это не означает, что такое лицо должно изменить также и свое имя, оно продолжает им пользоваться. В то же время, отчуждение организацией своего наименования способно ввести третьих лиц в заблуждение, в связи с чем законодательство отдельных стран запрещает сделки с таким обозначением организации. Так, отечественный законодатель разрешает обладателю права на фирменное наименование передавать другим лицам право на использование своего наименования (ст. 1016 ГК) при условии наличия в договоре указания на меры, исключающие введение потребителя в заблуждение. В соответствии же с правилом п. 2 ст. 1474 ГК РФ распоряжение исключительным правом на фирменное наименование (в том числе путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования фирменного наименования) не допускается.

3. Личные права являются *бессрочными*. В случаях и порядке, предусмотренных нормами права, личные права, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя (ст. 151 ГК)[29]. Однако из этого положения, также отражающего особенности объекта личных прав, вовсе не следует, что такие права переживают своего носителя[30]. Личные блага, будучи общепризнанными ценностями, реализуются в сложной социальной среде, стабильность которой зависит в том числе от сохранения и охраны системы таких ценностей. Информационная природа личных благ, т.е. пространственная неограниченность, и связанная с этим их известность неограниченному кругу лиц также усиливает их общественную значимость.

4. Если вещные права как разновидность абсолютных гражданских

[29] Приведенная норма ст. 151 ГК, как отмечает В.А. Белов, соответствует римскому правилу «de mortuis aut bene, aut nihil» («о мертвых – или хорошо, или ничего»). См.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 637.

[30] См. § 3 настоящей главы.

прав являются гласными, т.е. известными всем третьим лицам, то личные права призваны в том числе *обеспечить состояние конфиденциальности* в отношении отдельных личных благ, например, сведений, охраняемых в рамках служебной, коммерческой, профессиональной, тайны, тайны частной жизни и т.п.

5. Личные права *не входят в состав наследства* (ст. 1033 ГК).

Характерной чертой правового регулирования общественных отношений по поводу формирования и (или) использования личных благ является отсутствие специального раздела ГК, посвященного личным правам, в то время как, например, отношения по поводу вещей и результатов интеллектуальной деятельности стали предметом регулирования специальных подотраслей гражданского права – «Вещные права» (Раздел II ГК) и «Исключительные права» (Раздел V ГК). В частности, Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 г. включает Книгу вторую «Личные неимущественные права физического лица», которая состоит из трех глав: «Общие положения о личных неимущественных правах физического лица»; «Личные неимущественные права, которые обеспечивают естественное существование физического лица»; «Личные неимущественные права, которые обеспечивают социальное существование физического лица».

§ 3. Отдельные вопросы субъектного состава личных прав

Ответ на вопрос о субъектах личных прав тесно связан с ответом на вопрос об объектах названной разновидности гражданских прав. В соответствии с правилом ст. 17 ГК, физическому лицу могут принадлежать личные права, а в силу прямого указания в ст. 151 ГК управомоченным лицом в отношении перечисленных в названной норме нематериальных благ выступает физическое лицо. В то же время «от своего имени приобретать и осуществлять личные неимущественные права» (п. 1 ст. 44 ГК) могут организации со статусом юридического лица, от имени Республики Беларусь и административно территориальных единиц могут своими действиями приобретать и осуществлять личные неимущественные права государственные органы и органы местного управления и самоуправления, соответственно, в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов (п. 1, п. 2 ст. 125 ГК). Следовательно, в соответствии с нормами ГК носителями личных прав могут выступать физические лица, организации со статусом юридического лица, государство и административно-территориальные единицы.

На основе некоторых из перечисленных в норме п. 1 ст. 151 ГК благ можно по аналогии назвать блага, принадлежащие организациям и госу-

дарствоподобным образованиям. Так, если учесть отсутствие у названных субъектов соответствующих, необходимых для обладания некоторыми перечисленными в норме ст. 151 ГК личными благами, природных качеств, то можно предположить, что организациям принадлежат личные права на внешний облик, обозначения (наименование, в том числе фирменное, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения), деловую репутацию.

В нормах ГК перечисленные обозначения называются приравненными к результатам творческой деятельности средствами индивидуализации и относятся к объектам интеллектальной собственности, а права на эти обозначения относятся к ислючительным. В юридической литературе эта характеристика обоснованно подвергается критике по причине того, что в подобного рода обозначениях в большинстве случаев творчества как такового нет.

Их ценность состоит в идентификации субъектов правоотношений, т.е. создании условий для участия в гражданском обороте, а не в оригинальных свойствах, привнесенных творческими способностями их создателей.

Но поскольку обладателю того или иного обозначения принадлежит возможность исключительного его (обозначения) использования, такую возможность вполне оправданно включать в содержание личного права[31].

По мнению В.С. Толстого, права юридического лица на обозначения (имеется в виду права на их приобретение – *прим. автора*) относятся к разряду личных прав, а права на уже приобретенные обозначения «… не могут быть личными неимущественными потому, что допускается передача их другим лицам и обозначения нередко включаются в состав имущественного комплекса юридического лица. Они также могут быть прекращены до прекращения самого юридического лица, которому принадлежат»[32]. Как отмечалось выше, при рассмотрении признаков личных прав неотчуждаемость личных благ не свидетельствует о невозможности перехода самих личных прав, соответственно, сама возможность такого перехода не препятствует отнесению прав на обозначения к числу личных. Далее, деловая репутация (а точнее, ее оценка) названа в качестве вклада в простое товарищество (ст. 912 ГК), однако вследствие этого сама деловая репутация не становится предметом сделки и не приобретает имущественное содержание. Что же касается прекращения прав организации на обозначение до момента ее ликвидации, то, например, в процессе своей деятельности организация может

[31] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 645.

[32] Толстой В.С. – Указ. соч. – С. 196.

изменить свое фирменное наименование, также как и физическое лицо может переменить свое имя, отчего последнее не перестанет быть объектом личных прав.

Таким образом, названные выше обозначения организации со статусом юридического лица следует относить к объектам личных прав. Необходимо отметить, что наличие у таких организаций личных прав не находит всеобщей поддержки. Так, по мнению А.Е. Шерстобитова, «какой бы теории не придерживались при определении сущности юридического лица, следует иметь в виду, что оно является искусственным субъектом права и потому не может вообще иметь личных прав (право на деловую репутацию непосредственно связано с имущественными правами)[33]». Данный подход строится на смешении понятия юридического лица и конкретной организации со статусом юридического лица, поскольку только у реально существующей организации, имеющей такой правовой статус, может быть, в частности, деловая репутация. Как совершенно справедливо отмечает И.П. Грешников, мир права – «это мир фикций, понятий и абстракций, отсутствующих в реальной жизни. Более того, именно практика во многом диктует жесткое различение обыденной жизни и правовой действительности»[34]. Даже если исходить из того, что юридическое лицо – это персонифицированное имущество, наделенное законом качествами «персоны» (субъекта)[35], то, допуская очередную фикцию и наделяя такого субъекта, например, вещными или исключительными правами, законодатель без каких-либо препятствий признает за ним права личные. Если бы в основе теории и правотворческой деятельности до сих пор лежал метод аналогии с человеком, многие правовые конструкции не появились бы вовсе. Соответственно, право признает и защищает не только личность человека, но и личность организации или юридическую личность, кстати, последний термин используется самим Е.А. Сухановым[36].

В подтверждение вывода о том, что личные права могут принадлежать не только физическим лицам, но и организациям со статусом юридического лица, можно привести позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой «конституционные права человека и гражданина распространяются на юридических лиц в той степени, в какой эти права

---

[33] Гражданское право: Учеб.: В 2 т. / Отв. ред. Е.А.Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1 – С. 726.

[34] Грешников И.П. – Указ. соч. – С. 126.

[35] Именно на основе этой концепции, предложенной Е.А Сухановым, построен учебник, одним из авторов которого является А.Е. Шерстобитов. См.: Гражданское право: Учеб.: в 2 т. / Отв. ред. Е.А.Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1 – С. 171.

[36] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. / Отв. ред. Е.А.Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1 – С. 212, 253.

могут быть к ним применимы»[37]. Если предположить, что личные права и свободы присущи только человеку и гражданину, то из этого последует вывод о существовании таких общественных отношений, которые не являются объектом конституционно-правового регулирования. В частности, в приводимом в российской юридической литературе примере из судебной практики Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, за организацией фактически была признана такая возможность, как свобода слова, а именно, суд сделал вывод о том, что руководитель организации в силу своих должностных полномочий может выражать ее интересы не только путем издания актов, относящихся к его компетенции, но и посредством предоставления официальной информации должностного лица по вопросам деятельности возглавляемой организации[38].

В то же время нельзя, на наш взгляд, признавая за человеком такое благо, как жизнь, по аналогии конструировать «право юридического лица на существование», которое, по мнению В.С. Толстого, «вытекает из положений о прекращении юридического лица: оно не может быть прекращено по чьему бы то ни было произволу, а лишь в случаях и порядке, предусмотренных законом»[39]. В целом соглашаясь с самим утверждением, отметим, что если бы из такового вытекало право организации на существование, то учредители последней были бы лишены права в добровольном порядке прекратить ее деятельность. Выделяемое названным автором «право юридического лица на внешний облик», который формируется из внешних признаков принадлежащих организации предметов (например, здание, помещение), также не имеет под собой каких-либо оснований. Если внешние свойства таких предметов будут кем-либо незаконно изменены, например, внешнему виду здания будет придан современный стиль (пример В.С. Толстого), то речь будет идти либо о нарушении вещных прав на них, либо о нарушении прав исключительных или личных прав автора, если, например, здание является произведением архитектуры.

Таким образом, конструируя личные права организаций со статусом юридического лица, нельзя в качестве объектов таковых рассматривать те блага, которые принадлежат исключительно физическому лицу в силу его природных качеств (жизнь, здоровье, достоинство, авторство и т.д.).

С другой стороны, и физическим лицам, и организациям принадле-

---

[37] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. "О федеральных органах налоговой полиции"».

[38] Костюк В.Д. Нематериальные блага. Защита чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Лекс-Книга, 2002. – С. 55–58.

[39] Толстой В.С. – Указ. соч. – С. 176–178.

жит личное право на сохранение в тайне тех сведений, которые относятся к охраняемой информации. Это же право следует признать за государством, если речь идет о сведениях, составляющих государственные секреты, которые бывают двух категорий: государственная тайна и служебная тайна.

Применительно к такому благу, как информация, необходимо указать следующее. В нормах Закона об информации идет речь о собственнике программно-технических средств, информационных ресурсов, информационных систем и информационных сетей, но в отношении самой информации, также как и в норме ст. 140 ГК, – о ее обладателе. В соответствии с правилами ст. 16 и ст. 24 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. «О государственных секретах» последние определяются как сведения <…> и объявляются собственностью Республики Беларусь. В качестве объекта собственности рассматривается информация, охраняемая в рамках коммерческой тайны (п. 2 Положения о коммерческой тайне). В российской юридической литературе, в том числе с учетом положений отдельных федеральных законов, также предлагается относить информацию к объектам права собственности и некоторых ограниченных вещных прав (права хозяйственного ведения и права оперативного управления)[40]. На наш взгляд, распространение режима вещных прав на объекты, не являющиеся вещами, противоречит самой природе этих объектов. С учетом таковой в отношении охраняемой информации необходимо конструировать самостоятельное субъективное право, предоставляющее ее обладателю возможность сохранять режим тайны соответствующих сведений, изменять этот режим и требовать от других лиц соблюдать условия этого режима, за исключением лиц, имеющих доступ к такой информации на законных основаниях. Как отмечалось ранее, сохранение конфиденциальности тех или иных сведений, относящихся к охраняемой информации, является абсолютным личным правом их обладателя.

Публично-правовые образования, выступающие в качестве субъектов гражданского права, также имеют права на обозначения: Республика Беларусь – на наименование, гимн, геральдические символы (герб, флаг); административно-территориальные единицы – на наименование и геральдические символы, которые исследуются в рамках конституционного права.

Рассматривая вопрос о субъектах личных прав, необходимо иметь в виду, что в некоторых случаях такие права могут быть многосубъектными. Так, множественность субъектов личных прав возможна, если

[40] Толстой В.С. Гражданское информационное право. – М.: Изд-во Акад. повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – С. 65.

объектом этих прав выступают сведения, охраняемые в режиме тайны частной жизни, а именно, семейной тайны, если речь идет об осуществлении и защите личных прав, принадлежавших умершему, наследниками – членами его семьи.

В завершение еще раз отметим, что перечень личных благ, закрепленный в ст. 151 ГК, не является исключительным, т.е. дополняется положениями как самого ГК, так и других нормативных правовых актов. Например, Законом Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. «О погребении и похоронном деле» закреплено право каждого на достойное отношение к телу после смерти, Законом Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве) – право автора давать название своему произведению, нормой п. 1 ст. 1004 ГК – право автора селекционного достижения определять его название.

Кроме того, действующее законодательство предусматривает необходимость иметь обозначения, в частности, наименование, финансово-промышленным группам, не имеющим статуса юридического лица (ст. 5 Закона от 4 июня 1999 г. «О финансово-промышленных группах»). Полагаем, что невзирая на отсутствие прямого указания в законодательстве, такое обозначение получают в случае регистрации в Министерстве экономики иные хозяйственные группы и холдинги, также не имеющие статуса юридического лица и в силу этого не признаваемые субъектами гражданского права. Поскольку названные объединения создаются с целью осуществления предпринимательской деятельности, они имеют специальное наименование, т.е. индивидуализирующую объединение часть наименования, содержащуюся в кавычках[41] (например, межгосударственная финансово-промышленная группа «Формаш», межгосударственная финансово-промышленная группа «Аэрокосмическое оборудование»), однако их исключительная возможность на использование такого наименования в нормах права не закреплена. Представляется, что в этом случае возможно обращение к аналогии закона (ст. 5 ГК).

§ 4. Особенности осуществления и защиты личных прав

Осуществление личных прав, т.е. совершение фактических и (или) юридических правомерных действий, составляющих содержание этих субъективных прав, имеет в своей основе те же принципы, что и осуществление иных гражданских прав, имеющих абсолютную природу. Личные права осуществляются собственными действиями их обладателя с

[41] В соответствии с традиционной терминологией ГК – фирменное наименование.

учетом ограничений, установленных нормами права. Например, правомочие перемены имени может быть реализовано самостоятельно только лицом, достигшим шестнадцати лет. Кроме того, такая перемена возможна только при наличии уважительных причин (неблагозвучность фамилии, собственного имени, отчества или трудность их произношения; желание носить общую с другим супругом фамилию или вернуть свою добрачную фамилию, если об этом не было заявлено при разводе; желание носить фамилию отчима (мачехи), воспитавшего заинтересованное в перемене лицо, или отчество по имени отчима, если усыновление не может быть оформлено; желание носить фамилию, собственное имя, отчество, соответствующие избранной национальности; желание вернуть добрачную фамилию после смерти супруга и другие)[42]. Осуществление права на имя ограничено также публично-правовой обязанностью приобретать и осуществлять права и обязанности исключительно под своим именем. Только в случаях и порядке, предусмотренных нормами права, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя) либо скрывать свое имя[43].

В общем виде пределы осуществления личных прав закреплены в нормах ст. 8 и ст. 9 ГК. Поскольку личные права обеспечивают социальное обособление субъекта, нормы права часто не устанавливают ограничения деятельности управомоченного по их осуществлению, а закрепляют основания и границы вмешательства посторонних лиц в сферу частной жизни. Например, никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, касающиеся состояния его здоровья, либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного физического лица, кроме случаев, установленных законодательными актами Республики Беларусь (ст. 18 Закона об информации).

В отдельных случаях, устанавливая правила, касающиеся поведения субъекта личного права, нормы права содержат отсылку к нормам морали. Так, выбираемое родителями собственное имя ребенка не должно противоречить нормам общественной морали, национальным традициям (ст. 69 КоБС).

Специфика объектов личных прав предопределяет невозможность осуществления таковых через представителя.

---

[42] См. главу 8 Положения о порядке регистрации актов гражданского состояния и выдачи документов и (или) справок органами, регистрирующими акты гражданского состояния, утвержденного Постановлением Совета Министров от 14 декабря 2005 г. № 1454.

[43] Например, автор вправе использовать свое произведение под псевдонимом или без обозначения имени, т. е. анонимно (ст. 15 Закона об авторском праве и смежных правах).

В соответствии с правилом п. 2 ст. 151 ГК, для защиты личных прав используются общие способы, перечисленные в норме ст. 11 ГК, за исключением тех, которые противоречат существу нарушенного личного права и характеру последствий этого нарушения. Например, в рассматриваемом случае неприменимы такие способы, как взыскание неустойки и присуждение к исполнению обязанности в натуре.

Чаще всего для защиты личных прав используется денежная компенсация морального вреда, который по мысли законодателя представляет собой физические и нравственные страдания (ст. 151 ГК)[44]. При определении размера компенсации суд учитывает степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. При этом в судебной практике под физическими страданиями понимается физическая боль, функциональное расстройство организма, изменения в эмоционально-волевой сфере, иные отклонения от обычного состояния здоровья, которые являются последствием действий (бездействия), посягающих на нематериальные блага. Нравственные страдания, как правило, выражаются в ощущениях страха, стыда, унижения, а равно в иных неблагоприятных для человека в психологическом аспекте переживаниях, связанных с утратой близких, потерей работы, раскрытием врачебной тайны, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, с ограничением или лишением каких-либо прав граждан и т.п. Если моральный вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, то он компенсируется независимо от вины лица, его причинившего (ст. 969 ГК). Категория «моральный вред» и порядок его компенсации подробно анализируются при рассмотрении обязательств, возникающих вследствие причинения вреда (глава 59 ГК[45]).

Применительно к защите личных прав необходимо отметить, что таковая не позволяет восстановить в полном объеме прежнее положение потерпевшего ввиду природы объектов таких благ. Как неоднократно указывалось, эти блага имеют информационную природу, что означает отсутствие временных и пространственных границ существования, из чего следует невозможность обеспечить, например, посредством опро-

[44] В Постановлении от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» Пленум Верховного Суда Республики Беларусь (далее – Постановление Пленума Верховного Суда о компенсации морального вреда) указал, что «моральный вред подлежит компенсации во всех случаях, когда он причинен действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина, либо посягающими на принадлежащие ему от рождения или в силу акта законодательства иные нематериальные блага» (п. 3).

[45] В соответствии с правилами этой главы осуществляется защита жизни, здоровья, свободы личности.

вержения порочащих сведений изменения содержания таковых неопределенного круга получивших их ранее обладателей. Если меры гражданско-правовой защиты в целом, в отличие от иных мер государственного принуждения, направлены на восстановление имущественного положения потерпевшего в то положение, в котором он находился до нарушения его права, то компенсация морального вреда, также осуществляемая в соответствии с нормами гражданского права, не позволяет устранить изменения в состоянии здоровья, произошедшие в связи с перенесенными физическими и нравственными страданиями.

Специальными способами защиты, соответствующими природе объекта нарушенного личного права и характеру последствий нарушения, являются опровержение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, опубликование ответа в средствах массовой информации, в которых опубликованы сведения, ущемляющие права или охраняемые законодательством интересы (ст. 153 ГК).

В соответствии с правилом ст. 151 ГК «*в случаях и порядке*, *предусмотренных законодательством*, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя», например, «по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти» (ч. 2 п. 1 ст. 153 ГК). Несколько иначе данное правило сформулировано в п. 3 ст. 1033 ГК: «личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие наследодателю, могут осуществляться и защищаться наследниками, *если иное не установлено законодательством*». Представляется, что в последнем случае законодатель вступил в явное противоречие с самим собой в рамках одного нормативного правового акта, но даже при отсутствии такого противоречия имело бы место простое дублирование норм, причем включение нормы об осуществлении и защите личных прав умершего, исключенных из состава наследства (п. 2 ст. 1033 ГК), в раздел о наследовании не имеет под собой никаких оснований.

Механизм осуществления и защиты личных прав, принадлежавших умершему, раскрывается в юридической литературе по-разному. Так, по мнению В.А. Белова, сделавшего подробный анализ предлагаемых в современной юридической литературе комментариев аналогичной по содержанию нормы, закрепленной в ст. 150 ГК РФ, законодатель посредством конструкции осуществления и защиты личных прав умершего лица допустил «возможность осуществления и защиты личных прав, *переживших своих носителей*, публичными образованиями в *общественных интересах* (выделено мною – *С.В.*)». В противном случае для защиты личных прав умерших было бы достаточным на законодательном уровне «признать, что

условия общественного существования одного лица могут быть объектом не только его личного права, но и объектом личных прав ряда других лиц»[46], т.е. закрепить многосубъектность личных прав (наподобие прав соавторства и права общей собственности), при которой интерес в охране того или иного личного блага имеет не одно, а несколько лиц, связанных между собой, например, фактом родства. Но именно такое положение дел и признал законодатель, указав на возможность осуществления и защиты личных прав умерших лицами, имеющими в этом собственный законный интерес. При этом в норме п. 1 ст. 151 ГК закреплена презумпция, согласно которой подобный интерес всегда имеется у наследников. Предлагаемое В.А. Беловым объяснение также основывается на интересе, хотя и общественном. «Правило интереса» позволяет избежать рассуждений о возможности существования «некоторых нематериальных благ в отрыве от человека в усеченном объеме (составе)»[47] или прав, «переживших своих носителей»[48], обеспечить достойное отношение к результатам общественно-полезной деятельности человека после его смерти и защиту личных прав лиц, связанных с умершим тем или иным объективным фактом (соавторства, нахождения в браке, близкого родства, отношениями свойства, наследования и т.п.). При этом речь идет об одновременной охране интересов умершего, третьих лиц и самого общества. Как отмечает Н.С. Малеин, если отрицать интересы умершего как объект правовой охраны, то возникает вопрос и целях конструирования норм гражданского права, предусматривающих наследование по завещанию, выплату страховой суммы в соответствии с заключенным договором страхования другому лицу (выгодоприобретателю) после смерти страхователя[49].

На требования, вытекающие из защиты личных прав и личных благ, исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных законодательными актами (ст. 209 ГК).

§ 5. Актуальные проблемы защиты права на формирование представлений в виде чести, достоинства и деловой репутации

Достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация – личные блага, информационная природа которых предопределила закрепле-

[46] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 638–639.

[47] Гражданское право: Часть первая: Учеб. / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – С. 156.

[48] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 639.

[49] Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: 1981. – С. 111.

ние в ст. 153 ГК специального способа их гражданско-правовой защиты – опровержение сведений, порочащих указанные личные блага. Сами понятия «достоинство личности», «честь», «доброе имя» легального определения не имеют, а в Постановлении Пленума Верховного Суда от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда № 15) и в Постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 26 апреля 2005 г. № 16 «О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации» (далее – Постановление Пленума ВХС № 16) дается разъяснение лишь применительно к понятию «деловая репутация». Анализ учебной и научной юридической литературы свидетельствует об устоявшемся доктринальном понимании перечисленных терминов, которое в целом строится на их общепринятом значении. Так, под достоинством понимается «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе», т.е. самооценка человеком своих качеств и способностей; под честью – 1) «достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы»; 2) «хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя»; 3) «почет, уважение», т.е. добровольное признание обществом индивидуальных ценностей человека; под репутацией – «приобретаемая кем-чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-чего-нибудь»[50], а поскольку речь идет о деловой репутации, то – общественная оценка качеств, достоинств или недостатков в профессиональной сфере. Таким образом, честь человека основывается на общественной оценке (т.е. мнении, представлении) воплощенных в нем и осуществленных им моральных качеств, достоинство – на субъективной оценке человеком себя как личности, а деловая репутация – на общественной оценке ценностей, характеризующих честь человека, проявленных в профессиональной сфере. При этом понятие «деловая репутация» шире понятия «честь», т.к. включает мнение не только о достоинствах, но и недостатках, т.е. может быть как положительной, так и отрицательной.

Ввиду того, что деловая репутация не может формироваться применительно к отдельным видам профессий, В.А. Белов совершенно обоснованно предлагает выделять понятие «профессиональная честь», которая «характеризует квалификацию и добросовестность, проявленные гражданином при выполнении работы по определенной специальности (профессии)»[51]. Поскольку доброе имя называется законодателем в рамках одно-

[50] Ожегов И.С., Шведова Н.Ю. – Указ. соч. – С. 177, 882, 677.

[51] Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: Учеб. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 650.

го словосочетания наряду с честью, можно предположить, что в контексте нормы ст. 153 ГК эти понятия также используются как синонимы.

Поскольку чувство собственного достоинства и общественное мнение как выражение отношения к человеку, с одной стороны, обеспечивают его социальное обособление, а с другой – не облечены в какую-либо объективную форму и подвержены изменениям, постольку любая информация, даже потенциально способная повлиять на них отрицательным образом, подлежит проверке на достоверность в порядке, установленном нормами права. Суть же гражданско-правовой защиты права гражданина на формирование объективных представлений о себе в виде чести, достоинства, деловой репутации состоит в этической реабилитации в рамках охранительного правоотношения посредством опровержения сведений, порочащих указанные личные блага. Термин «опровержение» специально в нормах права не раскрывается. Исходя из его общего лексического значения, можно сделать вывод о том, что функция опровержения применительно к правилам ст. 153 ГК состоит в доказательстве ложности или ошибочности сведений такого рода. Рассмотрим названное правоотношение более подробно.

Лицом, управомоченным требовать опровержения в судебном порядке, может быть физическое лицо, относительно которого распространены сведения, порочащие хотя бы одно из личных благ – честь, достоинство, деловую репутацию, а также организация со статусом юридического лица, если распространенные сведения нарушают условия формирования ее деловой репутации или затрагивают моральные интересы ее структурного подразделения.

Поскольку личные права могут быть многосубъектными, Пленум Верховного Суда в Постановлении № 15 установил, что исковые требования об опровержении сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, могут быть заявлены не только лицом, сведения о котором распространены, но также и родственниками этого лица, если такие сведения прямо или косвенно порочат их честь, достоинство или деловую репутацию. В юридической литературе справедливо указывается на нецелесообразность определения лиц, имеющих право требовать опровержения, по критерию родства. Действительно, заинтересованными в защите личных благ могут быть не только родственники, но и соавторы, наследники, коллеги по работе и т.д. Границы перечня таких лиц «определяются лишь действительным интересом, достаточную степень которого определяет суд при рассмотрении дела <…>»[52].

Как отмечалось в предыдущем параграфе, при распространении по-

[52] Молочков Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореф. дисс. … к.ю.н.: 12.00.03 / Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1993. – С. 7.

рочащих сведений в отношении умершего, соответствующий иск вправе предъявить любое заинтересованное лицо (члены его семьи, родственники и т.д.).

Если порочащие сведения распространены в отношении несовершеннолетнего либо лица, признанного в установленном порядке недееспособным (ограниченно дееспособным), иск о защите их чести и достоинства вправе предъявить их представители (родители, усыновители, попечители, опекуны). Однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет[53] или граждан, признанных ограниченно дееспособными (ст. 59 ГПК).

Кроме того, обратиться в суд с заявлением о возбуждении дела о защите чести, достоинства и деловой репутации может прокурор в случаях, предусмотренных нормами ст. 81 ГПК.

Лицо, обязанное дать опровержение, – это лицо (физическое лицо или организация со статусом юридического лица), которое распространило соответствующие сведения. Исходя из обстоятельств и формы распространения, действующее законодательство, а также Постановление Пленума Верховного Суда № 15 закрепляют следующие правила определения обязанного лица.

1. Если сведения распространены в печати, других средствах массовой информации (по радио, телевидению и т.п.), то обязанным лицом выступает автор и организация, на которую возложены функции редакции средства массовой информации[54]. В случае воспроизведения сведе-

---

[53] В юридической литературе высказывается мнение о необходимости закрепления в ГПК возможности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет «самостоятельно защищать свои права по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации исходя из того, что в этом возрасте несовершеннолетние уже способны осознавать их ценность и защищать их самостоятельно» (Романова О.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в общих и хозяйственных судах / Науч. ред. Т.А. Белова. – Минск: Амалфея, 2007. – С. 57.). Однако осознание несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет ценности личных благ и необходимости их судебной защиты вызывает сомнения. Основания для эмансипации (ст. 26 ГК), на законодательное закрепление которой О.Н. Романова указывает как на косвенный аргумент в пользу своего предложения, находятся в плоскости имущественных отношений, возможность участия в которых не зависит от наличия или отсутствия качеств личности. Действительно, Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка» в редакции Закона Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. с послед. изм. и доп. закрепляет право каждого ребенка на защиту чести и достоинства (ст. 24), также как и право на образование, право на жилище, право на труд и т.д., реализация которых предполагает выполнение правил ГК о дееспособности.

[54] То есть организация, осуществляющая производство и выпуск средства массовой информации на основании решения учредителя (учредителей) средства массовой информации, либо в случае, если указанная организация не является учредителем средства массовой информации, – на основании договора этой организации с учредителем (учредителями) средства массовой информации. См. подробнее об этом: Закон о средствах массовой информации.

ний, затрагивающих честь, достоинство или деловую репутацию лица несколькими средствами массовой информации, все их редакции могут быть привлечены к участию в деле в качестве ответчиков.

2. Если опубликованы сведения без обозначения имени автора, ответчиком по делу является редакция соответствующего средства массовой информации. В соответствии с правилом ч. 2 ст. 39 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. «О средствах массовой информации», при опубликовании или ином распространении сведений без обозначения имени автора, организация, на которую возложены функции редакции средства массовой информации, по требованию суда обязана назвать источник информации и имя лица, предоставившего сведения, об опровержении которых заявлен иск.

3. Если автор использовал в публикации сведения, полученные из официального источника, суд должен обсудить вопрос о привлечении к участию в деле в качестве ответчика организацию или должностное лицо, которые предоставили эти сведения.

Обстоятельства, наличие которых является основанием для освобождения от ответственности журналиста, учредителя (учредителей) средства массовой информации, главного редактора (редактора), редакции средства массовой информации, распространителя продукции средства массовой информации, информационного агентства, корреспондентского пункта за распространение сведений, не соответствующих действительности, перечислены в положениях ст. 52 Закона о средствах массовой информации. Однако наличие таких обстоятельств не препятствует привлечению редакции средства массовой информации в качестве ответчика по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также возложению на нее обязанности опровергнуть не соответствующие действительности сведения порочащего характера (п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда № 15).

4. Если порочащие сведения изложены в характеристиках и иных официальных документах, выдаваемых от имени организации, субъектом обязанности опровергнуть сведения в соответствии с правилами ст. 937 ГК является организация со статусом юридического лица, от имени которой выдана характеристика.

В соответствии с нормами ст. 153 ГК лицо, распространившее порочащие сведения, должно доказать их соответствие действительности, независимо от наличия в его действиях вины, а лицо, личные блага которого нарушены, может, но не обязано доказывать их (сведений) ложность или ошибочность.

Основанием возникновения охранительного правоотношения выступает распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию, т.е. противоправ-

ное действие. Таким образом, для обращения за судебной защитой права на формирование объективных представлений в виде чести, достоинства, деловой репутации необходимо наличие одновременно трех *условий*: 1) распространение сведений; 2) порочащий характер сведений; 3) несоответствие их действительности. Характеристика перечисленных условий дана в Постановлении Пленума Верховного Суда № 15.

Под *распространением* сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию организации со статусом юридического лица, следует понимать опубликование таких сведений в печати, сообщение по радио, телевидению, с использованием других средств массовой информации или технических средств (световых табло, системы «Интернет» и т.п.), изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, в листовках, обращениях в адрес должностных лиц, демонстрацию (вывешивание) в публичных местах плакатов, лозунгов, а также сообщение в иной, в том числе устной форме, хотя бы одному лицу. Сообщение сведений лишь лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением.

Изложение порочащих сведений в судебных решениях и приговорах, постановлениях следственных и административных органов, решениях органов местного управления и самоуправления, аттестационных комиссий, постановлениях о наложении на гражданина дисциплинарного взыскания и в других официальных документах, *для обжалования которых законом предусмотрен иной порядок*, в соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда распространением таких сведений не признается. В данном разъяснении, на наш взгляд, не учтены все обстоятельства. Так, соответствующие сведения могут иметь отношение к иным лицам, не участвовавшим, например, в судебном процессе, и не имеющим, следовательно, права на обжалование судебного решения[55]. В ходе рассмотрения дела могут быть сообщены порочащие сведения, не имеющие отношения к предмету спора, и, соответственно, не подлежащие оценке судом ни при вынесении решения, ни при последующем обжаловании. И, наконец, для документа, содержащего подобные сведения, может быть установлен внесудебный порядок обжалования, в связи с чем отказ в их опровержении в порядке, установленном правилами ст. 153 ГК, будет нарушением конституционного права на судебную защиту (ст. 60 Конституции).

Порочащими являются такие сведения, которые умаляют честь, дос-

[55] Как следует их Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», российская судебная практика признает только лишь возможность защиты нарушенных в ходе судебного разбирательства личных прав лиц, в нем не участвовавших.

тоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию организации со статусом юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных лиц с точки зрения соблюдения законов, норм морали, обычаев (например, сведения о нечестности, невыполнении профессионального долга, недостойном поведении в трудовом коллективе, семье, сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, и т.п.). Применительно к содержательной стороне порочащих сведений, отмеченной в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда № 15, поясним следующее.

Во-первых, речь идет о сообщениях любого рода, в том числе в виде слухов, версий, гипотез. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указал, что порочащие сведения должны иметь утвердительный характер, соответственно, сведения предположительного характера в качестве порочащих признаны быть не могут.

Во-вторых, порочащие сведения могут содержать в себе общую оценку каких-либо качеств, способностей или поведения конкретного лица (например, сведения о нечестности, непорядочности, недобросовестности). В юридической литературе выделяют понятия «оценочные суждения» и «оценочные суждения с фактической ссылкой»[56]. Так, по мнению одних авторов, оценки личности типа «глупый или тупой человек», «бездарный режиссер», «плохой лектор» не могут быть основанием для требований об их опровержении, если только они не «сопровождаются приведением не соответствующих действительности фактов, послуживших основой для такой оценки», или не являются «обобщенной характеристикой деятельности лица»[57]. Другие исследователи относят к утверждениям в форме оценки сведения, которые «не являются по своему характеру нейтральными с точки зрения этики» и «могут быть проверены на соответствие действительности. <…> (например, указание на то, что человек подлый, беспринципный)». При этом вопрос о защите чести, достоинства и деловой репутации должен решаться «лишь с учетом конкретных обстоятельств в каждом случае, а также в условиях принятия во внимание именно сущности сведений, а не отдельных деталей»[58]. Таким образом, речь идет о связи суждений с фактами и, соот-

[56] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – М., 2003. – С. 391.

[57] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Ч. 1. – С. 450.

[58] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 422.

ветственно, возможности их проверки на предмет соответствия действительности, без которой нормы ст. 153 ГК не применимы. Представляется также, что при разграничении оценочных суждений и оценочных суждений с фактической ссылкой в содержательном плане необходимо учитывать их способность влиять на объективность восприятия конкретной личности. Кроме того, если оценочное суждение высказано в неприличной форме, унижающей честь и достоинство потерпевшего, виновное лицо может быть привлечено к административной или уголовной ответственности за оскорбление (ст. 9.3 КоАП, ст. 189 УК).

В-третьих, распространенные сведения могут иметь отношение к любой сфере жизнедеятельности субъекта (частной, профессиональной).

Как следует из приведенного выше разъяснения Пленума Верховного Суда, порочащими являются, в частности, сведения о несоблюдении законов. В то же время Конституция (ст. 40) закрепляет право каждого направлять личные или коллективные обращения в государственные органы. Следовательно, требование о привлечении лица к ответственности за распространение порочащих сведений, не соответствующих действительности, может быть удовлетворено только в случае, если суд установит, что обращение в соответствующие органы, например, с заявлением о предполагаемом или совершенном либо готовящемся преступлении связано не с исполнением своего гражданского долга или защитой прав и законных интересов, а с намерением причинить вред другому лицу, в частности, посредством распространения порочащих сведений, т.е. речь идет о злоупотреблении правом (ст. 9 ГК).

Кроме того, в п. 9 Постановления № 15 Пленум Верховного Суда указал, что не могут рассматриваться в порядке ст. 153 ГК научные споры, т.е. требования об опровержении сведений научного характера, поскольку такого рода споры являются неправовыми, а значит, в судебном порядке рассматриваться не должны.

Как показывает практика, определенную трудность для суда составляет разграничение научного спора и оценочных суждений, мнений, убеждений. Последние являются выражением субъективного мнения или взглядов и по этой причине не подлежат проверке на предмет их соответствия действительности, поскольку иной подход противоречил бы норме ст. 33 Конституции о гарантии свободы мнений, убеждений и их свободного выражения.

Так, один из районных судов г. Минска признал сведениями, порочащими деловую репутацию, следующее мнение: «такой личный эмпиризм не имеет с современной юридической наукой ничего общего и не может рассматриваться в качестве доказательства (т.е. обоснования предложения, сделанного в рамках научного исследования – *прим. автора*)»; «целый ряд выводов и предложений не имеет вообще обосно-

вания либо обосновывается способами, далекими от науки». Кассационная инстанция признала данные доводы научным спором. Представляется, что в данном случае речь идет о субъективном мнении, формулировка которого не затрагивает честь и деловую репутацию заинтересованного лица, и уж тем более не имеет отношения к какой-либо научной проблеме, рассматриваемой в рамках конкретной науки. Следует согласиться с О.Н. Романовой, по мнению которой, если в ходе научного спора «высказываются суждения, оценивающие процесс работы исследователя или результаты его работы, то они *при определенных условиях* (*выделено авт.*) могут быть рассмотрены в порядке ст. 153 ГК»[59]. Аналогичным образом, если субъективное мнение сопровождается высказываниями, умаляющими честь, достоинство или деловую репутацию, заинтересованное лицо может обратиться за судебной защитой в соответствии с правилами ст. 153 ГК.

Сведения, порочащие гражданина или организацию со статусом юридического лица, признаются *не соответствующими действительности*, если с достоверностью не установлено иное (презумпция добропорядочности). Так, не могут признаваться обоснованными требования об опровержении сведений, содержащих соответствующую действительности критику недостатков в работе, поведения в общественном месте, коллективе, быту (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда № 15). Иными словами, если оспариваемая информация относится к обстоятельствам, которых в реальности нет или не было вообще, либо их искажает, оснований для опровержения нет.

В нормах ст. 153 ГК непосредственно закреплен способ доведения до лиц, среди которых были распространены порочащие сведения, информации о несоответствии их действительности, если указанные сведения опубликованы в средствах массовой информации. В этом случае опровержение должно быть опубликовано в тех же средствах массовой информации. Порядок совершения необходимых действий при обращении заинтересованного лица с требованием об опровержении непосредственно в организацию, на которую возложены функции редакции средства массовой информации (неюрисдикционная форма защиты), а также при опровержении на основании вступившего в силу судебного решения (юрисдикционная форма защиты), закреплен в Законе о средствах массовой информации. В частности, в опровержении должно быть указано, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены средством массовой информации. Печатное средство массовой информации обязано распространить опровержение

[59] Романова О.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в общих и хозяйственных судах / Науч. ред. Т.А. Белова. – Минск: Амалфея, 2007. – С. 20.

в специальной рубрике либо на том же месте полосы и тем же шрифтом, что и опровергаемые информационные сообщение и (или) материал. В телевизионных или радиовещательных средствах массовой информации опровержение (ответ) должно быть передано в то же время суток и в той же передаче или в передаче схожей тематики, что и опровергаемое информационное сообщение и (или) материал.

Опровержение должно быть распространено: в средствах массовой информации, выпуск которых осуществляется не реже одного раза в неделю, – не позднее чем в десятидневный срок со дня поступления требования об опровержении (ответе) или его текста; в других средствах массовой информации – при очередном выпуске. Основания для отказа в распространении опровержения закреплены в нормах ст. 44 Закона о средствах массовой информации.

Если порочащие сведения содержатся в документе, исходящем от организации, то кроме опровержения самих сведений необходимо такой документ заменить или отозвать (п. 2 ст. 153 ГК).

В остальных случаях способ распространения информации об опровержении определяется судом исходя из правила, согласно которому указанный способ должен соответствовать способу распространения порочащих сведений. Например, если таковые были распространены на собрании трудового коллектива, то и информация об их ложности или ошибочности, подтвержденной решением суда, должна быть сообщена на собрании того же коллектива.

Исполнение судебного решения обеспечивается по правилам ст. 537 ГПК, которая содержит отсылку к нормам ст. 24.10 КоАП, предусматривающим наложение штрафа в случае неисполнения обязанности сообщить лицам, среди которых были распространены порочащие сведения, информацию о несоответствии их действительности. В случае неисполнения должником этой обязанности и после привлечения к административной ответственности, если она может быть исполнена другим лицом, суд с согласия взыскателя вправе уполномочить другое лицо или самого взыскателя произвести исполнение за счет должника (ч. 3 ст. 537 ГПК).

Наряду с требованием об опровержении порочащих сведений гражданин вправе требовать возмещения убытков (при наличии вины причинителя вреда) и морального вреда, причиненного их распространением.

Изложенные правила о защите деловой репутации граждан соответственно применяются к защите деловой репутации организаций со статусом юридического лица, кроме возмещения морального вреда (п. 7 ст. 153 ГК). В соответствии с прямым указанием российского законодателя в п. 7 ст. 152 ГК РФ правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в

отношении организации со статусом юридического лица. Невзирая на это, и в доктрине, и в российской судебной практике существуют одновременно два подхода. Согласно первому юридические лица как идеальные конструкции испытывать нравственные и физические страдания не могут и, соответственно, права на компенсацию морального вреда не имеют[60]. В соответствии со вторым применительно к нарушенной деловой репутации юридического лица восстановительную функцию способен выполнить именно репутационный (неимущественный) вред, возмещение которого должно осуществляться в денежной форме[61]. Следует согласиться с тем, что «возмещение репутационного вреда в денежной форме позволит юридическому лицу по крайней мере оплатить те расходы, которые, с одной стороны, не являются его материальными убытками, но, с другой, будут необходимыми для оплаты действий, направленных на восстановление пострадавшей деловой репутации»[62].

Пленум Верховного Суда (п. 6 Постановления № 15) и Пленум высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (п. 1 Постановление № 16) разъяснили, что «под деловой репутацией юридического лица и индивидуального предпринимателя понимается оценка их хозяйственной (экономической) деятельности как участников хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота и гражданами, таковыми не являющимися». На наш взгляд, ограничивать деловую репутацию организаций со статусом юридического лица только сферой хозяйственной (предпринимательской) деятельности нецелесообразно, поскольку в таком случае деловая репутация как личное благо фактически не признается за некоммерческими организациями, создаваемыми в первую очередь для удовлетворения нематериальных потребностей их участников (п. 3 ст. 46 ГК), и, соответственно, не всегда осуществляющими указанные виды деятельности.

Если лицо, распространившее порочащие сведения, установить невозможно, гражданин или организация со статусом юридического лица, в отношении которых такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности. Поскольку лицо, распространившее сведения, не известно, то в суд предъявляется не исковое заявление, а

---

[60] См., например: Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ. – М.: Статут, 2006. – С. 36; Постановление Федерального Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.07.2004 г. № Ф04/3827-865/А46-2004.

[61] См., например: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 909–915; Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 30.03.2005 г. № КГ-А40/1052-05.

[62] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 911.

заявление, подлежащее рассмотрению общим судом в порядке особого производства (ст. 361 ГПК), или хозяйственным судом в порядке производства по установлению фактов, имеющих юридическое значение (ст. 231 ХПК). Соответственно, суд признает сведения не соответствующими действительности, если, во-первых, сведения распространены, во-вторых, распространены в отношении заявителя; в-третьих, имеют порочащий характер применительно к чести, достоинству и деловой репутации. Заслуживает поддержки предложение О.Н. Романовой о том, что рассматриваемое право должно быть предоставлено и в том случае, когда заявителю лицо, распространившее сведения, известно, однако не может быть привлечено в качестве ответчика в связи со смертью или ликвидацией[63].

Норма п. 3 ст. 153 ГК предоставляет право гражданину, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права и охраняемые законом интересы, опубликовать свой ответ в тех же средствах массовой информации. Данное право характеризуется следующими особенностями. Во-первых, для его реализации не требуется, чтобы распространенные сведения не соответствовали действительности или имели порочащий характер, т.е. таковые могут выступать в качестве положительной или нейтральной информации, однако она может в силу заключенных в ней ошибок, неточностей и т.п. искажать представление о человеке, его деятельности и т.д. Во-вторых, рассматриваемое право норма п. 3 ст. 153 ГК не предоставляет организациям со статусом юридического лица, что, на наш взгляд, не имеет под собой каких-либо оснований. Нормы Закона о средствах массовой информации (ст. 43 и ст. 44) предусматривают для опубликования ответа такой же порядок, как и для опубликования опровержения.

[63] Романова О.Н. – Указ. соч. – С. 28.

РАЗДЕЛ II
ВЕЩНОЕ ПРАВО – ЦЕНТРАЛЬНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ГЛАВА 2. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВЕЩНОГО ПРАВА

§ 1. Вещное право в системе гражданского права: предназначение, понятие и признаки

Система гражданского права, являясь пандектной, состоит из Общей и Особенной частей, включающих в себя как отдельные правовые нормы, отдельные правовые институты, так и их совокупности, объединенные в соответствующие подотрасли. К одной из таких подотраслей гражданского права, входящей в состав его Общей части и объединяющей собой ряд правовых институтов, относится подотрасль, именуемая «Право собственности и другие вещные права». Нормы указанной подотрасли гражданского права закреплены в Разделе II ГК, включающем в себя восемь глав: 13–20, содержащих семьдесят одну статью: стст. 210–287 ГК, которые в совокупности представляют собой мощное правовое средство воздействия на субъектов гражданского права в процессе обладания и использования ими такого объекта гражданских прав, как вещи.

В состав подотрасли гражданского права «право собственности и другие вещные права» входят такие гражданско-правовые институты, как «право собственности физических лиц», «право собственности организаций со статусом юридического лица», «право государственной собственности», «право общей собственности», «ограниченные вещные права». Названные правовые институты подотрасли гражданского права «право собственности и другие вещные права» будут исследованы в последующих главах раздела III настоящего издания.

В доктрине гражданского права и в одноименной учебной дисциплине подотрасль гражданского права «право собственности и другие вещные права» исследуется под общим названием «вещное право», которое, в свою очередь, в процессе изучения подлежит классификации на определенные виды.

Таким образом, в *объективном смысле* вещное право представляет собой совокупность правовых норм, объединенных в рамках подотрасли гражданского права, именуемой догмой «Право собственности и другие вещные права», и направленных на урегулирование общественных отношений, возникающих между субъектами гражданского права в процессе

использования таких объектов гражданских прав, как вещи, что следует из доктринального названия изучаемого раздела.

Практическая необходимость разработки системы вещных прав и закрепления в ГК указанной подотрасли гражданского права обусловлена современным технократическим образом сосуществования людей, поставивших свою жизнь, ее качество в полную зависимость от различных вещей, входящих по гражданско-правовой классификации объектов гражданских прав в состав имущества.

В современном мире человек не мыслит своего существования без огромного множества окружающих его вещей, как движимых, так и недвижимых, определенных родовыми и индивидуальными признаками, потребляемых и непотребляемых, сложных, составных, относящихся к иным классификационным группам, способных, по мнению человека, улучшить его жизнь, сделать ее более легкой, комфортной.

Отдельные группы вещей служат для удовлетворения бытовых, повседневных потребностей человека, другие являются средствами производства и служат цели увеличения материального благосостояния человека посредством создания различной продукции с целью ее последующей реализации, третьи обеспечивают человеку отдых, развлечение.

Все вещи, являясь объектами гражданских прав, независимо от их принадлежности к той или иной классификационной группе, обладают некоторой совокупностью объединяющих их признаков и, в частности, такими признаками, как общее для всех вещей предназначение, заключающееся в удовлетворении материальных потребностей человека (его обслуживании); материальная (овеществленная) природа; наличие меновой стоимости, способствующей обмену одной вещи на другую или ее продаже. Последний признак позволяет вещам участвовать в гражданском обороте и указывает на наличие у всей их совокупности еще одного общего признака, именуемого оборотоспособностью, который предопределяет возможность вещей выступать в качестве объектов обязательственных правоотношений, подробному исследованию понятия, признаков и видов которых посвящен раздел IV настоящего издания.

Приведенные выше признаки вещей характеризуют их как объекты, способные повысить уровень материального благосостояния человека и, следовательно, как объекты, к которым человек имеет повышенный интерес в связи с преимущественно материальным образом мышления, окончательно сформировавшимся у него к настоящему моменту общественного развития. Учитывая тот факт, что большинство вещей не имеют особых отличительных признаков, способствующих их индивидуализации и позволяющих отличить вещь от массы других аналогичных объектов гражданских прав (вещей того же рода и качества), а также то, что одна и та же вещь способна с одинаковой полезностью слу-

жить не только управомоченному лицу, т.е. ее титульному владельцу, но и любому другому человеку, либо быть продана (обменена на деньги) любым субъектом гражданского права, держащим вещь при себе, указанный вид имущества представляет повышенный интерес для лиц, желающих присвоить себе чужое вопреки действительной воле истинного хозяина вещи.

Изложенное позволяет сделать вывод о наличии у человеческого сообщества, обладающего вещами и проявляющего к ним неподдельный интерес, желания в установлении воспринимаемых всеми членами социума эффективных средств защиты своего имущества от посягательств других лиц.

Одним из таких средств наряду с нормами административного и уголовного права, предусматривающими возможность применения к нарушителям вещных прав мер административной и уголовной ответственности, являются нормы гражданского права, входящие в состав его подотрасли «право собственности и другие вещные права». Нормы, входящие в состав указанной подотрасли, с помощью приемов юридической техники служат закреплению за управомоченными субъектами, т.е. лицами, приобретшими ту или иную вещь по основаниям, предусмотренным нормами гражданского права, вещных прав на нее, и при этом направлены на ограничение других субъектов, не являющихся в отношении конкретной вещи управомоченными, соответствующих прав на вещь, уже переданных кому-то одному или группе лиц. Учитывая тот факт, что как современное общество, так и существующие в нем системы взаимодействия индивидов друг с другом практически полностью подчинены воздействию правовых норм, применение непосредственно правовых средств закрепления прав на имущество за управомоченными лицами с целью предотвращения несанкционированного ими использования такого имущества другими, неуправомоченными лицами для современного уровня развития социума, следует признать наиболее приемлемым и позволяющим добиться необходимого положительного результата способом, адекватно воспринимаемым практически всеми членами современного общества.

По сути своей при помощи норм, входящих в систему гражданского права, государство оказывает воздействие на поведение участников имущественных отношений, предоставляя одним юридически обеспеченную возможность осуществлять любые, не запрещенные установленным правопорядком, действия (включая не запрещенное бездействие) в отношении легитимно приобретенных вещей, и одновременно запрещая всем остальным субъектам гражданского права совершать в отношении вещи, принадлежащей управомоченному субъекту, любые несанкционированные этим лицом действия. Исключения из приведенного правила допускаются в процессе участия в отдельных видах обязательствен-

ных правоотношений, анализ которых проводится в рамках курса Особенной части гражданского права[64].

Как следует из содержания § 6 главы 4 настоящего издания, вещные права реализуются субъектами гражданского права в процессе их участия в вещных правоотношениях, характеризуемых как абсолютные, регулятивные и статические. Квинтэссенцию названных правоотношений составляет предоставленная нормами гражданского права персонифицированному управомоченному лицу определенная совокупность прав в отношении легитимно приобретенной вещи, позволяющая ему относиться к такой вещи как к своей и беспрепятственно совершать в ее отношении любые как фактические, наполненные экономическим содержанием, так и юридические, наполненные правовым содержанием, действия, не запрещенные установленным в государстве правопорядком. При этом нормы вещного права предписывают иным субъектам гражданского права, являющимся применительно к анализируемой ситуации участниками абсолютного вещного правоотношения, относиться к имуществу, права на которое принадлежат управомоченному лицу, как к чужому, и запрещают указанным субъектам – обязанным лицам в абсолютном вещном правоотношении, совершать в отношении такой вещи любые действия без соответствующего распоряжения управомоченного лица – по общему правилу, собственника.

В вещном правоотношении персонифицированное управомоченное лицо – титульный владелец вещи, является активным участником правоотношения, способным к совершению любых действий, включая бездействие, в отношении своего имущества, а все остальные субъекты гражданского права, не подлежащие в данном случае персонификации, рассматриваются цивилистической доктриной как пассивные участники правоотношения, обязанные воздерживаться от совершения каких-либо действий в отношении имущества, принадлежащего управомоченному лицу. Вещное правоотношение следует характеризовать как правоотношение с неопределенной множественностью обязанных лиц.

Таким образом, *в субъективном смысле* вещное право можно определить как предоставленную управомоченному лицу (включая субъектов ограниченных вещных прав) юридически обеспеченную возможность реализации предусмотренных нормами гражданского права правомочий собственника, содержание которых позволяет субъекту относиться к правомерно приобретенной вещи как к своей и беспрепятственно реализовать в ее отношении свои правомочия.

---

[64] *См., например*: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2010. – Т. 2. – С. 259–278 (глава 21: Действия в чужом интересе без поручения).

Закрепленная в ГК совокупность вещных прав и предоставленных ими правомочий позволяет субъектам гражданского права в полной мере удовлетворять свои материальные (экономические) потребности в процессе использования самых различных вещей посредством участия в вещных правоотношениях, а также реализовывать свои потребности по замене одних вещей на другие, в приобретении прав на новые вещи у иных субъектов гражданского права, в освобождении от бремени содержания вещи, во включении вещи в гражданский оборот путем передачи принадлежащих управомоченному лицу прав на вещь другим лицам в процессе участия в обязательственных правоотношениях.

§ 2. Современная научно-практическая классификация вещных прав

Предоставленные субъектам гражданского права нормами ГК вещные права подлежат научно-практической классификации с целью построения их системы, выявления взаимосвязей и взаимозависимости вещных прав, а также с целью наиболее удобного их изучения и практического применения.

Перечень вещных прав, предоставляемых субъектам нормами ГК, закреплен в ст. 217 Кодекса, согласно нормам которой *в качестве вещных прав субъектам гражданского права предоставлены*: право собственности; право хозяйственного ведения; право оперативного управления; право пожизненного наследуемого владения земельным участком; право постоянного пользования земельным участком; право временного пользования земельным участком; сервитуты.

По мнению большинства цивилистов, закрепленный в ГК перечень вещных прав является открытым, что указывает на возможность установления дополнительных, по отношению к перечисленным в ст. 217 ГК, вещных прав нормами как самого ГК, так и иных нормативных правовых актов.

Так, Ю.К. Толстой отмечает, что закрепленный в ГК «перечень носит открытый характер, поскольку он сопровождается оговоркой “в частности”»[65]. Приведенную точку зрения разделяет В.Ф. Чигир, согласно мнению которого «этот (закрепленный в ст. 217 ГК. – прим. автора) перечень является примерным. В ст. 217 ГК имеется оговорка “в частности”»[66]. На оговорку «в частности» при констатации факта закрепления

[65] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 396.

[66] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1. – С. 634.

в ГК открытого перечня вещных прав ссылается и Н.А. Машкин[67]. Согласно утверждению А.И. Масляева, «из содержания ст. 216 ГК Российской Федерации вытекает, что в число других вещных прав могут включаться и иные права, но только при условии признания их таковыми в законе»[68]. Указывая на наличие иных, кроме закрепленных в ст. 217 ГК (ст. 216 ГК Российской Федерации) вещных прав, О.Н. Садиков полагает, что даваемый в ст. 216 ГК Российской Федерации перечень вещных прав не является исчерпывающим и дополняется нормами самого ГК и других законов[69]. На открытый характер перечня вещных прав, закрепленных в ст. 216 ГК РФ (ст. 217 ГК), указывают С.Э. Жилинский[70] и В.А. Витушко, согласно утверждению которых «другие (кроме закрепленных в ГК – *прим. автора*) вещные права могут возникнуть, если они будут прямо предусмотрены законодательством»[71].

Тот факт, что в ГК закреплен открытый перечень вещных прав, наряду с мнением, высказанным учеными, подтверждается системой законодательства, включающей в свой состав иные, кроме ГК, нормативные парвовые акты, нормы которых закрепляют за субъектами граждансокго права отдельные вещные права. К таким нормативным правовым актам относится, например, Жилищный кодекс, предоставляющий субъектам непредусмотренные нормами ГК вещные права и, в частности, закрепленное в ст. 26 Жиищного кодекса право пользования жилым помещением, воникающее по основаниям, предусмотренным нормами ст. 26 Жилищного кодекса и других нормативных правовых актов.

К другим вещным правам, предусмотренным иными нормами ГК, относятся закрепленные в ст. 275 ГК права членов семьи собственника жилого помещения, в соответствии с которыми члены семьи указанного лица имеют право пользования жилым помещением в пределах, определенных нормами жилищного права, а также требовать устранения нарушений их прав на жилое помещение от любых лиц, включая собственника жилого помещения.

К числу вещных прав в юридической литературе также относят права членов потребительского кооператива на недвижимое имущество (гараж, квартиру), которые переданы членам кооператива в эксплуатацию до момента полной уплаты причитающихся паевых взносов за объект не-

---

[67] Гражданское право: Учеб. для ВУЗов / Под ред. В.В. Залесского, М.М. Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 202.

[68] Гражданское право: Часть первая: Учеб. / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – С. 291.

[69] Гражданское право: Учеб.: Том 1 / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2009. – С. 319.

[70] Гражданское право: Учеб. / Под ред. В.Ф. Яковлева. – М.: РАГС, 2003. – С. 334.

[71] Витушко В.А. Гражданское право: Учеб. пособ.: в 2 ч. − Минск: Белорусская наука, 2007. − Ч. 1. − С. 322.

движимости и перевода на них права собственности на соответствующее имущество, а также право учреждения самостоятельно распоряжаться доходами, полученными от осуществления разрешенной предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным за счет указанных денежных средств[72].

С утверждением относительно того, что право учреждения самостоятельно распоряжаться доходами, полученными от осуществления разрешенной предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным за счет указанных денежных средств, является самостоятельным вещным правом, трудно согласиться по той причине, что в соответствии с нормами ст. 280 ГК все полученное от использования закрепленного за учреждением имущества, а также все полученное по иным гражданско-правовым основанием поступает в оперативное управление учреждения. При этом, в соответствии с нормами п. 2 ст. 279 ГК, для такого имущества общий правовой режим оперативного управления изменен в сторону предоставления учреждению дополнительных полномочий в отношении указанных денежных средств и приобретенного за их счет имущества, что допускается нормами п. 1 ст. 279 ГК. Однако факт расширения полномочий учреждения в отношении названного имущества не является, по нашему мнению, основанием для утверждения о том, что право учреждения самостоятельно распоряжаться денежными средствами, полученными от осуществления разрешенной предпринимательской деятельности и приобретенным за их счет имуществом, является самостоятельным вещным правом, отличным от права оперативного управления.

Далее проведем классификацию вещных прав по различным основаниям.

Так, *по моменту возникновения* вещные права классифицируются на первоначальное и производные, что отражает очередность возможного приобретения вещных прав субъектами гражданского права.

Первоначальным вещным правом, безусловно, является право собственности, предоставляющее управомоченному субъекту наибольший объем обеспечиваемых правовыми нормами возможностей в сфере эксплуатации закрепленного за ним имущества, наибольший спектр полномочий по реализации своих экономических и юридических потребностей с помощью такого имущества. Предоставляемый правом собственности управомоченному лицу объем правомочий является практически исчерпывающим и, за некоторым исключением, никем и ничем не ограниченным, что следует из норм ст. 44 Конституции.

Право собственности, являясь первоначальным, служит для юриди-

[72] *См., выше указанные издания.*

ческого закрепления вещей за теми лицами, которым они действительно принадлежат и которые с точки зрения логики экономического оборота вольны совершать с такими вещами любые действия, не нарушающие общественную безопасность, права и законные интересы окружающих.

Право собственности классифицировано как первоначальное в силу того, что изначально созданная (произведенная) вещь поступает в чью либо собственность, и только после этого может стать объектом производных от права собственности ограниченных вещных права.

По сути своей изначально человеку было достаточно одного вещного права – права собственности, в полной мере регулирующего общественные отношения, возникающие в процессе использования принадлежащих субъекту вещей, определяющего принадлежность вещи конкретному субъекту и предписывающего иным лицам воздерживаться от совершения в отношении таких вещей каких-либо действий, не санкционированных собственником.

Вместе с тем, развитие общественных отношений, включая бурное экономическое развитие, подстегиваемое техническим прогрессом, привели к необходимости введения в систему гражданского права иных (производных) вещных прав, основанных на праве собственности и позволяющих действительному хозяину вещи, юридически оставаясь ее собственником, фактически передавать принадлежащие ему вещи в хозяйственную эксплуатацию другим субъектам гражданского права, не являющимся их собственниками.

Так, в частности, право хозяйственного ведения и право оперативного управления, теория которого была разработана А.В. Венедиктовым в 40-х–50-х годах XX века и впоследствии закреплена в Основах гражданского законодательства 1961 г., позволяет включать в экономический оборот имущество собственника посредством передачи его на одном из указанных вещных прав другому лицу без утраты собственником права собственности на переданное имущество.

Производными от права собственности в цивилистике называются все остальные, кроме права собственности, вещные права, закрепленные как в ст. 217 и иных статьях ГК, так и в других нормативных правовых актах.

По степени полноты предоставляемых субъекту возможностей по использованию имущества (по содержанию права) вещные права классифицируются на неограниченное вещное право, в качестве которого рассматривается право собственности, и ограниченные вещные права, к которым относятся все остальные вещные права, за исключением права собственности.

Наличие в системе вещного права ограниченных вещных прав позволяет лицам, не наделенным правом собственности на конкретную

вещь, например, единый имущественный комплекс, получить такое имущество в хозяйственную эксплуатацию, например, на близком по содержанию к праву собственности, праве хозяйственного ведения, и одновременно позволяют собственнику такого имущества, не имеющему возможности самостоятельно эксплуатировать единый имущественный комплекс, ввести его в гражданский оборот посредством создания унитарного предприятия и передачи ему указанного имущества на праве хозяйственного ведения. При этом собственник сохраняет имущество за собой на праве собственности и, в целом, контроль над его использованием.

Таким образом, введение в систему гражданского права ограниченных вещных прав обусловлено экономической целесообразностью хозяйственной эксплуатации имущества.

Будучи производными от права собственности, ограниченные вещные права предоставляют несобственнику усеченный по отношению к лицу, наделенному правом собственности, объем юридически обеспеченных возможностей по использованию имущества, переданного собственником другим лицам с целью хозяйственного использования.

По степени зависимости сроков существования и содержания ограниченных вещных прав от сроков существования неограниченного вещного права и желаний субъекта, им наделенного, право собственности следует признать основным вещным правом, а ограниченные вещные права – зависимыми вещными правами.

Зависимость ограниченных вещных прав от права собственности в юридической литературе именуется вертикальной[73] и представляет собой зависимость содержания ограниченного вещного права, предоставленного его субъекту, от усмотрения собственника имущества, переданного в хозяйственную эксплуатацию на одном из ограниченных вещных прав. В настоящее время вертикальная зависимость вещных прав от права собственности очевидно вытекает, например, из опосредованных нормами гражданского права взаимоотношений собственника имущества и созданного по его решению унитарного предприятия или учреждения.

Более подробно содержание каждого из закрепленных в ст. 217 ГК ограниченных вещных прав и степень их зависимости от права собственности будут рассмотрены в главе 21 настоящего издания.

Таким образом, на основе проведенной классификации право собственности можно характеризовать как первоначальное, неограниченное, основное вещное право, а иные вещные права – как производные, ограниченные, зависимые вещные права.

Согласно утверждению В.А. Белова, «ограничены они по своему со-

[73] Витушко В.А. – Указ. соч. – Ч. 1. – С. 316.

держанию (в сравнении с содержанием права собственности) и зависимы в своем существовании от воли собственника»[74].

Приведенная классификационная характеристика системы вещных прав в процессе изучения каждого вещного права в отдельности позволит наиболее полно осознать процесс присвоения соответствующих прав субъекту и полноту предоставляемых ему полномочий в процессе эксплуатации принадлежащих ему вещей.

По принадлежности субъектам гражданского права вещные права можно классифицировать на:

– *принадлежащие физическим лицам и организациям* со статусом юридического лица. К таковым относятся следующие вещные права: право собственности, право постоянного пользования земельным участком, право временного пользования земельным участком, сервитут;

– *принадлежащие организациям* со статусом юридического лица. К таковым относятся следующие вещные права: право хозяйственного ведения и право оперативного управления;

– *принадлежащие физическим лицам*. К таковым относятся следующие вещные права: право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право члена потребительского кооператива использовать недвижимое имущество (гараж, квартиру), которые переданы ему в эксплуатацию до момента полной уплаты причитающихся паевых взносов за объект недвижимости и перевода на члена кооператива права собственности на соответствующее имущество, право пользования жилым помещением, предоставляемое члену семьи собственника жилого помещения.

§ 3. Признаки вещных прав

Всем вещным правам, независимо от их классификационной принадлежности, присущ ряд специфических признаков, позволяющих отличить вещные права от иных, в том числе обязательственных гражданских прав.

В юридической литературе в процессе анализа системы вещных прав к их признакам традиционно относят следующие: абсолютный характер вещных прав; бессрочный характер существования вещных прав; объектом вещных прав являются индивидуализированные вещи; ограниченный нормами права перечень вещных прав, а также гласность[75] и публичность[76].

[74] Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учеб. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – П. 1334.

[75] Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная часть: Учеб. – Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 435.

Кроме признаков, выделяющих вещные права из системы гражданских прав, вещным правам присущ ряд свойств, к которым, в частности, относятся следующие: свойство (право) следования; защита вещных прав осуществляется при помощи специальных правовых средств; обременение субъекта вещного права, связанное с эксплуатацией вещи, включая возложение на него риска случайной гибели имущества.

Следует отметить, что приведенные нами свойства вещных прав большинством ученых рассматриваются как их признаки. Однако ошибочность такого подхода вполне логично обосновал Н.А. Аверченко, согласно мнению которого и свойство следования, и вещно-правовые способы защиты выступают как проявление установленного нормами гражданского права режима вещного права и применяются как следствие отнесения соответствующего права к категории вещных[77], т.е. после того, как применимое право уже классифицировано как вещное. То же относится и к установленному нормами гражданского права обременению лица, обладающего вещным правом на имущество, связанному с обязанностью по его надлежащему содержанию, предусмотренной нормами ст. 211 ГК для субъектов, обладающих правом собственности, а также обязанностью нести, по общему правилу, риск случайной гибели имущества, установленной для его собственников нормами ст. 212 ГК.

При несомненной справедливости приведенного Н.А. Аверченко утверждения следует отметить, что понятие «режим» или, что будет более верным, «правовой режим» применимо исключительно к объектам гражданского права и, в частности, к вещам, и не подлежит применению в отношении правовых норм, в том числе и тех, совокупность которых составляет подотрасль гражданского права «право собственности и другие вещные права», именуемую наукой гражданского права как «вещное право». Наше утверждение основано на том, что непосредственно правовые нормы, входящие в исследуемую подотрасль гражданского права, как раз являются теми правовыми средствами, с помощью которых государство устанавливает тот или иной правовой режим имущества в зависимости от субъекта вещных прав, физических характеристик имущества, его предназначения и иных фактических и юридических обстоятельств приобретения имущества в фактическое владение.

Приведенные выше признаки вещных прав применительно к современному уровню развития гражданского права и экономических отношений в определенной степени являются условно применимыми по причине отсутствия возможности распространения всех названных при-

---

[76] Витушко В.А. – Указ. соч. − С. 329.

[77] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 598.

знаков ко всем без исключения вещным правам в полном объеме.

Вместе с тем, условная возможность применения названных признаков ко всем вещным правам не снижает их значения как признаков, позволяющих отграничить вещные права от иных прав, предусмотренных системой гражданского пра́ва и способствующих верному адресному применению указанных выше свойств вещных прав, т.е. свойства следования, соответствующих вещному праву способов защиты и налагаемых на субъекта вещного права обременений, а также верному моделированию гражданско-правовых отношений, возникающих на основе непосредственно вещных прав.

Кроме того, учитывая тот факт, что в классификации вещных прав единственным полным, всеобъемлющим вещным правом является пра́во собственности, а все остальные вещные права́ рассматриваются как производные и зависимые от него права́ с ограниченным содержанием, то и применение полного перечня признаков вещных прав следует считать возможным лишь к праву собственности. К ограниченным вещным правам применимые к праву собственности признаки могут быть применены ограниченно, в соответствии с содержанием каждого производного пра́ва.

Анализируемые признаки вещных прав применительно к современному уровню развития цивилистической мысли и системы гражданского права имеют нижеследующее содержание.

Такой признак, как *абсолютный характер вещных прав*, указывает на то, что:

– на основе вещных прав возникают абсолютные правоотношения со специфическими признаками;

– вещные права и, в частности, непосредственно право собственности, предоставляют его субъекту абсолютные (в пределах установленного гражданского правопорядка), т.е. неограниченные возможности самостоятельного единоличного осуществления фактического и юридического господства над принадлежащей субъекту вещью;

– государство при помощи системы гражданского права и механизма государственного принуждения обеспечивает абсолютную защиту от нарушения любыми лицами как права собственности, так и ограниченных вещных прав, что выражается в предоставлении как собственнику, так и субъекту ограниченных вещных прав равного арсенала правовых средств для защиты вещного права как в случае незаконного выбытия имущества из владения субъекта, так и для устранения иных нарушений, не связанных с выбытием имущества. При этом субъект ограниченного вещного права имеет юридически обеспеченную возможность использовать закрепленные в ГК правовые средства защиты, в том числе непосредственно против собственника имущества.

Условность применения анализируемого признака к ограниченным вещным правам состоит в том, что они не предоставляют их обладателям возможности неограниченного господства над имуществом, а наоборот, ограничивают таковое в интересах собственника имущества.

Бессрочный характер существования вещных прав, как их признак, подчеркивает то обстоятельство, что существование приобретенного субъектом вещного права, по общему правилу, не ограничено каким-либо гражданско-правовым сроком, т.е. юридически, и, следовательно, вещное право во времени может существовать бессрочно, что в большей степени применимо к праву собственности, на бессрочный характер существования которого указывают нормы п. 5 ст. 210 ГК.

Срок существования ограниченных вещных прав, по общему правилу, может быть установлен собственником имущества, переданного другому субъекту на одном из закреплены в ГК ограниченных вещных прав. Однако в процессе эксплуатации имущества может возникнуть ряд обстоятельств субъективного и объективного свойства, направленных на прекращение как права собственности, так и следовательно, ограниченных вещных прав, как прав, производных от права собственности, в случае их установления без указания срока действия либо с указанием срока действия, но до момента его наступления. Так, существующее вещное право может быть прекращено в следующих случаях:

– во-первых, по решению обладателя права в случае выбытия вещи из-под его господства в соответствии с самостоятельно сформированной и добровольно выраженной во вне волей. Решение обладателя вещного права о его прекращении в отношении определенной вещи является обстоятельством субъективного свойства, связанным непосредственно с волей указанного лица, направленной, например, на замену вещи более новой, на передачу вещи другим лицам в силу отсутствия в ней необходимости, на освобождение себя от бремени содержания вещи, потребность в которой отпала и т.п.

– во-вторых, в результате физического износа (старения), приведшего к полному разрушению вещи или вследствие ее потребления обладателем вещного права (с его разрешения – другим лицом);

– в третьих, помимо его воли посредством уничтожения или хищения соответствующего имущества другими лицами.

Следовательно, такой признак, как бессрочный характер вещных прав, является условно применимым не только к ограниченным вещным правам, но и непосредственно к праву собственности, во-первых, в силу физических свойств имущества и, во-вторых, в силу субъективного усмотрения, в первую очередь, обладателя права собственности, и во вторую – обладателей ограниченных вещных прав, как прав, производных от права собственности.

Объектом вещных прав являются индивидуализированные вещи. Приведенный признак в совокупности с названием изучаемого права гражданского определяет характеристику гражданско-правовых объектов, на которые может распространятся право собственности и другие вещные права. Так, в качестве объектов вещного права могут быть исключительно вещи, под которыми следует понимать созданные природой или трудом человека и материализованные в пространстве объекты, служащие удовлетворению различных потребностей людей. В этой связи, на что указывалось выше, такое имущество, как, например, различные виды энергии, потребляемой через присоединенную сеть, объектами вещных прав быть не могут по причине отсутствия их материализации в пространстве, также как и результаты интеллектуальной деятельности, представляющие собой не материализованные мысли их создателя.

При этом природный газ, помещенный в газовый баллон, электрическая энергия, заключенная в аккумуляторную батарею или иной овеществленный источник энергии, могут быть опосредованы правом собственности, но не в виде энергии, а в виде материальных объектов (вещей), в которых энергия заключена. То же относится и к энергии взрыва, которая может быть объектом вещного права только в случае ее материализации в каком-либо изделии, например, снаряде к артиллерийской установке, ручной гранате, иных боеприпасах и т.п.

Вещи, на которые распространяется вещное право, могут быть определены как индивидуальными, так и, применительно к современному уровню развития гражданско-правовых отношений, родовыми признаками, на что справедливо обращает внимание В.А. Витушко[78]. Однако совокупность вещей, определенных родовыми признаками для целей вещного права, должна быть индивидуализирована, т.е. выделена из общей совокупности однородных вещей как совокупность, принадлежащая на одном из вещных прав определенному субъекту.

Так, например, в случае хранения однородной по виду, качеству и стоимости сельскохозяйственной продукции разных производителей в общем централизованном хранилище, продукция применительно к каждому производителю индивидуализируется по весу; денежные средства, переданные банку на хранение по договору банковского счета разными субъектами, применительно к праву каждого из них, индивидуализируются по сумме.

В связи с тем, что объектами вещных прав могут быть как индивидуально определенные вещи, так и индивидуализированная совокупность родовых вещей, мы в качестве признака вещных прав указываем не на индивидуально-определенный объект (вещь), что имеет место в совре-

[78] Витушко В.А. – Указ. соч. − С. 321.

менной юридической литературе, а на объект индивидуализированный, в который входят как индивидуально определенные вещи, так и вещи, определенные родовыми признаками, но индивидуализированные в качестве объекта вещных прав.

Необходимость индивидуализации объектов вещного права обусловлена, во-первых, его абсолютным характером, предоставляющим одному персонифицированному субъекту определенные обеспеченные нормами права возможности в отношении имущества и предписывающему всей остальной совокупности субъектов воздерживаться от самостоятельно совершения каких-либо действий в отношении такого имущества, что без индивидуализации объектов вещного права осуществить было бы невозможно в силу существования в пространстве большого количества одинаковых вещей, т.е. вещей того же рода и качества, способных к смешению. Во-вторых, без индивидуализации объектов вещных прав невозможно применять закрепленные в ГК способы их защиты, что лишает обладателя вещного права предоставленной правовыми нормами возможности свободного использования принадлежащего ему имущества.

Ограниченный нормами права перечень вещных прав как их признак указывает на тот факт, что виды вещных прав могут быть установлены исключительно правовыми нормами, а это исключает возможность установления субъектами по своему усмотрению вещного права, не закрепленного в ГК или ином нормативном правовом акте.

Под гласностью вещных прав В.А. Белов понимает общую известность вещных прав всем третьим лицам, а также необходимость государственной регистрации принадлежности вещных прав на отдельные объекты, в частности, вещные права на недвижимые вещи.

Признак публичности вещных прав, распространяемый В.А. Витушко лишь на право собственности, рассматривается применительно к имуществу, используемому в предпринимательской деятельности как реализуемая государством возможность определения направления использования такого имущества в социальных целях. При абсолютной справедливости установления такого признака в условиях гражданско-правовых отношений на территории Республики Беларусь, по нашему мнению, его следует распространить и на такие вещные права, как право хозяйственного ведения, право оперативного управления, а также на вещные права, связанные с использованием земельных участков. Наш вывод основан на том, что вещи, используемые в предпринимательской деятельности, могут быть объектом не только права собственности, но и других названных нами вещных прав.

Таким образом, совокупность рассмотренных признаков вещных прав с приведенным содержанием позволяет классифицировать право субъекта

в отношении вещи как вещное и, следовательно, применить к такому праву *присущие ему свойства*, значение которых состоит в следующем.

Обременение субъекта вещного права, связанное с эксплуатацией вещи, включая обязанность нести риск случайной гибели имущества, как свойства вещных прав, указывает на установленную нормами ст. 211 ГК обязанность субъекта права собственности, по общему правилу, нести бремя содержания принадлежащего ему имущества, и установленную нормами ст. 212 ГК обязанность, по общему правилу, принять на себя неблагоприятные экономические последствия случайной гибели, порчи или повреждения своего имущества. Учитывая то обстоятельство, что ограниченные вещные права классифицируются как производные от права собственности, указанный признак в полной мере можно распространить практически на все, за исключением сервитута, ограниченные вещные права. К сервитуту указанный признак не применим в силу того, что имущество, обремененное сервитутом, не выбывает из владения субъекта, обладающего на такое имущество правом собственности.

Свойство (право) следования, закрепленное в ст. 216 ГК, распространяющее свое действие на ограниченные вещные права и предусматривающее их сохранение за субъектом ограниченного вещного права в том случае, когда право собственности на имущество, переданное на одном из ограниченных вещных прав, переходит к другому лицу.

Так, в случае перехода права собственности на единый имущественный комплекс к другому лицу, унитарное предприятие, у которого такой имущественный комплекс находится на праве хозяйственного ведения, по общему правилу, сохраняет указанное ограниченное вещное право за собой, что подтверждается нормами ст. 281 ГК.

Свойство следования также присуще правомочиям собственника переданным собственником имущества несобственнику вследствие участия в обязательственных правоотношениях, когда смена собственника имущества, правомочия на которое переданы в рамках обязательства, не лишает несобственника права их осуществления в течение установленного обязательством срока.

Защита вещных прав осуществляется при помощи специальных правовых средств, к которым наука гражданского права относит виндикационный иск и негаторный иск. Названные правовые средства для защиты иных гражданских прав, не являющихся вещными, не применяются.

ГЛАВА 3. МЕСТО И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ

§ 1. Собственность в системе общественных отношений

Вещи, на что указывалось в предыдущей главе настоящего издания, являются непременными спутниками человека на протяжении всей его жизни с момента рождения и до смерти. Вне зависимости от того, существовал ли человек в рамках государства, представляющего собой систему политического управления обществом,[79] и, следовательно, в рамках установленной государством системы права в ее объективном, формализованном смысле, либо вне государственного устройства и, следовательно, вне рамок формального права, он, человек, с момента своего появления на Земле занимался тем, что присваивал продукты растительного, а впоследствии и животного мира, а также природные ископаемые, используемые людьми в процессе общественного производства. «Отношение человека к вещи “как к своей”, отмечает С.С. Алексеев, несет в себе глубокие природные начала, которые вместе с тем опредмечивают фундаментальные основы внутреннего мира человека с тех его сторон, которые имеют характер сугубо личной, духовной субстанции»[80].

Присвоение человеком продуктов растительного и животного мира происходило и продолжает происходить в силу объективной потребности людей в пище, являющейся незаменимым источником энергии жизни человека. Приведенное нами высказывание о том, что процесс присвоения человеком природных ресурсов неизменно сопровождает его весь период земного существования, т.е. с момента появления на Земле первого человека, относится к знаниям априорным, подтверждаемым тем, что современный человек, как и человек любого исторического периода, для своего нормального существования должен ежедневно потреблять продукты питания. Следовательно, такие понятия, как «мое» и «не мое», т.е. чужое, имманентны сознанию человека вне зависимости от существования экономической системы, а также системы права, включая вещное право, в современном его понимании. По мнению Р.С. Бевзенко, «архаичное фактическое обладание вещами <…> было всегда, начиная с того дня, когда первый человек оставил себе для будущего использования палку, которой он сбивал плоды с дерева. С того же дня началась и защита подобного обладания (на уровне самопомощи)»[81].

---

[79] *Подробнее о понятии «государство» см.*: Маньковский И.А., Вабищевич С.С. Субъекты гражданского права: Монография. – Миснк: Молодежное, 2010. – С. 440–458.

[80] Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 13.

[81] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Бело-

Без сомнения можно утверждать о том, что первый человек, даже предположительно существовавший вне рамок социальной группы, социальной системы, либо современный человек, оказавшийся изолированным от общества, например, на необитаемом острове, психологически, на уровне своего сознания, будет считать своим все, что он отберет у природы и, следовательно, присвоит. Согласно верному утверждению С.С. Алексеева « <…> инстинкт “своей собственности” в далекие времена доцивилизационной эпохи проявил себя как один из самых сильных и неодолимых инстинктов <…> »[82].

Психическое осознание того, что какой-то природный продукт принадлежит человеку, несомненно выразится в его действиях по сохранению своего собственного продукта от порчи и его охране, в том числе и от животных, с целью дальнейшего потребления. Согласно справедливому утверждению И.А. Покровского, «ужѐ психике примитивного человека свойственно чувство, что вещь, добытая или сделанная им (например, убитая дичь, пойманная рыба, сделанное оружие и т.д.) принадлежит ему; конечно, всякое посягательство на эту вещь будет ощущаться им как некоторая обида по его адресу и будет вызывать соответствующую реакцию»[83]. «… Лишение собственности или ограничение на владение, как утверждает В. Дольник, деформируют психику и взрослого человека, делают его агрессивным, завистливым и вороватым»[84].

Осознание человеком того факта, что он присвоил природный продукт, способствует формированию психического отношения человека к продукту как к своему, т.е., говоря языком современной экономической науки, как к своей собственности. Это, как уже указывалось выше, является побуждающим мотивом для совершения человеком фактических действий, направленных на охрану своего, т.е. своей собственности, от посягательств животных, если человек живет вне социума, или от посягательств других членов социума. Такие действия человека в период его существования вне рамок формального права были обусловлены его естественным желанием сохранить для себя добытые им продукты питания как важнейшее средство существования, и фактически были обусловлены желанием человека сохранить свою жизнь.

В силу совершения человеком, проживающим в условиях социальной группы, действий, направленных на сохранение своего имущества от посягательств других членов группы, они, другие члены социальной группы, на психическом уровне вынуждены воспринимать такое имущество как чужое, принадлежащее одному конкретному лицу, осущест-

---

ва. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 535.

[82] Алексеев С.С. – Указ. соч. – С. 78.

[83] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2001. – С. 192.

[84] Дольник В. Непослушное дитя биосферы. – М., 1994. – С. 52–53.

вляющему охрану имущества.

Вместе с тем, вне рамок формального права, отношение группы лиц к имуществу, принадлежащему одному субъекту, как к чужому, не исключает возможных попыток группы или отдельных ее членов присвоить себе чужое имущество помимо воли лица, которому это имущество действительно принадлежит, т.е. его собственника. Даже формальное право и государственная система с присущим ей аппаратом принуждения и системой наказания, существующие в рамках высоко развитой современной цивилизации, не смогли устранить правонарушения против собственности, связанные с порчей или изъятием имущества у собственника помимо его воли.

Таким образом, на основе приведенных выше утверждений можно придти к выводу о том, что психическое отношение одного человека к имуществу как к своему и, следовательно, психическое отношение других людей к такому имуществу как к чужому, возникает у человека на уровне его подсознания и присуще людям с момента появления человека применительно к любым условиям его существования (в рамках социальной группы, социальной общности, либо вне таких рамок, например, на необитаемом острове, на хуторе, в лесном ските и т.п.). Отношение человека к необходимым ему для жизни вещам, сформированное на уровне подсознания с момента рождения человека, не может зависеть и не зависит от существующей экономической системы и системы права установленной в конкретном государстве.

Согласно верному утверждению В.А. Витушко, «отношение лица к вещи имеет естественные, натуралистические, экономические, технические и иные основания, обусловленные извлечением полезных свойств вещи, использованием ее функциональных возможностей, интересами воздействия человека на окружающую природу»[85].

Система права, в принципе не способная сформировать у человека чувство собственности, вполне способна притупить его в отношении определенного имущества, что мы наблюдали в период существования СССР, когда безразличное отношение людей к средствам производства как к государственным, общим, т.е. не своим, привело к краху социалистического способа производства. Такой исход экономики СССР был неизбежен в силу отсутствия действительного собственника социалистического имущества и, как следствие, равнодушного отношения к нему эксплуатировавших имущество работников, у которых на психическом уровне отсутствовала заинтересованность в его сохранении и приумножении. Причем равнодушное отношение к социалистической собственности и ее нерациональное использование наблюдались на фоне постоян-

[85] Витушко В.А. – Указ. соч. − С. 327.

ной массовой пропаганды, призывающей к обратному.

По нашему мнению, причиной такого отношения человека к социалистической собственности является врожденное чувство собственности человека, который способен к бережному отношению и рациональному использованию только того, что считает своим, что в период СССР подтверждалось массовым стремлением к расхищению государственного имущества, т.е. не своего, с целью обращения его в свое, а также экономически эффективной деятельностью мобильных подпольных производств, принадлежащих, хоть и незаконно с точки зрения правового режима СССР, отдельным частным лицам в противоположность громоздкой и, как следствие, неэффективной государственной экономике советского периода. «В наш век эксперимент по массовому лишению людей частной собственности ясно показал, что противодействие этому инстинкту делает людей не лучше, а хуже, чем они могли бы быть, владей они собственностью»[86].

Далее следует вопрос о том, можно ли отношение человека, живущего вне связи с обществом, к своему имуществу, т.е. отношение человека к имуществу, существующее вне рамок социума, разработанных учеными экономических законов и формального права, т.е. на психическом уровне, считать отношением собственности, либо оно существует только как социальное отношение и может развиваться в обществе. Для этого следует выяснить значение данного термина в отрыве от изысканий современных общественных наук.

Так, современное понятие «собственность» в отрыве от исследований экономической науки рассматривается как «материальные ценности, имущество, принадлежащие кому-нибудь <…>»[87], что отражает действительное происхождение данного термина от термина «собственный», т.е. «мой», «удовлетворяющий мой собственный интерес», «принадлежащий мне», и указывает на то, что понятие «собственность» присуще любому человеку на психическом уровне, т.е. вне зависимости от того, существует он вне рамок социальной общности (один) либо среди себе подобных в рамках семьи, нации, государства, на что указывалось выше.

Таким образом, отношением собственности следует считать не общественное отношение по поводу имущества, а психическое отношение человека к своему имуществу как к собственному, способное существовать вне рамок социума и системы права. При этом содержание приведенного утверждения не следует трактовать как общественное отношение, возникающее между человеком и вещью, которое в принципе возникнуть не может в силу отсутствия второй стороны, наличие которой является непременным

[86] Дольник В. – Указ. соч. – С. 53.
[87] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. – Указ. соч. – С. 740.

условием возникновения любых общественных отношений.

В этой связи нельзя согласиться с высказанной в юридической литературе точкой зрения, согласно которой «категория “собственность” вне общества, коллектива, группы людей не может существовать, <…> собственность реализуется внутри общества посредством определенной общественной формы, т.е. она не сама вещь, а связи, отношения между людьми по поводу вещей <…>»[88], которая (высказанная мысль) по сути своей не является новой и повторяет утверждения, неоднократно высказанные цивилистами СССР, в свою очередь основанные на экономических воззрениях К. Маркса.

Безусловно, уровень развития современного общества, высокая степень обобществления природных ресурсов, включая непосредственно поверхность земли и ее недра, а также многие сферы общественного производства позволяют в настоящее время с достаточной степенью достоверности утверждать, что в большинстве случаев в современном мироустройстве вне рамок общественных отношений, вне рамок взаимодействия человека друг с другом не может существовать (использоваться) и собственность, под которой мы понимаем принадлежащее кому-то имущество. Но социализированный в высокой степени способ использования собственности, т.е. самого имущества, в рамках постоянно существующих общественных отношений не может служить основанием для подмены понятий.

В этой связи следует констатировать, что термин «собственность» обозначает имущество, словосочетание «отношение собственности» означают психическое отношение собственника к вещи как к своей, а не отношения по поводу вещи между людьми, которые следует называть общественными отношениями собственности, а применительно к современному уровню развития системы права – правоотношениями собственности, так как вне рамок правового регулирования в настоящее время имущество не может быть произведено, добыто из природной среды, использовано и т.п.

Учитывая высокий уровень развития социальных связей, в цивилистике сложилось мнение о том, что «собственность – это общественное отношение. Без отношения других лиц к принадлежащей собственнику вещи как к чужой не было бы и отношений к ней самого собственника как к своей»[89].

Из приведенной цитаты следует, что если к лицу, имеющему в своей собственности, например, лошадь, придут односельчане и скажут, что

[88] Колбасин Д.А. Собственность, право собственности: реальность и суждения. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – С. 12.

[89] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 402.

они считают эту лошадь не его, то и сам хозяин лошади немедленно с этим согласится и откажется от животного.

На наш взгляд, собственник лошади не только не откажется от своей собственности, от своего имущества, но, наоборот, с огромным рвением и всеми доступными ему способами станет доказывать другим людям принадлежность лошади именно ему, боясь ее потерять. Примерно такое развитие получили общественные отношения между людьми по поводу собственности на территории России в начале XX века, в период раскулачивания наиболее зажиточных крестьян, которые сопротивлялись обобществлению их имущества несмотря на установленные нормами права требования о его передаче в коллективную (колхозную) собственность, т.е. на уровне психического осознания того, что их лишают имущества.

Описанное выше поведение присуще человеку в силу его природных качеств, одним из основных среди которых следует признать его безудержное стремление к окружению себя всевозможными вещами, позволяющими человеку создать свое собственное жизненное пространство.

Сложившаяся в современной юридической науке концепция собственности как общественного отношения, а не имущества, базируется на изысканиях цивилистов советского периода, которые, по всей вероятности, заимствовали приведенный выше подход из трудов К. Маркса, расширенно трактуя его высказывания. Так, В.П. Камышанский утверждает, что «нельзя отождествлять понятие “собственность” с понятием “имущество” и “вещь”»[90], ссылаясь на утверждение К. Маркса о том, что «собственность есть отношение определенных лиц к материальным благам как к своим, как к принадлежащим им»[91] и, развивая тезис К. Маркса, добавляет: «<…> и, соответственно, – отношение всех других лиц к указанным благам как к чужим, не принадлежащим им»[92].

Однако, как отмечалось выше, расширительное толкование утверждений К. Маркса не является новым и во всю использовалось цивилистами советского периода. Так, Ю.К. Толстой утверждает, что определение собственности как отношения лица к вещи является не полным. Ученый отмечает следующее: «поскольку собственность немыслима без того, чтобы другие лица, не являющиеся собственниками данной вещи, относились к ней как к чужой, собственность означает отношение между людьми по поводу вещей»[93].

Основываясь, по нашему мнению, на приведенном высказывании К.

---

[90] Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. – С. 11.

[91] Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 479.

[92] Камышанский В.П. –Указ. соч. – С. 11.

[93] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ПБОЮЛ; Л.В. Рожников, 2001. – Т. 1. – С. 340.

Маркса и ученых советского периода, В.П. Никиткина определяет собственность как «отношения между людьми по поводу вещи»[94]. Вместе с тем, словосочетание «отношение лица к вещи» и словосочетание «отношение между людьми по поводу вещи» наполнены абсолютно разным содержанием и указывают в первом случае на психическое отношение лица к находящемуся в его обладании имуществу как к своему, а во втором – на общественное отношение, возникающее между субъектами в процессе использования такого объекта гражданского права, как вещь. Первое возможно вне рамок социума, второе – только в том случае, когда человек существует в обществе себе подобных. При этом уже во времена К. Маркса и, соответственно, в настоящее время общественные отношения собственности существовали и продолжают существовать не иначе, как в рамках правоотношений, урегулированных нормами права собственности в том или ином их формальном выражении.

Интерпретируя высказывание К. Маркса, ученые как советского периода, так и современности, не восприняли поддержанное Г.Ф. Шершеневичем абсолютно верное утверждение М.М. Сперанского, согласно которому «собственность (objective) есть всякое имущество, и вексель есть моя собственность». Развивая мысль М.М. Сперанского, Г.Ф. Шершеневич отмечает следующее: «терминология нашего законодательства представляется далеко не выдержанной. Оно почти безразлично употребляет выражения собственник и владелец. Собственностью называется в законе как право собственности, так нередко, само имущество, по праву собственности кому-либо принадлежащее»[95].

Исходя из трактовок понятия «собственность» на страницах современных научных изданий, можно утверждать, что со времен Г.Ф. Шершеневича ничего не изменилось.

Стремление названных и многих других ученых советского и постсоветского периодов существования цивилистической доктрины усовершенствовать ее теорию, адаптировать ее к «современному» уровню развития общественных отношений, привнести в науку что-то свое, что-то новое в итоге привели к отрыву исследуемых общественных отношений, возникающих между субъектами гражданского права, от фигуры самого субъекта, т.е. от фигуры человека, который существовал и до установления правового регулирования отношений между людьми. Человек, в первую очередь, является индивидуумом с присущим ему на всех стадиях существования самым высоким из всех живых организмов на земле уровнем психического развития, с присущими человеку вне

[94] Гражданское право России: Часть первая: Учеб. / Под ред. З.И. Цыбуленко. – М.: Юристъ, 1998. – С. 258.

[95] Шершеневич Г.Ф. – Указ. соч. – С. 124.

правовых норм способностями оценки окружающего мира, в том числе способностью оценки принадлежности имущества себе или другому и, только во вторую очередь, субъектом гражданского права.

По нашему мнению исследование любых общественных отношений и, в особенности, отношений, возникающих вследствие обладания человеком имуществом в процессе его производства, присвоения, потребления, урегулированных нормами гражданского права, в отрыве от психической личности человека, его желаний и устремлений, является бесперспективным и может привести к выводам, не в полной мере соответствующим фактически складывающимся в анализируемой сфере общественным отношениям.

В этой связи наиболее соответствующим сути исследуемого явления следует признать утверждение Н.Н. Аверченко, согласно которому в общетеоретическом смысле термин «собственность» используется как для обозначения отношения лица к вещи, так и для обозначения самой вещи[96]. Таким образом под термином *«собственность»* в его первоначальном, буквальном смысле следует понимать совокупность имущества, к которому индивидуум на уровне психического сознания относится как к своему, что является основанием для психического отношения других к этому имуществу как к чужому. Однако отношение группы индивидов к имуществу отдельного члена группы как к чужому, на что указывалось выше, не является препятствием к совершению в отношении чужого имущества каких-либо действий помимо воли собственника, а по сути, к присвоению чужого имущества насильственным или иным антисоциальным путем.

В связи с тем, что собственность, т.е. совокупность определенного имущества, имеет важное значение для благополучного существования как одного человека, их группы, так и целых наций, народностей, государств, она является непременным объектом общественных отношений, возникающих между людьми в процессе использования своего имущества уже на протяжении не одной тысячи лет. При этом общественные отношения, возникающие в процессе использования имущества, следует изначально отнести к правовым, урегулированным вначале на уровне обычая, а впоследствии и нормами писанного, формального права, что позволило под страхом применения мер принуждения к нарушителю правовых предписаний формально создать такие условия использования собственности каждым лицом, относящимся к имуществу как к своему, при которых, согласно верному утверждению Н.Н. Алексеева, общество уважает эти отношения и исполняет универсальную обязанность терпеть

[96] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 608.

власть собственника и не вмешиваться в ее определенные проявления[97].

Таким образом, следует различать такие две такие категории, как:

– *собственность* – совокупность имущества, к которому индивидуум на уровне психического сознания относится как к своему, что является основанием для психического отношения других к этому имуществу как к чужому;

– *общественные отношения собственности* – применительно к современному уровню социального развития урегулированные при помощи норм «права собственности» общественные отношения, в рамках которых субъект гражданского права (собственник) имеет юридически обеспеченную возможность эксплуатации своего имущества независимо от воли других субъектов, несобственников, которые, в свою очередь, на психическом уровне относясь к такому имуществу как к чужому, лишены нормами гражданского права легитимной возможности совершения в отношении чужого имущества каких-либо действий без соизволения собственника (исключение составляют случаи, прямо предусмотренные правовыми нормами).

В настоящее время в силу высокой степени социализации всех процессов, в которых участвует человек, посредством тотального правового регулирования всех сфер человеческой жизни использование и отчуждение любого собственного имущества возможно только в рамках участия в общественных отношениях собственности, урегулированных с помощью правовых норм, совокупность которых именуется «право собственности» и входит в подотрасль гражданского права «право собственности и другие вещные права». « <…> Собственность, на что обращает внимание С.С. Алексеев, вне единства с правом теряет свой смысл и предназначение. Вне этого единства вещи, любые материальные и нематериальные блага, сконцентрированные в руках того или иного лица, становятся не более чем “разбойничьей добычей”, грудой мертвых предметов, достойных всего лишь служить вольному использованию и разорению и, главное, лишенных принципиально важных для людей, всего человечества социальных функций»[98].

§ 2. Современное понимание права собственности как основного вещного права

В отличие от собственности – совокупности вещей, к которым человек относится как к своим, *право собственности*, во-первых, в *объективном*

[97] Алексеев Н.Н. Собственность и социализм: опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. – Париж, 1926. – С. 18–19.

[98] Там же. – С. 47.

смысле представляет собой совокупность правовых норм, посредством которых государство регулирует общественные отношения, возникающие между субъектами гражданского права в процессе использования принадлежащего им имущества, и, во-вторых, *в субъективном смысле* – совокупность правомочий собственника, принадлежащих непосредственно участвующему в абсолютном вещном правоотношении управомоченному лицу, позволяющих ему осуществлять в отношении своего имущества любые не противоречащие нормам права действия экономического и юридического характера, а также требовать от других (обязанных) лиц воздерживаться от совершения действий, препятствующих осуществлению управомоченным лицом принадлежащих ему правомочий.

Право собственности, что следует из классификационной характеристики вещных прав, приведенной выше, является основным, первоначальным, неограниченным вещным правом, предоставляющим его субъектам наибольший перечень юридически обеспеченных возможностей по реализации экономических и юридических интересов, связанных с эксплуатацией собственных вещей, т.е., по сути, правом с наиболее широким по отношению к другим вещным правам содержанием.

Понятие собственности, как следует из содержания предыдущего параграфа, присуще человеку на психическом уровне, что не свойственно понятию «право собственности», которое представляет собой, так же как отрасль гражданского права и вся система права в целом, искусственное образование, порождение человеческой мысли, созданное с целью систематизации, упорядочения взаимоотношений людей в процессе участия в различных видах общественных отношений, в том числе и в процессе участия в общественных отношениях, возникающих в процессе осуществления субъектами гражданского права хозяйственной эксплуатации собственного имущества.

Право собственности, в отличие от врожденного понятия собственности, искусственно навязано человеку под угрозой применения мер государственного принуждения, как единственно приемлемое в сегодняшних условиях общественного развития средство воздействия на поведение человека, позволяющее создать наиболее оптимальные условия хозяйственного использования имущества. Только в рамках правового регулирования отношений собственности возможно достижение таких условий использования имущества, при которых будет обеспечена как безопасность использующего вещь субъекта, так и безопасность окружающих его людей, всего общества в целом, что особенно важно в век стремительного развития технического прогресса и, как следствие, техногенных катастроф, происходящих на основе неверного (ошибочного, некорректного) использования сложно-технических вещей, таких, например, как единые имущественные комплексы, на базе которых производят электроэнергию,

используют энергию атома, синтезируют химические соединения и т.п.

Согласно верному утверждению С.С. Алексеева, «именно через право, утверждаемую им экономическую и творческую свободу и отсюда – через соответствующий его инструментарий, механизмы и юридические конструкции в полной мере раскрывается и реализуется потенциал собственности, ее социальные функции, возможности для активной производительной деятельности, созидания и творчества человека, сообщества людей»[99].

Концептуальные основы развития права собственности в Республике Беларусь содержатся в нормах Конституции, основанных, в свою очередь, на нормах ст. 1 Протокола № 1, входящего в состав Европейской конвенции по правам человека. Согласно нормам названной Конвенции, любое физическое лицо и организация со статусом юридического лица имеют право беспрепятственно использовать свое имущество. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных нормами закона и общими принципами международного права.

В унисон приведенным нормам нормы ст. 13 и ст. 44 Конституции устанавливают конституционные принципы и пределы действия права собственности, определяя его как право, обладающее высоким статусом, право, относящееся к основам конституционного строя, что следует из размещения статьи 13 Конституции в Разделе I «Основы конституционного строя», а статьи 44 Конституции – в Разделе II «Личность, общество, государство», на что справедливо указывает В. Фадеев[100].

Так, нормы ст. 13 Конституции определяют общие условия развития и использования собственности в экономической деятельности, а нормы ст. 44 служат конституционной гарантией свободного приобретения прав на имущество, его использования и распоряжения принадлежащим субъекту правом собственности, устанавливают возможные случаи принудительного изъятия имущества и закрепляют пределы осуществления права собственности с учетом принципа приоритета общественных интересов, который нашел свое отражение в ст. 2 ГК.

В соответствии с названным принципом осуществление права собственности, как и любого иного гражданского права, на что указывалось выше, не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц.

Учитывая тот факт, что право собственности как часть системы гражданского права и, соответственно, всей системы права, принятой в госу-

---

[99] Алексеев С.С. – Указ. соч. – С. 27.

[100] Фадеев В. Право собственности: белорусский вариант // Бюллетень нормативно-правовой информации. Юридический мир. – 2001. – № 13.

дарстве, является правовым средством, с помощью которого ограничивается свобода отдельного собственника в интересах всего общества и, в определенной степени, свобода всех членов общества в интересах отдельного собственника, признание права собственности неограниченным вещным правом является в некотором роде условным. В этой связи следует отметить, что право собственности признается цивилистической наукой неограниченным не в смысле вседозволенности, а относительно других вещных прав, ограниченных по отношению к праву собственности как правовыми нормами, так и усмотрением собственника имущества.

Вместе с тем, несмотря на то, что право собственности в известной степени ограничивает права́ собственника и налагает на него ряд обязанностей, необходимость существования права собственности как средства общественного регулирования, выступающего в виде совокупности правовых норм, обусловлена стремлением общества, во-первых, обеспечить каждому собственнику имущества гарантированную возможность его беспрепятственного использования, а, во-вторых, необходимостью оградить общество от возможных проявлений опасных свойств имущества, что может явиться следствием ненадлежащего поведения его собственника в процессе эксплуатации современных сложно-технических устройств и других достижений технического прогресса, на что указывалось выше.

Нормы гражданского права, входящие в состав права собственности, во взаимосвязи с иными нормами системы гражданского права определяют в соответствии со своим предназначением приемлемые в обществе правила приобретения имущества на праве собственности, способы и пределы его использования собственником, закрепляют за последним возможность определения юридической и фактической судьбы имущества, косвенно устанавливают запрет любому субъекту гражданского права, не обладающему правом собственности на вещь, создавать препятствия обладателю такого права в его осуществлении, определяют способы защиты прав управомоченного лица как в случае неправомерного лишения обладателя права собственности его имущества, так и в случае совершения иных действий, препятствующих осуществлению права собственности, даже если эти действия не связаны с фактическим лишением собственника его имущества.

Наряду с нормами гражданского права на охране права собственности и, следовательно, предусмотренных им правомочий сособственника имущества стоят нормы административного и уголовного права, определяющие перечень неправомерных деяний против чужой собственности, отнесенных государством к общественно опасным, предусматривающие виды административного или уголовного наказания, подлежащие применению в случае совершения предусмотренных нормами административного или уголовного права деяний, а также процедуру и основания при-

влечения к административной или уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении предоставленных собственнику прав.

Таким образом, нормы права собственности как правовое средство регулирования общественных отношений, возникающих в процессе приобретения, эксплуатации и отчуждения различных вещей, в совокупности с нормами административного и уголовного права:

– наделяют субъекта, получившего вещь в собственность способом, приемлемым в обществе данного типа, правами собственника имущества посредством признания прав собственника за субъектом на государственном уровне, что существенно отличается от психического осознания собственности непосредственно обладателем имущества и окружающими его лицами;

– позволяют собственнику свободно использовать свое имущество, рассчитывая на государственную защиту в случае нарушения его прав, которая в силу наличия специальных правовых норм и государственного механизма их принудительного исполнения является более эффективной, чем действия самого собственника по охране своего имущества, совершаемые вне рамок правовой системы;

– создают определенные (формальные) предпосылки надлежащего поведения (бездействия) несобственников в отношении имущества собственника и позволяют последнему рассчитывать на соответствующее пассивное поведение указанных лиц в отношении его имущества, что является следствием воздействия на человека непосредственно системы пра́ва, а не его собственное психическое осознание недопустимости вторжения в сферу собственности другого человека, не подкрепленное средствами государственной защиты прав собственника имущества;

– способствуют восстановлению прав собственника и привлечению виновных к юридической ответственности в случае совершения несобственником действий, направленных на ущемление прав собственника имущества, препятствующих их осуществлению в отношении своего имущества, включая его неправомерное изъятие.

Право собственности, являясь основным, системообразующим структурным элементом системы вещных прав, в совокупности составляющих подотрасль «право собственности и другие вещные права», обладает всеми признаками и свойствами, присущими всей системе вещных прав и специфическими признаками и свойствами, присущими непосредственно праву собственности как наиболее полному и, соответственно, значимому по своему содержанию вещному праву. Так, непосредственно праву собственности присущи такие неоднократно исследованные в юридической литературе признаки, как бессрочное право; абсолютное право; наиболее полное по содержанию право; неограниченное право.

Кроме того, праву собственности присущи специфические свойства, к

которым относятся: свойство первоосновы возникновения ограниченных вещных прав, свойство доминирования над ограниченными вещными правами, безусловное (по общему правилу) свойство обременения.

Бессрочный характер права собственности выражается в отсутствии законодательно закрепленных сроков его существования. Следовательно, право собственности на вещь может существовать до тех пор, пока существует сама вещь, и прекращается одновременно с прекращением существования вещи.

На отсутствие законодательно закрепленного срока существования права собственности указывают нормы п. 5 ст. 210 ГК, определяющие право собственности как бессрочное.

В сроках своего существования право собственности непосредственно не связано с его носителем, т.е. субъектом, обладающим правом, и в случае прекращения его правосубъектности переходит в рамках правопреемства к другому субъекту, включая Республику Беларусь и ее административно-территориальные единицы. Единственным способом прекращения права собственности вообще, как такового, а не применительно к конкретному носителю, является уничтожение, потребление или иное использование, повлекшее прекращение существования вещи как материального объекта, т.е. физически.

При этом применительно к конкретному носителю права собственности оно может быть прекращено в период физического существования вещи в добровольном порядке по воле самого обладателя права, помимо его воли по основаниям, предусмотренным нормами права, а также помимо его воли посредством совершения другим субъектом противоправного действия, повлекшего уничтожение вещи.

Абсолютный характер права собственности выражается, во-первых, в том, что субъективное право собственности возникает вследствие участия субъекта в абсолютных вещных правоотношениях, направленных на приобретение права, и, во-вторых, в том, что право собственности предоставляет его носителю исключительные относительно иных субъектов возможности использования собственного имущества. Исключительность выражается в полной независимости собственника от иных субъектов гражданского права в процессе принятия решений, касающихся хозяйственного использования имущества, определения его места нахождения, сроков существования права собственности, возможного уничтожения имущества, либо его передачи другим лицам на праве собственности, либо по иным гражданско-правовым основаниям, а также в процессе принятий иных решений, связанных с эксплуатацией имущества и прекращением права собственности на него. Таким образом, независимость права собственности проявляется в наличии у собственника имущества суверенной возможности реализации предоставленных ему прав своей волей и в своем интересе.

На абсолютный характер права собственности указывают нормы п. 2 ст. 210 ГК, согласно которым субъект права собственности по своему усмотрению совершает в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие установленному правопорядку, общественной пользе и безопасности, если эти действия не причиняют вред окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляют прав и защищаемых законом интересов других лиц.

По своему содержанию право собственности, являясь первоначальным, предоставляет его носителю наибольший по отношению к производным вещным правам набор правомочий, к которым согласно нормам п. 1 ст. 210 ГК относятся правомочие владения, правомочие пользования, правомочие распоряжения. В совокупности с таким признаком, как абсолютный характер права собственности, анализируемый признак указывает на то, что право собственности является максимально полным по своему содержанию правом в тех рамках, которые допускаются установленным нормами гражданского права правовым режимом и позволяет собственнику имущества осуществлять принадлежащие ему правомочия максимально полно и исключительно по своему усмотрению, укладывающемуся в рамки, определенные нормами гражданского права.

Неограниченный характер права собственности проявляется в том, что правомочия собственника, по общему правилу, не могут быть ограничены другими субъектами гражданского права, что отличает право собственности от производных вещных прав, содержание которых ограничивается как собственником имущества, так и правовыми нормами, устанавливающими ограниченные вещные права.

Неограниченный характер права собственности вытекает из предыдущих признаков, а также закреплен в п. 2 ст. 210 ГК и указывает на возможность ограничения права собственности только правовыми нормами, в рамках которых собственник абсолютно свободен в выборе способов и направления использования своего имущества.

При этом, применительно ко всей системе права и правовому статусу гражданина Республики Беларусь, возможность неограниченного и гарантированного государством осуществления правомочий собственника в рамках установленного правопорядка закреплена в ст. 44 Конституции, нормы которой указывают на ряд ограничений собственника в процессе осуществления своих правомочий. В соответствии с установленными нормами Конституции ограничениями осуществление права собственности не допускается, если это противоречит общественной пользе и безопасности, наносит вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемляет права и защищаемые законом интересы других лиц.

Кроме рассмотренных выше в юридической литературе также указывается на наличие еще одного признака права собственности, именуемого

«упругостью», или «эластичностью», подразумевая под этим такие качества права собственности, как «способность восстанавливаться в прежнем объеме, как только связывающие его ограничения отпадут»[101]. К таким ограничениям, в частности, относят передачу собственником другому лицу части или всех правомочий, составляющих содержание права собственности, в соответствии с чем на вещь возникает ограниченное вещное право у получившего соответствующие правомочия лица. Комментируя приведенную ситуацию, Н.Н. Аверченко отмечает следующее: «в таком случае право собственности как бы сжимается, так как правомочия владения и пользования по определению переходят к субъекту ограниченного вещного права. <…> Если к субъекту ограниченного вещного права переходит и правомочие распоряжения, то право собственности вообще приобретает характер так называемого голого права, когда формально право есть, но оно не наполнено содержанием»[102].

Понятие «упругость» или «эластичность» права собственности в цивилистику ввел А.В. Венедиктов, рассмотревший ситуацию, при которой собственник, лишенный всех трех правомочий, например, при судебном аресте имущества с его фактическим изъятием из владения, пользования и распоряжения собственника, остается обладателем какого-то реального «сгустка» права собственности, которое восстанавливается у собственника в полном объеме в случае, когда предъявленные к нему претензии оказались несостоятельными и отпали[103].

По нашему мнению, применение к правовым нормам таких эпитетов, как «упругая», «эластичная» норма, норма «сжимается», «голое» право и других аналогичных терминов, отражающих физические свойства материальных объектов, следует признать необоснованным и нецелесообразным в силу того, что они не отражают сути правовых явлений, существующих исключительно в мыслительном процессе человека, в силу вымышленности, фиктивности самого права как средства регулирования общественных отношений.

Безусловно, в системе вещных прав существует такое правовое явление, как передача собственником несобственнику своих правомочий владения, пользования и распоряжения, на основании чего у последнего возникает ограниченное вещное право на определенное имущество собственника. В таких случаях, в частности, применяются юридические конструкции права хозяйственного ведения и права оперативного уп-

---

[101] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ПБОЮЛ; Л.В. Рожников, 2001. – Т. 1. – С. 346.

[102] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 617.

[103] Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.–Л., 1948. – С. 14–17 и др.

равления, если имущество и правомочия передаются соответствующему субъекту, а также ограниченные вещные права, связанные, например, с использованием земельных участков.

Но разве в данной ситуации можно сказать, что право собственности, принадлежащее передавшему правомочия субъекту, остается без содержания? Разве можно утверждать, что на весь срок передачи правомочий субъекту ограниченных вещных прав субъект права собственности лишен правомочий, составляющих содержание права собственности? Так, согласно нормам главы 19 ГК, собственник осуществляет контроль за использованием и сохранностью имущества, переданного субъекту ограниченных вещных прав, принимает решение о ликвидации субъекта хозяйственного ведения, получает прибыль от использования имущества, решает вопросы распоряжения недвижимым имуществом, переданным субъекту ограниченных вещных прав на праве хозяйственного ведения и приобретенным им, определяет пределы распоряжения иным имуществом, принимает решение об изъятии имущества у субъекта ограниченных вещных прав.

Таким образом, собственник имущества, даже после его передачи иному субъекту на одном из ограниченных вещных прав, при желании может занимать достаточно активную позицию в области управления таким имуществом посредством реализации правомочий, составляющих содержание права собственности. В том случае, если бы его право оставалось, как утверждает Н.Н. Аверченко, «голым», собственник имущества не мог бы иметь вообще никаких правомочий в его отношении в течение всего срока действия ограниченного вещного права.

Вместе с тем, безусловно, в случае передачи имущества другому субъекту на одном из вещных прав составляющие содержание права собственности правомочия для собственника имущества в определенной степени ограничиваются, а точнее, ограничиваются возможности по их полной фактической реализации. Степень ограничения определяется степенью свободы в отношении такого имущества, предоставленной субъекту права хозяйственного ведения, которая, в целом, не должна быть меньше минимальных пределов, определенных правовыми нормами. При этом вести речь о полной утрате собственником правомочий владения, пользования и распоряжение имуществом, переданным субъекту ограниченного вещного права, на наш взгляд, не следует, что также исключает необходимость применения для характеристики права собственности таких терминов, как «эластичность» и «упругость».

Независимо от того, в каком объеме собственник передал правомочия в отношении своего имущества несобственнику, собственник всегда остается титульным владельцем со всем набором правомочий, т.е. юридически. При этом фактическое владение, фактическое пользование и, в некоторых отдельных случаях, фактическое распоряжение конкретным

имуществом для собственника ограничены в пределах, установленных нормами права и решениями собственника.

Далее рассмотрим присущие праву собственности свойства.

С*войство первоосновы возникновения ограниченных вещных* прав указывает на то, что непосредственно и единственно право собственности является тем правовым базисом, который позволяет субъекту права собственности посредством добровольного ограничения своих возможностей по реализации правомочий, составляющих содержание права собственности, передать имущество в хозяйственную эксплуатацию субъекту ограниченных вещных прав с целью реализации своих, т.е. субъекта права собственности, имущественных, а также, в случае необходимости, и неимущественных интересов.

Свойство доминирования над ограниченными вещными правами указывает на то, что субъект права собственности в пределах, ограниченных нормами права, по своему усмотрению определяет содержание ограниченного вещного права, осуществляет функции надзора и контроля за реализацией правомочий, переданных субъекту ограниченного права, определяет момент его прекращения иным образом, предусмотренным соответствующими правовыми нормами, доминирует над субъектом ограниченного вещного права.

Безусловное (по общему правилу) свойство обременения указывает на то, что:

– в соответствии с нормами ст. 211 ГК, по общему правилу, собственник обязан нести бремя расходов, связанных с содержанием своего имущества;

– в соответствии с нормами ст. 212 ГК, по общему правилу, на собственника имущества возлагаются неблагоприятные имущественные последствия, связанные со случайной гибелью, случайной порчей или случайным повреждением имущества.

При этом указанные выше обременения нормами права либо договором могут быть переложены на другого субъекта гражданского права, что предусмотрено нормами приведенных выше статей ГК.

§ 3. Содержательная характеристика права собственности

В соответствии с нормами ст. 210 ГК содержание права собственности составляют три правомочия собственника, к которым относятся: правомочие владения, правомочие пользования, правомочие распоряжения. Все три правомочия в совокупности предоставляют их обладателю наиболее полный с точки зрения существующего гражданского правопорядка объем юридически обеспеченных возможностей по использованию

собственного имущества, независимого от других субъектов гражданского права, включая возможность временной частичной передачи правомочий субъектам ограниченных вещных прав по вещно-правовым основаниям, а также иным субъектам права собственности по обязательственно-правовым основаниям. Согласно верному утверждению С.С. Алексеева, «именно указанная выше "триада": право владения, право пользования, право распоряжения – раскрывает особенности статуса собственника с юридической стороны – абсолютность и исключительность его прав в качестве общедозволительных»[104].

В российскую цивилистическую науку и в систему гражданского права триаду правомочий собственника, применяемую без изменений и в современный период развития как цивилистической доктрины, так и догмы ввел М.М. Сперанский в 1883 г. определив содержание права собственности через владение, пользование и распоряжение вещью по своему усмотрению, благодаря чему, по мнению Ю.А. Тарасенко «становится возможным дать характеристику и выявить все свойства права собственности»[105].

Определения понятий «владение», «пользование» и «распоряжение», в силу отсутствия в настоящее время их законодательного закрепления в ГК, предлагаются цивилистической доктриной, что позволяет наиболее полно осознать место каждого из правомочий в содержании права собственности, изучить предназначение каждого из них в отдельности и всей их совокупности, в целом, в процессе реализации права собственности, как основного института вещного права в практической деятельности, т.е. в процессе применения установленных в государстве догматов. В ГК СССР 1964 г., в отличие от ГК Республики Беларусь 1998 г., содержание каждого из правомочий собственника было закреплено в ст. 86, т.е. на законодательном уровне, что способствовало наиболее определенному и единообразному толкованию правомочий собственника в практической деятельности и, в частности, в процессе рассмотрения споров о принадлежности имущества субъекту на одном из предусмотренных нормами ГК вещных прав.

Все три правомочия в первую очередь принадлежат собственнику вещи и создают легитимные условия ее беспрепятственного использования собственником как в хозяйственных, так и в иных целях в рамках установленного гражданского правопорядка и, по общему правилу, вне зависимости от усмотрения других субъектов гражданского права. Значение совокупности названых правомочий, как, собственно, и права

[104] Алексеев С.С. – Указ. соч. – С. 33.

[105] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 484.

собственности, содержание которого они составляют, заключается в юридическом закреплении имущества за субъектом и легализации его поведения в отношении имущества, в том числе связанного с получением продукции, плодов и доходов от хозяйственного использования своей вещи. Закрепление имущества за субъектом осуществляется посредством предоставления ему соответствующих прав и возможности их реализации посредством активного поведения, а также возложения на других лиц юридической обязанности пассивного типа, состоящей в воздержании от каких-либо действий в отношении имущества, права на которое переданы персонифицированному лицу. Причем для обеспечения пассивного поведения иных субъектов собственник имущества не должен совершать какие-либо действия, кроме публичной легализации своих прав на вещь, в результате чего права собственника приобретут признак публичности, станут известны третьим лицам.

Вне рамок гражданского правопорядка, вне рамок системы права действительный обладатель вещи также имеет возможность владеть, пользоваться и распоряжаться ею, но его владение, пользование и распоряжение, являясь исключительно фактическими, не обеспечивают закрепление за собственником одноименных юридически обеспеченных прав и, следовательно, не обеспечивают государственную защиту субъекта от посягательств третьих лиц на принадлежащее ему имущество. Таким образом, положение хозяина вещи вне рамок системы права в целом и права собственности в частности является наиболее уязвимым, а фактическое владение, пользование и распоряжение, не подкрепленные их юридической составляющей, могут быть сопряжены с вмешательством третьих лиц и в итоге парализованы ими как посредством изъятия имущества у его обладателя, так и путем создания иных препятствий, не связанных с изъятием вещи.

Каждое из трех названных правомочий, что следует и вышеизложенного, включает в себя две составляющие – юридическую и фактическую. Такая структура правомочий в целом свойственна сегменту общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права и гражданским правоотношениям, включающим в себя как фактические общественные отношения, возникающие и развивающиеся в сфере производства, обмена, потребления материальных благ, так и опосредующую их правовую форму, выраженную в законодательно закрепленных правах и обязанностях участников общественной связи, опосредуемой нормами гражданского права.

Все три правомочия, как указывалось выше, в первую очередь принадлежат собственнику, что является основанием для квалификации права собственности как первоначального права. Собственнику имущества предоставлена легальная возможность по своему усмотрению распоря-

жаться как собственным имуществом, так и правами в отношении него, вследствие чего собственник вправе частично отчуждать все или некоторые принадлежащие ему правомочия другому субъекту гражданского права, не являющемуся собственником.

Таким образом, правомочия владения, пользования и распоряжения, принадлежащие в первую очередь субъекту права собственности, по его воле могут быть переданы и субъекту ограниченных вещных прав, т.е. несобственнику.

Передача субъектом вещного права составляющих его содержание правомочий другому субъекту может осуществляться как в рамках вещного права, так и в процессе участия собственника вещи в обязательственных правоотношениях. В рамках вещного права правомочия собственника могут быть переданы субъекту ограниченных вещных прав как на определенный, так и на неопределенный срок, включая постоянное пользование земельным участком и пожизненное наследуемое владение земельным участком. В результате передачи правомочий собственника субъекту ограниченных вещных прав собственник не утрачивает права собственности, которое продолжает существовать с ограниченным содержанием. Причем ограничивается не набор правомочий собственника, а возможность их фактической реализации. Так, субъект права собственности, по общему правилу, предает субъекту ограниченных вещных прав все три правомочия собственника, но с усеченным по отношению к праву собственности содержанием, чем обусловлено ограничение собственника в осуществлении принадлежащих ему прав. При этом субъект ограниченного вещного права также не имеет возможности осуществления всех трех правомочий в полном объеме, что позволяет собственнику имущества осуществлять контроль за его использованием и изъять у субъекта ограниченных вещных прав имущество, не используемое либо используемое не по назначению.

В рамках обязательственных правоотношений субъект права собственности передает, как правило, на определенное время отдельные правомочия иному субъекту, который, являясь несобственником по отношению к полученной вещи, применительно к системе субъектов гражданского права может являться субъектом права собственности по отношению к принадлежащему ему имуществу. В процессе участия в обязательственном правоотношении субъект права собственности в большинстве случаев передает несобственнику временно два правомочия: владение и пользование. В отдельных случаях может передаваться только правомочие пользования, и в наиболее редких случаях – все три правомочия, включая правомочие распоряжения.

Срок действия правомочий, переданных несобственнику в рамках обязательства, всегда ограничен сроком действия самого обязательства.

По отношению к содержанию правомочий собственника, переданных субъекту ограниченных вещных прав, правомочия, переданные собственником стороне обязательственного правоотношения, являются наиболее ограниченными. Так, участник обязательственного правоотношения ограничен в пределах и способах использования имущества собственника условиями обязательства и может распоряжаться им в исключительных случаях, прямо предусмотренных соглашением сторон. В отличие от участника обязательства, субъект ограниченного вещного права имеет юридически обеспеченную возможность осуществления правомочий собственника, в первую очередь, в пределах, установленных правовыми нормами, и только во вторую – с учетом ограничений, установленных собственником имущества.

Далее проведем анализ каждого из правомочий собственника, составляющих уже известную нам триаду.

§ 4. Структура и юридическое значение правомочий владения, пользования и распоряжения

Правомочие владения, как юридическая категория, являясь первичным, в исследуемой трихотомии предоставляет собственнику имущества юридически обеспеченную возможность оказывать на свою вещь физическое воздействие в любое удобное время вне зависимости от чьей-либо воли, т.е. беспрепятственно. Правомочие владения состоит из двух составляющих: владения фактического и владения юридического, которые принадлежат субъекту права собственности не только в том случае, когда он постоянно физически контактирует с вещью, воздействует на нее тем или иным образом, не только тогда, когда вещь находится в поле его зрения, на виду, но и в том случае, когда собственник безразличен к имуществу, находящемуся вне поля его зрения и вне пределов физической досягаемости. Например, вещь хранится в подвале загородного дома, находящегося на большом расстоянии от городской квартиры, не используется в течение длительного периода времени (10, 15, 20 и более лет). Главное, чтобы гипотетически собственник имел возможность физического взаимодействия со своей вещью по первому своему желанию. Причем под физическим взаимодействием следует понимать возможность любого фактического воздействия на вещь как с определенной целью, так и бесцельно, вне связи с ее назначением.

Из изложенного следует, что субъекту права собственности в рамках правомочия владения всегда принадлежит владение юридическое, которое может сопровождаться фактическим владением, а может и не сопровождаться таковым. Например, в случае передачи вещи собствен-

ником другому лицу на одном из ограниченных вещных прав за собственником сохраняются элементы юридического владения, часть из которых передана субъекту ограниченных вещных прав и при этом не сохраняется владение фактическое, в полном объеме переданное соответствующему субъекту, получившему имущество с целью его хозяйственной эксплуатации как в своем интересе, так и в интересе собственника вещи. Такое же положение, по мнению Р.С. Бевзенко, сохраняется, когда вещь изъята у собственника помимо его воли, например, путем хищения. В данной ситуации фактическое владение, хоть и незаконное, принадлежит вору, а юридическое – собственнику вещи[106].

Предназначение правомочия владения как юридической категории и непосредственно его юридической составляющей, состоит в юридическом закреплении за обладателем вещи установленных гражданским правопорядком возможностей физического воздействия на нее, что способствует включению не только непосредственно имущества в хозяйственную эксплуатацию, но и включения в гражданский оборот прав на него. Последнее, в свою очередь, является основанием для распространения на имущество и его владельца содержащегося в ГК и других нормативных правовых актах государственного обещания защиты в случае, если предоставленные субъекту государством права будут нарушены другими лицами.

Правомочие владения определено нами как первичное в триаде правомочий собственника в связи с тем, что с момента возникновения фактического владения начинается процесс приобретения субъектом права собственности (ограниченных вещных прав) на вещь, выражающийся в предоставлении собственнику владения юридического и, далее, остальных правомочий собственника. Вне рамок правомочия владения по сути отсутствует возможность неограниченного беспрепятственного хозяйственного использования имущества.

Согласно замечанию Р. Фон Иеринга, «собственность без владения была бы кладовой без ключа, фруктовым деревом без лестницы, которая необходима, чтобы срывать плоды».

Правомочие владения, являясь категорией гражданского права, пользующейся его защитой, юридически исключает возможность физического воздействия на вещь всеми субъектами, за исключением того лица, которому принадлежит правомочие. Вместе с тем, как и вся система права, правомочие владения не исключает возможности несоответствующего требованиям правовых норм виновного или невиновного физического вмешательства в сферу собственника, выражающегося в поступлении

[106] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 527.

имущества во владение несобственника безотносительно к действительным намерениям обладателя правомочия владения.

В этой связи владение вещью классифицируется цивилистической наукой на законное, приобретенное в соответствии с установленным гражданским правопорядком и, следовательно, именуемое титульным, и незаконное, приобретенное вне рамок правовых норм, вне связи с юридическим основанием (титулом).

Законное владение всегда принадлежит титульному владельцу вещи и, в первую очередь, субъекту права собственности, но может принадлежать и несобственнику на одном из ограниченных вещных прав либо в соответствии с условиями обязательства. Незаконное владение принадлежит лицу, не обладающему соответствующим правовым титулом, и в зависимости от фактических обстоятельств поступления вещи во владение неуполномоченного лица подразделяется на добросовестное незаконное владение и недобросовестное незаконное владение.

Владение юридическое всегда законно, так как основано на соответствующем правовом титуле и, следовательно, имеет легитимные основания своей принадлежности конкретному субъекту. Фактическое владение может следовать из юридического и, соответственно, быть законным, а может и не следовать, возникнуть вне связи с правовым титулом, в том числе в результате совершения уголовного преступления и, таким образом, рассматриваться как незаконное.

Незаконным добросовестным признается такое владение, которое возникло у субъекта помимо воли титульного владельца имущества, но при таких условиях, когда незаконный владелец не знал и не мог знать об отсутствии у лица, передавшего ему вещь, юридического титула на нее и, следовательно, полномочий на ее отчуждение и передачу соответствующих вещных прав. Субъект, приобретший вещь при указанных обстоятельствах, признается добросовестным приобретателем.

Незаконным недобросовестным признается такое владение, приобретая которое, субъект гражданского права знал или мог знать, что получает вещь у лица, не обладающего с точки зрения гражданского права полномочиями на ее отчуждение и передачу правомочия владения в отношении такой вещи. Субъект, получивший вещь при таких обстоятельствах, признается недобросовестным приобретателем.

Недобросовестный приобретатель в момент приобретения вещи не приобретает юридического владения ею и, следовательно, не приобретает гражданских прав на вещь. Добросовестный приобретатель в том случае, когда на возмездных началах приобрел вещь, выбывшую из владения собственника или уполномоченного им лица по их воле, приобретает в ее отношении владение юридическое и, как следствие, остальные правомочия собственника. В том случае, когда возмездно приобретен-

ная вещь выбыла из владения собственника или уполномоченного им лица помимо их воли (была, например, похищена, утеряна), добросовестный приобретатель, так же как и недобросовестный, не приобретает юридического владения и, как следствие, остальных правомочий собственника в отношении указанной вещи. Однако в момент приобретения вещи добросовестный приобретатель, в отличие от недобросовестного, не знает об этом и, следовательно, считает себя собственником вещи до момента предъявления к нему требования собственника о ее возврате.

В случае незаконного добросовестного приобретения вещи на безвозмездных началах правомочия собственника в ее отношении не возникают не зависимо от оснований выбытия вещи из титульного владения, но при этом внутреннее убеждение добросовестного приобретателя, как и в выше описанном случае, направлено на признание за собой правомочий собственника до момента предъявления к нему требования о возврате незаконно приобретенного имущества.

В отличие от основной массы вещей в отношении таких их видов, как деньги и ценные бумаги на предъявителя, приобретенные незаконно, но добросовестно, добросовестный приобретатель во всех случаях приобретает правомочия собственника в полном объеме.

Как недобросовестный, так и добросовестный приобретатель, получив вещь от лица, не имеющего права на ее отчуждение, вне зависимости от наличия или отсутствия юридических правомочий в ее отношении во всех случаях приобретают имущество в фактическое владение, пользование и распоряжение. В том случае, когда переход прав на имущество не подлежит фиксации государственными органами и иными представителями государства, например, государственной регистрации либо нотариальному удостоверению, фактическое владение вещью внешне выглядит как основанное на правовом титуле в силу действия гражданско-правового принципа добросовестности участников гражданских отношений. Кроме того, в указанном случае в отношениях незаконного владельца с иными субъектами гражданского права действует правило фактического владения, согласно которому изначально титульным владельцем имущества признается его фактический владелец. Названное правило можно сформулировать следующим образом: *кто владеет, того и вещь*. В указанной ситуации, по мнению Р.С. Бевзенко, «главным является факт физического господства над вещью и именно ему <…> придается юридическое значение»[107].

Как принцип добросовестности и разумности, так и правило фактического владения действуют в отношении незаконного приобретателя

[107] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 529.

до тех пор, пока не будет официально доказано обратное, т.е. недобросовестность лица, передавшего вещь и незаконность владения ею лицом, принявшим вещь, что следует из содержания норм п. 4 ст. 9 ГК. Учитывая содержание правовых норм, закрепленных в ст. 2 ГК и ст. 8 ГК, наделяющих субъекта гражданского права возможностью, а не обязанностью совершать действия, направленные на защиту нарушенных прав, в том числе и права собственности, может сложиться ситуация, при которой титульный владелец имущества не предпримет мер к восстановлению нарушенного права, в связи с чем вещь останется в фактическом владении незаконного владельца, который, на что указывалось выше, в отношениях с третьими лицами фактически будет восприниматься как титульный.

Состояние неопределенности, при котором действительный титульный владелец имущества безусловно имеет юридически обеспеченную возможность восстановить нарушенное право собственности и вернуть имущество в свое фактическое владение, продлиться три года с того момента, когда он узнал или должен был узнать о нарушении принадлежащего ему права, т.е. в течение установленной нормами гражданского права общей исковой давности.

Весь указанный период времени собственник имущества будет обладать юридическим правомочием владения, позволяющим ему требовать возврата имущества. По истечении указанного срока незаконный владелец, по сути, сможет считать себя лицом, добросовестно владеющим имуществом в силу истечения срока, установленного для защиты нарушенных прав, и обладателем всех трех правомочий собственника в силу отсутствия непосредственно у собственника имущества правовых возможностей для изъятия вещи у несобственника и ее возврата в свое владение.

Вместе с тем, с точки зрения института приобретательной давности, с момента истечения исковой давности для истребования имущества из чужого незаконного владения и до момента перевода права собственности на имущество на фактического владельца, он не будет юридически признан собственником имущества, а его владение вещью в указанный период, по мнению В.А. Витушко, следует считать переходной формой[108]. Однако в юридической литературе высказана в достаточной степени обоснованная точка зрения о необходимости разграничения института добросовестного приобретения и института давностного владения как двух юридически самостоятельных способов приобретения права собственности на имущество[109].

---

[108] Витушко В.А. –Указ. соч. − С. 331.

[109] *Подробнее об этом см.*: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 514–524.

Правомочие пользования, как юридическая категория, предоставляет собственнику имущества юридически обеспеченную возможность беспрепятственной хозяйственной эксплуатации вещи, осуществляемой по своему усмотрению и в своем интересе с целью извлечения ее полезных свойств. Правомочие пользования занимает центральное место в анализируемой трихотомии и служит цели легализации с точки зрения гражданского права фактического поведения субъекта, направленного на вещь, являясь правовой гарантией законности присвоения таким субъектом полезных свойств имущества, включая полученные от его использования плоды, продукцию и доходы.

Отличие фактического воздействия на вещь, оказываемого в рамках правомочия владения, и фактического воздействия на вещь, оказываемого в рамках правомочия пользования, состоит в том, что правомочие владения позволяет субъекту воздействовать на вещь в любое время, а правомочие пользования – с целью извлечения из вещи ее полезных свойств. В совокупности два правомочия предоставляют субъекту юридически обеспеченную возможность извлечения полезных свойств имущества в любое удобное для него время.

Передача собственником несобственнику правомочия пользования без фактической составляющей правомочия владения ограничивает возможности использования имущества таким субъектом временными рамками, установленными собственником, у которого вещь находится как в юридическом, так и в фактическом владении. По сути, применительно к организациям со статусом юридического лица время реализация правомочия пользования ограничено режимом работы фактического владельца вещи. Например, возможность реализации правомочия пользования научной литературой в читальном зале публичной библиотеки ограничена режимом ее работы, возможность осуществления правомочия пользования аттракционами в городском парке – режимом работа парка и т.п.

Правомочие пользования, применительно к системе вещных правоотношений, занимает центральное место в триаде правомочий собственника вследствие того, что юридически опосредует действия титульного владельца, направленные на извлечение полезных свойств вещи, являющиеся самоцелью приобретения прав на нее и держания вещи при себе несмотря на возложенного на титульного владельца вещи нормами права собственности бремени ее содержания.

При этом применительно к обязательственным правоотношениям в случае производства вещей для их реализации третьим лицам с целью извлечения прибыли более значимым для их титульного владельца, безусловно, будет правомочие распоряжения.

Правомочие пользования, также как и правомочие владения, вклю-

чает в себя пользование юридическое и пользование фактическое. Собственник имущества, обладая юридическим владением, обладает и юридическим пользованием в отношении вещи. Юридическое пользование, в свою очередь, может сочетаться с фактическим, когда вещь использует ее титульный владелец, и не сочетаться, если вещь находится во владении незаконном либо титульный владелец вещи передал фактическую составляющую правомочия пользования другому лицу по вещно-правовым или обязательственно-правовым основаниям.

В последнем случае реализация юридической составляющей пользования титульным владельцем выразится в получении им платы от субъекта, которому передано правомочие фактического пользования.

Фактическое пользование незаконного владельца не влечет положительных юридических последствий в отношении полученных от использования вещи плодов, продукции и доходов, на которые возникает правовой титул у законного владельца, имеющего право истребовать вещь вместе с продукцией, плодами и доходами в рамках установленной нормами ГК процедуры.

Правомочие распоряжения, как юридическая категория, являясь третьим, в системе правомочий собственника, предоставляет титульному владельцу легализованную нормами гражданского права возможность определения юридической и фактической судьбы вещи посредством ее отчуждения как возмездно, так и безвозмездно, путем включения вещи в состав другого имущества, вследствие ее переработки (обработки), посредством иного изменения ее физических свойств, а также посредством уничтожения вещи, включая ее потребление, в том числе в результате включения в производственный цикл.

Правомочие распоряжения, также как и два других правомочия собственника, включает в себя как юридическую, так и фактическую составляющую. Юридическое распоряжение состоит в передаче всех или части правомочий собственника и всегда принадлежит титульному владельцу, а фактическое распоряжение состоит в непосредственной передаче вещи и может принадлежать как титульному, так и незаконному, но фактическому владельцу вещи.

Фактическое законное и незаконное распоряжение могут быть реализованы посредством потребления или иного уничтожения вещи, и в этом случае всегда влекут за собой распоряжение юридическое и, как следствие, утрату права собственности на потребленную вещь. Причем в случае потребления или уничтожения вещи для прекращения права собственности на нее не имеет практического значения, какой из субъектов реализовал фактическое распоряжение вещью, законный или незаконный владелец, как обладающий юридической составляющей анализируемого правомочия, так и не обладающий таковой. В данном случае действует пра-

вило, согласно которому право следует за вещью и прекращается одновременно с прекращением вещи.

Незаконное фактическое распоряжение, реализованное несобственником посредством передачи вещи другому лицу, влечет возникновение у этого лица правомочий собственника только в том случае, когда такое лицо считается добросовестным приобретателем, а переданная ему неуполномоченным субъектом вещь выбыла из господства титульного владельца по его воле либо в том случае, когда незаконно были отчуждены деньги или ценные бумаги на предъявителя.

В остальных случаях фактическое незаконное распоряжение не влечет за собой передачи иных правомочий собственника.

Особенность триады правомочий собственника, принадлежащей непосредственно субъекту права собственности, как первоначального, независимого, основного вещного права, состоит в том, что решение о необходимости реализации предоставленных триадой возможностей, т.е. решение о необходимости осуществления активных действий в отношении своего имущества либо об отсутствии такой необходимости, принимает собственник имущества исключительно по своему усмотрению независимо от других субъектов гражданского права. В отличие от субъекта права собственности субъекты ограниченных вещных прав, а также субъекты, приобретшие вещные права вследствие участия в обязательственном правоотношении, в процессе реализации правомочий собственника обременены требованиями последнего и, по общему правилу, обязаны реализовывать преданные им собственником правомочия в его интересах под страхом их прекращения и изъятия имущества собственником в свое владение.

§ 5. Субъекты права собственности. Формы и виды собственности

Право собственности как совокупность правовых норм представляет собой единый правовой механизм, обеспечивающий наиболее благоприятные правовые условия использования имущества его собственниками как в хозяйственной деятельности, так в иных полезных для себя и других субъектов целях. В качестве собственников имущества и, следовательно, субъектов права собственности выступают субъекты гражданского права, способные с точки зрения их правосубъектности обладать имуществом на праве собственности. При этом необходимо иметь в виду, что обладание имуществом на праве собственности относится, в соответствии с нормами ст. 17 ГК, к элементам гражданской правоспособности, что указывает на возможность лиц, не обладающих дееспо-

собностью, признаваться субъектами права собственности. Единственным ограничением, распространяющимся на собственников имущества, не обладающих достаточным объемом дееспособности, является ограничение в самостоятельном осуществлении правомочия распоряжения принадлежащими им вещами. В отличие от правомочия распоряжения такие правомочия собственника, как владение и пользование, недееспособное лицо вправе осуществлять самостоятельно, если при этом для использования имущества в связи с его опасными свойствами нормами гражданского или иных отраслей права не установлены специальные возрастные и иные требования. Так, запрещено самостоятельное осуществление правомочия пользования автомобилем лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, а также лицом, не имеющим воительского удостоверения. Аналогичные специальные требования установлены применительно к использованию любого механического транспортного средства. Вместе с тем, недееспособные и частично дееспособные лица имеют полное право признаваться собственниками такого имущества. Иным, не обладающим опасными свойствами имуществом субъект, не наделенный полной дееспособностью либо полностью недееспособный, может владеть и пользоваться самостоятельно.

Таким образом, в качестве субъектов права собственности могут выступать физические лица независимо от своей правосубъектности, организации со статусом юридического лица как коммерческие, так и некоммерческие, Республика Беларусь и ее административно территориальные единицы в лице соответствующих государственных органов.

В соответствии с нормами ст. 13 Конституции в Республике Беларусь законодательно закреплены две формы собственности: государственная и частная, что с точки зрения гражданского права отражает принадлежность имущества на праве собственности государственному либо негосударственному (частному) субъекту.

Согласно нормам ст. 213 ГК в качестве субъектов, способных принять имущество исключительно в частную собственность, выступают граждане Республики Беларусь и негосударственные организации со статусом юридического лица; в качестве субъектов, способных принять имущество исключительно в государственную собственность, выступают Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы.

С точки зрения правового режима, установленного правом собственности, а также с точки зрения видов объектов гражданских прав, которые могут находиться в частной либо государственной собственности между закрепленными в Конституции двумя ее формами, в целом, каких-либо значимых различий не существует, что также следует из норм ст. 13 Конституции, согласно которым государство гарантирует равную защиту и равные условия для развития как государственной, так и частной

собственности.

По сути, вещь классифицируется как государственная собственность, когда попадает в казну или титульное владение государственного субъекта и, соответственно, как частная собственность, когда попадает в титульное владение негосударственного (частного) лица. При этом вещь, находящаяся в частной собственности, посредством ее отчуждения в пользу государственного субъекта становится государственной собственностью и отчужденная государственным субъектом в пользу частного становится частной собственностью.

Вместе с тем, в систему гражданского законодательства включен Закон Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства», нормы которого определяют перечень вещей и иного имущества, которое может принадлежать на праве собственности исключительно Республике Беларусь или ее административно-территориальным единицам. Кроме того, в соответствии с нормами ст. 13 Конституции недра, воды и леса составляют исключительную собственность государства, а земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства.

Необходимость закрепления определенного имущества на праве собственности непосредственно за Республикой Беларусь или ее административно-территориальными единицами обусловлена либо особо опасными свойствами имущества, в силу чего за его использованием необходим повышенный контроль, как например, военное имущество, либо его повышенной социальной значимостью и, следовательно, стремлением государства использовать такое имуществу в общественных интересах, как, например, природные ресурсы.

Таким образом, закрепление определенного имущества на праве собственности за государством обусловлено государственными и общественными интересами, реализация и защита которых может быть обеспечена не иначе, как распространением на такое имущества режима ограниченного обращения и, по сути, исключения из состава субъектов, имеющих право приобретения такого имущества на праве собственности физических лиц и негосударственных организаций со статусом юридического лица.

Кроме того, что в зависимости от статуса субъекта права собственности, т.е. от классификации его как лицо государственное либо частное зависят его возможности по обладанию определенными объектами права собственности, нормами ГК также установлены различия в основаниях приобретения и прекращении права собственности, отдельные из которых могут быть использованы только государственными субъектами, а отдельные – исключительно частными. При этом ряд оснований возникновения права собственности присущ двум названным категори-

ям субъектов гражданского права в равной мере.

Необходимость разделения оснований приобретения и прекращения права собственности в зависимости от принадлежности субъекта к группе государственных или частных обусловлена присущим государству, как системе политического управления определенной территорией, набором специфических функций, реализуя которые, государственные органы, участвующие именем государства в гражданском обороте, осуществляют государственное управление в определенной сфере социального взаимодействия. В процессе осуществления государственного управления государственные органы в том числе применяют к остальным участникам гражданско-правовых отношений меры юридической ответственности, осуществляют правосудие и, по общему правилу, в хозяйственной деятельности непосредственно не участвуют.

Присущий государственным органам правовой статус не свойственен частным лицам, участие которых в гражданском обороте обусловлено частными интересами и сводится не к управлению экономической сферой, а осуществлению деятельности, связанной с удовлетворением своих частных экономических интересов. Указанное различие правовых статусов субъектов гражданского права является основанием некоторой дифференциации объектов, которые могут находиться на праве собственности у государственного или частного лица, а также оснований приобретения и прекращения права собственности.

Предусмотренные Конституцией формы собственности нормами права собственности классифицируются на виды. Данная классификация, также как и классификация собственности на государственную и частную, имеет своей основой субъектный состав лиц, обладающих тем или иным имуществом на праве собственности.

Так, частная собственность классифицируется на собственность физических лиц и собственность организаций со статусом юридического лица. Государственная собственность классифицируется на такие виды, как собственность Республики Беларусь (республиканская собственность) и собственность административно-территориальных единиц Республики Беларусь (коммунальная собственность).

Собственность организаций со статусом юридического лица может быть классифицирована на собственность коммерческих организаций и собственность некоммерческих организаций, собственность хозяйственных товариществ, собственность хозяйственных обществ, собственность производственных кооперативов, собственность общественных объединений и т.д. в зависимости от правовой формы, в которой создана организация-собственник.

Безусловно, ошибочным, не имеющим под собой ни теоретической, ни законодательной основы представляется элемент классификации соб-

ственности негосударственных организаций, приведенный Д.А. Колбасиным, который указывает на то, что «собственность негосударственных юридических лиц, исходя из особенностей правового режима, выступает в виде производственных кооперативов, обществ с ограниченной и дополнительной ответственностью»[110]. Цитируемый автор смешал такие понятия, как субъект гражданского права и объект гражданского права, который может принадлежать на праве собственности субъекту, в том числе и производственным кооперативам, обществам с ограниченной и дополнительной ответственностью, на которых указывает Д.А. Колбасин. При этом сами названные субъекты, как, впрочем, и другие субъекты гражданского права чьей-либо собственностью быть не могут.

Кроме того, собственность может быть классифицирована на унитарную – принадлежащую одному субъекту, и общую – принадлежащую двум и более субъектам. Общая собственность, в свою очередь, классифицируется на общую совместную и общую долевую.

Республиканская и коммунальная собственность, в свою очередь, подразделяются на имущество, составляющее соответствующую казну (Республики Беларусь или административно-территориальной единицы Республики Беларусь), и имущество, закрепленное за республиканскими либо коммунальными организациями со статусом юридического лица.

Казну Республики Беларусь, согласно нормам п. 2 ст. 215 ГК, составляют средства республиканского бюджета, золотовалютные резервы, другие объекты, которые могут находиться только в собственности государства, и иное государственное имущество, не закрепленное за республиканскими организациями со статусом юридического лица. Казну административно-территориальной единицы, в соответствии с нормами п. 3 ст. 215 ГК, составляют средства местного бюджета и иное коммунальное имущество, не закрепленное за коммунальными организациями со статусом юридического лица, а по сути, любое имущество, числящееся на балансе органа местного управления и самоуправления.

Имущество, находящееся на балансе местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, средства республиканского и местных бюджетов, включая государственные целевые бюджетные фонды, государственных внебюджетных фондов, согласно нормам Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства», может находиться исключительно в собственности государства и, соответственно, не может находиться в собственности физических лиц и негосударственных организаций.

[110] Колбасин Д.А. –Указ. соч. – С. 36.

Согласно нормам ст. 216 ГК имущество, находящееся в государственной собственности, может быть закреплено за соответствующими государственными организациями на праве хозяйственного ведения или на праве оперативного управления. Какие-либо ограничения по использованию государством своего имущества нормами ГК не установлены. При этом направления использования государственного имущества следуют из возложенных на государство функций и предопределены направлениями государственного развития и потребностями населения, проживающего на территории государства, т.е. общесоциальными целями.

Общие пределы использования имущества, находящегося в частной собственности, определены нормами ст. 2 ГК и нормами ст. 214 ГК. Так, соглано нормам ст. 2 ГК экономическая деятельность, осуществляемая физическими лицами и негосударственными организациями, в том числе и деятельность, связанная с использованием частной собственности, обусловлена социальной направленностью и общественной пользой. В этой связи нормами ст. 214 ГК предусмотрена возможность установления некоторых пределов и ограничений, связанных с приобретением имущества в частную собственность и его использованием.

В частности, согласно нормам п. 1 ст. 214 ГК нормами, закрепленными в нормативном правовом акте уровня закона могут быть установлены ограничения по видам имущества, которое может находиться в частной собственности, что в Республике Беларусь сделано нормами выше указанного Закона от 15 июля 2010 г. Кроме того, в соответствии с нормами п. 2 ст. 214 ГК количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и организаций, может быть ограничено в целях национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Необходимо отметить, что нормы п. 2 ст. 214 ГК, определяя условия возможного ограничения видов и стоимости имущества, которое может находиться в собственности граждан, указывают на закон, при этом определяя условия возможного ограничения видов и стоимости имущества, которое может находиться в собственности организаций со статусом юридического лица – на законодательный акт, что, по нашему мнению, не несет в себе смысловой нагрузки и является ни чем иным, как игрой слов. Наш вывод основан на том, что в систему законодательных актов наряду с законами входят декреты и указы Президента Республики Беларусь, обладающие в соответствии с нормами ст. 137 Конституции большей чем закон юридической силой, в том числе и большей, чем ГК. Следовательно, в том случае, если ограничение имущества по видам или стоимости, которое может находиться в собственности физических лиц, будет установлено не нормами закона, а нормами указа или декрета Президента Республики Беларусь, т.е. законодательного акта, оно будет подлежать

применению на всей территории Беларуси.

В связи с изложенным в нормах п. 2 ст. 214 ГК следует указывать на законодательный акт, а не на закон, что бы не вводить в заблуждение субъектов гражданского права и иных лиц, применяющих нормы, закрепленные в ГК.

Нормами указанной статьи ГК также определен порядк рапспределения имущества между учредителями и созданными ими организациями, что имеет целью закрепление условий стабильного участия фиктивно созданных субъектов в экономической деятельности. К таким условиям относятся следующие, закрепленные в пп. 3–5 ст. 214 ГК:

– в собственности как коммерческих, так и некоммерческих организаций находится имущество, переданное им учредителями (участниками) в качестве вклада в уставный фонд, и имущество, приобретенное организациями вследствие участия в гражданско-правовых отношениях;

– учредители, создавшие коммерческую организацию и внесшие в ее уставный фонд определенное имущество, приобретают в отношении такой организации имущественные права требования, реализация которых выражается в распределении между ними части прибыли, полученной от осуществляемой коммерческой организацией хозяйственной деятельности;

– в отношении большинства некоммерческих организаций их учредители таких прав не получают вследствие отсутствия у них обязанности формирования уставного фонда некоммерческой организации в процессе ее создания;

– имущество, находящееся в собственности таких организаций, как религиозные организации, общественные организации, благотворительные фонды, может быть использовано только на достижение целей, указанных в их учредительных документах.

В остальном в частной собственности может находиться любое имущество, в любом количестве и любой стоимости, как предназначенное для использования в личных, так и в предпринимательских целях.

Наряду с субъектами частной и государственной собственности в Республике Беларусь созданы и действую субъекты хозяйствования, которые по свой правой форме отнесены к негосударственным организациям, обладающие правом частной собственности на закрепленное за ними имущество, и при этом в их уставном фонде частный капитал смешан с государственным. К указанным относятся открытые акционерные общества, созданные в процессе приватизации на базе государственного имущества в соответствии с нормами Закона Республики Беларусь «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества» от 19 января 1993 г. в редакции Закона Республики Беларусь от 16 июля 2010 г., а также

иные хозяйственные общества, включая ОАО, учредителями которых в соответствии с нормами ст. 13 Закона о хозяйственных обществах в случаях, предусмотренных правовыми нормами, могут быть государственные органы, органы местного управления и самоуправления.

Участие государственного органа в хозяйственном обществе, созданном в процессе приватизации или в соответствии с иными правовыми нормами, предполагает его участие в формировании уставного фонда хозяйственного общества, в котором наряду с государственным в обязательном порядке будет присутствовать и частный капитал. Управление в таком обществе осуществляется в соответствии с нормами Закона о хозяйственных обществах, а также нормами Указа Президента Республики Беларусь от 19 февраля 2008 г. № 100 «О некоторых вопросах владельческого надзора» и нормами принятого на его основе Постановления Совета Министров от 16 мая 2008 г. № 694 «О представителях государства в органах управления хозяйственных обществ, акции (доли в уставных фондах) которых принадлежат Республике Беларусь либо административно-территориальным единицам». Согласно нормам названных нормативных правовых актов, в работе органов управления хозяйственных обществ, в уставных фондах которых доля принадлежит государству, принимает участие представитель (представители) государства. Таким образом, как управление, так и имущество общества фактически является в определенной доле государственным и в определенной доле частным, что указывает на наличие в Республике Беларусь организаций со смешанной формой собственности, которая Конституцией не предусмотрена.

Вместе с тем, следует отметить устойчивую тенденцию к ослаблению влияния государства на принятие решения негосударственными субъектами гражданского права, которая выразилась в отмене Указа Президента Республики Беларусь от 14 ноября 1997 г. № 591 «Об особом праве (“золотой акции”) государства на участие в управлении акционерными обществами». Введенное названным Указом право предоставляло возможность представителям государства в акционерных обществах с долей государства блокировать решения, принимаемые органами управления обществ посредством наложения «вето» на их решения, принимаемые по определенным вопросам. Указ № 591 был заменен Указом Президента Республики Беларусь от 1 марта 2004 г. № 125 «Об особом праве (“золотой акции”) государства на участие в управлении хозяйственными обществами», который расширил сферу влияния государства. Указ № 125, в свою очередь, был отменен 4 марта 2008 г. Указом Президента Республики Беларусь № 144 «О признании утратившими силу некоторых Указов (отдельного положения Указа) Президента Республики Беларусь», что обусловлено активно развивающимися в Беларуси процессами либерализации государственной экономики.

§ 6. Фактические и юридические основания приобретения и прекращения права собственности

6.1. Понятие, юридическое значение и классификация оснований приобретения и прекращения права собственности

Право собственности в объективном смысле, на что указывалось выше, представляет собой совокупность правовых норм, в соответствии с которыми у субъектов гражданского права возникают субъективные права (правомочия собственника) и юридические обязанности в отношении поступившего в их хозяйственное господство имущества, т.е. право собственности в субъективном смысле. В порядке, предусмотренном нормами права собственности, субъективные права и юридические обязанности в отношении имущества не только возникают, но также и прекращаются. Причем в отдельных случаях процессы возникновения и прекращения права собственности не взаимообусловлены и, соответственно, факт приобретения права собственности одним субъектом не влечет прекращение права собственности на ту же вещь у другого субъекта, и, наоборот, факт прекращения права собственности у одного лица не влечет возникновение аналогичных правомочий у другого лица.

В предусмотренных нормами права собственности случаях прекращение права собственности на определенную вещь у одного субъекта ведет к приобретению права собственности на эту же вещь другим субъектом. Возможен и обратный процесс, при котором приобретение права собственности одним субъектом влечет в отношении того же имущества прекращение права собственности у субъекта, которому эта вещь принадлежала изначально.

Вне зависимости от того, что является первичным: отчуждение имущества или его приобретение, в указанных случаях эти два процесса следует признать взаимообусловленными, протекающими параллельно. Это связано со спецификой гражданского оборота и особенностями опосредуемой нормами гражданского права экономической деятельности, квинтэссенцией которой является хозяйственное использование имущества с целью приращения материальных благ. Таким образом, регулируемые нормами гражданского права экономические процессы, по общему правилу, не предполагают возможность существования бесхозяйного имущества, участие которого в экономическом обороте невозможно в силу отсутствия субъекта, юридически способного включить такое имущество в экономический оборот. В этой связи в большинстве случаев нормы гражданского права связывают факт прекращения права собственности у одного лица с приобретением права собственности с аналогичным содержанием другим лицом.

Учитывая исключительно правовую природу правомочий собственника, можно с уверенностью утверждать, что право собственности приобретается субъектом и прекращается у него в результате наступления определенных жизненных обстоятельств, с которыми нормы права собственности связывают возникновение, изменение или прекращение правомочий собственника. Указанные жизненные обстоятельства, как следует из главы 10 настоящего издания, именуются юридическими фактами, которые, применительно к праву собственности, выступают основаниями его приобретения или прекращения у конкретного субъекта гражданского права.

Такой подход к приобретению права собственности, как, впрочем, и ограниченных вещных прав, содержательно представляющих собой набор определенных прав (правомочий собственника) и связанных с их осуществлением юридических обязанностей, вследствие которого правомочия собственника могут быть приобретены субъектом либо прекращены у него только на основании юридических фактов, является стандартным для всей системы гражданского права, что обусловлено спецификой любых, в том числе и вещных правоотношений, как отношений, в первую очередь идеальных, фиктивных, основанных на правовых нормах.

Вместе с тем, в сфере хозяйственного оборота, возможно фактическое движение имущества от одних лиц к другим, осуществляемое вне рамок права собственности и, следовательно, в отрыве от закрепленных в ГК прав на такое имущество, что отмечалось выше. При этом изначально не порождающее правомочий собственника фактическое присвоение вещи (например, незаконное приобретение) в дальнейшем может послужить основанием возникновений прав на нее, что указывает на двойственность обстоятельств, в соответствии с которыми право собственности может быть приобретено субъектом гражданского права, т.е. на наличие не только юридических, но и фактических оснований его приобретения либо прекращения.

Все основания приобретения права собственности наукой гражданского права традиционно классифицируются на первоначальные и производные. К первоначальным основаниям приобретения права собственности относят такие, в основе которых не лежит право собственности другого лица и, следовательно, процесс приобретения права собственности не основывается на правопреемстве. В указанном случае право собственности на вещь приобретается субъектом впервые. Производными основаниями приобретения права собственности, в отличие от первоначальных, признаются такие жизненные обстоятельства, которые базируются на правомочиях первоначального собственника и, следовательно, основаны на правопреемстве. В анализируемом случае право собственности на вещь переходит от первоначального собственника к

последующему. Классификация оснований возникновения права собственности на первоначальные и производные, в основу которой положен критерий правопреемства, поддерживается большинством ученых, о чем свидетельствуют опубликованные по анализируемой тематике научные и учебные работы, в которых одновременно критически оценивается существующая в цивилистике классификация оснований приобретения права собственности на первоначальные и производные с использованием критерия воли, не получившая всеобщего признания[111].

Критерием для выделения двух названных классификационных оснований, по нашему мнению, также может служить разделение оснований возникновения права собственности на фактические и юридические, что, в свою очередь, отражает очередность поступления имущества в хозяйственное господство субъекта, указывает на ту группу юридических фактов, которые явились первопричиной возникновения права собственности у персонифицированного лица. Так, фактическим основанием приобретения права собственности можно признать факт создания новой вещи, а юридическим – приобретение права собственности на вещь в результате участия в сделке. При этом первое основание, являясь фактическим, одновременно классифицируется как первоначальное, а второе, являясь юридическим, классифицируется как производное. Таким образом, первоначальные основания можно одновременно классифицировать как фактические, а производные – как юридические.

Необходимость выделения фактических оснований приобретения права собственности в классификации оснований обусловлена тем, что нормы права собственности, являясь конструкциями идеальными, опосредуют отношения между субъектами гражданского права по поводу фактически существующего имущества, которое изначально не существовало и возникло в натуре либо в результате усилий человека по его созданию, либо в силу естественных природных процессов. Таким образом, для возникновения права собственности, т.е. юридической категории, необходимо фактическое создание (возникновение) имущества, являющегося его объектом.

Кроме двух названных классификационных групп оснований возникновения права собственности, т.е. их деления на фактические и юридические, а также на первоначальные и производные, основания возникновения права собственности следует классифицировать, на что указывалось в § 5 настоящей главы, в зависимости от правового статуса субъекта, использующего тот или иной юридический факт для приобретения права собственности. Так, в соответствии с названной классификацией основа-

[111] Витушко В.А. – Указ. соч. − С. 334; Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 626 и другие издания.

ния возникновения права собственности можно подразделить на: *общие*, возможность использования которых предоставлена как частным, так и государственным субъектам; *публичные*, возможность использования которых предоставлена исключительно государственным субъектам; *частные*, возможность использования которых предоставлена исключительно частным субъектам гражданского права.

Рассматривая процедуру приобретения права собственности, Е.А. Суханов указывает на наличие оснований возникновения права собственности (титулов собственности), которые могут приобретаться разными способами, среди которых, в свою очередь, ученый выделяет общие (общегражданские), которые могут использоваться любыми субъектами гражданского права, и специальные, используемые строго определенными субъектами[112]. При этом следует отметить, что выделение оснований возникновения права собственности и способов ее приобретения, по нашему мнению, является нецелесообразным, так как указанные Е.А. Сухановым способы приобретения права собственности являются и ни чем иным, как элементами классификационных групп, на которые подразделяются основания приобретения права собственности, т.е. обстоятельства реальной действительности, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение права собственности у соответствующих субъектов.

В юридической литературе предлагаются и иные классификации оснований приобретения права собственности. Так, В.А. Белов предлагает классифицировать основания приобретения права собственности по их юридическому значению на следующие «три группы: 1) основания, имеющие исключительно правопорождающее значение; 2) основания, имеющие исключительно правопрекращающее значение; 3) основания “двустороннего” действия, т.е. оказывающие как порождающее, так и прекращающее значение»[113].

Необходимость данной классификации В.А. Белов обосновывает тем обстоятельством, что «большинство юридических фактов, являющихся основаниями возникновения одних правоотношения собственности, является в то же время и основаниями прекращения другого правоотношения собственности»[114]. Точку зрения В.А. Белова разделяет Н.Н. Аверченко[115].

Приведенные выше классификационные группы разработаны циви-

---

[112] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 492–494.

[113] Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная часть: Учеб. – Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 485.

[114] Там же. – С. 485.

[115] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 626.

листической доктриной и прямого закрепления в ГК не получили, что не снижает их как научной, так и практической значимости. Независимо от критерия, положенного в основу классификации и названия ее элементов, каждая из четырех приведенных классификационных групп имеет свое научное и практическое предназначение, исследование которого позволит в достаточной степени изучить процесс возникновения, изменения или прекращения правомочий собственника и адекватно правовому статусу субъекта права собственности применять основания ее возникновения и прекращения в правоприменительной деятельности, в том числе и в процессе судебного разрешения спора о принадлежности права собственности конкретному субъекту.

Общие правовые условия приобретения права собственности определены нормами ст. 219 ГК. Так, согласно названным нормам, юридическими фактами приобретения права собственности, в частности, являются: создание (изготовление, производство) вещи, не существовавшей в натуре до указанного момента; получение в процессе хозяйственного использования существующей в натуре вещи, плодов (приплода, прироста), продукции или доходов; участие в сделке, направленной для одной стороны на отчуждение, а для другой – на приобретение имущества в собственность; смерть гражданина; реорганизация организации со статусом юридического лица.

Таким образом, нормами ст. 219 ГК определены три общие группы оснований приобретения права собственности, которые далее классифицируются на отдельные виды: 1) совершение фактических действий связанных с созданием (производством) имущества (продукции) – фактические основания; 2) совершение различных гражданско-правовых сделок, как предусмотренных нормами ГК, так и, с учетом норм ст. 7 ГК, не предусмотренных нормами ГК, но не противоречащих им – юридические основания; 3) правопреемство, возникающее вследствие прекращения правосубъектности участника гражданско-правовых отношений, относящееся к юридическим основаниям, которые в случае смерти физического лица возникают помимо воли субъекта права собственности, а в случае реорганизации организации как по воле самого субъекта (добровольная реорганизация), так и помимо его воли, в случае принудительной реорганизации, осуществляемой по основаниям, предусмотренным правовыми нормами[116].

Кроме того, нормы ст. 219 ГК устанавливают общий запрет на отчуждение имущества и следующих за ним правомочий собственника помимо

[116] *Подробнее о процедуре добровольной и принудительной реорганизации организации со статусом юридического лица см., также*: Маньковский И.А., Вабищевич С.С. Субъекты гражданского права: Монография. – Минск: Молодежное, 2010. – С. 280–289.

воли субъекта права собственности. Исключение составляют случаи, предусмотренные правовыми нормами, и, в частности, согласно нормам ст. 44 Конституции, случаи, когда принудительное отчуждение имущества осуществляется по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных нормами закона, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда в случае совершения правонарушения.

Нормы ст. 219 ГК допускают в случаях, предусмотренных правовыми нормами, возможность приобретения права собственности на имущество, не имеющее собственника, на имущество, собственник которого неизвестен, либо на имущество, от которого собственник отказался или на которое он утратил право собственности по иным основаниям, предусмотренным правовыми нормами, а также устанавливают право членов потребительского кооператива перевести на себя право собственности на находящееся в их пользовании недвижимое имущество после выплаты установленных паевых взносов.

Таким образом, нормы права собственности и установленные ими правовые условия ее приобретения направлены на обеспечение принадлежности всех видов вещей на праве собственности хотя бы одному субъекту гражданского права, что продиктовано логикой экономической деятельности и обеспечивает сохранность имущества, его нормальную хозяйственную эксплуатацию, предотвращает возможность оказания бессубъектным имуществом вредоносного воздействия на окружающую природную среду, причинения иного вреда, в том числе вреда жизни и здоровью физически лиц.

Отдельные виды оснований приобретения права собственности безотносительно к их доктринальной классификации закреплены в главе 14 ГК, согласно нормам которой к указанным относят: 1) приобретение права собственности на плоды, продукцию и доходы, полученные от использования имущества (ст. 136 ГК и ст. 219 ГК); 2) приобретение права собственности на имущество реорганизованной организации со статусом юридического лица (ст. 54 ГК и ст. 219 ГК); 3) создание недвижимой вещи (ст. 220 ГК); 4) переработка (создание движимой вещи из предоставленных субъекту переработки материалов) (ст. 221 ГК); 5) сбор общедоступных для сбора вещей (ст. 222 ГК); 6) самовольное строительство (ст. 223 ГК); 7) приобретение права собственности на вещь по договору (стст. 224–225 ГК); 8) приобретение права собственности на бесхозяйные вещи (ст. 226 ГК); 9) приобретение права собственности на движимые вещи, от которых собственник отказался (ст. 227 ГК); 10) приобретение права собственности на находку (стст. 228–230 ГК); 11) приобретение права собственности на безнадзорных животных (стст. 231–233 ГК); 12) приобретение права собственности на клад (ст. 234 ГК); 13) приобретение права

собственности на бесхозяйные антикварное, историческое оружие и боеприпасы, иное вооружение или военную технику (ст. 234[1] ГК); 14) приобретение права собственности в порядке приобретательной давности (ст. 235 ГК); 15) приобретение права собственности в порядке наследования (раздел VI ГК); 16) приобретение членом потребительского кооператива, полностью выплатившим паевые взносы, права собственности на квартиру, гараж и другое имущество, находящееся в его пользовании.

Учитывая тот факт, что отдельные основания прекращения права собственности у одного субъекта, закрепленные в ст. 236 главы 15 ГК, одновременно выступают в качестве оснований возникновения права собственности на ту же вещь у другого субъекта, приведенный выше перечень следует дополнить следующими основаниями: 1) обращение взыскания на имущество по обязательствам (ст. 238 ГК); 2) отчуждение имущества, которое в силу правовых норм не может принадлежать данному лицу (ст. 239 ГК); 3) отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка (ст. 240 ГК); 4) выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей (ст. 241 ГК), выкуп домашних животных (ст. 242 ГК); 5) реквизиция (ст. 243 ГК); 6) конфискация (ст. 244 ГК); 7) отчуждение имущества в случае, предусмотренном п. 4 ст. 255 ГК при разделе имущества, находящегося в долевой собственности; 8) приватизация (ст. 218 ГК); 9) национализация (ст. 245 ГК).

Все выше перечисленные основания как приобретения, так и прекращения права собственности, на что указывалось ранее, в соответствии с терминологией, воспринятой цивилистической доктриной, именуются юридическими фактами, которые имеют правопорождающее, правоизменяющее или правопрекращающее значение.

Далее рассмотрим каждое из приведенных выше оснований, связанных с приобретением и прекращением права собственности, объединив их с этой целью в группы в соответствии с наиболее распространенной в цивилистической доктрине классификацией оснований приобретения права собственности на первоначальные и производные.

6.2. Первоначальные основания приобретения права собственности

К первоначальным основаниям приобретения права собственности относят: изготовление новой вещи, переработку вещи, получение плодов, продукции и доходов, самовольное строительство, сбор общедоступных для сбора вещей, обнаружение бесхозяйного имущества (брошенной движимой вещи или бесхозяйного недвижимого имущества), в том числе обнаружение находки, клада, бесхозяйного антикварного, исторического оружия и боеприпасов, иного вооружения или военной техники, обнару-

жение безнадзорных животных, приобретательную давность.

Все названные основания приобретения права собственности объединяет один признак – отсутствие за имуществом видимой фигуры собственника и, как следствие, следующих за вещью обременений, например, прав на вещь залогодержателя, кредиторов, удовлетворение требований которых должно быть осуществлено за счет данной вещи, других обременений.

Таким образом, первоначальные основания приобретения права собственности предполагают поступление в хозяйственное господство субъекта имущества, не обремененного правами других лиц.

С точки зрения классификации оснований приобретения права собственности рассматриваемые основания, как указано выше, являются первоначальными, фактическими, общими и правообразующими. Применительно к системе юридических фактов в целом первоначальные основания приобретения права собственности следует рассматривать как правомерные действия, в большей степени относящиеся к юридическим поступкам.

Рассмотрим каждое из первоначальных оснований приобретения права собственности в отдельности.

1. *Изготовление вещи.* Жизненное пространство человека во многом состоит из совокупности искусственно созданных им вещей производство которых стало возможным вследствие развития технического прогресса. Каждая из существующих искусственно созданных вещей когда-то была произведена впервые и после ее изготовления изначально поступила в хозяйственное господство создавшего ее лица. С момента создания вещи и, соответственно, признания ее объектом гражданского права в соответствии с логикой экономической деятельности и необходимостью включения вещи в процесс хозяйственного использования встает два вопроса: во-первых, вопрос о том, кому принадлежит право собственности на вновь созданное имущество и, во-вторых, вопрос о том, с какого момента возникает право собственности на вновь созданное имущество.

Разрешение поставленных вопросов обусловлено рядом юридически значимых обстоятельств, оказывающих влияние на процедуру приобретения права собственности на новую вещь.

Первым обстоятельством является направленность воли создателя вещи (волевой фактор), для выяснения которой имеет значение цель, ради достижения которой создавалась вещь. С одной стороны, в качестве цели создания имущества может выступать частный интерес ее создателя в удовлетворении собственных потребностей в конкретной вещи, либо интерес создателя вещи в получении прибыли (дохода) от последующей ее реализации неопределенному кругу лиц. В обеих случаях

субъект производит вещь для себя и в соответствии с нормами ст. 219 ГК непосредственно приобретает право собственности на созданную им новую вещь. Причем создание вещи непосредственно для себя может осуществляться как за счет собственных, так и за счет заемных средств. Главным в приведенной ситуации является волевой фактор, а именно, направленность воли создателя вещи на ее изготовление для удовлетворения собственных потребностей и отсутствие установленной соглашением с другим субъектом обязанности по передаче последнему готового изделия.

С другой стороны, вещь может быть произведена (создана) по заказу стороннего субъекта гражданского права и, следовательно, интерес ее создателя сводится к получению материального вознаграждения от выполнения порученной работы. В действиях изготовителя вещи отсутствует необходимый для признания за ним права собственности на вещь волевой фактор, указывающий на стремление субъекта изготовить вещь, как указывают нормы ст. 219 ГК, для себя. В приведенном примере право собственности на вещь возникает у лица, заказавшего ее изготовление в соответствии с условиями участия субъектов гражданского права в возникшем между ними обязательственном правоотношении. Обе смоделированные ситуации отличаются тем, что в первом случае воля изготовителя вещи была изначально направлена на приобретение в ее отношении права собственности, а во втором – нет.

В качестве второго обстоятельства учитывается факт принадлежности на праве собственности материалов, послуживших основой создания новой вещи (материальный фактор). Для признания права собственности на новую вещь за лицом, ее создавшим, необходимо, чтобы материалы, из которых было создано новое имущество, принадлежали данному лицу на праве собственности, что позволит применить к анализируемой ситуации нормы ст. 219 ГК, опосредующие процедуру приобретения права собственности на новую вещь.

Указанному обстоятельству, по нашему мнению, придается юридическое значение по той причине, что для изготовления любой вещи необходимо наличие ее материальной основы, т.е. тех природных или искусственно произведенных компонентов, из которых собственно и создана новая вещь. Все природные материалы приобретают определенную меновую стоимость в процессе их изъятия (добычи) из природной среды, а искусственные – в процессе их производства. Наличие меновой стоимости материалов и принципы построения общественных отношений, регулируемых посредством норм гражданского права как отношений имущественно-стоимостных и эквивалентно-возмездных, обусловили необходимость учета материальной составляющей в процессе приобретения права собственности на новую вещь.

Третье юридически значимое обстоятельство, подлежащее учету в процессе возникновения права собственности на новую вещь, указывает на необходимость соблюдения установленного в государстве правопорядка в процессе создания вещи (законодательный фактор). На вещи, созданные с нарушением установленных в государстве правовых предписаний, право собственности у создателя вещи, по общему правилу, не возникает.

Четвертым юридически значимым обстоятельством, учет которого имеет значение непосредственно для определения момента возникновения права собственности на новую вещь, является классификация новой вещи в качестве движимой или недвижимой (фактор объекта). Так, в соответствии с нормами ст. 219 ГК право собственности на новые движимые вещи возникает с момента их создания, т.е. материализации в определенном, измененном по отношению к материалам и компонентам виде. Право собственности на недвижимое имущество, согласно нормам ст. 220 ГК, возникает, по общему правилу, с момента завершения создания объекта недвижимости, а в случае необходимости государственной регистрации недвижимого имущества или прав на него – с момента осуществления государственной регистрации, если иной момент возникновения права собственности не определен правовыми нормами. До указанного момента к материалам и компонентам, из которых создается объект недвижимости, применяются нормы о праве собственности на материалы и другое движимое имущество.

В том случае, когда новая вещь создана субъектом с использованием материалов и компонентов, принадлежащих на праве собственности другому субъекту гражданского права, применяются нормы права собственности о переработке.

2. *Осуществление переработки*. Переработка или, как ее именуют в юридической литературе, спецификация, согласно нормам ст. 221 ГК, состоит в создании изготовителем (переработчиком, спецификатором) новой движимой вещи посредством переработки материалов, предоставленных лицом, вступившим со спецификатором в обязательственные правоотношения по созданию вещи из предоставленных материалов на основании заключенного договора. В приведенной ситуации, в соответствии с нормами ст. 221 ГК, право собственности на вещь, изготовленную в процессе переработки, по общему правилу, принадлежит собственнику предоставленных материалов.

Таким образом, как в процессе создания новой вещи, так и в процессе создания вещи путем переработки новая вещь создается (изменяется) из каких-либо исходных материалов, что делает процесс создания новой вещи и процесс переработки во многом схожим. Однако правовые последствия, предусмотренные нормами права собственности, при созда-

нии новой вещи и при переработке существенно отличаются. Так, в первом случае право собственности на вещь приобретает ее создатель, а во втором – лицо, предоставившее материал, что является основанием для проведения разграничения двух процессов путем определения их существенных признаков.

К признакам, отличающим процесс спецификации от процесса создания новой вещи, можно отнести следующие:

– переработка осуществляется с использованием чужих материалов, а создание новой вещи – своих;

– переработка осуществляется с целью передачи изделия лицу, предоставившему материал, а создание новой вещи – с целью удовлетворения собственных потребностей в изготовленной вещи;

– переработка всегда осуществляется на основании договора, а создание новой вещи, по общему правилу, – вне договорных отношений;

– договором о переработке может быть предусмотрено возникновение права собственности на созданную вещь у спецификатора, а в процессе создания новой вещи право собственности возникает только у лица, изготовившего вещь для себя;

– в процессе переработки может быть создана только движимая вещь, а в процессе создания новой вещи – как движимая, так и недвижимая вещь;

– к процессу переработки, наряду с нормами ст. 221 ГК применяются нормы главы 37 ГК «Подряд»[117], что исключено в случае создания новой вещи.

Изучение приведенных отличительных признаков позволит избежать возникающих в практической деятельности споров относительно того, кто приобретает право собственности на имущество, изготовленное в результате переработки материалов. Такие споры возникают как следствие неверного толкования субъектами гражданского права норм, закрепленных в п. 1 ст. 221 ГК и предусматривающих возможность приобретения права собственности на изготовленную (измененную, переработанную) вещь спецификатором в том случае, когда стоимость переработки существенно превышает стоимость материалов.

Суть возникающих споров заключается в том, что лицо, осуществившее переработку материалов (давальческого сырья) и посчитавшее, что стоимость выполненной работы (переработки) существенно превысила стоимость предоставленного сырья, обращается в суд с иском о признании за ним (за спецификатором) права собственности на конеч-

[117] *О процедуре заключения и исполнения договора подряда и его видов см.*: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2008. – Т. 1. – С. 361–469.

ный продукт со ссылкой на п. 1 ст. 221 ГК (ч. 2 п. 1 ст. 220 ГК Российской Федерации). Такие споры возникают как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации[118].

Однако следует отметить, что нормы ст. 221 ГК не указывают на возможность приобретения переработчиком права собственности на изготовленную в процессе переработки чужого материала вещь исключительно по причине превышения стоимости переработки над стоимостью предоставленных материалов, а называют еще ряд условий, выполнение которых необходимо для приобретения права собственности на вещь непосредственно спецификатором.

На основе анализа указанных норм в юридической литературе справедливо указывается на обязательное наличие трех условий, соблюдение которых может считаться основанием для приобретения переработчиком права собственности на изготовленную вещь[119]. При этом предоставленная спецификатору нормами ст. 221 ГК возможность приобретения права собственности на изготовленную вещь считается исключением из общих условий изготовления вещи путем переработки материала.

Так, для перевода права собственности на изготовленную в процессе переработки вещь на спецификатора необходимо, что бы были соблюдены:

1) условие о существенном превышении стоимости выполненной спецификатором работы над стоимостью переработанного материала. Причем категория «существенное превышение», являясь оценочной, законодательной конкретизации не получила;

2) условие о том, что в процессе переработки воля спецификатора была направлена на переработку своего материала и, следовательно, действуя добросовестно, спецификатор не знал и не мог знать до окончания процесса переработки, что воздействует на материал, принадлежащий другому лицу;

3) условие о том, что воля спецификатора была направлена на изготовление вещи для себя.

Сопоставляя три названные условия с приведенными выше критериями отграничения процесса изготовления новой вещи от процесса переработки, можно придти к выводу о том, что спецификатор в таких условиях фактически действовал как изготовитель новой вещи. Следовательно, при таких условиях важнейшим критерием признания за спе-

---

[118] См., например: О правовых последствиях переработки по договору: Разъяснение Высшего Хозяйственного Суда, 20 февраля 2008 г. № 03-29/312; Обзор судебной практики. – СООО «ИПА Регистр». – 20 июня 2006. – № 6; Практика применения Гражданского кодекса РФ: Части первой / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 420–423.

[119] См., например: Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 634.

цификатором права собственности должно быть отсутствие между ним и действительным собственником материалов обязательственного правоотношения, возникшего по поводу переработки, на что вполне справедливо обращает внимание Ю.К. Толстой[120].

Таким образом, в том случае, когда между спецификатором и собственником материалов заключен договор об их переработке, право собственности на готовый продукт переработки у спецификатора возникнуть не может ни при каких обстоятельствах, за исключением того случая, когда такая возможность предусмотрена непосредственно соглашением между собственником материалов и спецификатором. В указанном случае право собственности на вещь, изготовленную в процессе переработки материалов, приобретает их собственник. Моментом возникновения права собственности следует считать момент создания вещи.

Учитывая то обстоятельство, что отношения между собственником материалов и лицом, их перерабатывающим, по общему правилу, носят возмездный характер, нормы п. 2 и п. 3 ст. 221 ГК определяют порядок взаиморасчетов сторон анализируемого правоотношения. Так, в соответствии с нормами п. 2 ст. 221 ГК, по общему правилу, собственник материалов, приобретая право собственности на изготовленную вещь, обязан возместить спецификатору стоимость ее переработки. В том случае, когда, в виде исключения либо на основании соглашения сторон, собственность на изготовленную вещь переходит к спецификатору, он, по общему правилу, обязан возместить стоимость материалов их собственнику.

В том случае, когда спецификатор действовал недобросовестно и это привело к утрате материалов их собственником, последний, согласно нормам п. 3 ст. 221 ГК, имеет право требовать передачи в свою собственность вещи, изготовленной из таких материалов, а также возмещения убытков, причиненных недобросовестными действиями спецификатора.

3. *Получение плодов, продукции и доходов (сепарация – отделение)*. Процесс хозяйственной эксплуатации различного имущества, сельскохозяйственных животных, плодовых насаждений связан с получением плодов, приплода, продукции и доходов, в связи с чем возникает вопрос о том, кто приобретает право собственности на указанные результаты хозяйственной деятельности. Применительно к факту использования имущества его собственником данный вопрос, согласно логике гражданско-правового регулирования однозначно должен быть решен в его пользу, что вытекает из содержания принадлежащего обладателю права собственности правомочия собственника. При этом нормы ст. 219 ГК указывают на необходимость применения к данной ситуации норм ст. 136 ГК.

[120] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 416.

В соответствии с нормами приведенной статьи право собственности на плоды, продукцию, доходы, приплод, прирост, иные приращения, по общему правилу, принадлежит лицу, использующему соответствующее имущество на основании правового титула, что подтверждает наш вывод о бесспорном праве собственника на присвоение результатов хозяйственного использования своего имущества. Вместе с тем, имущество может быть передано в соответствии с условиями обязательственного правоотношения другому лицу, не собственнику, либо находиться у последнего на одном из ограниченных вещных прав. Вместе с передачей имущества собственник, как правило, передает часть своих правомочий несобственнику, который эксплуатирует полученную вещь в установленных по соглашению с собственником, а также правовыми нормами, пределах. В указанной ситуации нормы ст. 136 ГК предоставляют несобственнику легитимную возможность присвоить себе на праве собственности полученное от использования имущества, если по условиям договора или в соответствии с правовыми нормами плоды, продукция, доходы или иной результат приращения не подлежит передаче собственнику имущества или названному им третьему лицу.

Право собственности на плоды, приплод, прирост и т.п. возникает с момента их отделения. До указанного момента любое приращение входит в состав имущества и в данном качестве является собственностью того лица, которому принадлежит право собственности непосредственно на основное имущество, производящее плоды, приплод, продукцию и другие приращения.

В том случае, когда использование имущества собственника осуществляется несобственником без соответствующего правового титула, все полученные в процессе использования имущества приращения полежат передаче собственнику имущества вместе с незаконно используемой вещью, что следует из содержания норм ст. 283 ГК и ст. 284 ГК.

4. *Осуществление самовольного строительства* (*судебное признание*). Под самовольным строительством в соответствии с нормами ст. 223 ГК понимается деятельность лица по созданию или изменению недвижимого имущества путем строительства, реконструкции (пристройки, надстройки, перестройки) капитального строения (здания, сооружения), осуществленные при обстоятельствах, предусмотренных нормами, закрепленными в подп. 1, подп. 2, подп. 3 ч. 1 п. 1 ст. 223 ГК.

К обстоятельствам, указывающим на то, что деятельность по возведению объекта недвижимости можно квалифицировать как самовольное строительство, а возведенный в результате ее осуществления объект – как самовольную постройку, отнесено осуществление строительства на самовольно занятом земельном участке, либо на земельном участке, предоставленном для иных, чем строительство объекта недвижимости, целей

или с нарушением правовых норм (не уполномоченным органом, вне рамок обязательного аукциона, с другими нарушениями правовых норм, регулирующих процедуру предоставления земельных участков), либо без получения соответствующего разрешения на строительство, включая необходимую проектную документацию, или с существенными нарушениями градостроительных и строительных норм.

По сути своей деятельность по самовольному возведению объекта недвижимости представляет собой правонарушение, за совершение которого предусмотрена как гражданско-правовая, так и административная ответственность (см. ст. 21.12 КоАП). Административная ответственность предусматривает наложение на виновное лицо административного штрафа, а содержание гражданско-правовой ответственности за осуществление самовольного строительства зависит от обстоятельств, при которых возведен объект (начато его возведение), и состоит в следующем.

В том случае, когда объект возведен на самовольно занятом земельном участке, участок по решению местного исполнительного и распорядительного органа подлежит изъятию, самовольная постройка – сносу, а изъятый участок – приведению его в состояние, пригодное для использования по назначению. В данном случае реализуется восстановительная функция гражданского права, суть которой сводится к восстановлению положения, существовавшего до совершения правонарушения. Снос самовольной постройки и приведение участка в надлежащее состояние осуществляются за счет виновной стороны, т.е. лица, осуществившего строительство (за счет которого осуществлено строительство).

Если самовольное строительство осуществлено на земельном участке с нарушением его целевого назначения или с нарушением правовых норм о его предоставлении (см. подп. 2 ч. 1 п. 1 ст. 223 ГК), то областным или Минским городским исполнительным комитетом, в соответствии с местом расположения земельного участка, может быть принято одно и следующих решений:

– о сносе самовольной постройки и приведении земельного участка в состояние, пригодное для использования по целевому назначению;

– о приведении самовольной постройки в прежнее, до осуществления самовольного строительства, состояние.

При вынесении соответствующего решения исполнительный комитет определяет сроки его выполнения.

Указанные мероприятия проводятся за счет виновного лица. Перечень возможных мероприятий, также как и в первом случае, указывает на реализацию восстановительной функции гражданского права.

Осуществление самовольного строительства без получения соответствующего разрешения на строительство, включая необходимую про-

ектную документацию или с существенными нарушениями градостроительных и строительных норм (см. подп. 3 ч. 1 п. 1 ст. 223 ГК), ведет к тому, что местный исполнительный и распорядительный орган принимает одно из следующих решений:

– о продолжении строительства либо принятии готовой постройки в эксплуатацию и ее государственной регистрации, если в процессе строительства не было допущено существенное нарушение градостроительных и строительных норм;

– о сносе самовольной постройки и приведении земельного участка в состояние, пригодное для использования по назначению;

– о приведении самовольной постройки в прежнее, до осуществления самовольного строительства, состояние.

Таким образом, подлежащие применению в случае осуществления самовольного строительство меры гражданско-правовой ответственности зависят от условий совершения правонарушения.

Самовольной строительство, являясь правонарушением, в соответствии с классификацией юридических фактов относится к неправомерным действиям и, как следствие, не влечет за собой положительных правовых последствий, в том числе в виде приобретения права собственности на самовольную постройку у осуществившего ее лица, что подтверждается нормами п. 2 ст. 223 ГК. Учитывая отсутствие у такого лица правомочий собственника, ему запрещено распоряжаться самовольной постройкой посредством ее продажи, дарения, передачи в аренду, совершения иных сделок, как предусмотренных, так и не предусмотренных нормами ГК[121].

Вместе с тем, в виде исключения право собственности на самовольную постройку может быть признано за осуществившим ее лицом в том случае, когда объект недвижимости построен на земельном участке, предоставленном в частную собственность либо пожизненное наследуемое владение, и сохранение незаконно возведенного объекта не влечет за собой существенных нарушений градостроительных и строительных норм.

Решение о признании за соответствующим субъектом права собственности на самовольную постройку принимается судом и является основанием для принятия местным исполнительным и распорядительным органом решения о принятии самовольной постройки в эксплуатацию и ее государственной регистрации в установленном порядке.

Кроме установления судом права собственности в отношении частного лица, право собственности на самовольную постройку может быть установлено решением местного исполнительного и распорядительного

[121] Анализ норм ст. 223 ГК см.: Крыжевич С. Самовольным строительством могут посчитать совсем не то, что вы думаете // Налоговый вестник. – 2010. – № 9.

органа в отношении как частного, так и государственного субъекта, если самовольная постройка возведена с нарушением норм, закрепленных в подп. 3 ч. 1 п. 1 ст. 223 ГК, а именно, без получения разрешения на строительство, включая необходимую проектную документацию. При этом сохранение самовольной постройки не должно повлечь за собой существенного нарушения градостроительных и строительных норм.

В указанном случае признание права собственности на самовольную постройку на основании решения исполнительного и распорядительного органа с точки зрения классификации оснований приобретения права собственности является юридическим; первоначальным; общим, так как предполагает признание указанного права как за частным, так и за государственным субъектом. Применительно к теории юридических фактов решение исполнительного и распорядительного органа о признании права собственности относится к правомерным действиям, которые классифицируются как юридический акт, являющийся административным актом – решением исполнительного и распорядительного органа.

5. *Сбор или добыча общедоступных для сбора вещей*. Процедура приобретения права собственности на общедоступные для сбора вещи, поступившие к субъекту гражданского прав в результате их сбора или добычи, урегулирована нормами ст. 222 ГК, согласно которым под общедоступными для сбора вещами понимаются грибы, ягоды, иные плоды дикорастущих растений и кустарников, рыба, иные водные ресурсы (например, раки, моллюски, водоросли) и животные, находящиеся в диком состоянии (в состоянии естественной свободы), иные аналогичные общедоступные вещи, сбор (добыча) которых допускаются правовыми нормами, общим разрешением собственника соответствующего имущества (участка леса, водоема) либо местным обычаем.

В соответствии с нормами ст. 13 Конституции недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства. В этой связи под общим разрешение собственника, по общему правилу, следует понимать предоставленную гражданам государством возможность использования естественной природной среды в целях обращения в собственность ее компонентов. Если учесть тот факт, что люди с момента своего появления на земле осуществляли указанную деятельность, т.е. занимались собирательством и охотой, можно констатировать, что разрешение государства на сбор дикорастущих плодов и охоту в настоящее время выдается посредством снятия соответствующих запретов, которые повсеместно установлены в целях защиты окружающей природной среды от истребления.

Под местным обычаем в приведенной норме, по нашему мнению, подразумевается привычное поведение (обыкновение, из которого в дальнейшем могут складываться правовые обычаи) в быту жителей определенной местности, употребляющих в пищу или в иных целях при-

родные объекты, сбор, добыча или отлов которых разрешены (не запрещены) нормами, закрепленными в нормативных правовых актах об использовании и охране окружающей среды[122]. Причем государство в целях охраны окружающей среды принимает соответствующие правовые нормы, ограничивающие сбор определенных видов природных объектов как по срокам, так и по объему[123], несмотря на то, что в соответствующей местности согласно установившемуся местному обычаю жители собирали природные объекты в иные, чем определено нормами права, сроки и объемах. Таким образом, правовое регулирование анализируемой сферы человеческой активности осуществляется посредством установления и снятия запретов на совершение тех или иных действий.

Собственником указанного имущества в соответствии с нормами анализируемой статьи признается лицо, непосредственно осуществившее сбор (добычу) и действовавшее при этом в соответствии с установленным правопорядком. В том случае, когда сбор или добычу природных объектов осуществляют физические лица, являющиеся работниками организации со статусом юридического лица, и осуществление указанной деятельности составляет содержание их трудовой функции, отобранные указанными лицами природные объекты поступают в собственность соответствующей организации. К таковым не относятся лица, самостоятельно, вне связи с осуществлением трудовой функции в какой-либо организации собирающие, например, дикорастущие ягоды с целью их последующей реализации заготовительным организациям. Собранные такими лицами природные объекты с момента отделения их от природной среды поступают в собственность собравших их физических лиц, которые впоследствии передают полученную продукцию в собственность заготовительных организаций посредством участия в возмездных сделках.

Особенностью анализируемого основания приобретения права собственности является то, что оно, признаваясь первоначальным, все же основано на праве государственной собственности на недра, воды, леса и, следовательно, все составляющие их компоненты, что следует из норм ст. 7 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства». Так, нормами ст. 7 названного Закона объекты животного мира, обитающие в состоянии естественной свободы на территории Республики Беларусь, отнесены к объектам исключительной го-

[122] См., например: Лесной кодекс Республики Беларусь, 14 июля 2000 г.; О животном мире: Закон Республики Беларусь, 10 июля 2007 г.

[123] Об упорядочении заготовки и закупки дикорастущих растений и (или) их частей: Постановление Совета Министров, 4 августа 2005 г. № 858.

сударственной собственности.

Вместе с тем, установленное Конституцией и Законом право государственной собственности на указанные объекты сводится к их охране от уничтожения, созданию и поддержанию благоприятной окружающей человека среды, созданию условий рационального использования и восстановления природных объектов, что осуществляется в рамках выполнения государством возложенной на него экологической функции. В этой связи на государственной территории разрешено изъятие из природой среды ее компонентов в установленных нормами права пределах, факт изъятия признается юридическим фактом, с которым связано возникновение права собственности на природные объекты у произведшего изъятие лица, и при этом право собственности такого лица не обременено правом собственности государства. Названные условия позволяют отнести сбор или добычу общедоступных для сбора вещей к первоначальным основаниям приобретения права собственности.

6. *Обнаружение бесхозяйного имущества*. В соответствии с нормами ст. 226 ГК, бесхозяйным признается такое имущество, которое не имеет собственника, или собственник которого неизвестен, либо имущество, от права собственности на которое собственник отказался в порядке, предусмотренном нормами ст. 237 ГК. По сути своей имущество, не принадлежащее на праве собственности одному из субъектов гражданского права, является бессубъектным, что противоречит логике экономического оборота и установленного в государстве гражданского правопорядка.

К видам такого имущества можно отнести движимые вещи, от которых собственник отказался, бесхозяйные недвижимые вещи, а также имущество, подпадающее под квалификацию находки, клада, бесхозяйного антикварного, исторического оружия и боеприпасов, иного вооружения или военной техники, безнадзорных животных, а также иное имущество, не подпадающее по указанную квалификацию, но не имеющее собственника либо собственник которого не известен, т.е. являющееся бесхозяйным. При этом в качестве бесхозяйного можно рассматривать не любое имущество, а только такую его составляющую, как вещи.

Все названные виды имущества объединяет общий признак – фактическое отсутствие лица, заявляющего свои права собственности на него, что делает затруднительным использование такого имущества в хозяйственной деятельности, препятствует исполнению установленных правовыми нормами обязанностей по его содержанию (обслуживанию), несет в себе другие негативные экономические и юридические последствия, включая противоправное присвоение, например, историко-культурных ценностей и другого имущества, процедура присвоения которого определена правовыми нормами. Кроме того, имущество, именуемое в юри-

дической литературе бессубъектным и, следовательно, не находящееся в чьем-либо хозяйственном использовании, в силу отсутствия контроля над ним может служить источником загрязнения окружающей природной среды, создавать угрозу причинения вреда физическим лицам, выступать в качестве источника иной опасности.

В отличие от выше рассмотренных оснований приобретения права собственности, обнаружение бесхозяйного имущества отличается тем, что субъект, приобретающий право собственности на бесхозяйное имущество, не принимал участия в его создании либо его изъятии из окружающей природной среды и, в многих случаях, обнаруживает (отыскивает) такое имущество случайно, без заранее сформированной воли на присвоение какой-то определенной вещи.

Бесхозяйное имущество к моменту его обнаружения существует в натуре и в определенный период своего существования принадлежало кому-либо на праве собственности. Учитывая тот факт, что квалификация имущества как бесхозяйного юридически не лишает лицо, в хозяйственном господстве которого ранее это имущество находилось, правомочий собственника, процедура присвоения такого имущества несколько отличается от процедуры присвоения вещей по основаниям, описанным выше, и имеет свои специфические особенности, установленные нормами права собственности в зависимости от квалификации бесхозяйной вещи.

Общие условия приобретения права собственности на бесхозяйные вещи определены нормами ст. 226 ГК, которые, в первую очередь, указывают на необходимость применения в процессе приобретения права собственности на бесхозяйное имущество специальных правовых норм: о приобретении права собственности на вещи, от которых собственник отказался, включая недвижимые (ст. 227 ГК), о находке (ст. 228 ГК и ст. 229 ГК), о безнадзорных животных (ст. 231 ГК и ст. 232 ГК), о кладе (ст. 234 ГК), об антикварном, историческом оружии и боеприпасах, ином вооружении или военной технике (ст. 234^1 ГК), и, во-вторых, в случае невозможности применения указанных норм, отсылают к ст. 235 ГК, нормы которой определят процедуру приобретения права собственности на вещи, не подпадающие под квалификацию, предусмотренную нормами п. 2 ст. 226 ГК, в порядке приобретательной давности.

Далее рассмотрим процедуру приобретения права собственности на бесхозяйные вещи, установленную нормами права собственности в зависимости от их классификации по видам.

6.1. Бесхозяйные недвижимые вещи составляют особую группу бесхозяйного имущества в силу их повышенной стоимости и, как следствие, особой значимости как для отдельных частных субъектов гражданского права, так и для государства. В этой связи бесхозяйное недвижи-

мое имущество в соответствии с нормами п. 3 ст. 226 ГК принимается на учет организациями по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Заявление о постановке на учет бесхозяйного объекта недвижимости подается, по общему правилу, соответствующим государственным органом, управомоченным управлять коммунальным имуществом.

Право коммунальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь может быть признано судом в порядке, предусмотренном нормами § 6 (ст. 379 и ст. 380) главы 30 ГПК «Особое производство».

В соответствии с указанными нормами заявление о признании коммунальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь подается государственным органом, уполномоченным управлять коммунальным имуществом, не ранее чем через год с момента постановки такого имущества на учет организацией по государственной регистрации недвижимого имущества.

На основании решения суда бесхозяйное недвижимое имущество поступает в коммунальную собственность.

В том случае, когда суд не принял решение о признании коммунальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь, она может быть вновь принята во владение, пользование и распоряжение оставившим ее собственником, либо право собственности на нее может быть приобретено в силу приобретательной давности иным лицом, не являющимся собственником такой вещи.

На территории Республики Беларусь в состоянии бесхозяйного может находиться любое имущество, признаваемое в соответствии с классификацией объектов гражданских прав недвижимым, в том числе и земельные участки, что не допускается нормами гражданского права Российской Федерации. Так, в отличие от норм ГК Республики Беларусь нормы ст. 214 ГК Российской Федерации устанавливают право государственной собственности на все земли, которые не находятся в собственности граждан, организаций со статусом юридического лица либо муниципальных образований Российской Федерации, что, по нашему мнению, является верным в силу особой ценности такого природного ресурса, как земля.

6.2. Движимые вещи, от которых собственник отказался, в отличие от недвижимого имущества имеют, как правило, боле низкую стоимость и как объекты вещных прав могут не представлять интереса с точки зрения государственного управления. В этой связи нормами ст. 227 ГК в отношении таких вещей установлена упрощенная по отношению к недвижимым вещам процедура приобретения права собственности, не связанная с необходимостью государственной регистрации факта существования бесхозяйной движимой вещи.

В целях признания за субъектами права собственности на указанные объекты нормами п. 2 ст. 227 ГК все брошенные движимые вещи разделены на две группы в зависимости от предполагаемой стоимости вещи. К первой группе отнесены вещи, стоимость которых явно ниже суммы, кратной пяти базовым величинам, установленным на момент обнаружения вещи, а также брошенные лом металлов, бракованная продукция, топляк от сплава, отвалы и сливы, образуемые при добыче полезных ископаемых, отходы производства и другие отходы, ко второй – вещи со стоимостью, превышающей указанную выше.

Брошенные движимые вещи, отнесенные к первой группе, могут быть обращены в свою собственность лицом, у которого в собственности или на ином правовом титуле находится земельный участок, водоем или иной объект, в пределах которого обнаружена брошенная вещь. Приобретение права собственности на такое имущество осуществляется посредством совершения фактических действий по использованию вещи либо иных действий, указывающих на намерение субъекта обратить брошенную вещь в свою собственность.

Право собственности на брошенные вещи, отнесенные ко второй группе, приобретается субъектом на основании решения суда о признании вещи бесхозяйной, принятом в порядке, предусмотренном нормами § 6 (ст. 379 и ст. 380) главы 30 ГПК «Особое производство».

6.3. Находка – найденная движимая вещь, которая выбыла из владения титульного владельца помимо его воли, т.е. была утеряна или случайно оставлена им. В отличие от брошенных движимых вещей, титульный владелец такого имущества не отказывался от него и, предположительно, имеет намерение вернуть потерянную вещь в свое владение. Право собственности, иное вещное право на потерянное имущество в силу его выбытия из владения собственника или иного управомоченного лица помимо их воли не прекращается, что указывает на юридическую принадлежность титульному владельцу и, в частности, собственнику потерянной вещи всех трех юридических составляющих правомочий собственника. При этом фактические составляющие владения, пользования и распоряжения таким имуществом следует считать утерянными вместе с вещью. Учитывая тот факт, что лицо, потерявшее вещь сохраняет за собой юридические составляющие правомочий собственника, можно констатировать, что оно имеет право на возврат потерянного в свое фактическое владение, пользование и распоряжение.

Квалифицирующим признаком находки, позволяющим отличить ее от вещи, оставленной собственником, по мнению Н.Н Аверченко, является случайность как ее потери, так и нахождения[124].

[124] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. –

Учитывая изложенное, законодатель в связи с обнаружением потерянной вещи возлагает на нашедшее ее лицо определенные обязанности, закрепленные в ст. 228 ГК, а также предоставляет такому лицу некоторые права, реализация которых возможна только в случае надлежащего исполнения предусмотренных указанными нормами обязанностей. При этом в случае неисполнения соответствующих обязанностей лицо, нашедшее вещь, утрачивает возможность реализации прав, предоставленных ему в связи с обнаружением потерянной вещи.

Так, основной обязанностью субъекта, нашедшего потерянную вещь, является совершение действий по незамедлительному уведомлению о находке лица, имеющего право на получение вещи (собственника, иного титульного владельца, если они известны) и возврату ему найденного имущества, либо передаче находки во владение администрации помещения или средства транспорта, в котором обнаружена вещь. С фактом передачи найденной вещи во владение соответствующей администрации (владельца помещения или средства транспорта) нормы ст. 228 ГК связывают переход прав и обязанностей, предусмотренных нормами стст. 228–230 ГК, от лица, нашедшего вещь, к соответствующей администрации (владельцу помещения или средства транспорта). Однако в данном случае лицо, нашедшее вещь, согласно обоснованному утверждению Л.В. Щенниковой, сделанном на основе анализа соответствующих правовых норм, утрачивает все права, предоставленные ему нормами ГК, в силу перехода данных прав к владельцу транспорта или помещения, в котором вещь обнаружена[125]. Такое правовое положение лица, нашедшего вещь, по нашему мнению, очевидно не стимулирует субъектов гражданского права к добросовестному поведению, создает условия незаконного присвоения найденного имущества, доказать факт которого не всегда является возможным.

В том случае, когда вещь найдена вне помещения или транспорта, и управомоченное на ее получение лицо не известно, нашедший вещь обязан заявить о находке в орган местного управления и самоуправления либо в орган внутренних дел. Логично предположить, что заявление должно быть сделано в названные органы по территориальной принадлежности обнаружения потерянной вещи. При этом нормы ст. 228 ГК, возлагая на нашедшего вещь ответственность за ее утрату в пределах стоимости вещи, в случае умысла или грубой неосторожности, повлекших к утрате или повреждению имущества, предоставляют ему право выбора варианта хранения имущества. Нашедший вещь вправе оставить вещь на хранение

Т. 1. – С. 640.

[125] Щенникова Л.В. Судебная практика по делам о находке // Законодательство. – 2003. – № 7. – С. 18–20.

у себя, либо передать ее на хранение в один из выше названных государственных органов или указанному ими лицу. Передача имущества на хранение снимает с нашедшего его лица ответственность за утрату или повреждение вещи.

Вместе с тем, в силу специфики отдельных видов имущества, свойства которого не позволяют хранить его длительное время (например, скоропортящиеся продукты питания), либо требуют затрат на его хранение, несоизмеримых со стоимостью имущества, нормы ст. 28 ГК позволяют нашедшему такое имущество лицу осуществить его реализацию и передать впоследствии вырученную сумму с доказательствами ее размера уполномоченному лицу.

Нормами ст. 229 ГК установлена сокращенная исковая давность, классифицируемая как пресекательный срок, протяженностью в шесть месяцев, предоставляемый для обнаружения титульного владельца потерянной вещи и заявления им своих прав на нее.

Течение установленного шестимесячного срока начинается с момента заявления о находке в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления, сделанного лицом, нашедшим вещь. Если же такое заявление, в нарушение норм ст. 228 ГК, сделано не было, течение указанного срока не начинается.

Восстановление шестимесячного срока в случае его пропуска по любым причинам нормами ст. 228–230 ГК не предусмотрено, что указывает на его императивный характер. Пропуск установленного шестимесячного срока является основанием для приобретения права собственности на найденное имущество нашедшим его лицом, в случае отказа которого от приобретения права собственности на найденную вещь она в безоговорочном порядке поступает в коммунальную собственность.

Нашедшее вещь лицо и передавшее ее титульному владельцу либо после поступления вещи в коммунальную собственность, в соответствии с нормами ст. 230 ГК, имеет право требовать от лица, принявшего вещь, возмещения понесенных необходимых расходов, связанных с хранением, передачей вещи в государственные органы или ее реализацией, а также затрат, связанных с обнаружением титульного владельца вещи. Кроме того, нашедшее вещь лицо имеет право на материальное вознаграждение за обнаружение вещи в размере, согласованном с лицом, принявшим вещь. Вместе с тем, нормами ст. 230 ГК размер вознаграждения, которое лицо, принявшее вещь, обязано уплатить за находку, ограничен 20 % ее стоимости, что не исключает выплаты бóльших сумм по желанию титульного владельца вещи.

Однако стоимость движимых вещей, являющихся объектами гражданских прав и утерянных их собственниками, может быть настолько мала, что сумма в размере 20 %их стоимости не вызовет у лица, нашед-

шего такое имущество, желание обременять себя заботами по исполнению обязанностей, возникающих в связи с находкой. На устранение возможной неблагоприятной для нашедшего вещь лица экономической ситуации направлены нормы п. 2 ст. 23 ГК, предусматривающие возможность установления размера вознаграждения по соглашению сторон вне зависимости от действительной стоимости вещи, если она представляет ценность (например, память о человеке, событиях, этапах жизни и т.п.) непосредственно для ее титульного владельца. В том случае, когда размер вознаграждения, предлагаемый титульным владельцем за обнаружение такой вещи, не устраивает лицо, нашедшее вещь, возникший между ними спор может быть передан на разрешение суда.

6.4. Безнадзорные животные. Общественные отношения, возникающие в связи с обнаружением безнадзорного или пригульного скота, иных домашних животных, урегулированы нормами стст. 231–233 ГК, а также нормами п. 2 ст. 230 ГК, применяемыми к анализируемым отношениям на основании норм, закрепленных в п. 2 ст. 233 ГК. Из смысла норм ст. 231 ГК можно сделать вывод о том, что они применяются, во-первых, в случае обнаружения скота или иных домашних животных, находящихся без должного надзора, а именно, выбывших из хозяйственного господства собственника помимо его воли и осуществляющих самостоятельное передвижение без соответствующего контроля со стороны человека и, во-вторых, в случае, когда принадлежащее другому лицу домашнее животное, в том числе домашний скот, прибьется в хозяйство несобственника, к его стаду, смешается с другими домашними животными другого субъекта гражданского права без ведома собственника такого животного и, следовательно, может быть классифицировано, как пригульное. Кроме того, следует указать на то, что нормы стст. 231–233 ГК применятся только в случае обнаружения в безнадзорном состоянии домашних животных или домашнего скота. Следовательно, в отношении находящихся вне сферы контроля человека диких животных, хотя и сбежавших, например, из зоопарка, цирка, из-под контроля субъекта, содержащего их в домашних условиях, названные нормы ГК не применяются.

В этой связи необходимо провести разделение животных на домашних и диких, содержащихся в неволе. Так, определения понятий «дикие животные» и «дикие животные, содержащиеся в неволе» закреплены в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. «О животном мире», в соответствии с нормами которого дикими животными признаются млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые и другие животные, обитающие на земле (на поверхности, в почве, в подземных пустотах), в поверхностных водах и атмосфере в условиях естественной свободы, а также дикие животные в неволе, под ко-

торыми понимаются дикие животные, отловленные из среды их обитания, и их потомство, содержащиеся и (или) разведенные в условиях с ограничением их естественной свободы.

Таким образом, домашние животные отличаются от диких, но содержащихся в неволе тем, что виды домашних животных в дикой природе, т.е. в свободном состоянии, не встречаются, что и дает основание квалифицировать как безнадзорных всех домашних животных, свободно передвигающихся без контроля человека. Необходимость разграничения животных на домашних и диких, содержащихся в неволе, кроме адекватного применения норм ст. 231–233 ГК, обусловлена тем обстоятельством, что задержание диких животных, самостоятельно покинувших места их содержания (зоопарки, зверинцы и др.), является опасным для человека, не обладающего специальными навыками обращения с представителями дикой природы.

Следовательно, к домашним животным относится весь продуктивный и рабочий скот (корова, лошадь, осел), домашняя птица (куры, утки, гуси, индюки и т.п.), козы, овцы, свиньи, кролики, другие аналогичные животные, а также собаки и кошки, которые в населенных пунктах в больших количествах находятся в бродячем состоянии и задержанию в порядке, определенном нормами ГК, не подлежат. Процедура задержания бродячих кошек и собак определена нормами Постановления Совета Министров от 4 июня 2001 г. № 834 «Об утверждении Правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь».

В силу того, что в последнее время в сельском хозяйстве освоен такой вид деятельности, как содержание страусов с целью получения сельскохозяйственной продукции в виде яйца, а также с целью увеличения их поголовья, содержащихся на фермах страусов, по нашему мнению, также следует отнести к домашним животным.

Не относятся к домашним животным в соответствии с определением диких животных, приведенным выше, содержащиеся в неволе певчие и декоративные птицы, грызуны, пушные звери (песец, норка, нутрия, выдра и т.п.), другие животные, виды которых обитают в естественной природной среде.

Учитывая тот факт, что нормами ст. 137 ГК животные отнесены к объектам гражданских прав, на которых, по общему правилу, распространен правовой режим имущества, что указывает на наличие у животного меновой стоимости, нормы ст. 231–233 ГК определяют модель поведения субъекта гражданского права, обнаружившего домашнее животное, находящееся вне сферы контроля человека, и задержавшего его. Так, в соответствии с нормами ст. 231 ГК на субъекта, задержавшего безнадзорное или пригульное животное, возлагается обязанность по

возврату животного его собственнику либо, в случае когда собственника установить не удалось, – по уведомлению органов внутренних дел о соответствующем факте в течение трех дней с момента задержания животного. Причем следует отметить, что нормы ст. 231 ГК не возлагают на субъектов гражданского права обязанность по задержанию безнадзорных животных, оставляя разрешение данного вопроса на усмотрение лица, обнаружившего животное. По-другому обстоит дело с пригульным животным, т.е. прибившимся в чужое хозяйство. В указанном случае факт задержания такого животного, по нашему мнению, можно признать состоявшимся, и у собственника хозяйства, к которому прибилось чужое животное, следовательно, возникают обязанности, предусмотренные нормами ст. 231 ГК, помимо его воли, т.е. в силу свершившегося факта.

Таким образом, изначально модель поведения лица, задержавшего безнадзорное или пригульное животное, совпадает с моделью субъекта, обнаружившего чужую вещь (находку). Вместе с тем, последующее после уведомления соответствующих органов поведение субъектов, обнаруживших неодушевленную вещь и животных, различно в силу потребности животных в особом содержании, связанном, в том числе, с необходимостью их кормления и способностью приносить продукцию и приплод.

В том случае, когда собственник животного неизвестен и необходимо время для его розыска, возникает потребность в содержании животного и, следовательно, встает вопрос о месте содержания, который разрешается по усмотрению лица, обнаружившего животное. Так, субъект, обнаруживший животное, в соответствии с нормами п. 2 ст. 231 ГК имеет право оставить его у себя на содержании и в пользовании, что позволит такому субъекту в соответствии с нормами ст. 136 ГК, т.е. на законном основании, присвоить себе произведенную животным за время его содержания продукцию и приплод. Указанное лицо может передать животное на содержание и в пользование другому субъекту, имеющему условия, для надлежащего содержания животного данного вида. Кроме того, субъект, обнаруживший животное, имеет право обратиться в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления с просьбой о подыскании соответствующего лица, для передачи животного ему на содержание.

На лицо, принявшее животное на содержание, возлагается ответственность за его порчу или гибель при наличии вины (как умышленной, так и неосторожной) в пределах стоимости животного.

Процедура принятия обнаруженных бессубъектных домашних животных практически аналогична процедуре принятии в собственность находки. Так, для обнаружения собственника животного и заявления таким лицом своих прав установлен шестимесячный пресекательный срок, про-

пуск которого восстановлению не подлежит. По истечение указанного срока животное поступает в собственность лица, осуществляющего содержание животного в течение установленного срока. Следовательно, лицо, нашедшее животное и передавшее его на содержание другому субъекту, лишается возможности приобретения права собственности в отношении такого животного.

Отказ лица, содержавшего животное, от приобретения права собственности на него означает безоговорочное поступление животного в коммунальную собственность. Императивное содержание норм, закрепленных в ч. 2 п. 1 ст. 232 ГК, означает, что орган местного управления и самоуправления не вправе отказаться от приобретения права собственности на бессубъектное животное.

Учитывая специфику такого имущества, как животное, нормы п. 2 ст. 232 ГК устанавливают исключение из установленного правила, позволяющее бывшему собственнику животного при определенных обстоятельствах вернуть право собственности на него и по истечению установленного шестимесячного срока. К таким обстоятельствам относятся либо сохранение привязанности животного к прежнему собственнику, либо ненадлежащее, жестокое обращение с животным нового собственника.

Условия возврата определяются соглашением бывшего и нового собственника, а при его недостижении – судом.

Возврат животного собственнику как в случае его обнаружения в установленные сроки, так и в случае, предусмотренном нормами п. 2 ст. 232 ГК, означает возникновение у лица, задержавшего животное, и лица, его содержавшего права на возмещение собственником животного необходимых расходов, связанных с его содержанием. Расходы, подлежащие возмещению, определяются с зачетом стоимости полученной от животного за период его содержания продукции и приплода. Кроме того, лицо, непосредственно задержавшее животное, имеет право на вознаграждение, размер которого определяется в порядке, предусмотренном для выплаты вознаграждения за находку, т.е. в размере до 20 % стоимости животного.

Учитывая тот факт, что содержащиеся в неволе дикие животные также имеют меновую стоимость, и порой достаточно высокую, например, отдельные виды попугаев, и при этом не обладают опасными для жизни и здоровья человека качествами, в случае их обнаружения в безнадзорном состоянии и отлова, к возникшим в таком случае общественным отношениям, по нашему мнению, в порядке аналогии закона следует применять нормы ГК о безнадзорных животных. В противном случае следует признать, что лицо, обнаружившее находящегося в безнадзорном состоянии, например, попугая, стоимость которого может достигать тысячи долларов США и выше, на законных основаниях может присвоить

себе указанное имущество. Вместе с тем, такой подход не соответствует общим началам и смыслу норм гражданского права.

6.5. Клад, бесхозяйное антикварное, историческое оружие и боеприпасы, иное вооружение или военная техника. Применительно к правоотношениям, возникающим на основе норм гражданского права, обнаружение клада, под которым в соответствии с нормами ст. 234 ГК понимаются зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу правовых норм утратил на них право, рассматривается в качестве юридического факта, с которым нормы ст. 234 ГК связывают возникновение, во-первых, у субъекта, обнаружившего клад, и, во-вторых, у субъекта, являющегося собственником земельного участка, здания, иного объекта, в пределах которого обнаружен клад, определенных субъективных прав и юридических обязанностей.

Так, в соответствии с нормами п. 1 ст. 234 ГК у лица, нашедшего вещи, подпадающие под квалификацию «клад», в качестве которого, учитывая формулировку норм ст. 234 ГК, могут рассматриваться движимые вещи, физические свойства которых в большей степени подходят под понятие «предмет», чего нельзя сказать о недвижимом имуществе, а также у лица, на территории которого обнаружен клад, возникает право собственности на найденное имущество в равных или иных долях, определяемых соглашением между названными лицами. Однако указанное правило распространяется на лицо, нашедшее клад, только в том случае, когда оно производило раскопки и поиск ценностей с согласия собственника соответствующего земельного участка, здания, сооружения, иного имущества, в котором клад был сокрыт. В противном случае все найденное подлежит передаче собственнику соответствующего имущества.

В случае обнаружения предметов, которые могут быть квалифицированы как историко-культурные ценности, они в соответствии с нормами п. 2 ст. 234 ГК подлежат передаче государству. Причем срок передачи определен нормами ст. 19 Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. «Об охране историко-культурного наследия» и составляет два дня с момента обнаружения вещей, которые могут представлять собой историко-культурную ценность. Следовательно, обнаруживший такие вещи субъект гражданского права обязан заявить о находке в орган местного управления и самоуправления либо в территориальный орган внутренних дел в течение двух дней с момента обнаружения. При этом лицо, обнаружившее указанное имущество, и лицо, на территории которого обнаружены вещи, имеют право на вознаграждение в размере 50 % стоимости найденных вещей. Вознаграждение распределяется между названными лицами поровну или в иных долях, установленных соглашением между ними. Однако лицо, нашедшее клад, лишается права на

вознаграждение в случае осуществления поисковых мероприятий без согласия собственника соответствующего имущества.

Лица, осуществляющие поисковые мероприятия в соответствии со своими трудовыми (служебными) обязанностями, права на получение вознаграждения по основаниям, предусмотренным нормами ст. 234 ГК, не приобретают.

В случае обнаружения бесхозяйных антикварного, исторического оружия и боеприпасов, иного вооружения или военной техники при проведении поисковых работ, раскопок либо иным образом, указанные вещи подлежат передаче в государственную собственность в порядке, установленном правовыми нормами, если специальный порядок передачи такого имущества государству не установлен Президентом Республики Беларусь. Учитывая тот факт, что нормы ст. 234^1 ГК введены в состав Гражданского кодекса Законом Республики Беларусь 28 декабря 2009 № 97-З, т.е. относительно недавно, и, следовательно, отсутствие специальных правил передачи указанного имущества в собственность государства, по нашему мнению, до принятия специального нормативного правового акта, в случае обнаружения указанного данными нормами имущества следует руководствоваться нормами ст. 234 ГК.

6.6. Понятие, предназначение и применение приобретательной давности. Процедура приобретения бесхозяйного имущества в собственность по такому первоначальному основанию, как приобретательная давность, определена нормами ст. 235 ГК, согласно которым физическое лицо или организация со статусом юридического лица приобретают право собственности на имущество, не принадлежащее им на праве собственности, но которым данные субъекты добросовестно, открыто и непрерывно владеют как своим собственным в течение установленного срока: для недвижимого имущества – 15 лет, для движимого – 5 лет. Причем право собственности на движимые вещи, по общему правилу, возникает автоматически по истечение установленного срока, а на недвижимые – после государственной регистрации, осуществление которой возможно на основании решения суда, устанавливающего право собственности субъекта на недвижимое имущество по такому первоначальному основанию, как приобретательная давность.

В силу норм ст. 226 ГК нормы ст. 235 ГК применяются субсидиарно, т.е. в том случае, если общественные отношения, возникающие вследствие обнаружения бесхозяйного имущества, не подпадают под действие норм, закрепленных в стст. 227–234^1 ГК, определяющих процедуру приобретения права собственности на отдельные виды бесхозяйных вещей. Таким образом, приобретательная давность как основание приобретения права собственности применяется в виде исключения к тем немногочисленным случаям присвоения бесхозяйных вещей, которые не укла-

дываются в рамки, определенные нормами ГК, анализ содержания которых проведен выше. Однако несмотря на то, что нормы ст. 235 ГК подлежат применению в виде исключения, их следует признать общими, устанавливающими общий порядок приобретения права собственности на бесхозяйные вещи, а нормы стст. 227–234[1] ГК – специальными, определяющими процедуру приобретения права собственности на определенные виды бесхозяйных вещей.

Следует отметить, что по указанным выше основаниям право собственности приобретается в значительно меньший, чем в рамках приобретательной давности, срок, что делает специальные основания приобретения права собственности, предусмотренные нормами стст. 227–234[1] ГК, более привлекательными, чем приобретательная давность и, соответственно, стимулирует субъектов гражданского права к их первоочередному применению в случаях, когда это допустимо в соответствии с установленным гражданским правопорядком.

Нормами ст. 235 ГК исключены из состава субъектов, которым предоставлено право приобретать имущество в собственность на основании приобретательной давности, Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы. Причем исключение сделано не в виде прямого запрета, а посредством указания на те виды субъектов, а именно, на физических лиц и организации, которые могут использовать приобретательную давность в качестве основания приобретения права собственности. При этом Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы нормами ст. 235 ГК в качестве участников отношений приобретательной давности не поименованы.

Логика норм ст. 235 ГК, по нашему мнению, изначально была направлена на предотвращение возможности поступления имущества по приобретательной давности в государственную собственность, что имеет место в Российской Федерации и, соответственно, указывает на возможность использования приобретательной давности как основания приобретения права собственности исключительно частными субъектами гражданского права. Однако в связи с тем, что и Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы имеют право участвовать в уставном фонде хозяйственных обществ, ограничения, установленные нормами ст. 235 ГК, являются формальными. На практике и Республика Беларусь, и ее административно-территориальные единицы могут приобрести по давности владения право собственности на имущество опосредованно, через хозяйственные общества, в уставных фондах которых у названных субъектов есть свой имущественный интерес.

В этой связи следует указать на тот факт, что по такому основанию, как приобретательная давность, право собственности может быть приобретено на такие объекты гражданских прав, как вещи, что следует из

норм ст. 226 ГК, в порядке, установленном соответствующим правовым режимом (свободного или ограниченного обращения), поступившие в фактическое владение субъекта по основаниям иным, чем предусмотрены нормами п. 2 ст. 226 ГК.

Например, одно лицо передало второму на хранение вещь, после чего уехало в другую страну, не вернулось за вещью в установленный срок, утратив связь с субъектом, осуществляющим хранение. Лицо, осуществляющее хранение, по истечение его срока становится фактическим владельцем вещи, не имеющем сведений о месте нахождения ее собственника и, следовательно, по истечении установленного срока сможет прибрести эту вещь в собственность в силу приобретательной давности.

Исключение составляют вещи, изъятые из гражданского оборота и, соответственно, не признаваемые объектами гражданских прав. Вопрос о приобретении в собственность организацией, в уставном фонде которой имеется как частный, так и государственный капитал, либо субъектом гражданского права, в уставный фонд которых сформирован полностью за счет частного капитала, вещей, которые могут находиться исключительно в собственности государства и, следовательно, ограничены в обороте, решается в соответствии с нормами Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» – Президентом Республики Беларусь. Следовательно, возможность приобретения в собственность частными субъектами имущества, которое может находиться исключительно в собственности государства, на территории Беларуси не исключена.

Для использования такого основания приобретения права собственности, как приобретательная давность, необходимо соблюдение всей совокупности предусмотренных нормами п. 1 ст. 235 ГК условий, к которым относятся следующие.

Так, во-первых, субъект, владеющий имуществом, не должен обладать правом собственности на него. Следовательно, имущество для такого субъекта в его сознании должно быть объективно чужим. Во-вторых, субъект должен владеть чужим имуществом добросовестно, в третьих, владеть открыто, в четвертых, владеть непрерывно, в-пятых, владеть на указанных выше условиях в течение установленного срока, в-шестых, к сложившимся общественным отношениям не могут быть применены специальные основания приобретения права собственности, предусмотренные нормами стст. 227–234[1] ГК. Непременное одновременное соблюдение всей совокупности перечисленных условий является предпосылкой применения приобретательной давности в качестве

первоначального основания приобретения права собственности.

Несмотря на кажущуюся определенность предъявляемых к давностному владению требований, в юридической литературе, до настоящего времени не сложилась единая точка зрения в отношении содержания каждого из условий, а также в отношении той продолжительности их действия, которая необходима для возникновения у давностного владельца права на применение приобретательной давности как основания приобретения права собственности на бесхозяйное имущество. Указанные обстоятельства обусловили необходимость подробного анализа каждого из приведенных выше условий применения приобретательной давности, а также их сравнения с таким самостоятельным институтом гражданского права, как добросовестное приобретение, на самостоятельность которого и его признаки, позволяющие разграничить добросовестное приобретение и приобретательную давность, указывают отдельные российские ученые и, в частности, Ю.А. Тарасенко[126].

Точку зрения, высказанную Ю.А. Тарасенко, поддерживает М.Г. Масевич, указывающий на то, что «добросовестное владение при приобретательной давности нужно отличать от добросовестного приобретения имущества <…>»[127].

Далее, с учетом высказанных в юридической литературе точек зрения, проведем анализ содержания каждого из условий, соблюдение совокупности которых необходимо для применения приобретательной давности в качестве первоначального основания приобретения права собственности. Первым условием, необходимым для использования приобретательной давности, следует признать наличие факта владения имуществом, которое не находится в собственности фактического владельца, осуществляющего при этом владение таким имуществом как своим собственным.

К настоящему времени в цивилистической науке не сложилось единое мнение относительно содержания приведенной нормы. Некоторые ученые, оперируя необходимостью владеть имуществом добросовестно, указывают на то, что давностный владелец не знал и не мог знать в момент приобретения, что приобретает имущество от неуправомоченного лица и, соответственно, воля приобретателя была направлена на приобретение имущества в собственность. Так, Ю.К. Толстой отмечает, что «владелец должен владеть имуществом как своим собственным или, что то же самое, в виде собственности, без оглядки на то, что у него есть собственник»[128].

---

[126] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 514–524.

[127] Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 445.

[128] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 423.

Аналогичную точку зрения высказывает Н.Н. Аверченко, утверждающий, что «в момент приобретения вещи владелец полагает, допустимо заблуждаясь в фактических обстоятельствах, что то основание, по которому к нему попала вещь, дает ему право собственности на нее»[129].

Приведенные точки зрения, по нашему мнению, основаны на смешении их авторами таких институтов гражданского права, как приобретательная давность и добросовестное приобретение, признаваемое таковым как раз в том случае, когда воля субъекта направлена на приобретение имущества в собственность, субъект добросовестно заблуждается относительно правомочий отчуждающего имущество лица, известного приобретателю, и в общественных отношениях по передаче прав на имущество для приобретателя, выступающего как управомоченное на отчуждение вещи лицо. Приобретение имущества при названных обстоятельствах позволяет говорить о факте добросовестного приобретения и применить к добросовестному приобретателю нормы ст. 283 ГК, не позволяющие собственнику в предусмотренных случаях истребовать возмездно приобретенное имущество у добросовестного приобретателя.

Отдельные ученые указывают на то, что отношения приобретательной давности предполагают то обстоятельство, что давностный владелец знает о том, что владеет чужим имуществом, но при этом не может установить его собственника, добросовестно бездействуя таким образом, чтобы не создавать препятствий для обнаружения собственником своего имущества. В частности, согласно справедливому утверждению Ю.А. Тарасенко, «давностный владелец получает господство над вещью не в результате передачи от какого-либо конкретного лица, а иным путем (например, вступления в обладание вещью)»[130]. Несколько иную по содержанию, но схожую по смыслу точку зрения высказывает М.Г. Масевич, согласно утверждению которого давностный «владелец в момент начала течения давности часто знает о незаконности владения – о приобретении им имущества по ничтожной сделке или по другим основаниям, которые не могут создать права собственности»[131].

Разные по содержанию точки зрения названных ученых сходны в одном – давностный владелец, в отличие от добросовестного приобретателя, изначально осознает факт незаконного владения вещью, т.е. вещью, право собственности на которую принадлежит другому, неизвестному лицу.

---

[129] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 648.

[130] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 522.

[131] Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 445.

Таким образом, отличие приобретательной давности от добросовестного приобретения в первую очередь состоит в том, что добросовестный приобретатель приобретает у известного ему персонифицированного лица имущество с целью обращения его в свою собственность и, добросовестно заблуждаясь, считает себя собственником приобретенной вещи до того момента, пока действительный собственник не предъявит к нему соответствующий иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения. В отличие от добросовестного приобретателя, давностный владелец не приобретает имущество от конкретного лица, а вступает во владение таким имуществом как бесхозяйным, осознавая, что поступившая в его владение вещь является объективно чужой, фактически бессубъектной, но юридически, возможно, имеющей собственника, который, согласно нормам ст. 226 ГК, неизвестен или фактически (не юридически) отказался от права собственности на вещь. При этом конкретный случай поступления бесхозяйного имущества в фактическое владение субъекта гражданского права не должен подпадать под действие специальных правовых норм, закрепленных в стст. 227–234[1] ГК.

В этой связи точку зрения, высказанную М.Г. Масевичем, следует признать не соответствующей нормам ГК о приобретении права собственности на бесхозяйное имущество, в том числе по такому основанию, как приобретательная давность, в части указания на то, что давностный владелец приобрел имущество от конкретного лица, например, по ничтожной сделке.

Данный вывод основан на нормах п. 1 ст. 226 ГК, в соответствии с которыми бесхозяйной признается вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался, т.е. собственник которой не известен и, следовательно, вещь является бессубъектной, а также на нормах п. 2 ст. 226 ГК, относящих приобретательную давность к одному из оснований приобретения права собственности непосредственно на бесхозяйные вещи.

Вторым условием, необходимым для использования такого основания приобретения права собственности, как приобретательная давность, следует признать факт добросовестности владения бесхозяйной вещью, под которым, в частности, Ю.К. Толстой и Н.Н. Аверченко признают непосредственно факт добросовестного приобретения, которое, по их мнению, в дальнейшем не умаляется последующей недобросовестностью давностного владельца. Такого же мнения придерживается и К.И. Скловский, согласно утверждению которого «добросовестность для приобретения по давности необходима на момент совершения сделки по отчуждению вещи или установлению владения иным образом. Если впоследствии обнаружится, что вещь приобретена незаконно, то это само по себе не препятст-

вует приобретению вещи в собственность»[132].

Названные выше ученые под добросовестным владением понимают добросовестное приобретение, что, по нашему мнению, не верно и приводит к смешению двух институтов гражданского права, разных по своему содержанию и предназначению, что отмечалось выше. При этом К.И. Скловский прямо указывает на их системную связь[133].

Понятие добросовестного владения нормами ГК прямо не определено, что вызывает некоторые трудности в его толковании и, как следствие, неверное применение норм о добросовестном приобретении к приобретательной давности. При этом в результате подмены института давностного владения институтом добросовестного приобретения выше названные ученые делают вывод о том, что добросовестное владение во времени существует только в момент приобретения вещи, а это не соответствует содержанию норм ст. 235 ГК (234 ГК РФ).

Так, например, Ю.К. Толстой, полемизируя относительно того периода, в течение которого давностный владелец должен осуществлять владение добросовестно, указывает на то, что требование от давностного владельца того, чтобы он в течение всего периода владения не знал и не должен был знать об отсутствии у него права собственности на имущество, «было бы чрезмерным и, по существу, свело бы на нет действие института приобретательной давности»[134].

Как следует из вышеизложенного, ученый обращается к институту добросовестного приобретения, не учитывая того, что давностный владелец, в отличие от добросовестного приобретателя, должен осознавать факт нахождения у него чужого имущества, понимать, что такое имущество, являясь бесхозяйным, объективно имеет собственника, в данный момент не известного, и воля давностного владельца изначально не направлена на приобретение права собственности на бесхозяйное имущество, которым он владеет фактически, а не юридически, т.е. применительно к теории и системе юридических фактов незаконно, без соответствующего правового основания (правового титула). Более того, наличие правового титула в отношении имущества как раз является препятствием для приобретения на него права собственности с использованием института приобретательной давности, что отмечается в юридической литературе[135], а также в нормативных правовых актах[136].

---

[132] Скловский К.И. – Указ. соч. – С. 184.

[133] Там же. – С. 182.

[134] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 423.

[135] См., например: Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1. – С. 666–667.

[136] См.: О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с

Вместе с тем, в юридической литературе высказана и иная, более верная, на наш взгляд, точка зрения относительно содержания такого понятия, как добросовестное владение. Так, Ю.А. Тарасенко указывает на то, что добросовестное владение должно продолжаться в течение всего срока, установленного нормами ГК для применения приобретательной давности, что вполне ясно следует из системного толкования норм, закрепленных в п. 1 ст. 235 ГК, и укладывается в понятие владения как процесса, имеющего протяженность во времени. В отличие от владения приобретение следует рассматривать как действие, а не как процесс. Так, согласно приведенным нормам, лицо должно добросовестно владеть имуществом как своим собственным в течение установленного срока, но никак не непосредственно, и только в момент приобретения.

Таким образом, на основании толкования норм ст. 235 ГК можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что добросовестным следует признать такое владение, которое характеризуется как владение вещью, поступившей к давностному владельцу вне связи с ее законным или незаконным отчуждением, осуществляемое также как своими собственными вещами, открыто и непрерывно в течение всего установленного нормами ст. 235 ГК срока, т.е. движимым имуществом в течение пяти лет, недвижимым – в течение пятнадцати лет. При этом вещь не должна поступить во владение давностного владельца в результате совершения противоправного деяния, например, ее хищения, завладения ею вопреки воле известного давностному владельцу собственника и т.п.

Далее, применительно к понятию добросовестного владения необходимо определить значение словосочетания «как своим собственным», неверное толкование которого, по нашему мнению, является первопричиной смешения приобретательной давности с добросовестным приобретением и утверждения о том, что давностный владелец психически считает себя собственником имущества, что, как указывалось выше, противоречит нормам ст. 235 ГК.

Применительно к приобретательной давности владение имуществом как своим, по нашему мнению, означает, во-первых, извлечение его полезных свойств (если это необходимо давностному владельцу), и, во-вторых, надлежащее исполнение всех связанных с использованием и содержанием вещи обязанностей, включая обслуживание имущества, поддержание его в надлежащем состоянии, не допускающем ухудшения или порчи имущества, в том числе исполнение различного рода публичных обязанностей, связанных с использованием имущества, если таковые имеются (например, уплата налогов, страхование имущества, соблюде-

правом собственности на жилые помещения: Постановление Пленума Верховного Суда, 26 марта 2003 г. № 2.

ние мер общественной безопасности при его использовании и т.п.), исполняя которые, давностный владелец осознает принадлежность вещи иному, не известному ему лицу.

Третьим условием, необходимым для использования приобретательной давности в качестве основания приобретения права собственности, как следует из норм ст. 235 ГК, является факт открытого владения имуществом. Анализируемое условие плавно вытекает из второго условия, т.е. из добросовестного владения, которое должно быть открытым, явным для всех окружающих, в том числе для действительного собственника имущества. Открытое для всех окружающих владение, в том числе и исполнение связанных с этим обязанностей, указывает на отсутствие у фактического владельца намерения скрыть вещь от ее собственника с целью недобросовестного присвоения и свидетельствует о его воле, направленной на возврат имущества действительному собственнику в случае его обнаружения. Согласно справедливому утверждению К.И. Скловского, «требование открытости владения обнаруживает стремление сохранить в этом институте баланс интересов и дать гарантии собственнику для отыскания вещи»[137]. При этом фактический владелец, что верно отмечает Н.Н. Аверченко, не обязан постоянно совершать действия, демонстрирующие фактическое владение, а вести себя в отношении бесхозяйного имущества в общепринятых рамках[138].

В отличие от давностного владельца, добросовестный приобретатель, считающий себя собственником имущества и позиционируемый таковым в представлении иных субъектов гражданского права, осуществляет владение вещью по собственному усмотрению и не обязан афишировать владение ею, а фактически, если ему будет угодно, даже может намеренно скрывать факт приобретения имущества от окружающих, что не оказывает влияния на его положение как добросовестного приобретателя.

Возвращаясь к понятию добросовестного владения, следует отметить, что его содержание составляет:

– владение вещью, поступившей в фактическое владение лица вне связи с совершением правонарушения;

– владение, открытое для всех субъектов гражданского права;

– от которых не скрыта информация о том, что фактический владелец имущества не является его собственником, что является дополнительной гарантий возможного отыскания такого имущества его действительным собственником;

---

[137] Скловский К.И. – Указ. соч. – С. 185.

[138] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 650.

– владение чужим имуществом в своем и иных субъектов восприятии как своим, т.е. надлежаще исполняя все связанные с этим обязанности;

– отсутствие у давностного владельца сведений о действительном собственнике имущества.

В этой связи нельзя согласиться с утверждением Р.С. Бевзенко, понимающим под добросовестным владельцем того, «который полагает себя собственником вещи, но не является им по причине наличия дефекта в правовом основании приобретения вещи»[139]. Этот ученый, так же как и Ю.К. Толстой, смешал институты приобретательной давности и добросовестного приобретения, нормы которого как раз и предполагают наличие правового основания поступления имущества во владение, но с определенным дефектом. Нормы же приобретательной давности, опосредующие приобретение права собственности непосредственно на бесхозяйное имущество, что следует из норм ст. 226 ГК, какого-либо правового основания поступления имущества во владение давностного владельца не предполагают, наоборот, указывают на его отсутствие и устанавливают необходимость осознания давностным владельцем факта владения чужой вещью.

Следовательно, такие названные в ст. 235 ГК условия давностного владения, как владение открытое и владение чужим имуществом как своим собственным, следует признать составляющими такого условия, как владение добросовестное, которое не может быть признано таковым без его открытости для всех, а также без надлежащего отношения к чужому имуществу, позволяющего сохранить его для собственника в случае обнаружения такового.

Четвертым условием применения приобретательной давности в качестве основания приобретения права собственности является факт непрерывного владения бесхозяйным имуществом добросовестно и, следовательно, открыто, в течение всего установленного срока, включая отношение к вещи как к своей, понимая, что она принадлежит на праве собственности другому субъекту гражданского права.

Применительно к анализируемому признаку под непрерывностью владения следует понимать процесс фактического обладания бесхозяйной вещью, находящейся в непосредственном фактическом владении давностного владельца весь необходимый для применения приобретательной давности период времени, в течение которого вещь не должна фактически передаваться во владение другого лица. При этом следует признать тот факт, что юридическое, но не фактическое выбытие иму-

[139] Практика применения Гражданского кодекса РФ: Части первой / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 442–444.

щества из владения давностного владельца, а именно, передача им по договору или иному правовому основанию юридической составляющей правомочия владения не влечет перерыва владельческой давности при условии, что фактическим владельцем вещи остается давностный владелец. Именно по такому пути пошла судебная практика в Российской Федерации[140].

Вместе с тем, наличие у фактического владельца легитимной возможности по передаче юридической составляющей правомочия владения бесхозяйной вещью другому лицу по какому-либо правовому основанию (правовому титулу) следует признать спорным, а точнее, противоречащим общему смыслу и предназначению гражданского права, нормы которого предусматривают возможность легитимной передачи только тех прав, которыми субъект непосредственно обладает на законном основании. Так, в соответствии с нормами ст. 210 ГК правомочия владения, пользования и распоряжения вещью принадлежат собственнику, который может передать их иному лицу по основаниям, предусмотренным нормами ГК.

Применительно к субъекту, владеющему бесхозяйной вещью до признания за ним права собственности на нее, следует указать на отсутствие у него вещных прав в отношении такого имущества. Соответственно, все совершенные давностным владельцем сделки, направленные на отчуждение всех или части правомочий собственника, следует классифицировать как несоответствующие установленному правопорядку и абсолютно недействительные согласно нормам ст. 169 ГК, на что, в частности, обращает внимание К.И. Скловский[141].

В отличие от незаконной передачи юридической составляющей владения фактическую передачу вещи иному субъекту гражданского права, как сопровождаемую, так и не сопровождаемую передачей юридической, следует признать основанием для перерыва течения давностного срока, смысл в установлении которого состоит в предоставлении собственнику вещи достаточного времени, чтобы принять необходимые меры к ее отысканию. Вместе с тем, фактическая передача имущества третьему лицу может послужить препятствием для отыскания собственником своего имущества и, соответственно, нивелировать предназначение института приобретательной давности. Кроме того, передача вещи другому лицу, например, для хранения или хозяйственного использования нарушает требование открытости владения. Приведенное утверждение основано на том, что лицо, получившее вещь от давностного владельца,

[140] См.: Практика применения Гражданского кодекса РФ: Части первой / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 441–442.

[141] Скловский К.И. – Указ. соч. – С. 194–195.

не являясь таковым, не обязано сообщать о своем владении окружающим и, фактически, может хранить имущество или использовать его скрытно. Таким образом, в случае фактической передачи имущества иному лицу не соблюдаются необходимые условия давностного владения, что является препятствием к использованию приобретательной давности в качестве основания приобретения права собственности на такую вещь.

Пятым условием применения приобретательной давности в качестве основания приобретения права собственности является необходимость владения вещью в соответствии с указанными выше требованиями, в течение предусмотренного нормами ст. 235 ГК срока, т.е., как указывалось выше, в случае владения движимой вещью – пять лет, в случае владения недвижимой вещью – пятнадцать лет. Течение срока, необходимого для применения приобретательной давности, по общему правилу, начинается с ноля часов дня, следующего за днем фактического поступления вещи во владение давностного владельца, что соответствует требованиям норм ст. 192 ГК. Однако нормами п. 4 ст. 235 ГК установлено исключение из приведенного общего правила, направленное на защиту прав собственника вещи, выбывшей из его владения помимо его воли, например, украденной у него. В соответствии с установленным исключением течение срока приобретательной давности в отношении вещей, которые могут быть истребованы у фактического владельца их собственником на основании иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения (стст. 282–284 ГК и ст. 286 ГК), начинается не с момента фактического поступления вещи во владение давностного владельца, а на следующий день после истечения исковой давности, установленной нормами главы 12 ГК для истребования соответствующего имущества, т.е., по общему правилу, по истечении трех лет со дня, признанного днем начала течения давностного срока.

Учитывая тот факт, что применение приобретательной давности, особенно в отношении недвижимого имущества, сопряжено с необходимостью владения им в течении довольно продолжительного срока, нормы п. 3 ст. 235 ГК предоставляют лицу, которое ссылается на давность владения, присоединить ко времени своего владения все время, в течение которого этим имуществом владел его правопредшественник, что следует рассматривать как некоторое исключение из правила непрерывности владения, установленного нормами п. 1 ст. 235 ГК. В соответствии с установленным нормами п. 3 ст. 235 ГК, исключением при разрешении вопроса о применении приобретательной давности не принимается во внимание факт владения вещью несколькими субъектами, которые в отношении такой вещи являются субъектами правопреемства.

Кроме того, нормы ст. 1144 ГК придают ст. 235 ГК обратную силу, предусматривая возможность использования приобретательной давно-

сти и в том случае, когда владение, соответствующее рассмотренным выше условиям, началось до 1 июля 1999 г., т.е. до вступления в силу ГК и продолжилось после указанной даты, что также имеет место в ГК Российской Федерации, и направлено на стабилизацию гражданско-правовых отношений, участие в которых бессубъектного имущества не предполагается.

Вместе с тем, следует отметить, что нормы ст. 1144 ГК противоречат нормам ст. 104 Конституции, согласно которым закон не имеет обратной силы, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан.

Как следует из содержания норм ст. 1144 ГК, они не предусматривают ни смягчения, ни отмены наказания, что исключает возможность придания указанной статье обратной силы. Указанное несоответствие закреплено также в ст. 67 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», нормы которой расширительно толкуют приведенную норму Конституции, что, по нашему мнению, недопустимо.

Последним, шестым, условием применения приобретательной давности является закрепленное в ст. 226 ГК требование о ее применении только к тем случаям владения бесхозяйными вещами, к которым не могут быть применены нормы о приобретении права собственности на вещи, от которых собственник отказался (ст. 227 ГК), о находке (стст. 228–229 ГК), о безнадзорных животных (стст. 231– 232 ГК), о кладе (ст. 234 ГК), об антикварном, историческом оружии и боеприпасах, ином вооружении или военной технике (ст. 234^1 ГК), что, подчеркнем еще раз, указывает на возможность применения института приобретательной давности к бесхозяйному имуществу, т.е. вещам, не имеющим собственника, собственник которых неизвестен, или вещам, от права собственности на которые собственник отказался. Непосредственно приведенное требование норм ст. 226 ГК в наибольшей степени свидетельствует о принципиальном различии двух институтов гражданского права: приобретательной давности и добросовестного приобретения, имеющим разное содержание и предназначение, но одну цель – создание максимально стабильных условий развития гражданского оборота.

В подтверждение приведенного тезиса следует провести сравнение способов защиты своего владения, предоставленных давностному владельцу и добросовестному приобретателю.

Так, давностный владелец, в соответствии с нормами п. 2 ст. 235 ГК, до момента приобретения права собственности на вещь с применением приобретательной давности имеет право на защиту своего владения против всех третьих лиц, за исключением собственников имущества и иных титульных владельцев. Таким образом, нормами ГК давностному владель-

цу предоставлено право так называемой владельческой защиты, или защиты своего фактического владельца от посягательств всех иных лиц, не имеющих в отношении конкретной вещи какого-либо правового титула.

Против возражения собственника или иного титульного владельца давностный владелец может защититься лишь истекшей исковой давностью, в период течения которой предъявление соответствующего иска означает принудительное (в судебном порядке) прекращение фактического владения и возврат имущества его законному владельцу. При этом истечение давностного срока защищает давностного владельца только лишь от юрисдикционных притязаний титульного владельца, что не исключает изъятие имущества из фактического владения давностного владельца путем, например, захвата, иного фактического завладения собственником. В таком случае давностный владелец, не приобретший право собственности на вещь в силу приобретательной давности, не сможет использовать какие-либо легитимные средства защиты в силу отсутствия у него правового титула в отношении такой вещи и, следовательно, каких-либо правомочий в ее отношении.

В отличие от давностного владельца добросовестный приобретатель, по общему правилу, в случае предъявления к нему иска об истребовании имущества в пользу его собственника имеет возможность противопоставить собственнику свою добросовестность, что является препятствием к изъятию имущества от добросовестного приобретателя.

Таким образом, различные способы защиты своего владения еще раз подтверждают необходимость принципиального разграничения института приобретательной давности и института добросовестного приобретения.

Далее рассмотрим производные основания приобретения права собственности одним субъектом, одновременно служащие, по общему правилу, основанием его прекращения у другого субъекта.

6.3. Производные основания приобретения права собственности

К производным основаниям приобретения права собственности относят: передачу имущества при реорганизации или ликвидации организации со статусом юридического лица, наследственное правопреемство, передачу вещи по договору, обращение взыскания на имущество по обязательствам, отчуждение имущества, которое в соответствии с правовыми нормами не может принадлежать данному лицу, отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей или домашних животных, реквизицию, конфискацию, приватизацию, национализацию.

Отличительной особенностью производных оснований приобретения права собственности является то, что как имущество, так и право собственности на него переходит к новому собственнику от конкретного субъекта, обладающего до момента отчуждения имущества в его отношении правом собственности. В этой связи, в отдельных случаях, содержание права собственности нового собственника может зависеть от содержания права собственности предыдущего собственника, быть обусловлено им, обременено правами третьего лица на имущество, перешедшее к новому собственнику, что не свойственно первоначальным основаниям приобретения права собственности, свободного от подобных обременений. Таким образом, субъекту гражданского права, приобретающему право собственности на имущество по одному из производных оснований, предполагающих возможность перехода к новому собственнику вместе с имуществом некоторых обременений в виде прав третьих лиц на него, следует учитывать данное обстоятельство в процессе участия в соответствующих гражданско-правовых отношениях.

Следует отметить, что в соответствии с названием глав 15 ГК «Прекращение права собственности», а также на основании названия ст. 236 ГК «Основания прекращения права собственности» и сделанного ее нормами указания на то, что основная масса перечисленных в ней оснований опосредуют принудительное изъятие имущества у собственника, в юридической литературе все перечисленные в п. 2 ст. 236 ГК производные основания приобретения права собственности классифицируют исключительно как основания прекращения права собственности[142], что, по нашему мнению, является неверным.

Так, с точки зрения приведенной выше классификации анализируемые основания возникновения права собственности в целом являются производными, юридическими, могут быть общими, но в большинстве случаев являются либо частными, либо публичным, относятся к основаниям двустороннего действия (одновременно выступающим в качестве правопрекращающих и правообразующих). Применительно к традиционной системе юридических фактов производные основания приобретения права собственности, в общем, следует рассматривать как правомерные действия, относящиеся к юридическим актам, классифицируемым в большинстве своем как административный акт (различные его виды), а в отдельных случаях – как сделка.

Из приведенной классификационной характеристики оснований динамики отношений собственности следует, что все закрепленные в п. 2 ст. 236 ГК основания относятся одновременно и к правопрекращающим, и к правообразующим юридическим фактам, направленным на пре-

[142] См., например: Колбасин Д.А. – Указ. соч. – С. 52–67.

кращение права собственности у одного лица с одновременным возникновением права собственности на то же имущество у другого лица. Данный подход к классификации анализируемых оснований соответствует основному смыслу гражданского права в целом, и права собственности в частности, нормы которого направлены на предотвращение возможности существования бессубъектного имущества.

Далее рассмотрим каждое из названных выше производных оснований приобретения права собственности в отдельности, в процессе чего будут приведены необходимые доказательства того, что каждое из закрепленных в п. 2 ст. 236 ГК оснований выступает как в качестве правопрекращающего, так и в качестве правообразующего юридического факта.

В силу того, что процедуры приобретения права собственности путем передачи имущества при реорганизации или ликвидации организации со статусом юридического лица, а также путем наследственного правопреемства урегулированы нормами иных разделов ГК и, соответственно, являются предметом рассмотрения в отдельных изданиях, дальнейшему рассмотрению в настоящем издании они не подлежат[143].

1. *Передача вещи по договору*. Одним из самых распространенных и, следовательно, наиболее часто используемых субъектами гражданского права производных оснований приобретения права собственности следует признать передачу имущества по договору. Это обусловлено тем обстоятельством, что непосредственно гражданско-правовой договор, как правовое средство регулирования взаимоотношений субъектов гражданского права, опосредует наибольшее количество общественных отношений, возникающих в сфере гражданского оборота, в том числе связанных с передачей имущества и прав на него от одного субъекта гражданского права другому.

В этой связи актуальным для участников договорных отношений, а также третьих лиц, включая государство, является вопрос о том, с какого момента у стороны договора, приобретающей вещь, возникает право собственности на нее. Актуальность данного вопроса заключается, во-первых, в том, что непосредственно обладателю права собственности принадлежат в полном объеме правомочия собственника, позволяющие осуществлять полноценное включение вещи в хозяйственный оборот, во-вторых, в том, что, в соответствии с нормами ст. 212 ГК, непосредственно обладатель права собственности на вещь, по общему правилу, несет риск ее случайной гибели, случайной порчи или случайного повреждения, в-третьих, согласно верному утверждению Н.Н. Аверченко, интерес к этому

[143] См., например: Маньковский И.А., Вабищевич С.С. Юридические лица: научно-практическое исследование сущности и современного правового положения: Монография. – Минск, Молодежное, 2009. – С. 153–176; Маньковский И.А., Вабищевич С.С. Субъекты гражданского права: Монография. – Минск: Молодежное, 2010. – С. 280–303.

вопросу «имеется у кредиторов, а также у государства в лице налоговых органов в случаях обращения взыскания на имущество, так как вещественный состав имущественной массы должника определяется с учетом момента перехода права собственности по совершенным отчуждательным сделкам»[144].

Следовательно, точное определение момента возникновения права собственности несет в себе не только правовые, но и экономические последствия как позитивного (беспрепятственное включение имущества в хозяйственную эксплуатацию), так и негативного свойства (бремя расходов, связанных с гибелью или повреждением вещи, взыскание имущества по долгам).

Согласно нормам ст. 224 ГК, по общему правилу, право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее фактической передачи. Таким образом, гражданское право Республики Беларусь в качестве общего подхода к определению перехода права собственность на вещь по договору установило момент фактической передачи вещи от отчуждателя к приобретателю. Непосредственно при таком подходе третьи лица в отношении определения собственника конкретной вещи изначально могут руководствоваться правилом, в соответствии с которым собственником имущества предполагается его фактический владелец, что служит цели стабилизации гражданско-правовых отношений, способствует упрощению взаимоотношений участников гражданского оборота.

Вместе с тем, нормы ст. 224 ГК предусматривают некоторые исключения из установленного общего правила, согласно которым, во-первых, иной момент перехода права собственности на вещь может быть определен соглашением сторон (договором) либо правовыми нормами, закрепленными в законодательстве и, во-вторых, у приобретателя вещи по договору об отчуждении имущества, подлежащего государственной регистрации, право собственности, по общему правилу, возникает с момента ее осуществления. При этом иной момент перехода права собственности на вещь по договору, подлежащему государственной регистрации, может быть определен правовыми нормами, закрепленными в законодательстве.

Императивный характер норм п. 2 ст. 224 ГК не предполагает возможность их изменения по соглашению сторон договора.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что гражданское право Беларуси, как, впрочем, и Российской Федерации, в целом предусматривает возможность использования трех способов определения момента перехода права собственность на вещь по договору: способ традиции (фактической передачи), способ консенсуса (установления иного

[144] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 656.

момента по соглашению сторон), способ регистрации.

Способ традиции предполагает, что право собственности на вещь, передаваемую по договору, переходит к приобретателю в момент ее фактической передачи, что, как указывалось выше, установлено нормами ст. 224 ГК в качестве общего правила для вещей, договоры о передаче которых не подлежат государственной регистрации. Способ традиции, как правило, используется в процессе заключения и исполнения так называемых «распорядительных договоров, само совершение которых связывается с передачей вещи и, предопределяя их реальную природу, переносит право собственности на вещь с ее отчуждателя на приобретателя»[145]. К таким договорам относятся все договоры, классифицируемые как реальные, момент вступления в силу которых и, следовательно, момент перехода права собственности на отчуждаемую вещь связан непосредственно с передачей вещи от отчуждателя к приобретателю.

Особенностью способа традиции является необходимость точного определения момента фактической передачи вещи, под которой нормы ст. 225 ГК понимают, во-первых, непосредственное ее вручение приобретателю, которое считается состоявшимся в момент фактического поступления вещи во владение приобретателя или названного им лица (получателя), во-вторых, передачей признается вручение вещи перевозчику для ее доставки приобретателю либо передача в организацию связи для пересылки приобретателю вещей, отчужденных без обязательства доставки, в-третьих, к передаче вещи нормы ст. 225 ГК приравнивают вручение приобретателю коносамента или иного товарораспорядительного документа на нее.

Нормы п. 2 ст. 225 ГК определяют момент перехода права собственности по договору на вещь, которая к моменту вступления в договорные отношения уже находилась в фактическом владении приобретателя. Согласно названным нормам, моментом передачи вещи, находящейся в фактическом владении приобретателя к моменту заключения договора, признается момент заключения договора. Приведенную ситуацию в цивилистике именуют «передача короткой рукой».

Способ традиции следует применять в тех обязательственных отношениях, которые возникают в момент передачи вещи, как, например, заем, а порой одновременно с передачей не только возникают, но и прекращаются, как, например, дарение, т.е. представляют собой правоотношения с простой структурой правовых связей.

В том случае, когда возникшие обязательственные правоотношения имеют сложную структуру правовых связей, предполагающую не только

[145] Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная часть: Учеб. – Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 494.

одномоментную передачу вещи, но и необходимость совершения сторонами правоотношения в отношении друг друга определенной совокупности иных действий, следует применять *способ консенсуса*, который предусматривает возможность установления по соглашению сторон иного, чем определен нормами ст. 224 ГК, момента перехода права собственности на предмет договора.

В качестве момента перехода права собственности на вещь от отчуждателя к приобретателю стороны могут определить момент заключения договора, момент оплаты, момент совершения каких-либо действий (оказание услуги, передача вещи, сообщение сведений и т.п.). По сути, стороны договора своим соглашением могут установить любой момент, оторванный во времени от фактической передачи вещи, с которого право собственности переходит к приобретателю, если их соглашение не повлечет за собой ущемление прав и законных интересов третьих лиц и, в целом, будет соответствовать требованиям норм гражданского права. При этом не во всех случаях вместе с переходом права собственности на вещь к ее приобретателю должны перейти связанные с эти обременения и, в частности, бремя расходов, связанных с содержанием имущества, и риск случайной гибели, порчи или повреждения вещи, что следует из норм ст. 211 ГК и ст. 212 ГК, которые предусматривают возможность определения субъекта названных обременений по соглашению сторон.

В силу того, что экономические общественные связи, как правило, являются многоэлементными, имеют сложную, многоуровневую систему социального взаимодействия, во многих случаях участники гражданского оборота отдают предпочтение способу консенсуса, позволяющему участникам экономической деятельности создавать наиболее удобные для себя юридические модели своего взаимодействия.

Применяя способ консенсуса, в практической деятельности участники гражданско-правовых отношений наиболее часто прибегают к так называемому «обеспечительному удержанию титула»[146], при котором право собственности на вещь, переданную по договору, остается у первоначального собственника до момента оплаты вещи ее приобретателем. Такая договорная конструкция позволяет собственнику вещи в случае ее неоплаты по своему выбору требовать либо оплаты вещи и, следовательно, выполнения возложенного на ее приобретателя договорного обязательства, либо возврата непосредственно самой вещи, как имущества, находящегося в собственности ее отчуждателя.

В случаях, прямо предусмотренных правовыми нормами, участники гражданско-правовых отношений при определении момента перехода

[146] Практика применения Гражданского кодекса РФ: Части первой / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 430.

права собственности на вещь, передаваемую по договору, обязаны использовать *способ регистрации*, связывающий, согласно нормам п. 2 ст. 224 ГК, момент перехода права собственности на вещь с моментом государственной регистрации договора о ее передаче. Способ регистрации, как правило, применяется в случае отчуждения недвижимых вещей.

Регистрация договора, как момент перехода права собственности на вещь, для способа регистрации принята в качестве общего правила, изменение которого возможно правовыми нормами, на что указывалось выше. В отдельных случаях кроме государственной регистрации договора необходима регистрация перехода права собственности, непосредственно с момента совершения которой и осуществляется переход права собственности от отчуждателя к приобретателю.

В частности, в соответствии с нормами ст. 165 ГК государственной регистрации подлежат договоры, предметом которых являются земельные участки и другие недвижимые вещи. Регистрация совершается в соответствии с нормами ст. 131 ГК и нормами специальных нормативных правовых актов. Непосредственно нормами ст. 131 ГК определено, что возникновение, переход и прекращение права собственности и ограниченных вещных прав в отношении земельных участков и иных недвижимых вещей подлежат государственной регистрации.

При этом до момента государственной регистрации перехода права собственности на недвижимую вещь она может поступить в фактическое владение приобретателя в связи с чем возникает вопрос о распределении связанных с вещью обременений, а также о течении общественных отношений по поводу данной вещи с третьими лицами. Так, по общему правилу, фактическая передача объекта недвижимости до регистрации перехода права собственности на нее не влечет изменений общественных отношений по поводу недвижимости с третьими лицами. Таким образом, продавец, получивший оплату за недвижимую вещь и фактичски передавший ее покупателю, остается, с точки зрения складывающихся общественных отношений, ее собственником до момента государственной регистрации перехода права собственности на вещь от отчуждателя к приобретателю. В указанном случае, т.е. до момента государсвтенной регистрации перехода права собственности, фактически переданное приобретателю недвижимое имущество остается в составе имущества отчуждателя, что является основанием к наложению на него ареста и взысканию такого имущества по долгам его отчуждателя в случае возникновения соответствующего спора в суде (например, в случае возбуждения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротства) продавца недвижимого имущества).

Юридичесакую регистрацию, анализ процедуры которой проведен выше, следует отличать от технической регистрации (например, механи-

ческого транспортного средства в государственной автомобильной инспекции), которая не влечет изменений вещных правоотношений и, в частности, отношений собственности.

Все три способа определения момента перехода права собственности на вещь от отчуждателя к приобретателю по договору в совокупности являются тем правовым арсеналом, который создает наиболее оптимальные условия участия в гражданско-правовых отношениях, связанных с передачей вещей и переходом права собственности на них между субъектами гражданского права.

2. *Приватизация*. В качестве одного из производных оснований возникновения непосредственно частной собственности выступает процесс приватизации, под которым, в соответствии с нормами ст. 1 Закона Республики Беларусь «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества» от 19 января 1993 г. в редакции Закона Республики Беларусь от 16 июля 2010 г., понимается продажа объектов приватизации субъектам приватизации в порядке и на условиях, установленных нормами указанного Закона.

Согласно нормам п. 2 ст. 236 ГК, приватизация признается основанием принудительного изъятия имущества у собственника и, как следствие, относится в юридической литературе к «основаниям прекращения права собственности, не зависящим от воли собственника», что, по нашему мнению, является неверным. Так, во-первых, как указано выше, приватизация предполагает не только прекращение права собственности у предыдущего собственника, но и одновременное приобретение права собственности на то же имущество новым собственником, что является основанием к классификации приватизации как производного основания приобретения права собственности двустороннего действия. Приватизация выступает одновременно как правопрекращающий и правопорождающий юридический факт (юридический состав). Во-вторых, приватизация в соответствии с нормами ст. 1 указанного Закона проводится на основании решения Президента Республики Беларусь и, следовательно, не может быть классифицирована как принудительное изъятие имущества, т.е. без согласия собственника имущества – государства.

Суть приватизации состоит в продаже имущества, принадлежащего на праве собственности государству, частным субъектам гражданского права, что предполагает его перевод в частную собственность. Таким образом, приватизацию, как производное основание приобретения права собственности, следует классифицировать как частное.

В качестве субъектов приватизации, т.е. лиц, которые имеют право приобретать государственное имущество в частную собственность, нормы ст. 1. Закона называют физических лиц, организации со статусом

юридического лица Республики Беларусь, за исключением государственных организаций и хозяйственных обществ, в уставных фондах которых количество акций (размер доли), принадлежащих Республике Беларусь или ее административно-территориальным единицам, превышает 50 %, иностранные государства и их административно-территориальные единицы, международные организации, иностранные организации со статусом юридического лица, а также иностранные организации, не обладающие статусом юридического лица.

Объектами приватизации нормами ст. 1 названного Закона признаются предприятия как имущественные комплексы государственных унитарных предприятий, акции (доли в уставных фондах) хозяйственных обществ, находящиеся в собственности Республики Беларусь или в собственности административно-территориальных единиц Республики Беларусь.

Таким образом, процесс приватизации состоит в передаче на возмездной основе имущественных комплексов и акций акционерных обществ (долей в уставных фондах хозяйственных обществ), принадлежащих на праве собственности государству, в частную собственность. Продажа объектов приватизации осуществляется двумя способами: на аукционе и по конкурсу, что способствует наиболее полному учету государственных финансовых и иных экономических интересов, позволяет в необходимых случаях сохранить профиль реализуемого имущественного комплекса, создать правовые гарантии сохранения объектов социально-культурного назначения, входящих в единый имущественный комплекс как объект государственной собственности.

Наряду с приватизацией выше указанных объектов хозяйственного назначения, в Республике Беларусь проводится приватизация государственного жилищного фонда, правовой основой которой наряду с Конституцией выступают нормы Закона Республики Беларусь «О приватизации жилищного фонда в Республике Беларусь» от 16 апреля 1992 г. с изменениями по состоянию на 15 июля 2008 г.

Жилищная приватизация отличается от хозяйственной, во-первых, субъектами приватизации, в качестве которых, согласно нормам ст. 3 названного Закона, могут выступать граждане Республики Беларусь, а также иностранные граждане и лица без гражданства, которые постоянно проживают на территории Республики Беларусь и, во-вторых, объектами приватизации, которыми в соответствии с нормами ст. 4 Закона признаются жилые помещения государственного жилищного фонда, за исключением жилых помещений, перечень которых предусмотрен нормами ст. 5 Закона.

Как следует из содержания норм преамбулы указанного Закона, жилищная приватизация направлена на создание условий для осуществления права граждан на свободный выбор способа удовлетворения потребностей в жилье, а также на обеспечение эффективного использова-

ния и содержания жилищного фонда.

На основании изложенного приватизацию как основание приобретения (прекращения) права собственности можно классифицировать как производное, юридическое, частное и двустороннего действия. С точки зрения воспринятой цивилистической наукой классификацией юридических фактов приватизация является правомерным действием, юридическим актом, который, в общем, можно классифицировать как решение соответствующего государственного органа.

3. *Обращение взыскания на имущество по обязательствам,* являясь основанием приобретения права собственности, классифицируется как производное, юридическое, общее и двустороннего действия, т.е. направленное как на прекращение права собственности на вещь у должника, так и на одновременное возникновение права собственности у кредитора, что следует из содержания самой процедуры отчуждения, направленной на изъятие вещи у одного лица с целью погашения его задолженности перед другим лицом. Двусторонний характер действия анализируемого основания подтверждается нормами п. 2 ст. 238 ГК, определяющими момент прекращения права собственности у должника на взыскиваемое имущество моментом возникновения права собственности на указанное имущество у кредитора, т.е. лица, в пользу которого имущество взыскивается.

С точки зрения стандартной классификации юридических фактов, анализируемое основание приобретения права собственности следует классифицировать как правомерное действие, представляющее собой юридический акт в виде сделки либо административного акта (например, судебного решения либо решения налогового органа о бесспорном списании денежных средств с расчетного счета должника в счет погашения задолженности по налогам).

В соответствии с нормами п. 1 ст. 238 ГК, изъятие имущества у собственника по его долгам, возникшим вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, по общему правилу, производится на основании решения общего либо хозяйственного суда в зависимости от правового положения конкретных сторон обязательства и, соответственно, установленной нормами ГПК или ХПК подведомственности дел общим либо хозяйственным судам. Вместе с тем, нормы п. 1 ст. 238 ГК допускают возможность обращения взыскания на имущество должника во внесудебном порядке в том случае, когда такое взыскание допускается правовыми нормами либо возможность совершения соответствующих действий в отношении друг друга установлена соглашением участников конкретного обязательственного правоотношения.

В том случае, когда применяется судебный порядок обращения взыскания на имущество в счет исполнения обязательства, к возникающим в этой связи общественным отношениям применяются нормы раздела

IX ГПК «Исполнительное производство» либо нормы раздела IV ХПК «Исполнительное производство».

Взыскание на основании судебного решения может быть обращено на любое имущество организации со статусом юридического лица и любое имущество физического лица, как зарегистрированного, так и не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением имущества, включенного в Перечень имущества граждан, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, закрепленный в Приложении № 1 к ГПК. Включенное в указанный Перечень имущество признано правовыми нормами минимально необходимым для удовлетворения первоочередных жизненных потребностей должника и находящихся на его содержании иждивенцев, что и послужило основанием к наложению запрета на его взыскание по обязательствам.

Имущество, на которое обращено взыскание, по общему правилу, подлежит реализации с использованием такого предусмотренного правовыми нормами способа, как публичные торги, проводимые с целью получения наибольшей денежной суммы, которая передается кредитору в пределах подтвержденного в суде долга. Процедура реализации имущества на торгах, а не прямая его передача кредитору в счет погашения образовавшейся задолженности, позволяет максимально полно учесть имущественные интересы не только кредитора, но и должника, которому возвращается оставшаяся после удовлетворения требований кредитора денежная сумма за минусом стоимости организации и проведения торгов.

В том случае, когда просроченное обязательство состоит в передаче должником кредитору индивидуально-определенной вещи или установленного количества вещей, определенных родовыми признаками, и указанное имущество к моменту обращения взыскания сохранилось в натуре, торги не проводятся, а передаче в собственность кредитора подлежит соответствующее имущество в натуре, что соответствует интересам кредитора.

В целом, процедуры, предусмотренные исполнительным производством, подлежат изучению в рамках соответствующих учебных курсов, и в настоящем издании подробному освещению не подлежат.

В том случае, когда возможность взыскания предусмотрена правовыми нормами, например, нормами главы 6 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь, или в рамках самозащиты гражданских прав, допускаемой нормами ст. 11 ГК, а также согласно условиям участия в договорном обязательстве, взыскание производится во внесудебном порядке, т.е. без использования процедур исполнительного производства. Вместе с тем, если подлежащее взысканию в пользу, например, частного субъекта гражданского права, имущество находится в фактическом владении должника, воля которого на погашение задолженности отсутствует, вне рамок судебного решения и возбужденного на его ос-

нове исполнительного производства, истребовать имущество легитимным путем, по нашему мнению, не представляется возможным. Причем, следует учитывать то обстоятельство, что нормы ст. 238 ГК как раз применяются в том случае, когда фактическая воля должника на погашение задолженности, возникшей вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, отсутствует.

При любом варианте взыскания, т.е. в судебном порядке либо на основании правовых норм, или на основании условий договора, при определении момента перехода права собственности на имущество от должника к кредитору применяется способ традиции, при котором право собственности на вещь переходит от должника к кредитору в момент ее фактической передачи управомоченному на получение вещи лицу. Непосредственно в указанный момент право собственности у должника прекращается, а у кредитора возникает.

4. *Отчуждение имущества, которое в соответствии с правовыми нормами не может принадлежать данному лицу,* являясь основанием приобретения права собственности, классифицируется как производное, юридическое, общее и двустороннего действия.

С точки зрения классификации юридических фактов, анализируемое основание приобретения права собственности следует классифицировать как правомерное действие, представляющее собой юридический акт в виде сделки либо административного акта (судебного решения), что зависит от того способа отчуждения, который будет применен в конкретной ситуации.

Факт включения в состав системы гражданского права норм, закрепленных в ст. 239 ГК, предусматривающих такое основание перехода права собственности на вещь, как отчуждение имущества, которое в соответствии с правовыми нормами не может принадлежать данному лицу, обусловлен, по нашему мнению, отсутствием объективной возможности полного системного урегулирования всей совокупности общественных отношений, которые могут возникнуть в процессе участия субъектов гражданского права в экономической деятельности в целом, и в имущественных отношениях – в частности. В силу названного обстоятельства субъект гражданского права, приобретший какую-либо вещь по вполне легитимным основаниям, может нарушить требования норм ст. 129 ГК «Оборотоспособность объектов гражданских прав», став обладателем имущества, которое в соответствии с названными и иными нормами не может ему принадлежать. Возникает двойственная ситуация, при которой, с одной стороны, субъект гражданского права приобрел имущество в полном соответствии с требованиями норм гражданского права, применяемых к отношениям, возникшим в момент приобретения имущества, а с другой – стал невольным нарушителем норм ст.

129 ГК и иных норм гражданского права.

Наиболее часто встречающимся случаем возникновения такой ситуации является участие граждан в наследственном (универсальном) правопреемстве, при котором в состав наследства наряду со свободно обращающимся имуществом входит имущество, ограниченное в обороте или изъятое из оборота, но которое применительно к бывшему собственнику находилось у него на законных основаниях.

Как следует из норм наследственного права, частичный отказ от наследства не допускается, в связи с чем вся совокупность имущества, включая и то, которое не может находиться в собственности лица, принимающего наследство, поступает в его собственность. В этой связи возникает ситуация, противоречащая установленному правопорядку.

Аналогичная ситуация может возникнуть в результате правопреемства при реорганизации или ликвидации организации со статусом юридического лица.

Непосредственно на предотвращение законно сложившихся, но при этом противоречащих правовым нормам общественных отношений и направлена закрепленная в ст. 239 ГК процедура прекращения права собственности лица на вещь, которая, согласно правовым нормам, не может ему принадлежать.

В силу того, что субъект гражданского права, имеющий в собственности имущество, которое ему принадлежать не может, не является правонарушителем в прямом смысле данного термина, нормы ст. 239 ГК предоставляют ему возможность добровольно реализовать это имущество в течение года с момента приобретения права собственности на него, если правовыми нормами не установлен иной срок добровольной реализации.

В том случае, когда собственник имущества, которое в соответствии с правовыми нормами не может находиться в его собственности, по каким-либо причинам не воспользуется предоставленной ему возможность и не произведет отчуждение такого имущества в добровольном порядке, имущество изымается у его собственника на основании решения суда, вынесенного по заявлению уполномоченного государственного органа или органа местного управления и самоуправления с целью его реализации управомоченному лицу или с целью обращения в собственность государства. Денежная сумма, вырученная от реализации такого имущества, либо стоимость имущества, определенная судом, в случае обращения имущества в собственность государства подлежит передаче бывшему собственнику.

Как правило, в случае продажи имущества на торгах, проведение которых в указанной ситуации является обязательным, из вырученной от продажи имущества суммы взыскивается стоимость организации и проведения торгов.

Если в собственность лица на законном основании поступит имущество, ограниченное в обороте, оно подлежит реализации в случае отказа его собственнику в выдаче разрешения, необходимого для владения имуществом, либо неполучения необходимого разрешения в течение установленного срока по иным основаниям.

5. *Отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка,* являясь основанием приобретения права собственности, классифицируется как производное, юридическое, общее и двустороннего действия.

С точки зрения стандартной классификации юридических фактов анализируемое основание приобретения права собственности следует классифицировать как правомерное действие, представляющее собой юридический акт в виде административного акта (судебного решения).

Необходимость введения в систему гражданского права норм, позволяющих производить принудительное, помимо воли сособственника, изъятие недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, на котором оно находится обусловлена потребностями государственного управления, в том числе в связи с осуществлением различных внутренних и внешних функций государства, связанных с обороной внешних границ, обеспечением надлежащего транспортного сообщения и энергообеспечения, с охраной земель и многих других функций, выполнение которых может быть обусловлено необходимостью использования конкретного земельного участка с расположенными на нем объектами недвижимости, находящимися в частной собственности. Отсутствие правового механизма изъятия частных строений, находящихся на земельном участке, необходимом для государственных нужд, могло бы парализовать деятельность государственных органов по выполнению возложенных на государство функций и, тем самым, причинить ущерб государственным, включая общественные, интересам.

Правовой основой изъятия недвижимого имущества, принадлежащего на праве частной собственности владельцу земельного участка, подлежащего отчуждению для государственных нужд либо в связи с его ненадлежащим использованием, являются нормы ст. 240 ГК, устанавливающие процедуру изъятия, соответствующую императивам гражданско-правового принципа приоритета общественных интересов, закрепленного в ст. 2 ГК.

При этом изъятие непосредственно земельного участка производится в соответствии с нормами законодательства об охране и использовании земель, что соответствует нормам, закрепленным в ст. 1 ГК.

Согласно нормам ст. 240 ГК, решение о прекращении права собственности на недвижимое имущество, находящееся на изымаемом для государственных нужд земельном участке, принимает суд, что согласу-

ется с содержанием норм ст. 44 Конституции.

С требованием о принятии соответствующего решения имеет право обратиться в суд заинтересованный в изъятии земельного участка государственный орган или орган местного управления и самоуправления, которые должны доказать тот факт, что использование земельного участка в целях, для которых он изымается, невозможно без прекращения права собственности на данное недвижимое имущество. В противном случае суд, руководствуясь нормами ст. 240 ГК, обязан отказать в принятии решения о прекращении права собственности на соответствующее недвижимое имущество.

В случае принятия судом требуемого решения имущество изымается у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов в порядке, предусмотренном правовыми нормами, что также соответствует требованиям норм ст. 44 Конституции, предусматривающих возможность принудительного изъятия имущества у добросовестного собственника при соблюдении условий и порядка, определенных правовыми нормами, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества.

В соответствии с нормами п. 2 ст. 240 ГК, рассмотренный выше порядок прекращения права собственности на недвижимое имущество применяется так же в случае изъятия горных отводов и других участков, на которых находится такое имущество.

6. *Выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей* предусмотрен нормами ст. 241 ГК и, являясь основанием приобретения права собственности, классифицируется как производное, юридическое, общее и двустороннего действия.

С точки зрения стандартной классификации юридических фактов анализируемое основание приобретения права собственности следует классифицировать как правомерное действие, представляющее собой юридический акт в виде административного акта (судебного решения).

Нормы ст. 241 ГК направлены на реализацию государственной политики в области охраны историко-культурного наследия Республики Беларусь, принципы осуществления которой закреплены в Законе Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» от 9 января 2006 г.

Согласно нормам ст. 241 ГК, суд может принять решение об изъятии у собственника культурных ценностей, отнесенных правовыми нормами к особо ценным и охраняемым государством в случае их бесхозяйственного содержания, грозящего утратой культурными ценностями своего значения.

В процессе анализа содержания норм ст. 241 ГК необходимо отличать бесхозяйственное содержание имущества, на которое указывают нормы названной статьи, от бесхозяйного имущества, на которое указы-

вают норм ст. 226 ГК. Отличие двух терминов состоит в том, что бесхозяйной признается вещь, не имеющая хозяина (собственника), либо хозяин (собственник) которой не известен, а бесхозяйственно содержимой признается вещь, находящаяся в фактическом владении собственника, который ненадлежащим образом исполняет установленные нормами ГК обязанности по ее содержанию, не несет бремя расходов на содержание вещи в том объеме, который требуется для предотвращения ее порчи или повреждения. В частности, нормами ст. 53 названного Закона на собственника материальных историко-культурных ценностей возложена обязанность по их охране, в том числе надлежащем содержании, способствующем сохранению историко-культурных ценностей в надлежащем состоянии, а нормами ст. 52 Закона собственнику историко-культурных ценностей запрещено отказываться от права собственности на них посредством уничтожения, а также запрещено допускать возможность причинения какого-либо ущерба историко-культурным ценностям, находящимся в частной собственности лица. Приведенные ограничения прав собственника в отношении его имущества соответствуют требованиям норм ст. 44 Конституции, допускающим беспрепятственное осуществление права собственности в таких пределах, когда при осуществлении названного вещного права не причиняется ущерб в том числе и историко-культурным ценностям.

В том случае, когда собственник историко-культурных ценностей не соблюдает требования по их содержанию, соответствующее имущество может быть изъято по решению суда с целью сохранения ценностей для народа Республики Беларусь. Нормы ст. 241 ГК не указывают на того субъекта, который имеет право обратиться в суд с соответствующим требованием. По нашему мнению, это может быть любой заинтересованный орган государственного управления, в том числе орган местного управления и самоуправления.

В связи с тем, что нормы ст. 241 ГК предусматривают изъятие имущества, находящегося в частной собственности, охраняемой, в первую очередь, нормами ст. 44 Конституции, его изъятие осуществляется на возмездной основе посредством выкупа государством либо посредством продажи с публичных торгов, что позволит выручить от продажи историко-культурных ценностей наиболее максимальную денежную сумму, которая, за вычетом расходов, связанных с проведением торгов, подлежит передаче бывшему собственнику реализованных историко-культурных ценностей.

В том случае, когда историко-культурные ценности выкупаются государством, их цена определяется соглашением сторон либо, в случае недостижения соглашения, – судом.

Право собственности на указанное имущество от бывшего собственника переходит к новому собственнику (частному лицу или государст-

ву), по общему правилу, с момента фактической передачи вещи. Таким образом, при определении момента перехода права собственности используется способ традиции.

7. *Выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними* предусмотрен нормами ст. 242 ГК и, являясь основанием приобретения права собственности, классифицируется как производное, юридическое, общее и двустороннего действия.

С точки зрения классификации юридических фактов анализируемое основание приобретения права собственности следует классифицировать как правомерное действие, представляющее собой юридический акт в виде административного акта (судебного решения).

Нормы ст. 242 ГК направлены на пресечение поведения человека, которое не соответствует установленным правилам и принятым в обществе нормам гуманного отношения к животным. Следует полагать, что нормы ст. 242 ГК применяются в случае такого поведения человека, при котором здоровье и жизнь животного, содержащегося в неволе, подвергаются опасности. Причем, если нормы ст. 232 ГК указывают непосредственно на домашних животных, под которыми в юридической литературе понимают продуктивный и рабочий скот, домашнюю птицу и т.п., на что указывалось выше, то нормы ст. 242 ГК подобного указания не содержат, что дает основание понимать под животными как домашних, так и содержащихся в неволе диких животных, которые являются собственностью их владельца.

В том случае, когда вред причиняется диким животным, находящимся в естественном, природном состоянии, нормы ст. 242 ГК применяться не могут в силу того, что лицо, причиняющее вред, при указанных обстоятельствах не обладает правом собственности на такие объекты животного мира.

В данном случае применению подлежит Закон Республики Беларусь «О животном мире» от 10 июля 2007 г., а также нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступлений, состав которых закреплен в разделе IX Уголовного кодекса.

В соответствии с нормами ст. 242 ГК, принудительное изъятие животного, содержание которого не соответствует общеустановленным требованиям, осуществляется на основании решения суда, в который с соответствующим исковым заявлением может обратиться только то лицо, воля которого направлена на приобретение такого животного в свою собственность. Подобное указание анализируемых норм ограничивает круг субъектов, которые могут прибегнуть к судебной защите животного от ненадлежащего к нему отношения, посредством применения гражданско-правовых средств. В частности, нормы ст. 242 ГК не предусматривают возможность обращения в суд, например, организации по защите животных, с требова-

нием об изъятии животного у его собственника и передаче, например, в городской зоопарк. Согласно нормам ст. 242 ГК, только непосредственно зоопарк, если он обладает статусом юридического лица, имеет право обращаться в суд с требованием о передаче животного, с которым собственник обращается ненадлежащим образом, в свою собственность.

Изъятие животного и, соответственно, прекращение права собственности на него, осуществляется на возмездной основе, что соответствует требованиям норм ст. 44 Конституции, по цене, определяемой соглашением между предшествующим и последующим собственниками либо, в случае возникновения спора, – судом.

Субъектный состав лиц, имеющих право требовать передачи права собственности с собственника такого животного на себя, нормами ст. 242 ГК не определен, что дает основания применить общие правила участия в гражданско-правовых отношениях, и констатировать, что возможность приобретения права собственности в порядке, предусмотренном нормами ст. 242 ГК, предоставлена правосубъектным физическим лицам, а также государственным и частным коммерческим и некоммерческим организациям.

8. *Реквизиция*. Термин «реквизировать» в русском языке обозначает «отобрать в принудительном порядке в пользу государства или на военные нужды»[147]. Процедура и основании реквизиции, проводимой в рамках гражданского правопорядка, определены нормами ст. 243 ГК, в соответствии с которыми реквизиция допускается в случаях возникновения стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и иных обстоятельств, носящих чрезвычайный характер, и состоит в принудительном изъятии у собственника имущества, необходимого для предотвращения различных чрезвычайных обстоятельств, по решению уполномоченного государственного органа, но в порядке и на условиях, установленных нормами закона.

Таким образом, реквизиция, в общем, используется как правовой механизм принудительного перевода от частных лиц в пользу государства права собственности на имущество, необходимое для ликвидации чрезвычайной ситуации, под которой в соответствии с нормами ст. 1 Закона Республики Беларусь «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 5 мая 1998 г., понимается обстановка, сложившаяся на определенной территории в результате промышленной аварии, иной опасной ситуации техногенного характера, катастрофы, опасного природного явления, стихийного или иного бедствия, которые повлекли или могут повлечь за собой человеческие жертвы, причинение вреда здоровью людей или окружающей среде, значительный материальный ущерб и нарушение условий жизнедеятельности людей.

[147] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. – Указ. соч. – С. 675.

Реквизиция осуществляется на возмездной основе, т.е. с выплатой стоимости имущества, что изначально предусмотрено нормами ст. 44 Конституции.

Стоимость частного имущества, подлежащего реквизиции, определяется уполномоченным государственным органом и согласно нормам п. 2 ст. 243 ГК может быть оспорена его собственником.

Реквизиция, являясь основанием приобретения права собственности, классифицируется как производное, юридическое, публичное и двустороннего действия, направленное на прекращение права собственности частного субъекта и возникновение права собственности у государства.

С точки зрения классификации юридических фактов, анализируемое основание приобретения права собственности следует классифицировать как правомерное действие, представляющее собой юридический акт в виде административного акта (решения уполномоченного государственного органа).

Исходя из того, что реквизиция представляет собой способ изъятия имущества в пользу государства, она применяется исключительно в отношении частных субъектов, которые, руководствуясь нормами п. 3 ст. 243 ГК, имеют право, при прекращении действия обстоятельств, в связи с которыми произведена реквизиция, обратиться в суд с требованием о возврате сохранившегося имущества.

Момент перехода права собственности на имущество от его собственника к государству в процессе реквизиции определяется моментом фактической передачи вещей. Таким образом, в анализируемом случае используется способ традиции.

9. *Конфискация* согласно нормам ст. 244 ГК представляет собой санкцию за совершение преступления, административного проступка или нарушения норм гражданского права и состоит в принудительном и безвозмездном изъятии имущества у его собственника. Конфискация, как принудительная мера безвозмездного лишения собственника права собственности на его имущество в соответствии с нормами ст. 44 Конституции допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных нормами законодательных актов, а также по решению суда, которое, в свою очередь, также должно быть основано на нормах законодательных актов.

В силу того, что конфискация как мера принудительного воздействия на правонарушителя применяется не только в гражданском, но также в уголовном и административном праве, ее можно признать межотраслевым институтом, направленным непосредственно на изменение гражданско-правовых отношений и, в частности, отношений собственности.

Нормы ст. 244 ГК предусматривают несколько видов конфискации, которая может осуществляться в судебном порядке или в администра-

тивном порядке. Факт конфискации имущества в административном порядке может быть обжалован в суд.

Так, например, в административном порядке в соответствии с нормами 6.10. КоАП конфискации подлежат доходы, полученные в результате осуществления противоправной деятельности, а также предметы административного правонарушения, орудия и средства совершения административного правонарушения, находящиеся в собственности (на праве хозяйственного ведения, оперативного управления) лица, совершившего административное правонарушение.

Непосредственно в рамках гражданского правопорядка конфискация применяется, например, на основании норм ст. 170 ГК, ст. 180 ГК, ст. 57 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г.

Являясь одновременно мерой принудительного воздействия на правонарушителя и основанием приобретения права собственности, конфискация классифицируется как основание производное, юридическое, публичное и двустороннего действия.

С точки зрения классификации юридических фактов, анализируемое основание приобретения права собственности следует классифицировать как правомерное действие, представляющее собой юридический акт в виде административного акта (решения суда или иного уполномоченного государственного органа).

10. *Национализация* представляет собой, во-первых, способ принудительного изъятия имущества у частного лица в пользу государства, а, во-вторых, основание приобретения права собственности, которое классифицируется как производное, юридическое, публичное и двустороннего действия.

С точки зрения классификации юридических фактов анализируемое основание приобретения права собственности следует классифицировать как правомерное действие, представляющее собой юридический акт в виде административного акта (решения уполномоченного государственного органа, вынесенного в виде закона, принятого на основе Конституции).

Квинтэссенция национализации состоит в изъятии у частных лиц имущества с целью обращения его в государственную собственность и дальнейшей хозяйственной эксплуатации в интересах всего народа, а не отдельных лиц. Под имуществом, подлежащим национализации, следует понимать средства производства, имеющие важное значение для государственного развития, эксплуатация которых способна оказать влияние на энергетическую, продовольственную, экономическую, экологическую и т.п. безопасность государства и проживающего на государственной территории населения. К таковым, по нашему мнению, относятся единые электросети, сеть железных дорог, единые имущественные комплексы по добыче, пере-

работке и транспортировке природных ресурсов, сеть единых имущественных комплексов по производству хлебобулочных изделий и т.п.

Процесс национализации по своему содержанию является обратным процессу приватизации и может быть приведен в действие в целях устранения ее негативных последствии.

6.4. Основания прекращения права собственности

В отличие от рассмотренных выше первоначальны и производных оснований приобретения права собственности, во всех случаях направленных в конечном итоге на закрепление имущества за определенным собственником и возможную его дальнейшую хозяйственную эксплуатацию, процедура прекращения права собственности непосредственно связана с прекращением существования объекта вещных правоотношений в натуре, т.е. с его потреблением, гибелью или уничтожением, что исключает его дальнейшую хозяйственную эксплуатацию и, по сути, выводит прекративший существование объект из гражданского оборота.

Прекращение права собственности возможно в следующих случаях:

– потребление собственником или иным лицом имущества, классифицируемого как потребляемое. В указанном случае право собственности на имущество прекращается в процессе извлечения его полезных свойств. Имущество может быть потреблено его собственником либо, с его согласия, иным лицом, т.е. по воле собственника имущества и, следовательно, в рамках гражданского правопорядка, а также помимо его воли иным лицом в случае выбытия имущества из владения собственника и, следовательно, вне рамок установленного гражданского правопорядка, т.е. противоправно. Противоправное потребление имущества, по общему правилу, является основанием для взыскание его собственником с правонарушителя стоимости такого имущества, что не оказывает влияния на факт прекращения права собственности на имущество, которое было потреблено;

– уничтожение имущества непосредственно его собственником или иным лицом с согласия собственника либо без такового. Без согласия собственника имущество может быть уничтожено в результате совершения гражданского правонарушения, что дает собственнику право на взыскание стоимости имущества, но не оказывает влияния на факт прекращения права собственности на уничтоженное имущество либо в рамках, определенных правовыми нормами, во-первых, вследствие крайней необходимости, во-вторых, согласно правовым нормам (например, уничтожение больных животных в случае возникновения эпидемии). Уничтожение имущества, как правило, представляет собой во-

левое действие конкретного субъекта гражданского права и, в частности, может иметь место в результате отказа собственника вещи от права собственности на нее. Уничтожению может быть подвергнуто как потребляемое, так и не потребляемое имущество. Однако в рамках правомерного поведения субъектов гражданского права уничтожению подлежит только то имущество, уничтожение которого прямо не запрещено правовыми нормами (например, историко-культурные ценности), и не связано с причинением вреда иным субъектам гражданского права, а также экологической безопасности (например, уничтожение радиоактивных отходов, отходов химического производства и т.п.);

– гибель имущества возможна вне связи с деятельностью человека, помимо его воли в результате возникновения чрезвычайных и непредотвратимых в данных условиях обстоятельств либо в связи с деятельностью человека, не направленной непосредственно на уничтожение имущества.

Вне зависимости от причин и способа прекращения существования имущества в натуре все перечисленные выше и иные аналогичные деяния являются основаниями прекращения права собственности, которые можно классифицировать как фактические, общие и одностороннего действия, т.е. направленные на прекращение гражданско-правовых отношений.

С точки зрения классификации юридических фактов, воспринятой цивилистической наукой факт прекращения существования имущества в зависимости от конкретных обстоятельств может быть классифицирован как событие или действие, которое может быть как правомерным, так и неправомерным и быть выражено как юридическим поступком, так и юридическим актом в виде сделки либо административного акта.

В случае прекращения права собственности на имущество приобретение, прекращение или переход права собственности, в отношении которого не подлежит государственной регистрации, его уничтожение (потребление) не связано с каким-либо юридическим нормированием, на что справедливо указывает Ю.К. Толстой[148].

В том случае, когда прекращает существование имущество, приобретение, прекращение или переход права собственности в отношении которого подлежит государственной регистрации, бывший собственник имущества обязан совершить соответствующие регистрационные действия, включая техническую регистрацию, например, механического транспортного средства в подразделении ГАИ МВД, которое в случае его утилизации подлежит снятию с регистрационного учета.

[148] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 450.

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

§ 1. Понятие и предназначение права собственности физических лиц: современный взгляд на проблему

Право собственности, являясь подотраслью гражданского права, состоит из совокупности гражданско-правовых институтов, нормы которых регулируют общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правомочий собственника отдельными группами субъектов гражданского права. Одним из таких институтов подотрасли «право собственности и другие вещные права» является гражданско-правовой институт «право собственности физических лиц», вобравший в себя все основные принципы правого регулирования вещных отношений, установленные нормами названной подотрасли и применяемые в рамках всех ее институтов, а также обладающий рядом специфических особенностей, обусловленных субъектным составом анализируемых вещных правоотношений.

Собственность физических лиц, независимо от того, осуществляют ли они предпринимательскую деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей либо в качестве таковых не зарегистрированы, классифицируется как частная, что применительно к современным условиям развития гражданского правопорядка, оказывает влияние непосредственно на состав объектов, которые на территории Республики Беларусь могут находиться в собственности физических лиц.

В качестве правовой основы развития частной собственности в общем, и физических лиц – в частности, выступают нормы ст. 13 Конституции, устанавливающие две формы собственности на территории Республики Беларусь – государственную и частную, а также гарантирующие равную защиту и равные условия для развития как государственной, так и частной собственности. Кроме того, нормами ст. 13 Конституции физическим лицам предоставлена возможность свободного использования своей собственности для осуществления предпринимательской и иной легальной экономической деятельности. Наряду с нормами ст. 13 нормы ст. 44 Конституции выступают гарантом права собственности, закрепляют за собственником на конституционном уровне правомочия собственника (владение, пользование и распоряжение) и предоставляют собственнику исключительное право их осуществления как единолично, так и совместно с другими субъектами гражданского права. На конституционном уровне также гарантирована неприкосновенность собственности, приобретенной в соответствии с правовыми нормами, право передачи такой собственности по наследству и ее государственная защита.

На основе норм Конституции в ГК закреплены соответствующие отраслевые принципы гражданско-правового регулирования, в том числе и отношений частной собственности физических лиц. К названным относятся следующие принципы: неприкосновенности собственности, беспрепятственного осуществления гражданских прав, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, равенства защиты как государственной, так и частной собственности любыми предусмотренными нормами гражданского права способами, включая и самозащиту, беспрепятственного восстановления нарушенных прав и некоторые другие принципы гражданско-правового регулирования.

Нормы анализируемого института гражданского права направлены на легализацию процесса поступления имущества в фактическое владение физических лиц, создание надлежащих правовых условий его законного использования и защиты фактического владения собственника от противоправных посягательств третьих лиц, чем формируют необходимые правовые условия эффективного развития общественных отношений собственности, как экономической категории, на государственной территории.

Различные виды вещей в совокупности составляющих собственность в экономическом смысле (потребляемых и непотребляемых, простых и сложных, главных вещей и их принадлежностей и другие их виды) являются необходимыми для обеспечения жизнедеятельности человека. По сути, можно констатировать тот факт, что жизнь человека без минимально необходимого набора вещей невозможна. Названное обстоятельство делает процесс приобретения имущества и извлечения его полезных свойств одним из самых важных для человека. Непосредственно от того, какие вещи и в каком количестве доступны конкретному человеку, зависит качество его жизни, что стало особенно заметным на территории бывшего СССР после его распада и переориентации вновь образовавшихся независимых государств в сторону капиталистического пути развития.

Возможности человека по приобретению во владение различных вещей, безусловно, во многом зависят от его личных качеств, позволяющих использовать в полном объеме многообразие доступных в настоящее время способов присвоения материальных благ. Однако совокупность всех возможностей, теоретически доступных каждому члену общества, в соответствии с установленным нормами ст. 17 ГК объемом правоспособности, в целом, определяется нормами права собственности, содержание которых в первую очередь зависит от того политического пути, по которому развивается государство, что хорошо известно жителям стран СНГ, родившимся в период расцвета СССР и имеющим, таким образом, возможность сравнить социалистический и капиталистический пути экономического развития.

В настоящее время, в отличие от социалистического периода развития, возможности граждан в имущественной сфере расширены практически до максимально допустимых пределов. Так, согласно нормам ст. 214 ГК, физическим лицам потенциально предоставлена возможность иметь на праве собственности любое имущество, за исключением того, которое в соответствии с нормами законодательного акта не может находиться в собственности физических лиц, т.е. является ограниченным в обороте, что обусловлено различными общественными интересами.

В советский период государственного развития виды имущества, которые могли находиться в собственности человека, были ограничены правовыми нормами, отсутствовало само понятие частной собственности, именовавшейся личной, т.е. предназначавшейся для удовлетворения личных бытовых потребностей граждан. Установленные в то время правовые ограничения исключали возможность приобретения гражданами в собственность земельных участков, средств производства, включая грузовые автомобили и иные механические транспортные средства, используемые для производства работ, иной промышленный инвентарь и оборудование, а жилые дома и бытовые постройки, необходимые для обслуживания жилого дома, право собственности граждан на которые допускалось, были ограничены в размерах.

В настоящее время в соответствии с нормами Конституции и основанными на них нормами п. 2 ст. 214 ГК количественные или стоимостные ограничения имущества, которое может находиться в собственности физических лиц, могут быть установлены только нормами законодательного акта, если это необходимо в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Таким образом, по общему правилу, количество и стоимость имущества, которое может находиться в собственности физических лиц, на законодательном уровне на современном этапе развития гражданского правопорядка не ограничивается.

Физическим лицам нормами гражданского права предоставлены возможности приобретения в собственность имущества по основаниям, которые в соответствии с классификацией оснований приобретения права собственности, относятся к общим или частным, и при этом могут быть как фактические, так и юридические, как первоначальные, так и производные, как одностороннего, так и двустороннего действия. Следовательно, физические лица могут приобрести право частной собственности на вещи в процессе их изготовления (создания), приобретения по договору, вследствие использования предоставленных нормами ГК возможностей приобретения в собственность бесхозяйных вещей, участвуя в наследственном правопреемстве, в результате присвоения общедоступных для сбора объектов растительного и животного мира, посредством выплаты в

полном объеме паевого взноса, подлежащего уплате потребительскому кооперативу за жилое помещение, гараж, иной объект недвижимого имущества, строительство которого осуществлялось в рамках участия в названной некоммерческой организации, а также иными способами, прямо предусмотренными нормами гражданского права.

В состав имущества физических лиц входят не только вещи в собственном смысле этого термина, но также деньги, ценные бумаги и имущественные права. При этом, с точки зрения гражданского права, денежные знаки, именуемые в соответствии с нормами Банковского кодекса банковскими билетами (банкноты и монеты) и документарные ценные бумаги классифицируются как вещи, на которые, соответственно, распространяется действие норм права собственности, но способы приобретения в собственность которых по отдельным основаниям отличаются от приобретения права собственности на другие виды вещей.

Так, право собственности на банковские билеты и ценные бумаги не может быть приобретено в процессе их создания физическим лицом. Наоборот, самостоятельное производство банковских билетов и ценных бумаг классифицируется как преступление, за совершение которого применяются меры уголовной ответственности и наказания. Приобретение права собственности на банковские билеты в большинстве случаев сопряжено с необходимостью исполнения обязанностей публичного характера и, в частности, обязанности по уплате подоходного налога.

Специфическими легитимными способами приобретения права собственности на банковские билеты следует признать, во-первых, участие человека в экономической деятельности в качестве предпринимателя, наемного работника, лица, реализующего результаты собственной ремесленной деятельности или лица, реализующего на рынке в течение восьмидесяти дней в календарном году сельскохозяйственную продукцию собственного подсобного хозяйства, во-вторых, участие собственника банковских билетов в обязательственных правоотношениях по передаче права собственности на них другому субъекту гражданского права на условиях платности и возвратности, что предполагает выплату денежного вознаграждения за весь период нахождения банковских билетов одного субъекта в собственности другого, в-третьих, получение денежных средств в связи с обладанием ценными бумагами или в связи с участием в уставном фонде организации со статусом юридического лица, в-четвертых, участие в лотереях и получение в связи с этим денежного выигрыша.

К общим способам приобретения права собственности на банковские билеты следует отнести участие в обязательственных отношениях по реализации собственного имуществ, приобретение права собственности на бесхозяйные банковские билеты либо вследствие обнаружения

клада, состоящего из предметов, имеющих историко-культурную ценность, участие в обязательственных отношениях дарения.

Приведенные выше общие способы приобретения права частной собственности применимы и в отношении иных вещей, которые, согласно установленному в Беларуси правопорядку, могут находиться в собственности физических лиц.

В целом, совокупность правовых норм, составляющих гражданско-правовой институт «право собственности физических лиц», на современном этапе развития гражданского права предоставляет физическим лицам достаточно широкие возможности по приобретению в собственность самых различных видов вещей разнообразного назначения и по использованию находящегося в собственности имущества как в целях удовлетворения собственных бытовых потребностей, так и в хозяйственной, включая предпринимательскую, деятельности с целью систематического получения дохода (прибыли).

В связи с тем, что физическим лицам предоставлена возможность систематического извлечения дохода с использованием собственного имущества в рамках осуществления предпринимательской деятельности, последняя подлежит детальному правовому регулированию, механизм которого основан не только на нормах гражданского права, имеющих общедозволительную направленность, но также и на императивных нормах административного, финансового и налогового права. Коме того, отдельные деяния, совершенные в процессе осуществления предпринимательской деятельности, признаются уголовными преступлениями и квалифицируются как преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности.

Необходимость системного государственного вмешательства в процедуру участия в предпринимательских отношениях, являющихся по сути гражданско-правовыми, т.е. частными, обусловлена социальными интересами, связанными с поддержанием общественного порядка, продовольственной и экологической безопасности, первоочередного обеспечения государственных нужд различными видами продукции, а также необходимостью непосредственного государственного контроля за соблюдением установленных требований санитарной безопасности при производстве и реализации различной продукции и, в частности, продуктов питания, источников повышенной опасности, продукции детского ассортимента.

Отсутствие соответствующего государственного контроля, допускаемые нормами гражданского права возможности получения дохода, неограниченного размером, наличие в свободной продаже огромного количества продукции, включая и предметы роскоши, приобретение которых требует значительных денежных сумм, а также внутреннее существо лю-

дей, в большинстве своем стремящихся к максимально возможному накоплению материальных благ, способно привести к осуществлению предпринимательской деятельности с нарушением установленных требований, чем может быть причинен значительный ущерб жизни и здоровью граждан, окружающей природной среде и даже национальной безопасности Республики Беларусь.

В этой связи перед гражданским правом как средством правового воздействия непосредственно на субъектов экономической деятельности, во взаимодействии с административным, финансовым и налоговым правом, стоит задача поиска разумного баланса между частным и публичным (общественным) интересом в области правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе приобретения физическими лицами в частную собственность различного имущества и его использования как для удовлетворения собственных потребностей, так и в предпринимательской деятельности.

§ 2. Субъектный состав права собственности

Непосредственно из названия данного параграфа следует, что субъектами права частной собственности в анализируемом случае являются физические лица, под которыми, на что указывалось выше, понимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства (включая беженцев).

Право граждан Республики Беларусь иметь имущество на праве собственности основано, как отмечалось выше, на нормах ст. 13 и ст. 44 Конституции и принятых в соответствии с ними нормах ст. 17 ГК, включающих в содержание правоспособности граждан Республики Беларусь возможность иметь имущество на праве собственности. Указанное право, как и иные элементы правоспособности граждан Беларуси, согласно нормам ч. 2 п. 3 ст. 1 ГК, по общему правилу, также принадлежит иностранным гражданам и лицам без гражданства как временно, так и постоянно прибывающим на территории Беларуси. Вместе с тем, возможность иметь имущество на праве собственности и даже его наличие в собственности физического лица не во всех случаях означает наличие у того же субъекта гражданского права возможности самостоятельного осуществления правомочий собственника, что следует из понятия и содержания дееспособности граждан.

Таким образом, применительно к праву частной собственности можно вполне обоснованно утверждать о том, что собственником имущества как движимого, так и недвижимого, включая то, возникновение, переход или прекращение права собственности в отношении которого подлежит госу-

дарственной регистрации, может быть любое физическое лицо с момента рождения и до смерти вне зависимости от принадлежащего такому субъекту объема дееспособности, включая ее полное отсутствие, в том числе вследствие лишения на основании решения суда.

Такое положение физических лиц, как субъектов гражданского права, при котором возможность иметь имущество на праве собственности, как элемент правоспособности, предоставлена им на территории Беларуси вне связи со способностью самостоятельно осуществлять все правомочия собственника как элементом дееспособности, обусловлено особой ролью имущества в жизни человека, поддержание которой связано с необходимостью постоянного удовлетворения потребностей в питании, одежде, жилье и т.п.

Особенно актуальным является вопрос обеспечения минимально необходимыми для жизни материальными благами лиц, не способных самостоятельно осуществлять деятельность, приносящую доходы. Непосредственно к таким лицам относятся инвалиды, включая лиц, страдающих психическими расстройствами, малолетние, т.е. субъекты либо не приобретшие в силу возраста того объема дееспособности, который необходим для самостоятельного осуществления приносящей доходы деятельности, либо лишенные дееспособности на основании решения суда, принятого по медицинским показаниям.

Нормы гражданского права, устанавливающие возможность иметь имущество на праве собственности вне связи с наличием возможности самостоятельно осуществлять правомочия собственника, как раз и стоят на защите лиц, не обладающих способностью к труду в силу возрастных или психофизических особенностей и остающихся без попечения родителей или иных близких родственников по причине их смерти (гибели), позволяя таким субъектам наследовать имущество и тем самым получать средства к существованию.

При этом фактическое осуществление правомочий собственника, за исключением правомочия владения, от имени и в интересах недееспособных и частично дееспособных возложено нормами гражданского права на их опекунов и попечителей, осуществляющих указанную деятельность под надзором специально уполномоченных государственных органов опеки и попечительства.

Таким образом, физических лиц, как субъектов права частной собственности, в зависимости от отсутствия или наличия у них способности частично или полностью осуществлять правомочия собственника, следует классифицировать на следующие категории:

– субъекты гражданского права, не обладающие способность осуществлять правомочия собственника и являющиеся полностью недееспособными, к которым относятся лица, лишенные дееспособности на ос-

новании решения суда в силу психического расстройства, и лица с рождения и до шести лет, что присуще гражданскому праву Российской Федерации. Нормы ст. 27 ГК такого ограничения не содержат, в связи с чем в Беларуси лица с рождения и до четырнадцати лет признаются частично дееспособными. Такое правовое положение лиц с рождения и до шести лет не соответствует их физическим, в том числе и психическим возможностям, и не обусловлено ни фактической необходимостью, ни юридической целесообразностью;

– субъекты гражданского права, наделенные частичной дееспособностью в объеме, предусмотренном нормами ст. 27 ГК (малолетние) и способные самостоятельно совершать с собственным имуществом сделки, классифицируемые как мелкие бытовые (в Республики Беларусь – лица с рождения и до четырнадцати лет; в Российской Федерации – лица с шести и до четырнадцати лет);

– субъекты гражданского права, наделенные частичной дееспособностью в объеме, предусмотренном нормами ст. 25 ГК (несовершеннолетние) и способные самостоятельно совершать с собственным имуществом как мелкие бытовые, так и иные сделки, в соответствии с содержанием дееспособности, установленным нормами названной статьи (лица от четырнадцати и до восемнадцати лет);

– субъекты гражданского права, неограниченные в возможности осуществления правомочий собственника, т.е. полностью дееспособные, к которым, на что указывалось выше, относятся лица: достигшие восемнадцати лет; признанные эмансипированными; вступившие в брак до достижения восемнадцатилетнего возраста в порядке, предусмотренном нормами ст. 18 КоБС.

Самостоятельно осуществлять все правомочия собственника имущества, возникновение, изменение или переход права собственности в отношении которого подлежит государственной регистрации, имеют юридически обеспеченную возможность исключительно полностью дееспособные физические лица.

Малолетние с определенного возраста и несовершеннолетние имеют юридически обеспеченную возможность самостоятельно осуществлять в отношении имущества, принадлежащего им на праве собственности, такие правомочия собственника, как владение и пользование. Несовершеннолетние приобретают возможность осуществления и правомочия распоряжения в отношении такого имущества, как например, денежные средства, полученные ими от осуществления трудовой деятельности либо в виде стипендии и иных легитимных доходов.

Исключение составляет имущество, извлечение полезных свойств которого сопряжено с необходимостью достижения определенного возраста и наличия специального разрешения. К такому имуществу, в частности,

относятся механические транспортные средства, осуществлять правомочия пользования которыми субъект права собственности приобретает возможность с момента достижения возраста, установленного правовыми нормами, и получения удостоверения на право управления соответствующим механическим транспортным средством. Например, легковым автомобилем – с момента достижения восемнадцати лет.

Определенные требования установлены правовыми нормами для случаев, когда субъект права собственности намеревается осуществлять правомочия собственника посредством включения своего имущества в хозяйственный оборот с целью систематического получения прибыли, т.е. посредством включения имущества в предпринимательскую деятельность.

В указанном случае субъект права собственности обязан расширить содержание своего правового положения посредством государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и, в необходимых случаях, получить специальное разрешение (лицензию).

В остальных случаях физическое лицо, будучи полностью дееспособным, имеет право осуществлять правомочия собственника в отношении принадлежащего ему имущества наиболее удобным для себя образом с учетом общих начал и смысла гражданского права, в том числе таким образом, чтобы своими действиями не нарушать права и законные интересы других субъектов гражданского права.

§ 3. Объекты и проблема содержательного наполнения права собственности

В собственности физических лиц, как следует из норм ст. 17 ГК, и ст. 214 ГК, может находиться любое имущество, за исключением того, собственность физических лиц на которое не допускается в соответствии с нормами законодательных актов, на что указывалось в § 1 настоящей главы. Например, в собственности физических лиц не может находиться имущество, перечень которого закреплен в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства». Также в собственности физических лиц не может находиться боевое оружие, за исключением наградного, что следует из норм Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. «Об оружии».

Учитывая тот факт, что право собственности квалифицируется как вещное, объектами права собственности, в том числе и права частной собственности, могут быть только вещи и не могут быть имуществен-

ные права, которые в соответствии с нормами ст. 128 ГК входят в состав имущества наряду с вещами, и такими их видами, как деньги и ценные бумаги.

Таким образом, в качестве объектов права частной собственности выступают вещи в полном составе в соответствии с их классификацией, деньги (банковские билеты), а также ценные бумаги, за исключением тех ценных бумаг, которые не могут находиться в частной собственности физических лиц. В частности, в соответствии с нормами Указа Президента Республики Беларусь от 28 апреля 2006 г. № 278 «О совершенствовании регулирования вексельного обращения в Республике Беларусь» физические лица на территории Беларуси не могут быть субъектами вексельного обращения и, следовательно, субъектами права частной собственности в отношении векселя как документарной ценной бумаги.

Из содержания приведенных выше норм Конституции и ГК следует вполне обоснованный вывод о том, что в настоящее время состав имущества, которое может находиться в собственности физических лиц, определен максимально широко и практически совпадает с объемом имущества, которое может находиться в собственности частных организаций со статусом юридического лица, за некоторым исключением, обусловленным специфическими видами предпринимательской деятельности, осуществление которой вне рамок создания организации не допускается.

Воспринятый государством подход к определению состава имущества физических лиц связан с выбранным Республикой Беларусь курсом политического развития, в рамках которого Беларусь пошла по пути рыночных преобразований экономики с сохранением большой доли социальной государственной поддержки нуждающихся в ней слоев населения. Выбранное направление экономических преобразований, в процессе которых значительная доля бюджетных средств расходуется на оказание материальной помощи в рамках различных государственных социальных программ, требует больших финансовых вложений, осуществление которых невозможно без постоянного повышения доходной части государственного бюджета. В этой связи одним из направлений государственной экономической политики является стимулирование проживающих на территории Беларуси физических лиц к самостоятельному осуществлению предпринимательской деятельности с вовлечением в экономический оборот собственного имущества, пригодного по своим характеристикам к использованию в качестве средств производства. Следовательно, непосредственно цели развития частной предпринимательской инициативы и расширение за счет частного предпринимательства, т.е. без участия средств государственного бюджета, перечня выпускаемой продукции, повышения объемов гражданского оборота как товаров, работ, услуг, так и, соответственно, денежных средств, в том числе и

поступающих в государственный бюджет в качестве налоговых платежей, послужили, по нашему мнению, основой предоставления гражданам возможности иметь в собственности столь широкий спектр имущества, включая и средства производства.

Вещи как объекты права частной собственности физических лиц, можно классифицировать на группы по ряду оснований с целью систематизации способов введения таких вещей в гражданский оборот.

1. В соответствии с первым классификационным основанием объекты права частной собственности физических лиц можно классифицировать на группы в зависимости от сферы их использования.

Так, согласно названному критерию все вещи подразделяются на три группы:

а) *предназначенные для удовлетворения исключительно личных, в том числе бытовых, потребностей собственника*. Например, одежда, средства и предметы личной гигиены, продукты питания в количестве, необходимом для обеспечения жизни, домашняя библиотека, мебель, бытовая техника и т.п.;

б) *предназначенные исключительно для использования в предпринимательской деятельности, осуществляемой их собственником или иными лицами*. К таким вещам относятся металлообрабатывающие станки, подъемные механизмы, например, на автомобильной платформе, буровые установки, иные аналогичные машины и механизмы, право частной собственности физических лиц на которые допускается, гладкоствольное огнестрельное оружие, технологические и производственные помещения, иные сооружения производственного назначения;

в) *вещи, которые могут быть использованы как для удовлетворения личных потребностей собственника, так и для использования в предпринимательской деятельности*. Например, легковой автомобиль, ручной электроинструмент, персональные электронные вычислительные машины, компьютерные базы данных и т.п.

Приведенная классификация служит основой для правильного отграничения способов участия в гражданском обороте и предназначенного для этого имущества, использование которого не требует от их собственника изменения своего правового положения, от способов участия в гражданском обороте и соответствующих видов имущества, использование которого сопряжено с необходимостью изменения правового положения их собственника.

Так, использование по назначению имущества первой классификационной группы допускается лишь на основании того факта, что это имущество находится в собственности использующего его лица. При этом факт принадлежности такого имущества на праве собственности непосредственно конкретному субъекту, как правило, юридического подтвер-

ждения не имеет, если, конечно, физическое лицо, приобретая продукты питания, одежду, зубную щетку и т.п., не сохраняет кассовые (товарные) чеки (при их наличии) весь срок службы такого изделия.

В качестве правового основания того, чтобы окружающие относились к такому имуществу как к вещи, принадлежащей на праве собственности конкретному лицу, и, следовательно, как к чужой, выступает фактическое нахождение вещи во владении субъекта. В указанном случае действует названный выше принцип фактического владения, содержание которого, являясь применительно к современному уровню развития цивилистической мысли, аксиоматичным, состоит в следующем – кто владеет, тот и собственник. При этом изменение правового положения собственника имущества для введения его в гражданский оборот не требуется. В данном случае достаточно того, чтобы субъект права собственности обладал общегражданским правовым статусом.

Таким образом, имущество первой классификационной группы может быть введено в гражданский оборот в силу факта поступления во владение субъекта гражданского права, обладающего общим для граждан Республики Беларусь наборам гражданских прав и обязанностей.

В отличие от вещей первой классификационной группы вещи, составляющие вторую классификационную группу, не могут быть ведены в гражданский оборот по своему прямому назначению непосредственно в силу факта их владения субъектом гражданского права. Это обусловлено тем, что имущество, составляющее вторую классификационную группу, как правило, эксплуатируется в процессе осуществления деятельности, направленной на систематическое получение прибыли (дохода) и именуемой предпринимательской, а само имущество классифицируется как средства производства.

Участие в экономической деятельности возможно посредством государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя либо посредством участия физического лица в уставном фонде коммерческой организации, в счет уплаты взноса в который и может быть передано соответствующее имущество.

Следовательно, собственник средств производства, по общему правилу, может приобрести право использования такого имущества в экономической деятельности только посредством приобретения специального правового статуса индивидуального предпринимателя либо учредителя коммерческой организации.

Таким образом, эксплуатация имущества второй классификационной группы, по своему прямому назначению, возможна только после осуществления соответствующих регистрационных процедур.

Вместе с тем, средства производства могут быть переданы в хозяйственную эксплуатацию уже зарегистрированному субъекту предпри-

нимательской деятельности на условиях платности и возвратности посредством вступления указанного субъекта и собственника соответствующего имущества в обязательственные правоотношения, что не требует приобретения специального правового статуса, но все же сопряжено с необходимостью совершения дополнительных действий, имеющих юридическое значение.

Процедура включения в гражданский оборот имущества третьей классификационной группы в силу того, что оно может быть использовано двояким образом, осуществляется в порядке, применяемом либо к вещам первой, либо к вещам второй классификационной группы в зависимости от целей использования конкретной вещи. Так, если имущество, составляющее третью классификационную группу, используется для удовлетворения личных потребностей, оно вводится в эксплуатацию в порядке, предусмотренном для вещей первой классификационной группы, а если такое имущество используется в процессе осуществления предпринимательской деятельности – применению подлежит порядок, предусмотренный для ввода в эксплуатацию вещей второй классификационной группы.

Например, легковой автомобиль, принадлежащий физическому лицу на праве собственности, может использоваться для обслуживания собственника и членов его семьи при одновременном его использовании в качестве легкового таксомотора, что требует от сособственника автомобиля либо регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, либо приобретения права осуществления деятельности, связанной с перевозкой пассажиров, иным легитимным способом.

2. В соответствии со вторым классификационным основанием объекты права частной собственности физических лиц можно классифицировать в зависимости от наличия или отсутствия необходимости совершения различных регистрационных действий в процессе введения их в гражданский оборот.

Так, в соответствии с названным критерием все вещи подразделяются на три группы:

а) вещи, поступление которых в собственность физического лица и, следовательно, введение в гражданский оборот *не связано с необходимостью совершения регистрационных действий*;

б) вещи, поступление которых в собственность физического лица и последующее введение в гражданский оборот *связано с необходимостью осуществления регистрации факта возникновения, перехода или прекращения права собственности на них* (регистрация, имеющая правопорождающее, правоизменяющее или правопрекращающее значение);

в) вещи, поступление которых в собственность физического лица и последующее введение в гражданский оборот *связано с необходимо-*

стью совершения регистрационных действий технического характера, не имеющих правопорождающего, правоизменяющего или правопрекращающего значения для возникновения, изменения или прекращения права собственности на них.

В первую группу, согласно второму классификационному основанию, входит большая часть вещей, которые могут находиться в частной собственности физических лиц и введение в гражданский оборот которых не требует изменения правового статуса их собственника. Например, мебель, средства связи бытового назначения, продукты питания, горюче-смазочные материалы, ювелирные изделия, бытовая техника, одежда, однолетние и многолетние насаждения, домашние животные, включая продуктивный и рабочий скот и многие другие вещи, предназначенные для удовлетворения бытовых потребностей человека.

Право собственности на такое имущество, по общему правилу, переходит к субъекту гражданского права в момент фактической передачи имущества, что предусмотрено нормами п. 1 ст. 224 ГК (способ традиции), после чего к приобретателю переходят правомочия собственника и соответствующие обременения, связанные с содержанием и использованием имущества. Регистрация факта возникновения, перехода или прекращения права собственности в отношении такого имущества либо его техническая регистрация, включая постановку на учет в государственных органах, не требуется.

Вторую группу составляют вещи, факт приобретения, перехода или прекращения права собственности на которые подлежит государственной регистрации. К вещам, входящим в состав второй группы, относится все недвижимое имущество, право собственности на которое к приобретателю в соответствии с нормами п. 2 ст. 224 ГК переходит с момента государственной регистрации (способ регистрации), что отражается на возможности полноценной хозяйственной эксплуатации такого имущества и на процедуре распределения установленных правовыми нормами обременений, связанных с содержанием недвижимой вещи, включая обязанности публичного характера.

Третья классификационная группа вещей характеризуется тем, что переход права собственности на такую вещь государственной регистрации не подлежит. Однако использование вещей третьей классификационной группы допускается только после постановки их на учет уполномоченными государственными органами, т.е. совершения регистрационных действий технического характера. К таким вещам, например, относятся механические транспортные средства, гладкоствольное охотничье оружие, газовое оружие и т.п.

В процессе эксплуатации названных выше вещей право собственности на них подтверждается не фактом обладания вещью, а выданными в

процессе регистрации документами. Например, в процессе государственной регистрации механического транспортного средства данные о его собственнике заносятся в технический паспорт.

Фактическая передача такого имущества в пользование несобственнику сопряжена с возложением на собственника ответственности за действия третьего лица, а в ряде случаев может быть запрещена, например, в отношении гладкоствольного огнестрельного оружия или боевого наградного оружия, частная собственность физических лиц в отношении которого допускается.

Повышенные требования к эксплуатации имущества, составляющего третью классификационную группу, обусловлены его общественно опасными свойствами и введены с целью поддержания общественного порядка на требуемом уровне.

В целом состав имущества, которое может находиться в частной собственности физических лиц, в настоящее время позволяет человеку на территории Республики Беларусь максимально полно удовлетворить свои личные бытовые потребности, а также принимать полноценное участие в экономической деятельности, осуществляемой на базе собственного имущества с целью систематического извлечения прибыли. Предоставленные физическим лицам нормами права собственности возможности по приобретению в собственность различных вещей и их свободному использованию соответствуют как интересам непосредственно собственников, к которым поступают средства для обеспечения достойного существования, так и интересам государства, экономика которого получает дополнительное развитие в виде расширения перечня выпускаемой продукции, увеличения оборота валовой выручки, создания дополнительных рабочих мест за счет частного капитала.

Основная масса объектов, находящихся в частной собственности физических лиц, эксплуатируется собственниками с учетом принципа приоритета общественных интересов, императивы которого не допускают осуществления правомочий собственника имущества в том случае, если это будет противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц, а также основываясь на требованиях норм ст. 8 ГК и ст. 9 ГК, допускающих осуществление правомочий собственника имущества физическими лицами по своему усмотрению с одновременным установлением запрета на осуществление правомочий собственника исключительно с намерением причинить вред другому лицу, либо на злоупотребление правом собственности в иных формах, а также не допускающие использование права собственности в целях ограничения конкуренции, либо с целью злоупотребления своим доминирующим положением на рынке.

В предоставлении физическим лицам возможности использования своего собственного имущества указанным выше образом выражается принцип общей дозволительной направленности гражданско-правового регулирования и принцип диспозитивности норм гражданского права, на что указывает Ю.К. Толстой, раскрывая содержание первого принципа через дозволение собственнику в отношении своего имущества совершать любые действия, не запрещенные законом, а второго – через предоставление собственнику возможности осуществлять право собственности по своему усмотрению с самостоятельным определением целей осуществления своих правомочий и средств их достижения либо не осуществлять его[149].

Следовательно, содержание права частной собственности физических лиц в целом сводится к определению границ использования собственного имущества таким образом, чтобы, предоставив физическому лицу максимальную свободу, создать правовые гарантии общественной, в том числе и экологической безопасности эксплуатации вещей, а также предотвратить возможное ущемление прав и законных интересов третьих лиц действиями физического лица, связанными с реализацией правомочий собственника имущества.

Наряду с объектами гражданских прав, в отношении которых процесс осуществления правомочий собственника не сопряжен с какими-либо ограничениями и, следовательно, подчиняется принципу общей дозволительности гражданско-правового регулирования, в частной собственности физических лиц может находиться имущество, реализация правомочий собственника в отношении которого связана с необходимостью соблюдения собственником ряда ограничений, установленных правовыми нормами в интересах отдельных субъектов гражданского права и общества в целом.

К таким вещам, например, относятся историко-культурные ценности, земельные участки, жилые помещения.

Так, например, в соответствии с нормами ст. 52 Закона Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» от 9 января 2006 г. права собственника материальной историко-культурной ценности ограничиваются государствам. В частности, указанному лицу запрещено уничтожать историко-культурные ценности, собственником которых он является, отчуждать или иным образом передавать права собственности в отношении указанного имущества без согласования с Министерством культуры, вывозить историко-культурные ценности за пределы Республики Беларусь на постоянное хра-

[149] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 458.

нение. Нормами названного Закона установлены и иные ограничения правомочий собственника историко-культурных ценностей, что допустимо в соответствии с принципом приоритета общественных интересов, соответствует общественной пользе и направлено на сохранение историко-культурного наследия для народа Республики Беларусь.

§ 4. Жилое помещение как объект права собственности: отдельные вопросы практики и отраслевого законодательства

Качество жизни человека, особенно в современных условиях развития социальных отношений, поставлено в непосредственную зависимость от наличия у него собственного жилья, места его расположения, уровня комфортности и других характеристик. На особую важность для каждого отдельного человека и общества в целом такого объекта права собственности, как жилое помещение, жилой дом, указывают цены на названные объекты недвижимости, а также тот факт, что государство постоянно совершенствует систему строительства и предоставления жилых помещений нуждающимся в них гражданам, постоянно увеличивает объемы социально ориентированных финансовых вложений непосредственно в сферу жилищного строительства. По сути, без жилья человек в современном мире существовать не может.

В этой связи правовое регулирование как процессов приобретения, изменения и прекращения права собственности на жилые помещения, так и процедуры осуществления правомочий собственника жилого помещения осуществляется особой группой правовых норм, составляющих самостоятельный институт гражданского права, именуемый «Право собственности и другие вещные права на жилые помещения». Правовые нормы, составляющие основу анализируемого института гражданского права, закреплены в главе 18 ГК, включающей в себя стст. 272–275.

Кроме того, ряд правовых норм анализируемого института гражданского права закреплен в других нормативных правовых актах, таких, как Жилищный кодекс Республики Беларусь от 22 марта 1999 г., Закон Республики Беларусь от 8 января 1998 г. «О совместном домовладении», Указ Президента Республики Беларусь от 4 августа 2006 г. № 497 «Об уплате подоходного налога в фиксированных суммах», Постановление Совета Министров от 12 сентября 2006 г. № 1191 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 4 августа 2006 г. № 497».

Таким образом, как следует из перечня нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданско-правового института «Право собственности и другие вещные права на жилые помещения», общественные отношения, возникающие между субъектами гражданского права в про-

цессе осуществления правомочий собственника жилого помещения, урегулированы самым обстоятельным образом, что указывает на безусловно большую значимость для государства и общества как непосредственно жилых помещений как объектов права собственности, так и возникающих в процессе их использования общественных отношений.

Особенности осуществления правомочий собственника жилого помещения в первую очередь предусмотрены нормами главы 18 ГК и состоят в следующем.

Во-первых, указанными правовыми нормами ограничено содержание права частной собственности на жилое помещение, которое может использоваться его собственником исключительно по целевому назначению, а не в соответствии с принципами осуществления права собственности, содержание которых раскрыто в предыдущем параграфе. Установленное ограничение является безусловно оправданным и обусловлено спецификой такого объекта права собственности, как жилое помещение, их не снижающимся дефицитом, а также тем фактом, что многие жилые помещения расположены в многоквартирных жилых домах, что предполагает необходимость учета интересов других собственников, их прав на использование своих жилых помещений по назначению, т.е. для проживания, в том числе для отдыха.

В этой связи нормами ст. 272 ГК установлен прямой запрет на размещение в жилых домах промышленных производств, а размещение собственником в принадлежащем ему жилом помещении организаций и их подразделений допускается только после перевода этих помещений в нежилые, если иное не предусмотрено правовыми нормами, закрепленными в законодательных актах. В частности, иное предусмотрено нормами Положения о регистрации, допускающими размещение юридического адреса частного унитарного предприятия в жилом помещении без его перевода в нежилое.

Во-вторых, в соответствии с нормами ст. 273 ГК собственнику квартиры в многоквартирном доме наряду с принадлежащим ему помещением, занимаемым под квартиру, принадлежит также доля в праве собственности на общее имущество дома, порядок совместного использования которого определен нормами ст. 274 ГК, а также нормами Закона от 8 января 1998 г.

К общему имуществу отнесены общие помещения дома, конструкции дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование за пределами или внутри квартиры, обслуживающие более одной квартиры, а в случаях, установленных законодательством или договором, и иное имущество.

В связи с тем, что собственнику квартиры в многоквартирном доме на праве собственности принадлежит как квартира, так и площади объ-

екта недвижимости за пределами квартиры, а также расположенное на них оборудование, возникает вопрос о порядке осуществления собственником такого имущества правомочия распоряжения им. В данном случае законодатель пошел по пути соотношения квартиры в многоквартирном жилом доме и его общего имущества как главной вещи и принадлежности, в соответствии с которым принадлежность, по общему правилу, всегда следует судьбе главной вещи. Приведенное правило нашло нормативное закрепление в п. 2 ст. 274 ГК, в соответствии с нормами которого собственник квартиры не вправе отчуждать свою долю в праве собственности на общее имущество жилого дома, а также совершать иные действия, влекущие передачу этой доли отдельно от права собственности на квартиру.

В-третьих, наряду с собственником жилого дома, квартиры, правомочия пользования указанным недвижимым имуществом принадлежит членам семьи собственника, который без согласия всех совершеннолетних членов семьи не имеет права отчуждения принадлежащего ему на праве собственности жилого помещения, что также является ограничением содержания права собственности на жилое помещение, направленным на предоставление гарантий проживания в нем лицам, не являющимся собственниками.

При этом в соответствии с нормами ст. 123 Жилищного кодекса, которые, согласно нормам ГК, подлежат применению к анализируемым общественным отношениям, физические лица, давшие согласие на отчуждение или залог жилого помещения и не указанные в договоре отчуждения как граждане, за которыми сохраняется право пользования жилым помещением, при переходе права собственности могут быть выселены по требованию нового собственника без предоставления другого жилого помещения.

Членам семьи собственника жилого помещения наряду с правомочием пользования предоставлен ряд прав, направленных на создание правовых условий, гарантирующих беспрепятственную реализацию указанными лицами предоставленного им правомочия пользования жилым помещением. В частности, названным лицам предоставлено право требовать устранения нарушений их прав на жилое помещение от любых лиц, включая собственника жилого помещения.

Особые гарантии осуществления правомочия пользования жилым помещением предоставлены проживающим в нем несовершеннолетним физическим лицам. Так, в соответствии с нормами п. 4 ст. 275 ГК, осуществление правомочия распоряжения собственником жилого помещения, а по сути его отчуждение, в том случае, когда в жилом помещении проживают несовершеннолетние члены семьи собственника отчуждаемого помещения, допускается только с согласия органа опеки и попечи-

тельства. Таким образом, соблюдение предоставленного несовершеннолетним физическим лицам правомочия пользования жилым помещением, а по сути, закрепленного в конституции права на жилище, поставлено на государственный контроль, что является действенной мерой охраны конституционных и гражданских прав несовершеннолетних членов белорусского общества.

В целом, совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе приобретения, использования и отчуждения жилых помещений направлена на создание благоприятных условий для реализации гражданами Республики Беларусь права на жилище.

§ 5. Земельный участок как объект права собственности

Еще одним специфическим объектом права собственности, наряду с жилыми помещениями, являются земли и земельные участки правовое регулирование возникновения, изменения и прекращения права собственности в отношении которых осуществляется нормами Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. Вместе с тем, на основе того, что земельный участок признан нормами ст. 130 ГК объектом гражданских прав и классифицирован как недвижимое имущество, изначально правовую основу регулирования отношений собственности, возникающих между физическими лицами по поводу земельных участков, составляют нормы ГК и, в частности, нормы главы 17 ГК «Вещные права на недвижимое имущество», включающей в себя стст. 262, 263, 267–270. При этом стст. 264–266 ГК и ст. 271 ГК исключены из ГК Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 96-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам регулирования земельных отношений».

Вместе с тем, все же следует констатировать тот факт, что названные нормы ГК, устанавливая общие принципы участия в земельных отношения, в основе своей сконструированы как отсылочные, указывающие на необходимость применения норм законодательства об охране и использовании земель в процессе участия в земельных отношениях, в том числе и в отношениях собственности.

Необходимость специального правового регулирования земельных отношений нормами Кодекса о земле обусловлена стратегически важным значением земель как для самого существования государства, которое немыслимо без суверенной территории, имеющей государственные границы, так и для государственного экономического развития, непосредственно зависящего от наличия или отсутствия на государственной терри-

тории полезных ископаемых, плодородия почв, находящихся на государственной территории объектов растительного и животного мира.

Учитывая тот факт, что каждый отдельный человек является членом сообщества, проживающего на государственной территории, его уровень жизни и ее качество также поставлены в зависимость от наличия государственной территории, возможности приобретения ее части в частную собственность, а также от качестве приобретенного в частную собственность земельного участка, его плодородия, места расположения и наличия законодательно обеспеченной возможности строительства жилья на земельном участке, а также включения как земельного участка, так и находящихся на нем объектов в наследственную массу.

Подчиняясь общим нормам о праве собственности общественные отношения, связанные с приобретением, изменением, осуществлением и прекращением права частной собственности на земельные участки имеют ряд специфических особенностей, направленных на ограничение субъектного состава исследуемых правоотношений и содержания права собственности.

Во-первых, нормами земельного законодательства ограничен состав физических лиц, которым предоставлена возможность приобретения земельных участков в частную собственность на территории Республики Беларусь. Так, в соответствии с нормами ст. 12 Кодекса о земле субъектами права частной собственности на земельные участки признаются граждане Республики Беларусь. В исключительных случаях субъектами права частной собственности на земельные участки могут быть признаны иностранные граждане и лица без гражданства. К таким случаям отнесено участие указанных лиц в наследственном правопреемстве в качестве наследника гражданина Республики Беларусь, которому земельный участок принадлежал на праве собственности. При этом ограничения в отношении участия иностранных граждан и лиц без гражданства в наследственном правопреемстве в указанных случаях могут быть установлены нормами права Республики Беларусь, закрепленными в законодательных актах.

Во-вторых, в отношении земельных участков наряду с вещными правами, применяемыми ко всем объектам вещного права, установлены и специфические вещные права. В частности, гражданин Республики Беларусь имеет юридически обеспеченную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться земельным участком на праве собственности, на праве пожизненного наследуемого владения, на праве временного пользования, на праве, вытекающем из договора аренды.

В-третьих, в отношении земельных участков, являющихся специфическими объектами гражданских прав, могут устанавливаться земельные сервитуты, что предусмотрено нормами ст. 19 и ст. 45 Кодекса о

земле. Земельный сервитут может устанавливаться на определенный либо на неопределенный срок и, следовательно, классифицироваться как постоянный. Земельный сервитут устанавливается по соглашению, достигнутому между землепользователем и заинтересованным лицом либо решением суда, и может быть установлен как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

В-четвертых, определенные права в отношении использования земельных участков, принадлежащих на праве собственности гражданам Республики Беларусь, предоставлены несобственникам нормами ст. 263 ГК, обеспечивающими доступ на указанные участки физическим лицам, находящимся на белоруской территории. Так, в соответствии с нормами п. 2 указанной статьи любое физическое лицо, не являющееся собственником земельного участка, имеет право свободно пройти через него, если это не причиняет ущерба или беспокойства землепользователю и при этом используемый для прохода земельный участок не огорожен либо его землепользователь иным способом ясно не обозначил, что вход на участок без его разрешения запрещен.

В-пятых, праву частной собственности на земельные участки присуще право следования, что ярко выражено в нормах ст. 267 ГК, в соответствии с которыми при переходе права собственности на завершенное строительством или не завершенное строительством капитальное строение к его приобретателю переходит и право собственности на соответствующий земельный участок, что подтверждается нормами ст. 55 Кодекса о земле и обусловлено правилами отчуждения земельных участков, находящихся в частной собственности физических лиц.

В-шестых, в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности физических лиц, нормами ст. 51 Кодекса о земле установлена особая процедура их отчуждения. Так, согласно нормам указанной статьи отчуждение таких участков в собственность гражданам Республики Беларусь возможно только в случае сохранения целевого назначения этих земельных участков, определенного нормами законодательства об охране и использовании земель. При этом отчуждение земельного участка, находящегося в частной собственности физического лица, допускается только вместе с расположенным на нем объектом недвижимости, включая незавершенные законсервированные капитальные строения. Исключение составляют случаи отчуждения объекта недвижимости под снос.

Отчуждение земельного участка, предоставленного гражданину в частную собственность для ведения личного подсобного хозяйства, допускается с сохранением его целевого назначения и только гражданину, зарегистрированному по месту жительства в сельском населенном пункте, поселке городского типа, в котором расположен отчуждаемый

земельный участок.

По общему правилу, запрещается отчуждение земельных участков, находящихся в частной собственности граждан и предоставленных им для строительства и (или) обслуживания капитальных строений (зданий, сооружений). Исключение составляют случаи:

– отчуждения земельных участков областному, Минскому городскому, городскому (города областного подчинения), районному, сельскому, поселковому исполнительному комитету в соответствии с его компетенцией;

– дарения гражданами земельных участков близким родственникам;

– отчуждения земельных участков с расположенными на них незавершенными законсервированными капитальными строениями;

– отчуждения земельных участков, приобретенных на аукционе по продаже земельных участков в частную собственность.

Таким образом, в ГК и законодательстве об охране и использовании земель, в частности, в Кодексе о земле, закреплены специальные правила осуществления правомочий собственника земельного участка, ограничивающие содержание права собственности в отношении названных объектов с целью учета общественных и государственных интересов в области использования и охраны земель, как наиболее значимого для сохранения государственности и стабильного экономического развития государства и общества материального блага. Установление указанных ограничений соответствует закрепленному в ст. 2 ГК принципу приоритета общественных интересов, императивы которого предписывают осуществлять гражданские права таким образом, что бы это не противоречило общественной пользе и безопасности и при этом не наносился вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, не ущемлялись права и защищаемые законом интересы других лиц.

ГЛАВА 5. ОСОБЕННОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СО СТАТУСОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

§ 1. Понятие, смысл и специфика права собственности организаций со статусом юридического лица

Субъектами гражданского права и, соответственно, участниками гражданско-правовых отношений наряду с физическими лицами выступают организации со статусом юридического лица, которые классифицируются по различным основаниям, в том числе в зависимости от целей создания и деятельности, на две большие группы: коммерческие и некоммерческие, а также, на виды в соответствии с предусмотренными нормами ГК правовыми формами.

В качестве одного из условий, выполнение которого является необходимым для присвоения созданной организации статуса юридического лица (юридической личности) в процессе государственной регистрации, выступает необходимость ее соответствия такому признаку юридического лица, как «имущественная обособленность». Содержание названного признака раскрыто нами как возможность, а в предусмотренных правовыми нормами случаях обязанность организации иметь имущество на праве собственности, что присуще непосредственно коммерческим организациям. Таким образом, факт наличия у коммерческой организации собственного имущества является одним из определяющих для ее государственной регистрации в качестве юридического лица и, соответственно, для допуска организации к участию в предпринимательской деятельности, на что указывалось выше.

В этой связи очевидным является необходимость наличия в гражданском праве определенной группы правовых средств, способных создать легитимные условия фактического приобретения организациями, являющимися фиктивными субъектами гражданского права, в собственность имущества и его эффективного использования в процессе осуществления уставной деятельности.

Такой группой правовых средств следует признать гражданско-правовой институт «право собственности организаций со статусом юридического лица», который, наряду с институтом «право собственности физических лиц», входит в состав подотрасли гражданского права «право собственности и другие вещные права». Нормы анализируемого института закреплены как в ГК (см., например, ст. 44 ГК, главу 13 ГК), так и в иных нормативных правовых актах, например, в Законе о хозяйственных обществах, Законе об общественных объединениях и др.

Организации со статусом юридического лица, независимо от их принадлежности к коммерческим или некоммерческим, а также независимо от той правовой формы, в которой создана организация, признаются субъектами права частной собственности. Данное правило действует и в том случае, когда уставный фонд организации в полном объеме сформирован за счет государственной собственности, на что, в частности, указывают В.А. Витушко[150], Е.А. Суханов[151] и ряд других ученых.

Такое положение коммерческих организаций, при котором внесенное в качестве вклада в уставный фонд государственное имущество трансформируется в частное, обусловлен содержанием правоотношений, возникающих между организацией и ее учредителем в связи с формированием уставного фонда субъекта хозяйствования за счет средств учредителя. Так, согласно нормам п. 2 ст. 44 ГК, в связи с формированием уставного фонда организации между ее учредителем и учрежденной им организацией с момента ее государственной регистрации и, следовательно, признания в качестве самостоятельного субъекта гражданского права возникают обязательственные правоотношения, содержанием которых является право учредителя получать определенные учредительными документами выплаты, размер которых поставлен в зависимость от размера прибыли коммерческой организации. Таким образом, учредитель посредством передачи государственного имущества в собственность частного субъекта гражданского права приобретает право требования соответствующих выплат, а также возможность принимать решения, обязательные для исполнения организацией, в пределах полномочий, определенных нормами ГК и специальных законодательных актов и, в частности, применительно к хозяйственным обществам, нормами Закона о хозяйственных обществах.

Вместе с тем, трансформация государственной собственности в частную в указанном случае является фиктивной и допускается для целей создания организации со статусом юридического лица в качестве самостоятельного субъекта гражданского права, обладающего имуществом на праве частной собственности, что внешне, с точки зрения установленного в государстве правопорядка, указывает на равные правовые условия развития на государственной территории как государственной, так и частной собственности.

Фактически в приведенном примере государственная собственность в частную не трансформируется, а созданная якобы на праве частной собственности организация в своей деятельности подчиняется воле учре-

[150] Витушко В.А. – Указ. соч. − С. 349.

[151] Гражданское право: Учеб.: в 4 т. – 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. – С. 72.

дителя, т.е., по сути, государства, и осуществляет деятельность, направленную на приумножение своего балансового имущества, которое по решению учредителя, т.е. все того же государства, принятому в любое удобное для государства время, вновь трансформируется в государственное не только фактически, но и юридически. Такая трансформация осуществляется в момент прекращения деятельности организации путем ее ликвидации[152].

Следовательно, весь период своего существования коммерческая организация, юридически признаваемая субъектом права частной собственности, фактически является хорошо замаскированным субъектом права государственной собственности, полностью подчиненным в своей деятельности государственной воле. Такое правовое положение коммерческих организаций со 100 %-ным либо преобладающим государственным капиталом в уставном фонде является удобным для целей пропаганды рыночного развития экономики, когда статистически в государстве существует достаточно большое количество коммерческих организаций частной формы собственности, статистически прошла приватизация государственного имущества, а фактически деятельностью многих организаций, признаваемых частными, в том числе и созданных в процессе приватизации, руководит государство, что не отвечает действительным потребностям рыночной экономики. Государственное управление названными организациями не создает экономических предпосылок для формирования воли директора, нанятого государством для управления такой организацией, на отношение к имуществу субъекта хозяйствования «как к своему» и, соответственно, на управление организацией и ее имуществом «как для себя», т.е. наиболее экономически целесообразным и, как следствие, эффективным способом.

Следует еще раз обратить внимание на тот факт, что независимо от того, государственное, частное или смешанное (как государственное, так и частное в различных долях) имущество послужило основой формирования уставного фонда, все организации, являющиеся собственниками находящегося у них на балансе имущества, признаются субъектами права частной собственности, что оказывает влияние на состав имущества, которое организации могут приобрести на праве собственности.

Исключение составляют коммерческие организации, созданные в правовой форме унитарного предприятия, владеющие, пользующиеся и распоряжающиеся закрепленным за ним имуществом на праве хозяйственного ведения, некоммерческие организации, созданные в правовой

[152] *Подробнее об этом см.*: Маньковский И.А., Вабищевич С.С. Юридические лица: научно-практическое исследование сущности и современного правового положения: Монография. – Минск, Молодежное, 2009. – С. 35–86; Маньковский И.А., Вабищевич С.С. Субъекты гражданского права: Монография. – Минск: Молодежное, 2010. – С. 176–191.

форме учреждения и владеющие, пользующиеся и распоряжающиеся закрепленным за ним имуществом на праве оперативного управления, а также государственные объединения, которые в зависимости от целей их создания могут владеть, пользоваться или распоряжаться закрепленным за ними имуществом либо на праве хозяйственного ведения, либо на праве оперативного управления.

Собственниками имущества организаций, созданных в правовых формах унитарного предприятия или учреждения, являются их учредители – либо частные лица, либо государство, а организаций, созданных в правовой форме государственного объединения – исключительно государство. Вместе с тем, в юридической литературе встречается и иная, противоречащая содержанию соответствующих норм гражданского права точка зрения. Так, С.В. Тычинин утверждает, что коммерческие организации, созданные в правовой форме государственных и муниципальных унитарных предприятий, являются субъектами права частной собственности[153], что, безусловно, не соответствует гражданскому правопорядку, установленному как на территории Республики Беларусь, так и на территории Российской Федерации.

Если имущество, находящееся на праве собственности у физических лиц, предназначено, в первую очередь, для обеспечения жизнедеятельности людей и, следовательно, является жизненно необходимым, способным фактически оказать влияние на жизнь и здоровье конкретного человека, на что указывалось в § 1 главы 17 ГК, то предназначение имущества, которое может находиться на праве собственности у организаций, является несколько иным.

Организации со статусом юридического лица, признанные нормами ГК субъектами гражданского права, являются субъектами фиктивными, в отличие от людей реально не существующими, что указывает на отсутствие у организации необходимости в имуществе как основе жизнедеятельности. В отличие от человека организация, особенно если она создана в правовой форме, например, общественной или иной некоммерческой организации, может существовать и без имущества, по крайней мере какое-то время. Имущество необходимо организации и, в первую очередь, коммерческой, для участия непосредственно в экономической деятельности в качестве производителя или продавца товаров, работ, услуг с целью получения прибыли, что и является основной целью создания коммерческих организаций.

Наличие у организации на праве собственности средств производства, таких, как станки, оборудование, транспортные средства, другого

[153] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 693.

движимого имущества, необходимого для производства продукции, а также недвижимого имущества, такого, как цеха, иные производственные сооружения, складские помещения и другого недвижимого имущества специального назначения, является экономической предпосылкой эффективного участия организации в экономическом обороте, материальной основой получения прибыли в размере, обусловленном производственными мощностями субъекта хозяйствования.

Вместе с тем, в качестве субъектов гражданского права легально существуют и вполне успешно участвуют в экономическом обороте коммерческие организации, все имущество которых в определенные моменты деятельности выражено в денежных средствах, находящихся на банковских счетах. При этом в современной цивилистической литературе высказывается мнение, согласно которому у такой организации вообще отсутствует право собственности на имущество, т.е. вещное право, а в отношении денежных средств, находящихся на банковских счетах, у организации имеется обязательственное право требования к соответствующему банку. Такую точку зрения высказывает, например, В.А. Рахмилович, который отмечает, что все имущество некоторых организаций может состоять из денежных средств на счетах в банке, что предполагает наличие у нее не имущественного, а обязательственного права в отношении помещенных в банк денежных средств[154].

По мнению отдельных ученых, отсутствие у организации вещных прав на имущество лишает ее такого обязательного признака юридического лица, как имущественная обособленность, выражающаяся, согласно нормам ст. 44 ГК, в наличии у организации имущества на одном из предусмотренных названной нормой вещных прав. Так, Е.А. Суханов утверждает, что «такие организации не имеют собственного имущества и во вполне вероятном случае невозможности реализации своих прав требования (например, невозможности получения денежных средств с банковского счета) получить от них что-либо их кредиторам также невозможно»[155]. Требование, аналогичное закрепленному в ст. 44 ГК, закреплено и в ст. 48 ГК Российской Федерации, суды которой, на основании приведенных и, по нашему мнению, неверных утверждений принимают судебные решения следующего содержания: « <…> перечисленные общества с ограниченной ответственностью фактически не обладают функциями и признаками юридического лица, предусмотренными ст. 48–50 ГК, а именно: не имеют в собственности, хозяйственном ведении или опера-

[154] Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 136.

[155] Гражданское право: Учеб.: в 4 т. – 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. – С. 75.

тивном управлении обособленное имущество…»[156].

Вместе с тем, согласно верному утверждению Ю.А. Тарасенко, «такой вывод не отвечает назначению юридического лица и потребностям гражданского оборота, а потому практика просто игнорировала отмеченное несоответствие»[157], под которым ученый понимает тот факт, что организации со статусом юридического лица, обладающие лишь имуществом, выраженным в денежных средствах, размещенных на банковских счетах, не укладываются в существующую нормативную модель, закрепленную в ст. 48 ГК Российской Федерации (в ст. 44 ГК).

Возможное, по нашему мнению, разрешение ситуации, сложившейся как в науке, так и в практической деятельности, видится в изменении отношения определенной, довольно большой группы ученых к правовой природе денежных средств, находящихся в банке на расчетном счете организации, и отнесению их для целей классификации объектов гражданских прав, как и предусмотрено нормами ст. 128 ГК, к вещам, находящимся у организации на одном из предусмотренных нормами ст. 44 ГК вещных прав в зависимости от правовой формы организации, передавшей в соответствии с требованиями норм банковского законодательства деньги в банк для хранения и осуществления необходимых организации расчетов со своими контрагентами и государством.

При этом, развивая анализируемое направление цивилистической мысли, отдельные ученые предлагают и иные, вполне адекватные пути решения имеющейся проблемы. Так, Ю.А. Тарасенко предлагает выразить признак имущественной обособленности юридического лица иначе, чем это сделано в ст. 48 ГК Российской Федерации (ст. 44 ГК), что сделано нами в рамках проведенного ранее исследования сущности и признаков юридического лица[158]. Ученый логично обосновывает свое предложение тем фактом, что гражданское право предлагает значительно более широкий арсенал правовых средств для оформления имущественной обособленности юридического лица, чем нормы ст. 48 ГК Российской Федерации (ст. 44 ГК) и, в частности, наряду с такими правовыми средствами, как вещные права, допускает использование организациями иных прав, именуемых исключительными, личными, обязательственными, корпоративными и преимущественными правами[159].

В целом право собственности организаций со статусом юридическо-

---

[156] Решение по делу № 2-172/96 от 15.12.1996 // Архив Мосгорсуда.

[157] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 269.

[158] Маньковский И.А., Вабищевич С.С. Субъекты гражданского права: Монография. – Минск: Молодежное, 2010. – С. 183.

[159] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 272.

го лица в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие между организацией-собственником и иными субъектами гражданского права в процессе присвоения организацией на праве собственности имущества, извлечения его полезных свойств и распоряжения им в процессе осуществления уставной деятельности. Указанная совокупность правовых норм сгруппирована в рамках института «право собственности организаций со статусом юридического лица», входящего в подотрасль гражданского права «право собственности и другие вещные права» наряду с иными институтами названной подотрасли.

Нормы анализируемого гражданско-правового института закреплены не только в ГК, но и в иных законодательных актах, классифицируемых как специальные применительно к конкретным правым формам как коммерческих, так и некоммерческих организаций. К указанным законодательным актам относятся, например, Закон о хозяйственных обществах, Закон о политических партиях, Закон о профессиональных союзах, Закон об общественных объединениях, Закон о религиозных организациях и др.

Все названные и ряд других нормативных правовых актах содержат правовые нормы, регулирующие процедуру приобретения в собственность имущества применительно к конкретным правовым формам организаций, определяют его состав, устанавливают содержание правомочий организации по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а также определяют пределы взаимодействия организации с ее учредителями в имущественной сфере.

В субъективном смысле право собственности организаций представляет собой совокупность субъективных прав, принадлежащих непосредственно организации-собственнику, участвующей в абсолютном вещном правоотношении, позволяющих ей осуществлять в отношении собственного имущества любые не противоречащие нормам права действия экономического и юридического характера, а также требовать от других (обязанных) лиц воздерживаться от совершения действий, препятствующих осуществлению принадлежащих организации, как управомоченному лицу, субъективных прав.

В целом нормы анализируемого гражданско-правового института в совокупности с нормами подотрасли гражданского права «право собственности и другие вещные права», имеющими общепримененимое значение, призваны создать наиболее приемлемые экономические и иные социальные условия участия организаций в отношениях собственности, которые соответствовали бы как требованиям общественной целесообразности и государственной необходимости, так и потребностям частных экономических интересов собственников имущества.

По сути своей, так же как и нормы института «право собственности физических лиц», нормы анализируемого гражданско-правового института направлены на поддержание в обществе баланса между публичными и частными интересами в регулируемой ими области общественных отношений.

В качестве субъектов права собственности выступают все организации со статусом юридического лица, за исключением тех, которые в соответствии с нормами ГК не могут иметь имущество на праве собственности. К названным, на что указывалось выше, относятся унитарные предприятия, основанные как на частной, так и на государственной собственности, включая казенные предприятия, финансируемые собственником учреждения, а также государственные объединения.

Три группы организаций со статусом юридического лица, названные выше, владеют, пользуются и распоряжаются закрепленным за ними собственником имуществом на одном из предусмотренных нормами ГК ограниченных вещных прав: праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления в пределах определяемых собственником имущества и правовыми нормами.

Остальные организации, как коммерческие, так и некоммерческие, созданные в правовых формах как предусмотренных нормами ГК, так и в иных, непредусмотренных нормами ГК, что допустимо для некоммерческих организаций, владеют, пользуются и распоряжаются находящимся на их балансе имуществом на праве собственности. При этом все указанные организации признаются единоличными собственниками своего имущества. Общая собственность на имущество организации со статусом юридического лица не допускается. Учредители собственниками имущества организаций, за некоторым указанным выше исключением, не являются.

Необходимость наделения фиктивных субъектов гражданского права, в качестве которых выступают организации со статусом юридического лица, правом собственности на переданное в уставный фонд имущество, а также на имущество, поступившее во владение организации в процессе осуществления ею уставной деятельности, обусловлена потребностями экономического оборота, полноценное участие в котором может принимать заинтересованное в сохранении и приумножении своего имущества лицо, т.е. частный собственник. Кроме того, необходимость наделения фиктивных субъектов правом собственности вызвана тем обстоятельством, что на организации со статусом юридического лица нормами ГК возложена самостоятельная имущественная ответственность по обязательствам, возникающим в результате осуществления организацией уставной деятельности, что было бы невозможно без наличия в собственности организации имущества, которым она была бы

способна отвечать по своим долгам. Указанная юридическая конструкция ответственности организации теоретически позволяет ограничить имущественную ответственность учредителей по долгам от предпринимательской деятельности, юридически осуществляемой созданной ими организацией, что способствует проявлению учредителями в процессе управления организацией творческой инициативы в экономической сфере социального взаимодействия, позволяет боле свободно принимать решения, необходимые для эффективного участия в гражданском обороте.

§ 2. Объекты и содержание права собственности организаций со статусом юридического лица

Гражданско-правовое регулирование возникающих на территории Беларуси экономических общественных отношений строится в соответствии с системой принципов гражданского права, императивы которых определяют границы установленного в Республике Беларусь гражданского правопорядка и максимально допустимые пределы самостоятельного нормотворчества субъектов в процессе их взаимодействия друг с другом в сфере общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права, в том числе и права собственности.

Одним из принципов гражданского права, оказывающим наиболее существенное влияние на построение всей системы гражданско-правового регулирования, следует признать принцип юридического равенства сторон, императивы которого устанавливают такие правила взаимодействия субъектов друг с другом, согласно которым каждый из участников гражданско-правовых отношений признается равным в правах своему контрагенту и может рассчитывать на равное к нему отношение как контрагента с точки зрения договорного регулирования возникающих общественных связей, так и всей системы гражданского права. В этой связи можно утверждать о том, что организации со статусом юридического лица, являясь субъектами права частной собственности, в отношении перечня имущества, которое может находиться в их собственности, а также содержания правомочий собственника, в целом, должны быть приравнены к таким субъектам права частной собственности, как физические лица, за отдельными изъятиями, обусловленными фиктивной правовой природой организаций, а также специфическими целями их создания и деятельности.

Предложенный нами вывод подтверждается нормами ст. 214 ГК, согласно которым в собственности организаций со статусом юридического лица может находиться любое имущество, за исключением отдельных его видов, право собственности организаций на которые не допу-

скается правовыми нормами, закрепленными в законе. Таким образом, приведенные нормы фактически выполняют требования такого принципа гражданского права, как юридическое равенство участников гражданских отношений, и закрепляют за организациями право приобретения в собственность вещей, по сути, наравне с физическими лицами.

Исходя из того, что в соответствии с нормами ст. 128 ГК в состав имущества входят имущественные права (права требования), а также из того, что право собственности квалифицируется как вещное, нормы которого к имущественным правам не применимы, необходимо наиболее точным образом определить тот круг имущества, которое может находиться у организации на праве собственности. К такому имуществу, что следует из существа вещного права, относятся исключительно вещи, в том числе такие их виды, как деньги и документарные ценные бумаги. Причем у организаций на праве собственности могут находиться наряду с прочими такие документарные ценные бумаги, как вексель, что не допускается нормами права собственности для физических лиц.

Учитывая специфику правосубъектности организаций и цели их создания, нормы п. 2 ст. 214 ГК предусматривают возможность ограничения количества и стоимости имущества, которое может находиться на праве собственности у организаций, нормами законодательных актов, что, в целом, не присуще праву собственности физических лиц.

Комментируя приведенную норму, следует отметить, что в состав системы гражданского законодательства включены законодательные акты (указы и декреты Президента Республики Беларусь), обладающие большей чем Гражданский кодекс юридической силой, что указывает на отсутствие необходимости закрепления в ГК приведенной нормы (п. 2 ст. 214 ГК). В любом случае, ограничение количества и стоимости имущества какой-либо организации, установленное нормами указа или декрета Президента Республики Беларусь, будет иметь юридическую силу и, следовательно, применяться даже в том случае, если нормами ГК будет установлен запрет на введение таких ограничений.

На основании изложенного можно утверждать, что в собственности организаций со статусом юридического лица могут находиться деньги (наличные и безналичные в соответствии с требованиями норм банковского законодательства), документарные ценные бумаги, а также вещи в соответствии с их гражданско-правовой классификацией, а именно, движимые и недвижимые, потребляемые и непотребляемые, определенные индивидуальными признаками и родовыми признаками, но индивидуализированные для целей права собственности конкретной организации, главные вещи и их принадлежности, комплекты вещей и комплектные вещи, простые вещи и их совокупности (сложносоставные вещи) и т.п.

Кроме классификации вещей, применяемой в гражданском праве, к

собственности организаций следует применять хозяйственно-правовую классификацию имущества, и, в частности, классификацию, применяемую непосредственно для целей бухгалтерского учета и отчетности. Так, в соответствии с указанной классификацией, вещи, находящиеся в собственности организации, классифицируются на основные и оборотные средства[160], что имеет решающее значение для определения срока службы конкретной вещи и процедуры включения ее стоимости в себестоимость выпускаемой продукции, т.е. амортизации, под которой понимается «перенос стоимости постепенно снашивающихся основных фондов на стоимость вырабатываемой продукции»[161]. Кроме того, исследуя состав объектов, которые могут находиться у организации на праве собственности, нельзя обойти стороной используемое экономической наукой деление вещей на средства производства и предметы потребления, что указывает на возможность использования имущества в производственном процессе организации и в определенной степени характеризует ее имущественное положение как субъекта хозяйствования.

Процедура формирования имущества организаций, в целом, совпадает с процедурой формирования имущества физических лиц. Организации в процессе приобретения права собственности на имущество могут использовать первоначальные и производные, а также общие и частные основания приобретения права собственности. Так, организации имеют легитимную возможность приобретать право собственности на вещи: в процессе их производства (создания); вследствие присвоения бесхозяйных вещей, в том числе и на основании приобретательной давности; посредством участия в договорных отношениях купли-продажи, мены, подряда и других обязательственных правоотношениях, за исключением общественных отношений дарения, в рамках которых не имеют юридически обеспеченной возможности приобретать право собственности на вещи коммерческие организации.

В отличие от физических лиц, в собственность которых поступают вещи исключительно на основании волеизъявления будущего собственника, имущество коммерческих организации первоначально формируется учредителями в процессе государственной регистрации организации, т.е. в тот момент, когда субъекта будущего права собственности еще не существует. Следовательно, первоначально собственность организации формируется помимо ее воли, что обусловлено закрепленными в Положении о государственной регистрации специфическими требованиями

---

[160] *Подробнее об этом см.*: Вабищевич С.С. Предпринимательское право: состояние и перспективы развития предпринимательской деятельности: Монография: в 2-х т. – Минск: Молодежное, 2008. – Т. 1. – С. 401–426.

[161] Большой бухгалтерский словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Ин-тут новой экономики, 1999. – С. 19.

как к процедуре создания таких фиктивных субъектов гражданского права, как организации со статусом юридического лица, так и к процедуре формирования их уставных фондов.

Первоначально, а именно, в процессе государственной регистрации будущего фиктивного субъекта гражданского права (коммерческой организации) его учредители за счет собственных средств (денежных средств или иных вещей) формируют уставный фонд организации в порядке и размере, определенных нормами Положения о государственной регистрации. При этом, в соответствии с нормами п. 3 ст. 214 ГК, право собственности учредителей организации на имущество, переданное в качестве вклада в ее уставный фонд, трансформируется в право собственности создаваемой ими организации. Такой трансформации подвержено как право частной собственности, так и право государственной собственности в том случае, когда учредителем коммерческой организации, признаваемой частным собственником, в установленных правовыми нормами случаях выступает субъект права государственной собственности, т.е. Республика Беларусь или ее административно-территориальная единица в лице специально уполномоченных государственных органов или организаций.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что у организации на праве собственности может находиться имущество: переданное учредителями в уставный фонд организации; приобретенное организацией по допустимым нормами гражданского права основаниям в процессе осуществления уставной деятельности, в том числе полученное некоммерческими организациями в дар (в качестве благотворительного пожертвования); полученное вследствие реализации правомочия пользования в отношении собственного имущества или имущества, полученного от другого субъекта гражданского права на условиях платности и возвратности (плоды, приплод, продукция, доходы, иное приращение имущества); приобретенное в собственность по договорам займа и кредита; полученное от реализации принадлежащих организации имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, а также имущество учрежденных субъектом хозяйствования унитарных предприятий и учреждений.

На праве собственности у организаций, как субъектов права частной собственности, может находиться имущество, на которое распространяется режим свободного обращения и режим ограниченного обращения. Исключение составляют вещи, ограниченные в обороте нормами Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства». Вместе с тем, на что указывалось выше, в соответствии с нормами названного Закона по решению Президента Республики Беларусь субъекту

права частной собственности может быть разрешено приобрести в собственность имущество, на которое распространяется право исключительной государственной собственности.

Такое решение, по нашему мнению, в первую очередь может быть принято в отношении коммерческих организаций со стопроцентным или преобладающим государственным капиталом в уставном фонде субъекта хозяйствования, т.е. в отношении организации частной формы собственности, в экономических результатах деятельности которых заинтересовано непосредственно государство, что еще раз подтверждает наш вывод об определенной фиктивности отнесения таких субъектов хозяйствования к субъектам права частной собственности.

Имущество, изъятое из гражданского оборота, не может находиться на праве собственности у организаций в силу того, что не признается оборотоспособным на территории Республики Беларусь.

Характеризуя объекты права частной собственности организаций со статусом юридического лица, следует отметить, что наиболее значимыми для анализируемых субъектов являются недвижимые вещи и, в частности, те из них, которые выполняют функции средств производства, а также земельные участки, здания, включая административные, иные сооружения. Особую роль для эффективного развития субъекта хозяйствования играет такой объект вещных прав, как единый имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности и именуемый в соответствии с нормами ст. 130 ГК предприятием. Состав предприятия как единого имущественного комплекса определен нормами ч. 2 п. 1 ст. 130 ГК. Данный объект права собственности позволяет коммерческой организации осуществлять деятельность по производству товаров, что способствует увеличению активов организации и ее динамичному экономическому развитию.

Характеризуя предприятие как объект права собственности организаций, отдельные ученые, в частности, С.В. Тычинин, указывают на то, что «предприятие как имущественный комплекс следует отграничивать от унитарных предприятий. Последние пользуются закрепленным за ними <…> имуществом не на праве собственности, а на праве хозяйственного ведения или оперативного управления»[162], из чего следует, что предприятие как имущественный комплекс обладает правом собственности. Вместе с тем, следует отметить, что предприятие как имущественный комплекс вообще не наделено не только правом собственности, но и какими-либо иными правами в гражданском обороте в силу того, что является не субъектом гражданского права, т.е. лицом, наделенным

[162] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 696.

правосубъектностью, а объектом гражданского права, т.е. имуществом, на которое распространяются право собственности и иные вещные права, принадлежащие субъектам гражданского права. Следовательно, недопустимо, по нашему мнению, сопоставлять предприятие как имущественный комплекс (объект гражданских прав (недвижимую вещь)) с унитарным предприятием, являющимся субъектом гражданских прав, так как две названные гражданско-правовые категории исследуются в разных плоскостях цивилистической науки[163].

Несмотря на определенную идентичность объектов, которые могут находиться в собственности физических лиц и организаций, содержание права собственности двух названных категорий частных собственников различно. Так, на что указывалось выше, содержание права частной собственности физических лиц может быть ограничено только в том случае, когда ограничения направлены на предотвращение случаев причинения вреда общественной пользе и безопасности, окружающей среде, историко-культурным ценностям, а также в том случае, если реализация физическим лицом принадлежащих ему правомочий собственника сопряжена с ущемлением прав и защищаемых правовыми нормами интересов других лиц.

В отличие от содержания права собственности физических лиц, являющегося, в целом, однородным, содержание права собственности организаций со статусом юридического лица различно и может зависеть от правовой формы, в которой создана организация, осуществляемых ею видов предпринимательской деятельности, наличия у организации специальных разрешений (лицензий), решений общего собрания учредителей, а также ограничено нормами специальных нормативных правовых актов применительно к конкретным видам вещей.

Так, наиболее существенно отличается содержание права собственности организаций от права собственности физически лиц в отношении таких вещей, как деньги (банковские билеты Республики Беларусь), которыми физические лица могут распоряжаться по своему усмотрению без всяких ограничений, включая право на их хранение любым удобным для физического лица способом. В отличие от содержания права собственности физических лиц, содержание права собственности организаций в отношении принадлежащих им наличных денежных средств ограничено нормами специальных нормативных правовых актов системы банковского законодательства[164], которыми организациям устанавлива-

---

[163] *О некоторых ошибках, допущенных в процессе правового регулирования процедуры гражданского оборота единых имущественных комплексов и их научного исследования см.*: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2008. – Т. 1. – С. 151–154.

[164] См., например: Об утверждении Правил организации наличного денежного обращения в Республике Беларусь: Постановление Правления Национального банка, 24 августа 2007 г. № 166.

ется лимит остатка кассы, понимаемый как максимально допустимая сумма наличных денег, которая может находиться в кассе организации по окончании рабочего дня. Остальные денежные средства должны в установленном порядке передаваться на хранение в уполномоченный банк. Также организациям устанавливается лимит ежемесячного расходования наличных денежных средств и определяются направления их расходования, контроль за которым осуществляют обслуживающие банки.

Во многом распоряжение организацией собственными денежными средствами обусловлено нормами налогового права, закрепленными в Налоговом кодексе и предписывающими в установленных случаях денежного обращения уплачивать в государственный бюджет соответствующие налоги. Также процедура распоряжения организацией денежными средствами и направления их использования ограничены положениями учредительного документа организации и решениями общего собрания учредителей, к исключительной компетенции которого, например, применительно к хозяйственным обществам, согласно нормам ст. 34 Закона о хозяйственных обществах, относится решение таких вопросов, как увеличение или уменьшение уставного фонда общества, распределение прибыли общества, а также решение вопроса о его ликвидации, вследствие которой, согласно нормам ст. 27 Закона о хозяйственных обществах, все имущество организации, включая денежные средства, после расчетов с кредиторами распределяется между участниками общества. Кроме того, общее собрание участников хозяйственного общества имеет право ограничить стоимостные пределы самостоятельного, т.е. без соответствующего решения общего собрания, распоряжения обществом принадлежащим ему имуществом, в том числе и денежными средствами.

Таким образом, организация, являясь фиктивным субъектом гражданского права, в том числе является и фиктивным собственником своего имущества, которым фактически, в полном объеме, распоряжаются физические лица, создавшие фиктивный субъект хозяйствования.

Вместе с тем, с точки зрения установленного в Беларуси гражданского правопорядка, т.е. юридически, субъектом права собственности имущества, находящегося на балансе организации, является непосредственно организация, которой, с точки зрения норм права собственности, принадлежат правомочия собственника, но в пределах, определенных нормами гражданского права.

Закрепленная нормами гражданского права фиктивная трансформация права собственности, когда действительный, фактический собственник юридически прячется за фирменное наименование созданного им же фиктивного субъекта гражданского права, необходима для целей эффективного развития предпринимательской деятельности и экономического оборота и способствует наиболее свободному, не ограниченному угрозой изъятия

собственного имущества учредителей организации их участию в предпринимательской деятельности, связанной с риском получения убытков и потери участвующего в экономическом обороте имущества. Указанная трансформации права собственности позволяет действительным, фактическим участникам экономических отношения, т.е. учредителям коммерческой организации, спрятавшись за «фирму» созданного ими субъекта гражданского права, теоретически ограничить свою имущественную ответственность по долгам от осуществляемой предпринимательской деятельности имуществом, находящимся на балансе организации.

Применительно к содержанию права собственности организаций со статусом юридического лица нормами гражданского права могут быть установлены и иные ограничения. В частности, нормами ст. 546 ГК между коммерческими организациями запрещено дарение имущества, в соответствии с нормами ст. 664 ГК коммерческая организация не имеет право передавать принадлежащее ей имущество в безвозмездное пользование учредителю организации, ее участнику, руководителю, членам органов управления и контроля.

Ограничение содержания права собственности в части использования собственного имущество установлено для некоммерческих организаций, которые, по общему правилу, имеют юридически обеспеченную возможность использования имущества, принадлежащего организациям на праве собственности, исключительно для достижения уставных целей.

Нормами права могут быть установлены и иные ограничения содержания права собственности организаций, направленные на создание таких правовых условий участия организаций в имущественном обороте, которые будут удовлетворять потребностям отдельных индивидов, а также общества в целом и государства.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что право собственности организаций со статусом юридического лица, формально являясь неограниченным вещным правом, по отношению к праву собственности физических лиц, фактически ограничено нормами гражданского права и решениями учредителей (участников) организации.

§ 3. Особенности содержания права собственности организаций со статусом юридического лица в зависимости от их правовой формы

3.1. Особенности содержания права собственности хозяйственных товариществ

Первой группой правовых форм коммерческих организаций, закрепленных в главе 4 ГК «Юридические лица», являются хозяйственные то-

варищества, содержание права собственности которых имеет ниже следующие отличительные особенности.

Так, на что указывалось выше, единственным учредительным документом хозяйственных товариществ является учредительный договор. Это оказывает влияние на название имущества, которое учредители хозяйственного товарищества аккумулируют как первоначальную имущественную основу деятельности создаваемого субъекта. Такое имущество, независимо от его состава: денежные средства или вещи, именуется в цивилистической науке складочным капиталом. Однако, в догме гражданского права указанное название поддержки не нашло и, таким образом, первоначальный капитал хозяйственного товарищества, как и коммерческих организаций, созданных в иных правовых формах, именуется в ГК уставным фондом. Вместе с тем, такое название неверно отражает суть хозяйственного товарищества, при создании которого учредительный документ, именуемый уставом и послуживший словообразующей основой для названия соответствующего имущества, не используется.

Минимальный размер складочного капитала, который должен быть сформирован к моменту государственной регистрации товарищества, нормами Положения о государственной регистрации не установлен и, следовательно, может быть минимизирован учредителями, например до суммы в 10 белорусских рублей, которые по состоянию на конец 2011 г. являлись денежной единицей с минимальным номиналом. Отсутствие законодательно закрепленного минимального размера уставного фонда лишает денежные средства и иные вещи, составляющие складочный капитал хозяйственного товарищества, статуса имущества, выступающего в качестве минимальной гарантии, способной обеспечить требования кредиторов товарищества в случае возникновения кредиторской задолженности.

Вместе, с тем основу имущественной ответственности товарищества по его долгам, наряду с балансовым имуществом организации, составляет личное имущество участников анализируемого субъекта, которые в соответствии с нормами п. 1 ст. 72 ГК солидарно между собой несут субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам товарищества. Причем в соответствии с нормами п. 3 ст. 72 ГК имущественная ответственность участника, выбывшего из состава товарищества, по его долгам, возникшим до этого момента, продолжает существовать в течение двух лет с даты утверждения годового отчета за год, в котором участник выбыл из состава товарищества.

Имуществом, принадлежащим товариществу на праве собственности, согласно нормам ст. 69 ГК, каждый из участников товарищества распоряжается по своему усмотрению, если учредительным договором не предусмотрено иное. Однако такое распоряжение допускается только в процессе вовлечения имущества товарищества в осуществляемую им

предпринимательскую деятельность с целью получения на основе имущества товарищества прибыли[165].

Такое своеобразное ограничение содержания права собственности организации, при котором каждый ее участник самостоятельно решает вопрос о необходимости и пределах вовлечения собственности товарищества в экономический оборот, обусловлено спецификой ведения дел анализируемого субъекта и возложенной на его участников нормами ст. 66 ГК и ст. 70 ГК обязанности лично участвовать в предпринимательской деятельности товарищества.

Еще одним ограничением содержания права собственности товарищества является его обязанность по распределению прибыли между учредителям (участникам) товарищества в порядке, установленном нормами ст. 71 ГК или учредительным договором.

Таким образом, отношения собственности, возникающие при создании и деятельности хозяйственных товариществ, являются достаточно специфичными. Причем закрепленная в ГК специфика анализируемых вещных правоотношений, по нашему мнению, являясь не удачной, служит одной из главных причин отсутствия интереса у граждан к таким правовым формам коммерческих организаций, как полное и коммандитное товарищество.

3.2. Особенности содержания права собственности хозяйственных обществ

Нормами ГК предусмотрено четыре правовые формы хозяйственных

---

[165] Применительно к предпринимательской деятельности, осуществляемой хозяйственными товариществами, необходимо отметить следующее. В соответствии с нормами ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК предпринимательской признается деятельность, осуществляемая непосредственно организациями со статусом юридического лица и физическими лицами от своего имени. Приведенная формулировка норм ст. 1 ГК позволяет утверждать, что в гражданском обороте участвуют непосредственно коммерческие организации, а не их учредители либо наемные работники. Из этого следует, что участие организации в предпринимательской деятельности осуществляется на основе ее воли, которая свободно сформирована и добровольно выражена во вне, что является непременным условием действительности всех совершаемых организацией сделок. В силу того, что организация является субъектом фиктивным, не способным самостоятельно формировать и выражать во вне свою волю, выполнение этой функции организации возложено нормами ст. 49 ГК на ее органы, которые формируются в соответствии с учредительным договором организации и нормами ГК.

В этой связи следует признать, что формулировка норм ст. 66 ГК, согласно которым предпринимательской деятельностью занимается не полное товарищество, а от имени полного товарищества его участники, не согласуется с общей концепцией предпринимательской деятельности, закрепленной в ГК и содержанием ее признаков, разработанных доктриной гражданского права.

обществ, имущественное положение которых отличается от имущественного положения хозяйственных товариществ рядом особенностей, присущих анализируемой правовой форме. Хозяйственные общества непосредственно внутри своей классификационной группы подразделяются на две подгруппы: ООО и ОДО; ЗАО и ОАО, имущественное положение которых тоже различно.

В отличие от хозяйственных товариществ хозяйственные общества создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с уставом, что является основанием для применения к первоначальному капиталу общества, формируемому учредителями в процессе его регистрации, наименования «уставный капитал», т.е. капитал, необходимость формирования и размер которого определены уставом общества, принятым в соответствии с нормами права.

Кроме того, для ООО и ОДО, также как и для хозяйственных товариществ, не установлены минимальные размеры уставных фондов, что указывает на возможность формирования названной части имущества организации в минимально допустимом размере, например, 10 белорусских рублей. Закрепленный в законодательстве минимальный размер уставного фонда как хозяйственного товарищества, так и хозяйственного общества, не может служить какой-либо имущественной гарантией для кредиторов организации, в связи с чем такая функция уставного фонда, как гарантийная, на современном этапе развития гражданского права, как отрасли права, у данного вида имущества организации отсутствует. Вместе с тем, нормы Положения о государственной регистрации не запрещают учредителям формировать уставный фонд будущего субъекта хозяйствования в любом ином размере, превышающем минимально допустимый. Нормы Положения о государственной регистрации также предусматривают необходимость закрепления в уставе ОДО субсидиарной ответственности учредителей по долгам общества в размере не менее 50 базовых величин для всех учредителей в совокупности. Закрепление в уставе названной обязанности учредителей не увеличивает размер имущества общества, но служит определенной гарантией выполнения обществом своих кредиторских обязательств, хотя опять же в достаточно минимальном для современного уровня цен размере.

Упразднение в Положении о государственной регистрации 2009 г. требования о формировании уставных фондов как хозяйственных товариществ, так и названной группы хозяйственных обществ в установленных минимальных размерах, способных выполнять гарантийную функцию, обусловлено движением Республики Беларусь по пути либерализации белорусской экономики, что предполагает упрощение как бюрократических, так и экономических процедур регистрации субъектов хо-

зяйствования и введения их в гражданский оборот[166].

В отличие от ООО и ОДО, для ЗАО и ОАО нормами Положения о государственной регистрации установлены минимальные размеры уставных фондов, подлежащих формированию учредителями в процессе создания коммерческих организаций в названных правовых формах.

Так, для ЗАО минимальный размер уставного фонда составляет 100 базовых величин, для ОАО – 400 базовых величин, определяемых в белорусских рублях исходя из размера базовой величины, установленного на день, в который устав представляется в регистрирующий орган.

Уставные фонды всех хозяйственных обществ в установленных их уставами размерах должны быть сформированы к моменту государственной регистрации организации. Таким образом, состав имущества, которое находится у организации на праве собственности после ее государственной регистрации, отражен в ее учредительном документе.

Вместе с тем, на что указывалось выше, стоимость имущества любой коммерческой организации в процессе ее участия в экономической деятельности, по общему правилу, будет увеличена за счет приобретения необходимых для осуществления предпринимательской деятельности средств производства, иного имущества, за счет выпускаемых товаров, поступающих на расчетный счет организации денежных средств в процессе реализации производимой продукции.

Содержание права собственности хозяйственных обществ, также как и содержание права собственности хозяйственных товариществ, ограничено обязанностью общества по выплате учредителям (участникам) части прибыли общества в размере, установленном уставом общества или решением общего собрания его участников.

---

[166] Факт закрепления в Положении о государственной регистрации минимальных размеров уставных фондов практически всех коммерчески организаций в сумме, не способной предоставить контрагентам субъектов хозяйствования даже самые незначительные имущественные гарантии выполнения должником своих обязательств, несмотря на его кажущуюся отрицательную роль в развитии предпринимательской деятельности на территории Республики Беларусь, все же имеет исключительно положительное значение, которое выражается в создании максимально упрощенных условий введения субъектов хозяйствования в гражданский оборот. Предоставленная гражданам Беларуси государством возможность создания коммерческих организаций при минимальных затратах денежных средств и времени должна способствовать активизации предпринимательской активности населения, вовлечению в хозяйственный оборот наибольшего количества экономически активной части белорусских граждан, созданию дополнительных рабочих мест, увеличению объемов выпускаемой продукции и снижению нагрузки на государственный бюджет в части социальных выплат мало обеспеченному населению.

Вместе с тем, наличие вызванной небольшим размером уставного фонда опасности потери определенного части имущества контрагентами малобюджетных субъектов хозяйствования вполне укладывается в теорию предпринимательской деятельности и обусловлено ее рисковым характером, изначально предполагающим возможность экономических потерь.

Кроме того, содержание права собственности общества ограничено обязанностью общества выплатить субъекту гражданского права, выходящему из состава участников общества, фактическую стоимость его доли в имуществе общества, сформированную на момент выхода, либо выдать имущество в натуре.

Содержание права собственности общества может быть ограничено решением общего собрания его участников, согласно которому общество может быть ограничено в праве самостоятельного, без решения общего собрания участников, распоряжения, например, недвижимым имуществом, либо в праве самостоятельного совершения сделок на сумму, превышающую установленную общим собранием участников общества.

Таким образом, хозяйственные общества, также как и хозяйственные товарищества, являясь фиктивными субъектами гражданского права, фактически являются и фиктивными собственниками имущества, содержание права собственности которых, как само существование искусственных субъектов, всецело зависит от воли учредителей.

3.3. Особенности содержания права собственности производственных кооперативов

Производственный кооператив, также как и выше рассмотренные правовые формы коммерческих организаций, является собственником имущества, переданного ему учредителями в качестве вклада в уставный фонд, а также приобретенного кооперативом в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

Уставный фонд кооператива формируется в произвольном размере и, следовательно, может составлять, например, 10 белорусских рублей. При этом, в отличие от уставного фонда и иного имущества хозяйственных товариществ и обществ, которое разделено на доли, уставный фонд и иное имущество кооператива разделено на паи. Однако долевой собственности членов кооператива на его имущество не возникает и, следовательно, деление имущества на паи имеет условное значение и предназначено для регламентации обязательственных правоотношений, возникающих между кооперативом и его членом с момента внесения паевого взноса.

Если в хозяйственных товариществах и обществах, по общему правилу, размер вклада учредителя в его уставный фонд имеет значение для определения количества голосов, принадлежащих одному участнику, то размер пая, внесенного в производственный кооператив, такого значение не имеет. Один член кооператива, по общему правилу, имеет один голос в процессе принятие решения общим собранием членов кооператива.

В отличие от рассмотренных выше правовых форм коммерческих орга-

низаций кредитоспособность кооператива в случае возникновения долгов, несмотря на незначительный размер уставного фонда, поддерживается обязанностью его участников нести субсидиарную ответственность по долгам кооператива в размере, установленном уставом, но не меньше величины полученного годового дохода в производственном кооперативе.

Содержание права собственности анализируемой правовой формы коммерческой организации ограничено нормами ГК и положениями устава кооператива, в соответствии с которыми, во-первых, кооператив, по общему правилу, обязан распределять полученную им прибыль между своими участниками, что лишает непосредственно кооператив возможности ее использования вне рамок решения, принятого участниками организации, во-вторых, в соответствии с требованиями устава кооператива из части его имущества могут быть созданы неделимые фонды, использование которых возможно только на цели, определенные уставом, т.е. учредителями, в-третьих, в случае выхода участника из состава кооператива кооператив обязан выплатить ему стоимость его паевого взноса, определенную на день прекращения членства в кооперативе.

Учитывая нормы ст. 110 ГК, позволяющие относить к исключительной компетенции общего собрания кооператива решение любых вопросов, связанных с его деятельностью, можно сделать вывод о том, что содержание права собственности кооператива, в целом, зависит от решения его участников, которые могут ввести любые ограничения по использованию кооперативом своего имущества.

В случае ликвидации производственного кооператива все его имущество, оставшееся после осуществления обязательных расчетов, распределяется между бывшими участниками организации.

Указанное имущественно положение кооператива отражает его фиктивную правовую природу и цели создания – систематическое получение прибыли и ее распределение между участниками.

3.4. Особенности содержания права собственности крестьянских (фермерских) хозяйств

Крестьянское (фермерское) хозяйство, являясь коммерческой организацией, обладает правом собственности на имущество, переданное ей учредителем (учредителями) в качестве вклада в уставный фонд при создании организации, а также на имущество, приобретенное крестьянским (фермерским) хозяйством в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

Имущество, находящееся в собственности крестьянского фермерского хозяйства, формируется за счет вкладов, внесенных учредителем в

уставный фонд организации, за счет доходов, полученных крестьянским (фермерским) хозяйством от реализации произведенной и переработанной сельскохозяйственной продукции, а также доходов, полученных в процессе осуществления иной не запрещенной предпринимательской деятельности. Имущество крестьянского (фермерского) хозяйства может быть сформировано за счет иных источников, не запрещенных правовыми нормами.

Уставный фонд анализируемой коммерческой организации формируется в полном объеме до начала государственной регистрации в размере, определяемом учредителем и, следовательно, может быть сформирован, например, в размере 10 белорусских рублей. Приведенный параметр является стандартным практически для всех правовых форм коммерческих организаций, за исключением ЗАО и ОАО.

На праве собственности у крестьянского (фермерского) хозяйства независимо от того факта, что коммерческая организация в указанной правовой форме создается, в первую очередь, с целью производства и реализации сельскохозяйственной продукции, может находиться любое имущество, не изъятое из гражданского оборота. В частности, в соответствии с нормами ст. 15 Закона Республики Беларусь от 18 февраля 1991 г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» в редакции Закона Республики Беларусь от 19 июля 2005 г., у крестьянского (фермерского) хозяйства на праве собственности могут находиться хозяйственные и иные постройки, мелиоративные и другие сооружения, продуктивный и рабочий скот, птица, сельскохозяйственная и иная техника и оборудование, транспортные средства, инвентарь, имущество частных унитарных предприятий, созданных фермерским хозяйством, различные насаждения, другое имущество, приобретенное фермерским хозяйством в соответствии с правовыми нормами, а также имущественные права. По сути, нормы указанной статьи допускают возможность приобретения фермерским хозяйством в собственность любого имущества, находящегося в гражданском обороте, что присуще практически всем коммерческим организациям.

Содержание права собственности крестьянского (фермерского) хозяйства ограничено правовыми нормами, уставом и решениями учредителя (учредителей), что свойственно практически всем коммерческим организациям, являющимся фиктивными субъектами гражданского права, существование и деятельность которых, по общему правилу, поставлены в зависимость от воли общего собрания учредителей.

3.5. Особенности содержания права собственности некоммерческих организаций

Как следует из норм ст. 46 ГК, в отличие от коммерческих некоммерческие организации создаются для достижения целей, не связанных с систематическим получением прибыли и, следовательно, пределы их участия в гражданском обороте, по общему правилу, лежат вне сферы предпринимательской деятельности.

Некоммерческие организации, согласно нормам ст. 44 ГК, по общему правилу, имеют право собственности на имущество, переданное им учредителями, иными лицами, а также приобретенное некоммерческими организациями по любым легитимным основаниям в процессе участия в гражданском обороте.

Исключение составляют учреждения и государственные объединения, на имущество которых вещные права имеют их учредители.

Право собственности большинства некоммерческих организаций не обременено имущественными правами их учредителей, которые, передав в собственность созданной ими организации имущество, включая вещи, деньги и имущественные права, лишаются как вещных, так и обязательственных прав в отношении такого имущества и не приобретают обязательственных прав в отношении созданной ими организации, что отличает правовое положение учредителей некоммерческих организаций от правового положения учредителей коммерческих организаций. Исключение составляют некоммерческие организации, созданные в правовой форме потребительского кооператива участники которого наделены обязательственными правами в отношении созданной ими организации. Указанное правовое положение участников потребительского кооператива обусловлено целями создания некоммерческих организаций в указанной правовой форме.

В собственности некоммерческих организаций, по общему правилу, может находиться любое имущество, приобретенное по любым легитимным основаниям от любых источников. Определенные ограничения по видам имущества, которое может находиться в собственности некоммерческой организации, и источникам его получения в зависимости от той правовой формы, в которой организация создана, могут быть установлены правовыми нормами. Так, например, в соответствии с нормами ст. 24 Закона о политических партиях политическим партиям, союзам и созданным ими организациям со статусом юридического лица запрещается прямо либо косвенно получать денежные средства и иное имущество от иностранных государств и организаций, международных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства; анонимных жертвователей; граждан, не достигших восемнадцатилетнего возраста;

организаций со статусом юридического лица, зарегистрированным в установленном порядке менее чем за один год до дня внесения пожертвования; религиозных организаций, а также организаций со статусом юридического лица, учрежденных религиозными организациями. Установленные ограничения связаны с необходимостью создания правовых условий, препятствующих оказанию финансового и, как следствие, политического влияния на деятельность белорусских политических партий и исход проводимых в Республике Беларусь политических мероприятий. Вместе с тем, по общему правилу, некоммерческие организации могут иметь на праве собственности любое имущество, необходимое для достижения их уставных целей. В случае возникновения спора решение вопроса о соответствии имущества, находящегося в собственности некоммерческой организации, ее уставным целям подлежит разрешению в судебном порядке.

Содержание права собственности некоммерческих организаций и, в частности, содержание такого правомочия собственника, как распоряжение, ограничено уставом конкретной некоммерческой организации, а также правовыми нормами, регулирующими процедуру создания, деятельности и ликвидации некоммерческих организаций в соответствующих правовых формах (общественные организации, религиозные организации, фонды, профессиональные союзы, политические партии).

В отличие от имущества коммерческих организаций имущество некоммерческих не подлежит распределению между их членами даже после ликвидации организации и направляется на реализацию целей, закрепленных в уставе организации.

ГЛАВА 6. ОСОБЕННОСТИ ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

§ 1. Понятие, целевое назначение и правовая основа государственной собственности

Современный социальный образ жизни людей, их безусловное объединение по национальному признаку в рамках определенной территории с установленной на ней системой политического управления, именуемой государством, предполагает создание определенной совокупности органов государственного управления. Как политическая система управления обществом в целом, так и входящие в ее состав государственные органы с присущими им функциями объективно нуждаются в надлежащем материальном обеспечении своей деятельности, осуществляемом при помощи различных финансовых институтов и инструментов, в том числе за счет денежных средств, поступающих от участия государства в экономической деятельности в качестве производителя и продавца различной продукции (товаров, работ, услуг).

Основу эффективного осуществления экономической деятельности как частными субъектами, так и государством, на что указывалось выше, составляет различное имущество, хозяйственная эксплуатация которого позволяет производить товары, работы и услуги, приносящие необходимые доходы в процессе их реализации третьим лицам.

Таким образом, государство с целью материального обеспечения своей публичной деятельности, а по сути, с целью выполнения функций государственного управления вынуждено иметь на праве собственности имущество, в том числе и относящееся к средствам производства. Так, согласно справедливому утверждению Е.Н. Абрамовой «публичная собственность – это база формирования государственных доходов, без которых не возможно осуществление публично-правовыми образованиями их публичных функций»[167], к которым в том числе относится обязанность государства по материальному обеспечению лиц, не способных в силу возраста или болезни самостоятельно обеспечивать свой минимально необходимый материальный достаток и иные обязанности, исполнение которых сопряжено с реализацией государством своей социальной функции. К лицам, нуждающимся в социальной поддержке, относятся инвалиды, пенсионеры по возрасту, несовершеннолетние, оставшиеся без попечения родителей, матери, воспитывающие детей в возрасте до трех лет без участия отца, и другие аналогичные категории

[167] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 712.

граждан с низким уровнем доходов. Наряду с обязанностью по пенсионному обеспечению на государство возложена обязанность по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья отдельных категорий лиц, к которым относятся военнослужащие, сотрудники прокуратуры, подразделений МВД и другие лица.

Отдельные виды имущества принадлежат на праве собственности государству по соображениям общественной пользы и национальной безопасности. В частности, в соответствии с нормами ст. 13 Конституции, в исключительной собственности государства находятся недра, воды, леса, в собственности государства находятся земли сельскохозяйственного назначения. В качестве причины, послужившей закреплению определенного имущества на праве собственности исключительно за государством, нормами ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» названа необходимость защиты государственных интересов в целях обеспечения территориальной целостности государства, национальной, экономической и энергетической безопасности, социальной защищенности населения, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, сохранения историко-культурного и духовного наследия.

Необходимость принадлежности определенного имущества на праве собственности непосредственно государству также может быть обусловлена и иными причинами, не связанными с экономической целесообразностью, национальной и общественной безопасностью или потребностью в материальном обеспечении государственной деятельности. Наоборот, принадлежность некоторого имущества на праве собственности государству может быть сопряжена не с доходами, а с расходами на содержание и обслуживание такого имущества.

Так, в собственности государства могут находиться историко-культурные ценности, поддержание которых в надлежащем состоянии осуществляется за счет средств государственного бюджета, государство на праве собственности содержит заповедники, заказники, иные природные объекты, что позволяет сохранять окружающую природную среду, поддерживать воспроизводство популяций редких животных. В собственности и, как следствие, на содержании государства находятся учреждения образования, обеспечивающие получение образования различного уровня, учреждения здравоохранения, детские дошкольные учреждения, учреждения науки, культуры и другие аналогичные организации. В целях выполнения функции охраны государственных границ и поддержания внутреннего правопорядка государство вынуждено иметь на праве собственности имущество вооруженных сил и внутренних

войск, а также имущественные комплексы, производящие стрелковое оружие и соответствующую военную технику. В собственности государства находятся объекты естественных монополий и, в частности, железные дороги, единые энергосети и другое аналогичное имущество, разделение которого на отдельные объекты и передача в частную собственность может привести к дестабилизации социальной обстановки на государственной территории, к перебоям в работе транспорта, связи, системы энергоснабжения, подразделений Министерства по чрезвычайным ситуациям и других специализированных служб и подразделений.

Независимо от общественно-экономической формации, в период развития которой существует государство, формы государственного устройства и политического режима, выбранного народом, проживающим на государственной территории, любое государство во все времена имело в собственности различные виды имущества, включая землю, ее недра и другое недвижимое и движимое имущество. В определенные исторические периоды государственного развития в собственности государства находились люди (рабы в древнем Риме, крепостные крестьяне в дореволюционной России).

Вместе с тем, следует отметить, что доля государственной собственности в общей массе имущества, находящегося на государственной территории, а также виды имущества, которые могут находиться в исключительной собственности государства и, следовательно, не могут быть переданы в частную собственность, зависят от установленного в государстве политического режима, выбранного курса политического развития и от соответствующих политическому режиму и политическому курсу направлений экономического развития государства. При этом экономическое развитие в том числе зависит и от тех целей, которые стоят перед государством в конкретный исторический период его существования.

Зависимость объема и состава государственной собственности в имуществе, находящемся на государственной территории, от установленного в государстве политического режима и выбранного курса экономического развития хорошо прослеживаются на примере СССР и входящих в его состав республик, ставших впоследствии политически независимыми, самостоятельными государствами, обладающими не только политическим суверенитетом, но и самостоятельными экономиками, получившими свое первоначальное развитие вне рамок интеграции с экономиками сопредельных государств.

Как известно, СССР возник в результате политического переворота в октябре 1917 года и последующей гражданской войны, в результате победы в которой новой государственной властью был объявлен политический курс на построение социализма и последующий переход к ком-

мунистическому общественному строю.

В рамках движения по намеченному политическому курсу была проведена экспроприация средств производства, земель, лесов, недр, находящихся в частной собственности, и создан единый фонд государственного имущества, что способствовало полной централизации экономической деятельности, осуществляемой на государственной территории, и тотальному контролю за лицами, ее осуществляющими. Все средства производства, от гигантов промышленности до мелких крестьянских хозяйств, были переданы в собственность государства, а частная предпринимательская инициатива запрещалась под страхом применения мер уголовной ответственности. В законодательстве отсутствовало само понятие «частная собственность». Имущество, право собственности граждан на которое допускалось, именовалось личным, что указывало на его предназначение для удовлетворения личных, семейных и иных аналогичных бытовых нужд собственников.

Даже в тот небольшой временной период, когда на территории Советской России проводилась в жизнь новая экономическая политика – НЭП (1921 г. – конец 20-х начало 30-х гг. XX века)), и допускалось участие в экономике частного капитала, государство осуществляло тотальный контроль за деятельностью частных предпринимателей, что указывает на сильнейшую централизацию управления всеми экономическими процессами. Так, применительно к участию частного капитала в государственной экономике в период НЭПа В.И. Ленин писал: «Торгуй, наживайся, мы это тебе позволим, но второе подтянем твою обязанность быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с духом нашего, коммунистического законодательства, не допускать ни тени отступления от наших законов, – вот какова должна быть основная заповедь НКЮста в отношении нэпо»[168].

Таким образом, с момента своего создания и до конца 80-х годов XX века в СССР законодательно, на уровне Конституции СССР, было закреплено право государственной собственности на средства производства, что в принципе исключало возможность осуществления частной предпринимательской деятельности.

Закрепленный в Конституции СССР подход политической власти к праву собственности был обусловлен, по нашему мнению, во-первых, государственной идеологией, оправдывающей насильственную смену власти в октябре 1917 г. необходимостью освобождения народа от гнета эксплуатирующего класса, предоставления народу полной экономической свободы, осуществляемой на условиях политического и экономического равенства господствующих в то время классов рабочих и кре-

[168] Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 399–400.

стьян, а, во-вторых, желанием политической власти СССР осуществлять полный контроль как за государственными финансовыми потоками, так и за благосостоянием граждан, не допуская его роста в необоснованно больших, по мнению правящей партии, пределах.

Основой советской политической машины была система государственного распределения материальных благ на фоне тотального дефицита продуктов питания и товаров народного потребления, что позволяло с помощью всевозможных распределителей поощрять наиболее преданных делу коммунизма граждан, держать основную массу населения в экономической зависимости от властей всех уровней, владеющих системой экономического распределения, полностью подчинив волю граждан цели приобретения в собственность недоступных для свободного приобретения товаров бытового назначения (телевизоров, стиральных машин, мотоциклов, автомобилей, а во многих, отдаленных от политического центра районах, и продуктов питания). Указанное зависимое от государственной власти экономическое положение граждан СССР должно было отвлекать их сознание от фактически ущемленных политических прав, способствовало усилению авторитета власти в случае выделения каждому конкретному человеку или отдельно взятой семье каких-либо материальных благ, служило цели пропаганды заботы советской власти о трудящихся гражданах СССР.

Описанная экономическая система, включая право собственности в объективном смысле, т.е. как совокупность правовых норм, легализующих политическую волю руководящей верхушки СССР, соответствовала духу тоталитаризма, которым было пронизано политическое управление советского государства, способствовала полной централизации управления и осуществлению тотального контроля как над экономической, так и, посредством материального распределения, над политической системой государства.

После распада СССР и образования на основе входящих в его состав республик самостоятельных государств, в число которых вошла и Республика Беларусь, политические власти практически всех новых государственных образований встали на путь демократических преобразований политической системы и избрали капиталистический путь развития экономики. Последний, в свою очередь, предполагает законодательное установление права частной собственности практически на любой вид имущества, включая средства производства, свободу осуществления частной предпринимательской деятельности, свободу получения доходов, не ограниченных размером, и распоряжения ими, возможность найма частными субъектами хозяйствования работников, передачу в частную собственность части государственных производственных фондов в процессе приватизации, предполагает предоставление субъектам

частной формы собственности иные экономические возможности, которые были под запретом в СССР.

Необходимо отметить еще одно важное предназначение тотальной централизации государственной экономики СССР, в рамках которой промышленность была организована таким образом, что бы ни одна республика, входившая в состав СССР, не располагала имущественными комплексами с законченным производственным циклом. Такое положение, когда производство конкретного продукта осуществлялось поэтапно, на территориях различных республик СССР на основе сильнейшей многоуровневой кооперации производственных циклов, территориально разобщенных субъектов хозяйствования способствовало укреплению политического единства СССР, экономически пресекало любую попытку выхода из состава единой политической и экономической системы.

Следствием глубокой экономической кооперации промышленности СССР был масштабный кризис экономик всех без исключения союзных республик, ставших на путь самостоятельного развития, что служит подтверждением нашего вывода о предназначении экономической кооперации, существовавшей в СССР, в качестве средства укрепления политического единства многонационального государства.

Общая экономическая свобода, включая общее дозволение иметь на праве частной собственности практически любое имущество, что имманентно демократическому пути политического развития, в каждом отдельно взятом демократическом государстве может быть ограничена в той степени, в которой это необходимо для обеспечения общественных интересов, включая интересы национальной, продовольственной, экономической, экологической и т.п. безопасности.

Так, например, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь с момента распада СССР взят курс на построение демократического общества с развитой рыночной экономикой, признаны как государственная, так и частная собственность, на уровне Конституции закреплена их равная защита и неприкосновенность, что указывает на наличие в двух государствах равных экономических возможностей, в том числе и в процессе приобретения в частную собственность средств производства.

Однако в Республике Беларусь рыночная экономика объявлена социально ориентированной, что предполагает значительные государственные расходы на социальную поддержку мало обеспеченных слоев белорусского населения и, как следствие, повышенные потребности государства в финансировании своей деятельности.

В этой связи в Беларуси, в отличие от Российской Федерации, основная доля промышленных производств находится на праве собственности у государства и не рассматривалась в качестве объектов приватизации

государственной собственности, т.е. ее передачи в частную собственность в соответствии с нормами специального закона. Даже те объекты государственной собственности, которые, с точки зрения гражданского права, юридически считаются приватизированными, т.е. переданными в частную собственность посредством акционирования (создания открытых акционерных обществ на базе государственного имущества), по сути, фактически находятся в государственном управлении вследствие преобладающего государственного участия в их уставных фондах.

В Российской Федерации, наоборот, в 90-х годах XX века прошла массовая приватизация государственного имущества, в результате которой гиганты российской индустрии перешли в частную собственность по существенно заниженным ценам, что, однако, не повлекло за собой ни увеличения роста благосостояния российского народа, ни какого-либо существенного пополнения государственной казны финансовыми ресурсами. Таким образом, цели приватизации государственной собственности в Российской Федерации достигнуты не были.

В настоящее время прошедшую в России приватизацию называют «грабительской», чего удалось избежать в Республике Беларусь. По мнению Ю.К. Толстого, «в ходе проведения приватизации были допущены серьезные просчеты и прямые злоупотребления, что вынуждены признавать даже самые ревностные ее сторонники»[169].

В отличие от Российской Федерации, Республика Беларусь только в 2009 г. объявила о либерализации своей экономики, которая, как и российская, с момента образования на территории бывшей БССР самостоятельного демократически ориентированного белорусского государства считается рыночной. Однако различное понимание существа рыночного экономического развития в Республике Беларусь и в Российской Федерации, стремление Республики Беларусь к логичному государственному управлению рыночными преобразованиями привели к тому, что два соседних государства с рыночными экономиками пошли разными путями экономического развития.

Непосредственно стремлением Республики Беларусь к либерализации внутренних экономических процессов в настоящее время обусловлены последовавшие за этим процессы значительного упрощения государственной регистрации коммерческих организаций, сокращения лицензируемых видов деятельности, формального создания наиболее благоприятных условий участия иностранного капитала в белорусской экономике, изменения законодательных подходов к процессу приватизации государственной собственности, нашедшие свое закрепление в новом

[169] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 463.

Законе Республики Беларусь от 16 июля 20010 г. «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества».

Таким образом, объем доли государственного имущества в общем имуществе, находящемся на государственной территории, зависит от многих факторов, к которым следует отнести установленный на государственной территории политический режим, выбранный государственной властью путь экономического развития, степень необходимой централизации экономических процессов, объем государственной социальной помощи, оказываемой населению, объем иных государственных расходов, включая расходы на содержание армии и подразделений внутренних войск, от их численности и уровня материального обеспечения, а также от ряда иных факторов, прямо или косвенно влияющих на текущие расходы государства.

На основании изложенного к причинам, обусловившим необходимость государства иметь имущество на праве собственности, можно отнести следующие ниже перечисленные.

1. Возложенная на государственную власть обязанность осуществления политического управления, реализация которой сопряжена с потребностью в определенном имуществе и, в частности, в имуществе органов управления различных уровней.

2. Потребность государственной власти в материальном обеспечении своего функционирования, что частично осуществляется посредством выпуска и реализации продукции с использованием государственных имущественных комплексов, а также посредством использования природных ресурсов и иного государственного имущества, составляющего экономическую основу функционирования государства.

3. Необходимость сохранения для общества определенных видов имущества, отнесенного, например, к историко-культурному наследию, надлежащее содержание которого возможно только в случае обеспечения государственного финансирования и контроля.

4. Социальное предназначение определенного вида продукции, выпуск которой при установленной в государстве системе ценообразования является низкорентабельным или нерентабельным, что исключает возможность привлечения в такую сферу частного капитала и, в целях социальной защиты населения, требует государственных дотаций либо на стадии производства, либо на стадии переработки, либо на стадии реализации (например, выпуск продуктов питания первой необходимости, выпуск медицинских препаратов, распространяемых на безвозмездной основе или на условиях частичной оплаты среди определенных групп населения и т.п.).

5. Общественная потребность в выпуске определенного имущества,

которое, исходя из его общественной опасности либо по причинам общественной или государственной целесообразности, может находится только в собственности государства (например, вооружение, объекты атомной энергетики, наркотические вещества или сильнодействующие яды, объекты естественных монополий, другое аналогичное имущество).

6. Наличие у государственной власти обязанности по обеспечению продовольственной безопасности, успешная реализация которой возможна в случае гарантированного выпуска сельскохозяйственной продукции. Создание надлежащих условий исполнения государством указанной обязанности реализуется посредством распространения на земли сельскохозяйственного назначения правового режима государственной собственности.

7. Наличие у государственной власти обязанности по обеспечению энергетической безопасности, вследствие чего в собственности государства находится энергетический комплекс Республики Беларусь.

8. Наличие у государственной власти обязанности по обеспечению независимости и суверенитета Республики Беларусь, нерушимости ее границ и территориальной целостности, в связи с чем в собственности государства находится имущество военно-промышленного комплекса Беларуси.

К причинам, побудившим государственную власть иметь на праве государственной собственности тот или иной вид имущества, также можно отнести потребность в:

– сохранении и развитии национального интеллектуального потенциала и системы собственного научно-технического обеспечения выпуска конкурентоспособной продукции;

– защите внутреннего рынка и отечественного производства от недобросовестной конкуренции;

– устойчивом функционировании банковской системы, повышении регулирующей роли банков в экономическом развитии и другие аналогичные причины экономического или политического свойства.

Правовую основу принадлежности государству на праве собственности различного имущества и реализации в его отношении государством правомочий собственника составляют нормы Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которыми в Беларуси введено право государственной собственности, нормы ГК, входящие в подотрасль гражданского права «право собственности и другие вещные права» и в совокупности составляющие гражданско-правовой институт «право государственной собственности», нормы иных нормативных правовых актов, входящих, наряду с нормами ГК, в гражданско-правовой институт «право государственной собственности» и, в частности, нормы Указа Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2006 г. № 575 «О порядке распоря-

жения государственным имуществом», нормы Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства», нормы Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г., нормы Кодекса Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г., нормы Лесного кодекса Республики Беларусь от 14 июля 2000 г., нормы Постановления Совета Министров от 1 декабря 2010 г. № 1753 «О порядке учета объектов республиканской собственности, находящихся только в собственности государства», нормы иных нормативных правовых актов, определяющие процедуру отнесения имущества к государственной собственности и устанавливающие пределы осуществления государственными органами и иными субъектами правомочий собственника в отношении государственного имущества.

Нормы указанных и иных нормативных правовых актов составляют право государственной собственности в объективном смысле, т.е. совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие между уполномоченными государственными органами в процессе закрепления определенного имущества на праве собственности за Республикой Беларусь и ее административно-территориальными единицами, а также между государственными органами и иными субъектами гражданского права в процессе использования государственного имущества в интересах государства и белорусского народа.

Право государственной собственности в субъективном смысле представляет собой совокупность правомочий, предоставленных правовыми нормами Республике Беларусь и ее административно-территориальным единицам в лице уполномоченных органов по владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом, осуществляемыми в соответствии с установленными целями и назначением имущества в интересах белорусского государства и общества.

В заключении следует отметить, что право государственной собственности, в отличие от права частной собственности, преимущественно учитывает не частные, а общественные интересы, предоставляет приоритет интересам совокупности лиц, интересам всего белорусского народа перед интересами одного субъекта гражданского права, ставит интересы государства, как собственника имущества, выше интересов собственника-индивида, что обусловлено объективной необходимостью эффективного государственного управления и оправдано таким понятием, как коллективная безопасность в различных сферах государственно-общественного бытия, т.е. совместного сосуществования определенной группы лиц в рамках определенной территории с установленной системой политического управления.

§ 2. Субъекты права государственной собственности

В соответствии с выше упоминавшимися нормами ст. 13 Конституции, на территории Республики Беларусь допускается существование частной и государственной собственности. Согласно нормам ст. 215 ГК в Республике Беларусь государственная собственность представлена непосредственно собственностью Республики Беларусь, а также собственностью административно-территориальных единиц Республики Беларусь. Таким образом, субъектами права государственной собственности и, как следствие, собственниками государственного имущества в Беларуси признаются непосредственно Республика Беларусь в отношении республиканской собственности, и административно-территориальные единицы Республики Беларусь в отношении коммунальной собственности.

Как Республика Беларусь, так и ее административно-территориальные единицы выступают в двух ипостасях: во-первых, как публичные образования, подчиненные действию публично-правовых норм и, во-вторых, как субъекты гражданского права, являющиеся собственниками имущества, что следует из норм ст. 1 ГК, ст. 124 ГК.

Согласно названным нормам, Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы признаются участниками гражданско-правовых отношений, и при этом названными нормами закрепляется их равное положение с иными участниками гражданского оборота, что соответствует императивам принципа юридического равенства участников гражданских правоотношений.

Вместе с тем, согласно нашим выводам, сделанным как в главе 7 настоящего издания, так и на страницах иных публикаций[170], ни Республика Беларусь, ни ее административно-территориальные единицы не могут быть признаны фактическими участниками гражданского оборота и, с сточки зрения гражданско-правовой классификации, являются субъектами гражданского права, но не участниками гражданско-правовых отношений.

Как фактически, так и с точки зрения гражданского права именем Республики Беларусь и, следовательно, в интересах белорусского народа в гражданско-правовых отношениях участвуют специально созданные народом и государством уполномоченные государственные органы, к которым относятся Президент Республики Беларусь, республиканские органы государственного управления во главе с Советом Министров Республики Беларусь, а также органы местного управления и самоуправления. Последние участвуют в гражданско-правовых отношениях

[170] *Подробнее об этом см.*: Маньковский И.А., Вабищевич С.С. Субъекты гражданского права: Монография. – Минск: Молодежное, 2010. – С. 440–469.

именем народа, проживающего на территории, управление которой осуществляет соответствующий орган местного управления и самоуправления.

Так, в частности, Глава государства в соответствии с нормами п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 3 ноября 2005 г. № 520 «О совершенствовании правового регулирования отдельных отношений в экономической сфере» определяет порядок распоряжения имуществом, находящимся в государственной собственности, осуществляет распоряжение имуществом, находящимся в республиканской собственности, и его приватизацию, приобретение (принятие) в собственность Республики Беларусь отдельных видов имущества. На основании норм Указа № 575 Президент Республики Беларусь принимает решение об отчуждении имущества в соответствии с его видами, закрепленными в названном законодательном акте. В соответствии с нормами ст. 6 Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. в редакции Закона Республики Беларусь от 16 июля 2010 г. «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества» Глава государства согласовывает планы приватизации, принимает решения о приватизации и о снижении начальной цены имущества, подлежащего приватизации. Согласно нормам Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. Глава государства, например, принимает решения о приватизации имущества, которое в соответствии с нормами названного Закона может находиться только в собственности государства.

Президент Республики Беларусь осуществляет и иные права в области владения, пользования и распоряжения имуществом, находящимся в государственной собственности.

Совет Министров Республики Беларусь в соответствии с нормами ст. 11 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. «О Совете Министров Республики Беларусь» именем собственника принимает участие в гражданском обороте в отношении имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь, организует управление государственной собственностью. Кроме того, согласно нормам ст. 25 Кодекса Республики Беларусь о земле, Совет Министров в соответствии с решениями или по поручению Президента Республики Беларусь заключает договоры о приобретении земельных участков или принимает решения об изъятии и предоставлении земельных участков иностранным организациям со статусом юридического лица и их представительствам, иностранным государствам, дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств, международным организациям и их представительствам. Согласно нормам, закрепленным в ст. 52 Инвестиционного кодекса, Совет Министров в интересах Республики Беларусь вы-

ступает стороной концессионного договора.

Таким образом, непосредственное участие в гражданско-правовых отношениях, возникающих по поводу осуществления правомочий собственника в отношении государственной собственности, принимает Совет Министров Республики Беларусь.

Наряду с Советом Министров в гражданско-правовых отношениях, возникающих в процессе осуществления правомочий собственника в отношении государственного имущества, принимает участие Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, одной из задач которого является проведение единой государственной политики в области государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, а также по вопросам имущественных отношений, включая управление, распоряжение, приватизацию, оценку и учет имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь. Наряду с Государственным комитетом по имуществу Республики Беларусь, в гражданско-правовых отношениях, возникающих по поводу осуществления правомочий собственника в отношении государственной собственности, принимает участие Фонд государственного имущества Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь, осуществляющий специальные функции (исполнительные, контрольные, регулирующие и др.) в сфере управления, распоряжения, приватизации, оценки и учета имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь.

Как государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, так и Фонд государственного имущества Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь осуществляют свою деятельность в соответствии с нормами Постановления Совета Министров от 29 июля 2006 г. № 958 «Вопросы государственного комитета по имуществу Республики Беларусь».

Правомочия собственника в отношении денежных средств, находящихся в собственности Республики Беларусь, реализует Национальный банк, который, следовательно, и выступает в качестве участника соответствующих правоотношений, возникающих, например, между Национальным банком и ОАО «Белинвестбанк» на основании кредитного договора, заключенного между указанными субъектами.

Субъектами гражданского права, участвующими в гражданских правоотношениях, возникающих по поводу осуществления правомочий собственника в отношении государственного имущества, также являются исполнительные комитеты, осуществляющие свою деятельность в соответствии с нормами Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. Так, согласно нормам ст. 41 указанного Закона, исполнительные комитеты в пределах своей компетенции обеспечивают расходование бюд-

жетных средств в соответствии с их целевым назначением, распоряжаются коммунальной собственностью в порядке, установленном Советами, а также осуществляют контроль за ее использованием на соответствующей территории, распоряжаются природными ресурсами в случаях и порядке, предусмотренных правовыми нормами, формируют товарные ресурсы для административно-территориальных единиц в целях обеспечения бесперебойной торговли, принимают решения о предоставлении земельных участков в пользование, аренду, пожизненное наследуемое владение, передаче их в собственность, а также об изъятии земельных участков, осуществляют иные правомочия собственника в отношении государственной собственности.

В анализируемых общественных отношениях наряду с указанными принимают участие и иные государственные органы, а также созданные в соответствии с нормами права государственные коммерческие и некоммерческие организации, осуществляющие правомочия собственника в отношении государственного как республиканского, так и коммунального имущества в пределах полномочий, предоставленных им нормами Конституции и иных нормативных правовых актов.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что субъектами права государственной собственности (собственниками имущества) являются Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы, а фактическое участие в гражданско-правовых отношениях, возникающих в процессе реализации правомочий собственника, в силу специфики правосубъектности Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц, принимают специально уполномоченные органы государственного управления республиканского и местного территориального уровней.

§ 3. Объекты права государственной собственности

Состав имущества, которое может принадлежать государству на праве собственности и, следовательно, рассматриваться с точки зрения как цивилистической догмы, так и цивилистической доктрины, в качестве объектов права государственной собственности определяется, в первую очередь, в соответствии с тем условием, что государство как субъект законодательной деятельности и носитель публичной власти посредством участия компетентных государственных органов в соответствующих правоотношениях принимает нормативные правовые акты, нормы которых регулируют общественные отношения собственности, в том числе и государственной. В этом аспекте для государства, как носителя политической власти, не существует препятствий для призна-

ния за собой права собственности на любое имущество, находящееся как на территории Беларуси, так и приобретенное в собственность Республикой Беларусь за ее пределами посредством принятия нормативного правового акта. Таким образом, в качестве объектов права государственной собственности следует рассматривать любое имущество, на которое могут распространять свое действие нормы права собственности, и которое, следовательно, может быть объектом абсолютных вещных правоотношений, т.е., по сути, все вещи входящие в гражданско-правовую классификацию вещей независимо от режима их обращения. К указанным относятся вещи движимые и недвижимые, потребляемые и непотребляемые, индивидуально определенные и определенные родовыми признакам, главные вещи и их принадлежности, комплектные вещи и комплекты вещей, простые вещи и их совокупности, в том числе деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, а также вещи, свободно обращающиеся, ограниченные в обороте и изъятые из гражданского оборота.

Приведенный вывод подтверждается содержанием норм, закрепленных в ст. 215 ГК, согласно которым имущество, подпадающее под действие режима государственной собственности, классифицируется на два вида: 1) имущество, составляющее республиканскую собственность, и 2) имущество, составляющее коммунальную собственность.

Имущество, входящее в состав республиканской собственности, включает в себя казну Республики Беларусь и имущество, закрепленное за республиканскими организациями со статусом юридического лица по основаниям, предусмотренным правовыми нормами. В свою очередь, казна Республики Беларусь, согласно нормам ч. 2 п. 2 ст. 215 ГК, состоит из средств республиканского бюджета, золотовалютных резервов, других объектов, находящихся только в собственности государства и иного государственного имущества, если указанные виды объектов не закреплены на одном из ограниченных вещных прав или по иным правовым основаниям за республиканскими организациями со статусом юридического лица.

В соответствии с нормами п. 3 ст. 215 ГК, коммунальная собственность состоит из казны административно-территориальной единицы и имущества, закрепленного за коммунальными организациями со статусом юридического лица в соответствии с правовыми нормами. Средства местного бюджета и иное коммунальное имущество, не закрепленное за коммунальными организациями, составляют казну соответствующей административно-территориальной единицы.

При этом определение понятия «государственное имущество» в целом, под которым следует понимать имущество, входящее в состав как республиканской, так и коммунальной собственности, закреплено в Указе

№ 575, в соответствии с нормами которого государственным признается имущество, закрепленное за республиканскими и коммунальными организациями со статусом юридического лица на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления, в том числе имущество государственных органов и иных государственных организаций, казна Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц, а также имущество, признаваемое государственным в соответствии с нормами права, закрепленными в законодательстве Республики Беларусь или в международных договорах Республики Беларусь.

Учитывая содержание приведенной нормы, а также положение указов Президента Республики Беларусь в иерархической системе законодательства Беларуси, можно с уверенностью утверждать, что государство может признать за собой право собственности на любое имущество, подпадающее под классификацию вещей, в том числе на имущество, которое может находиться в частной собственности физических лиц и организаций со статусом юридического лица.

Вторым условием, которое необходимо учитывать при определении состава объектов государственной собственности, являются направления деятельности государственных органов, участвующих в гражданском обороте именем Республики Беларусь, предопределенные функциями, возложенными на государство как систему организации политического управления определенной территорией. С этой точки зрения в отношении определенных видов объектов гражданских прав государственной властью устанавливается режим ограниченного обращения и режим, запрещающий гражданский оборот отдельных объектов, подпадающих в соответствии с гражданско-правовой классификацией объектов гражданских прав под категорию вещей.

Имущество, на которое распространяется режим ограниченного обращения, следует классифицировать на две группы. В первую группу следует включить те вещи, которые в соответствии с нормами права могут находиться на праве собственности как у частных лиц, так и у государства. При этом в собственность частных субъектов гражданского права такое имущество может поступить в случае выполнения приобретателем определенных условий приобретения имущества, ограниченного в обороте. Во вторую группу следует включить имущество, которое может находиться только в государственной собственности. Во второй группе следует выделить две подгруппы: а) имущество, которое может находиться как в республиканской, так и в коммунальной собственности (например, единые имущественные комплексы по производству промышленных товаров массового потребления); б) имущество, которое может находиться только в республиканской собственности (например, имущество белорусской железной дороги).

Имущество, которое в соответствии с правовыми нормами изъято из гражданского оборота, может находиться только в государственной собственности (например, имущество воинских частей).

Таким образом, в отношении государства правовыми нормами не установлены какие-либо количественные или качественные ограничения в области приобретения в собственность какого-либо имущества, на основании чего Республику Беларусь можно признать универсальным собственником, обладающим установленной правовыми нормами способностью иметь на праве собственности любое имущество, в том числе такое, на которое право собственности иных субъектов гражданского права не допускается, в том числе на имущество, изъятое из гражданского оборота.

Необходимость закрепления за государством свойств универсального собственника обусловлена специфическими свойствами государства как системы организации политического управления соответствующей территорией, возложенными на эту систему внешними и внутренними функциями, целью реализации которых является создание наиболее благоприятных условий проживания граждан и иных находящихся на государственной территории лиц как с точки зрения экономического развития и достойного материального, в том числе и социального обеспечения, так и с точки зрения политической, экологической, техногенной и т.п. безопасности.

Перечень имущества, которое может находиться только в собственности государства и, следовательно, является ограниченным в обороте либо изъятым из оборота, закреплен в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. Правомочия собственника в отношении имущества, входящего в перечень, закрепленный в названном Законе, могут, по общему правилу, передаваться от собственника, т.е. Республики Беларусь (административно-территориальных единиц Республики Беларусь), только государственным организациям со статусом юридического лица. Вместе с тем, нормы названного Закона закрепляют ряд исключений, согласно которым правомочия собственника в отношении имущества, находящегося только в собственности государства, могут быть переданы субъектам частной формы собственности. Так, например, в соответствии с нормами пп. 3–6 ст. 8 анализируемого Закона объекты, находящиеся только в собственности государства, могут быть переданы в собственность, в аренду, в безвозмездное пользование субъектам права частной собственности, могут быть созданы названными субъектами, если это допускается нормами законов Республики Беларусь, а также актов Президента Республики Беларусь.

Формулировка приведенных норм ст. 8 Закона, согласно которым передача государственного имущества в собственность частных лиц

допускается на основании норм, закрепленных в «актах» Главы государства, по нашему мнению, предполагает возможность такой передачи не только на основании норм законодательных актов, а именно указов и декретов Президента Республики Беларусь, но и на основании распоряжений Президента Республики Беларусь, которые, по общему правилу, являются правовыми актами ненормативного характера[171].

Вместе с тем, Республика Беларусь является собственником отдельных объектов, которые не могут быть переданы в частную собственность даже на основании решения Президента Республики Беларусь. К такому имуществу относятся недра, воды и леса. Так, в соответствии с императивными нормами ст. 13 Конституции, недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства, что исключает возможность передачи названых объектов в частную собственность иначе, как посредством изменения приведенной конституционной нормы. Предложенный вывод подтверждается нормами ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г., в соответствии с которыми действие указанного Закона не распространяется на объекты, составляющие в соответствии с нормами Конституции Республики Беларусь исключительную собственность государства, т.е. на недра, воды и леса.

На основании изложенного можно констатировать, что нормами ст. 13 Конституции введен дополнительный режим оборотоспособности объектов гражданских прав, а именно режим исключительной государственной собственности, который следует рассматривать как отдельный вид режима ограниченного оборота объектов гражданских прав, отличающийся от последнего тем, что полностью исключает возможность отчуждения названных объектов в пользу субъектов права частной собственности, за исключением случаев внесения изменений в нормы ст. 13 Конституции Республики Беларусь.

Вместе с тем, нормы ст. 13 Конституции не исключают гражданский оборот указанных объектов недвижимости и, в частности, их передачу во временное владение и пользование частным субъектам гражданского. Например, передача геологического или горного отвода для разработки месторождения полезных ископаемых в соответствии с нормами Кодекса Республики Беларусь о недрах.

Таким образом, государство, являясь универсальным собственником, способно иметь на праве собственности любое имущество, относящееся по гражданско-правовой классификации объектов к вещам, на которые распространяют свое действие следующие режимы оборота объектов гражданских прав: режим свободного обращения, режим ограниченного об-

[171] *Подробнее об этом см.*: Василевич Г.А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». – Минск: Интерпрессервис, 2003. – С. 18.

ращения, включая режим исключительной государственной собственности, и режим, запрещающий гражданский оборот объектов.

§ 4. Содержание права государственной собственности

Содержание права государственной собственности, также как и содержание права частной собственности, составляют три правомочия собственника: владение, пользование и распоряжение, подробный анализ структуры которых применительно к праву собственности вообще проведен в §§ 3–4 главы 3 настоящего издания. Однако необходимо отметить, что содержательное наполнение названных правомочий собственника в зависимости от субъекта права собственности может быть различным и, на что указывалось выше, зависит от определенных обстоятельств, в том числе политического свойства, в частности, от установленного в государстве политического режима и выбранного государством пути экономического развития.

В настоящее время в Республике Беларусь в соответствии с универсальными свойствами государства как собственника в отношении государственного имущества нормами права установлена и адекватная структура правомочий собственника, предоставляющая собственнику наиболее максимальные, а по сути, неограниченные возможности владения, пользования и распоряжения государственным имуществом. Вместе с тем, указание на неограниченные возможности государства как универсального собственника является, применительно к конкретному периоду времени, в определенной степени условным, так как государство, согласно верному утверждению Ю.К. Толстого, «действует (во всяком случае должно действовать) в пределах, установленных им самим и подчиняет свою деятельность им же установленному праву»[172]. Таким образом, в каждый конкретный период времени правомочия государства в процессе осуществления правомочий собственника ограничены соответствующими правовыми нормами. Однако в силу того, что государство является субъектом, устанавливающим правила поведения, в том числе и для себя, оно в любое время может изменить установленные правила, наполнив их нужным содержанием, в чем и проявляются неограниченные возможности государства как универсального собственника.

В силу специфики реализации правомочий собственника в отношении государственного имущества, состоящей в том, что с формальной точки зрения именем государства государственным имуществом владеют, поль-

[172] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 474.

зуются и распоряжаются уполномоченные государственные организации, а фактически – должностные лица, выполняющие функции органов управления государственных организаций, процедура реализации на практике правомочий собственника в отношении государственного имущества максимально формализована, чем практически нивелировано субъективное усмотрение государственных служащих в процессе представления интересов государства по владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом. Формализация процесса реализации правомочий собственника в отношении государственного имущества, состоящего в управлении государственной собственностью, в свою очередь, обусловлена стремлением государства в максимально возможной степени предотвратить любые злоупотребления со стороны лиц, представляющих государственные интересы в процессе реализации правомочий владения, пользования и распоряжения государственным имуществом, в чем нет необходимости в отношении содержания права частной собственности, которое реализуется, по общему правилу, непосредственно собственником имущества, а именно, лицом, заинтересованным в его сохранении и наиболее рациональном использовании.

Так, в отличие от имущества, находящегося в частной собственности, государственным имуществом управляют лица, юридически не являющиеся собственниками имущества, но фактически имеющие доступ к распоряжению им. Непосредственный доступ человека несобственника к имуществу, собственник которого представляется как реально не существующая фикция, не способная немедленно и адекватно реагировать на ущемление его имущественных прав, может служить побуждающим мотивом к совершению уголовных преступлений, а именно хищений в отношении государственной собственности лицами, непосредственно уполномоченными распоряжаться ею, что подтверждается имеющейся судебной практикой по уголовным делам и обусловлено естественным стремлением человека к накоплению материальных благ и повышению материального уровня своей жизни.

Ярким примером недобросовестного отношения граждан к государственному имуществу может служить опыт СССР, когда рабочие и служащие считали чуть ли не своим долгом «перераспределять» имущество организаций, в которых работали, в свою собственность, оправдывая, с моральной точки зрения, свое противоправное поведение низким уровнем заработной платы и, следовательно, возникающим у работников моральным правом на получение «доплаты в натуральном выражении». Такое отношение граждан к государственному имуществу было обусловлено, в том числе, и отсутствием реального собственника, фактического субъекта, заинтересованного в сохранении и рациональном использовании своей собственности.

Непосредственно в полной формализации процесса управления государственным имуществом путем принятия нормативных правовых актов, содержащих императивные предписания, определяющие процедуру владения, пользования и распоряжения государственным имуществом и устанавливающие процедуру государственного контроля за указанным процессом, и состоят особенности содержания права государственной собственности, кардинально отличающие его от содержания права частной собственности, которое реализуется, по общему правилу, непосредственно собственниками имущества на основе принципов гражданского права в условиях практически полного и, за некоторым исключением, неограниченного субъективного усмотрения субъекта права частной собственности.

Так, в целях наиболее эффективного управления государственной собственностью и осуществления полного контроля за указанным процессом в Республике Беларусь принят ряд нормативных правовых актов, нормы которых определяют процедуру владения, пользования и, что особенно важно для предотвращения злоупотреблений в анализируемой сфере, распоряжения государственным имуществом. К указанным нормативным правовым актам, наряду с названными выше, относятся Постановление Совета Министров от 20 декабря 2006 г. № 1687 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2006 г. № 575», Указ Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков», Указ Президента Республики Беларусь от 18 ноября 2008 г. № 626 «О совершенствовании порядка распоряжения высвобождаемыми материальными ресурсами вооруженных сил, других войск, воинских формирований и военизированных организаций Республики Беларусь», Указ Президента Республики Беларусь от 5 мая 2009 г. № 232 «О некоторых вопросах проведения аукционов (конкурсов)», Указ Президента Республики Беларусь от 23 октября 2009 г. № 518 «О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом», Постановление Совета Министров от 26 марта 2008 г. № 462 «О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667, Постановление Совета Министров от 9 июня 2010 г. № 883 «О принятии в республиканскую собственность имущества» и ряд других нормативных правовых актов.

Как следует из названия приведенных нормативных правовых актов, в наибольшей степени подвержен формализации непосредственно процесс отчуждения государственного имущества, т.е процедура реализации отдельной составляющей такого правомочия собственника как распоряжение. При этом под отчуждением имущества, согласно нормам Указа № 575, понимается передача из республиканской собственности в

коммунальную и (или) частную собственность на возмездной или безвозмездной основе, в том числе внесение в уставный фонд негосударственной организации со статусом юридического лица, имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь и закрепленного на праве оперативного управления, хозяйственного ведения за республиканскими организациями со статусом юридического лица, подчиненными республиканским органам государственного управления и иным государственным организациям, другими государственными организациями, а также переданного в безвозмездное пользование негосударственным организациям, республиканским государственно-общественным объединениям.

Наряду с отчуждением, в структуру такого правомочия, как распоряжение, входят и иные составляющие, не влекущие прекращения права государственной собственности на имущество в процессе распоряжениям им. К указанным составляющим правомочия «распоряжение» нормами Указа № 575 отнесены передача государственного имущества в залог, на условиях аренды (передачи во временное владение и пользование на условиях платности и возвратности), в безвозмездное пользование и в доверительное управление, а также иная передача имущества без изменения формы собственности, под которой понимается безвозмездная передача имущества государственным организациям со статусом юридического лица и, в частности, республиканским и коммунальным унитарным предприятиям и учреждениям республиканского и местного подчинения[173].

В данном случае следует вести речь об опосредованной реализации государством принадлежащих ему правомочий собственника через передачу правомочий владения, пользования и распоряжения соответствующим имуществом путем его закрепления на одном из ограниченных вещных прав за созданными государством организациями со статусом юридического лица в правовой форме унитарных, в том числе и казенных предприятий и учреждений. При указанном способе управления государственным имуществом используются такие ограниченные вещные права, как право хозяйственного ведения и право оперативного управления анализ содержания которых будет ниже.

Наибольшими полномочиями в области осуществления правомочий собственника в отношении имущества, находящегося в государственной собственности, обладает Президент Республики Беларусь, что обусловлено применяемой в Беларуси системой законодательства, на иерархической

[173] *Подробнее о процедуре заключения договоров аренды, безвозмездного пользования и доверительного управления см.*: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2008. – Т. 1.; Минск – Молодежное, 2010. – Т. 2.

вершине которой после Конституции и программных законов стоят акты Главы государства, а именно директивы, указы и декреты Президента Республики Беларусь. Таким образом, Глава государства, обладая полномочиями на принятие нормативного правового акта, наделенного на территории Республики Беларусь по сути наибольшей юридической силой, может принять любое не противоречащее Конституции решение в отношении любого имущества, находящегося в государственной собственности, а также и в отношении имущества, которое может находиться в частной собственности граждан и организаций, например, в части изменения правового режима такого имущества. Так, посредством принятия такого законодательного акта как указ или декрет Президента Республики Беларусь, Глава государства своим решением может изменить режим государственного имущества, передав, например, имущество, классифицируемое как республиканская собственность, в собственность административно-территориальной единицы и, наоборот, коммунальную собственность Глава государства может изъять в собственность Республики Беларусь. Наряду с этим имущество, которое может находиться только в собственности государства, решением Президента Беларуси может быть передано на одном из вещных прав субъектам права частной собственности, что предусмотрено нормами Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г.

Учитывая тот факт, что, в соответствии с нормами ст. 79 Конституции, Президент Республики Беларусь является гарантом Конституции и обеспечивает политическую и экономическую стабильность факт предоставления Главе государства достаточно широких полномочий в области реализации правомочий собственника в отношении государственного имущества, представляется возможным признать оправданным, способствующим созданию правовых условий наиболее эффективного, рационального использования государственного имущества в интересах белорусского народа.

Единственным ограничением полномочий Президента Республики Беларусь в области управления государственной собственностью является установленный нормами ст. 13 Конституции режим исключительной государственной собственности в отношении такого недвижимого имущества, как недра, воды и леса, которые не могут быть переданы в частную собственность даже на основании решения Президента Беларуси.

Полномочия иных государственных органов управления республиканского и местного уровней в отношении управления государственным имуществом ограничены нормами указанных выше и некоторых других нормативных правовых актов, в том числе определяющих компетенцию конкретного органа в области владения, пользования и распоряжения тем или иным государственным имуществом, что позволяет минимизировать возможность злоупотреблений со стороны государственных слу-

жащих, непосредственно реализующих государственную имущественную политику, создать правовые гарантии надлежащего осуществления правомочий собственника в каждом конкретном случае распоряжения государственной собственностью.

Таким образом, в заключение можно отметить, что совокупность имущества, которое может находится в государственной собственности, а также правовые средства, в составе которых наибольший удельный вес занимают императивные нормы, исключающие субъективное усмотрение лиц, реализующих государственную имущественную политику, выбранные государством для воздействия на участников общественных отношений, возникающих в процессе осуществления права государственной собственности, обусловлены назначением государства как системы политического управления обществом, а также возложенными на указанную систему функциями. При этом императивное правовое регулирование процессов управления государственной собственностью, безусловно, способствует ее использованию в интересах всего белорусского народа наиболее эффективным образом.

ГЛАВА 7. ПРАВО ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ

§ 1. Сущностно-содержательная характеристика права общей собственности. Основания ее возникновения

Вещи являются неизменными спутниками человека на протяжении всей его жизни и имеют для него неоспоримо важное значение. В связи с тем, что современный человек не представляет свое существование без вещей, имеющих самое разнообразное предназначение, государство, как система политического управления обществом, в процессе выполнения своей регулятивной функции создало посредством норм вещного права надлежащие правовые условия закрепления имущества, в первую очередь, на праве собственности за конкретным индивидуумом и свободного, в допустимых правовыми нормами пределах, использования каждым членом общества принадлежащего ему имущества по собственному усмотрению.

В большинстве случаев право собственности на определенную вещь принадлежит одному конкретному субъекту (является односубъектным), имеет своей целью создание надлежащих правовых условий беспрепятственного осуществления непосредственно этим субъектом правомочий собственника в отношении принадлежащей ему вещи и, в связи с этим, может быть классифицировано как индивидуальное право.

Вместе с тем, общественные отношения, возникающие между членами социума в процессе производства, обмена и потребления материальных благ, являясь, по своей сути, отношениями экономическими, не всегда могут динамично развиваться на основе односубъектного права собственности, т.е. в условиях, когда право собственности на одну вещь принадлежит одному субъекту гражданского права, которому, как следствие, принадлежит право собственности на всю совокупность вещей, находящихся в его персональном хозяйственном господстве. В отдельных случаях применение односубъектного права собственности может не соответствовать фактически складывающимся общественным отношениям, противоречить воле участвующих в них лиц, например, принявших решение о совместном строительстве и дальнейшей хозяйственной эксплуатации объекта недвижимости.

Постоянно существующий и развивающийся в обществе процесс производства, обмена и потребления материальных благ в отдельных случаях требует закрепления одной вещи или их совокупности, представляющей собой единое целое (сложную вещь), на праве собственности за несколькими субъектами гражданского права, что может быть обусловлено свойствами непосредственно самой вещи, потребностями

хозяйственной эксплуатации имущества, направленной на достижение наиболее эффективного экономического результата, необходимостью справедливого (равномерного) распределения всего приобретенного имущества между несколькими субъектами в упрощенном порядке (по общему правилу) независимо от вклада каждого из них в накопление общего имущества, желанием нескольких субъектов совместно владеть, пользоваться и распоряжаться одной вещью или их совокупностью, исходя из экономической целесообразности, или по иным причинам морального (психического) свойства.

На удовлетворение потребностей субъектов гражданского права в совместном осуществлении правомочий собственника в отношении одной простой или сложной вещи направлены нормы гражданско-правового института «Право общей собственности», входящего в состав подотрасли гражданского права «Право собственности и другие вещные права». Анализируемый институт состоит из совокупности правовых норм, закрепленных в главе 16 раздела 2 ГК, включающей в себя 14 статей – стст. 246–259 ГК, а также норм, закрепленных в КоБС (стст. 23–26), и иных законодательных актах. Кроме того, на общественные отношения, возникающие в процесс совместного создания, приобретения, эксплуатации и отчуждения одной вещи несколькими субъектами гражданского права, распространяют свое действие общие нормы подотрасли гражданского права «Право собственности и другие вещные права» закрепленные в главе 13 ГК.

Общественные отношения, возникающие в процессе осуществления несколькими субъектами хозяйственной эксплуатации одной вещи или их совокупности, называются отношениями общей собственности, которая, согласно нормам п. 2 ст. 246 ГК, классифицируется на общую долевую собственность и общую совместную собственность. Согласно видам общей собственности, гражданско-правовой институт «Право общей собственности» подразделяется на два субинститута: «Право общей долевой собственности» и «Право общей совместной собственности», нормы которых направлены на урегулирование соответствующих групп общественных отношений, отличающихся особенностями осуществления правомочий собственника участниками общей долевой и общей совместной собственности.

Право общей собственности подлежит рассмотрению в объективном и субъективном смысле, что в целом присуще праву собственности как основному вещному праву. Представленный подход к рассмотрению права общей собственности, т.е. в объективном и субъективном смысле, не является новым и достаточно давно используется в процессе проведения цивилистических исследований. Так, Р.П. Мананкова отмечает, что «по сложившейся традиции право собственности и в том числе право общей

<…> собственности изучается в аспекте субъективного права собственника, и как объективное право – совокупность правовых норм, закрепляющих экономические отношения собственности»[174]. Коваленко Н.И. рассматривает право общей собственности в субъективном смысле как «право двух или более лиц сообща и по своему усмотрению владеть, пользоваться, распоряжаться принадлежащим им имуществом, составляющим единое целое»[175].

В связи с изложенным нельзя согласиться с утверждением Д.А. Колбасина, согласно которому «<…> право общей собственности существует лишь в объективном смысле <…>. Отсутствие субъективного права общей собственности как единого права всех собственников, отмечает Д.А. Колбасин, объясняется тем, что в общей собственности объектом субъективного права может быть только доля вещи, а не сама вещь»[176]. Причем утверждение Д.А. Колбасина о том, что «в общей собственности объектом субъективного права может быть только доля вещи, а не сама вещь», также подлежит сомнению и опровергается, например, Р.П. Мананковой, согласно утверждению которой «объектом правоотношений общей <…> собственности является имущество. <…>. В конкретном правоотношении общей <…> собственности имеется только один объект, причем все собственники имеют однородные права собственности на весь объект в целом без разделения его на какие-либо части»[177]. Аналогичную точку зрения высказывает и Ю.К. Толстой, согласно утверждению которого право каждого сособственника распространяется на всю вещь[178], но не на долю в вещи или ее часть.

В объективном смысле право общей собственности представляет собой совокупность правовых норм, посредством которых государство регулирует общественные отношения, возникающие, с одной стороны, между двумя или группой субъектов гражданского права в процессе совместного использования принадлежащего им имущества, и, с другой, между указанной совокупностью лиц, именуемой сособственниками и всеми третьими лицами, в процессе осуществления сособственниками принадлежащих им правомочий в отношении их собственной вещи.

Следовательно, право общей собственности в объективном смысле, т.е. как совокупность правовых норм, направлено на урегулирование

---

[174] Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. – С. 8.

[175] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 578.

[176] Колбасин Д.А. – Указ. соч. – С. 200.

[177] Мананкова Р.П. – Указ. соч. – С. 46–53.

[178] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1998. – С. 473.

двух групп общественных отношений, возникающих в процессе осуществления правомочий собственника общим имуществом – внутренних и внешних.

Согласно верному утверждению Ю.К. Толстого, «общая собственность характеризуется переплетением отношений собственников ко всем третьим лицам, с одной стороны, и отношений между самими собственниками, с другой»[179]. При этом Р.П. Мананкова обращает внимание на то, что подразделение правоотношений на внутренние и внешние носит условный характер и используется цивилистикой исключительно в аналитических целях[180], причем не только при рассмотрении права собственности, но и при анализе отдельных институтов обязательственного права (например, поручение, комиссия)[181].

Внутренние отношения возникают непосредственно между участниками общей собственности и являются согласно гражданско-правовой классификации правоотношений относительными, на что, в частности, указывает М.В. Зимелева, рассматривающая внутренние правоотношения как обязательственные, опосредующие процедуру взаимных расчетов участников общей собственности, осуществление которых обусловлено «особым лежащим на них обязательством»[182]. В отличие от М.В. Зимелевой белорусский правовед С.П. Соколов, признавая внутренние отношения, возникающие между сособственниками относительными, считает невозможным классифицировать их как обязательственные, мотивируя это тем, что «никаких конкретных обязанностей у одного участника по отношению к другому не возникает»[183].

Согласно утверждению Ю.К. Толстого, «необходимость урегулирования внутренних отношений между <…> сособственниками, поскольку эти отношения возникают на одно и то же имущество, и вызвала в первую очередь появление института общей собственности, т.е. правовых норм, расчитанных на согласование воли сособственников при осуществлении принадлежащих им правомочий по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом»[184]. Согласно утверждению В.П. Камышанского, «характер внутренних отношений между сособственника-

---

[179] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ПБОЮЛ; Л.В. Рожников, 2001. – Т. 1. – С. 437.

[180] Мананкова Р.П. – Указ. соч. – С. 12.

[181] *Подробнее об этом см.*: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2010. – Т. 2. – С. 245–258; С. 279–300.

[182] Зимелева М.В. Общая собственность в советском гражданском праве. – «Учен. зап. ВИЮН», 1941. – Вып. 2. – С. 49.

[183] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1. – С. 786.

[184] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. ОН. Садикова. – М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1998. – С. 471–472.

ми различается, в основном, в зависимости от вида общей собственности и содержания существующих соглашений между ними»[185], что также указывает на относительный характер возникающих между сособственниками внутренних отношений.

Учитывая приведенные точки зрения, можно сделать вывод о том, что внутренние отношения, возникающие между сособственниками в процессе реализации ими правомочий владения, пользования и распоряжения общим имуществом, могут быть классифицированы как относительные. При этом нет каких-либо юридических оснований рассматривать анализируемые правоотношения как обязательственные.

Внешние правоотношения возникают между участниками общей собственности, с одной стороны, и неопределенным кругом лиц, с другой. Особенностью внешних отношений, согласно утверждению М.Г. Масевича, является множественность собственников, «<…> выступающих совместно на одной стороне правоотношений, что предполагает предварительное согласование между ними целей их действий, т.е. предварительное определение внутренних отношений»[186].

Внешние отношения, согласно гражданско-правовой классификации правоотношений, являются абсолютными, классифицируются как вещные и, соответственно, должны отвечать всем признакам, присущим вещным правоотношениям.

В субъективном смысле право общей собственности представляет собой совокупность правомочий собственника, принадлежащих участникам общей собственности и позволяющих им осуществлять в отношении своего имущества любые не противоречащие нормам права действия экономического и юридического характера, а также требовать от других (обязанных) лиц воздерживаться от совершения действий, препятствующих осуществлению управомоченными лицами принадлежащих им правомочий.

Право общей собственности подлежит применению в тех случаях, когда несколько субъектов гражданского права претендуют на то, чтобы приобрести право собственности на вещь, которая является неделимой в физическом смысле (неделимая вещь), либо может быть разделена в физическом смысле (совокупность нескольких вещей, образующих сложную вещь), но не подлежит разделу по причине потери своей ценности (экономической, художественной и т.п.), т.е. потери своего целевого назначения, либо в силу запрета, установленного правовыми нормами.

Например, совокупность вещей, представляющая собой в соответст-

---

[185] Гражданское право: Учебник: в 2-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – Ч. 1. – С. 520.

[186] Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 464–465.

вии с нормами ст. 12 Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 г. «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» комплексную материальную историко-культурную ценность.

В качестве примера сложной вещи для целей права общей собственности можно привести любые коллекции, имеющие художественную, историческую и иную ценность (картин, марок, денежных знаков, холодного или огнестрельного оружия, часов, бабочек и др.); стадо домашних животных (коров, овец); упряжку ездовых собак; полное собрание сочинений известного писателя, поэта; единый имущественный комплекс и другие группы вещей, совокупность которых непосредственно представляет собой историко-культурную или экономическую ценность либо имеет единое предназначение.

К неделимым в физическом смысле относятся вещи, радел которых в натуре без причинения ущерба вещи невозможен. К указанным относится огромное количество предметов материального мира, в том числе механические транспортные средства, электробытовые приборы, предметы мебели, животные (кроме их совокупности, собранной в стадо), многоквартирный жилой дом, места общего пользования в многоквартирном жилом доме, непосредственно жилой дом коттеджного типа, системы коммуникаций, предназначенные для обслуживания жилого дома, велосипед, спортивный тренажер, надувная лодка и многие другие вещи, окружающие человека в его повседневной жизни.

Правоотношения общей собственности, являясь вещными, возникают, как и другие вещные правоотношения, в результате наступления определенных жизненных обстоятельств, именуемых юридическими фактами. Правоотношение общей собственности может возникать как в результате совершения юридических фактов-действий, так и в результате наступления юридических фактов-событий. При этом к правоотношениям общей собственности применимы все основания возникновения непосредственно правоотношений собственности, как первоначальные, так и производные.

Вместе с тем, момент возникновения правоотношений общей собственности, независимо от общности оснований возникновения, отличается от момента возникновения правоотношений собственности. Так, в качестве одного из оснований возникновения правоотношений общей собственности, по мнению Р.П. Мананковой, рассматривается совместное создание вещи[187]. Витушко В.А. рассматривает право общей собственности как право нескольких лиц владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом[188], из чего следует, что правоотношения об-

[187] Мананкова Р.П. – Указ. соч. – С. 138.
[188] Витушко В.А. – Указ. соч − С. 376.

щей собственности в целом, независимо от оснований, возникают с момента поступления одной вещи в фактическое владение нескольких субъектов, на что также указывает М.Г. Масевич, согласно утверждению которого общая собственность «образуется вследствие создания или приобретения имущества несколькими лицами при браке, наследовании имущества, при совместном строительстве объекта, договоре простого товарищества и т.п.»[189].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что правоотношение общей собственности возникает в том случае, когда имущество, на что указывает также К.И. Скловский, принадлежит как единое целое двум и более лицам независимо от того, классифицируется общее имущество как делимая вещь либо же как неделимая[190], что нашло свое закрепление в ГК. Так, согласно нормам п. 4 ст. 246 ГК, общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу указания правовых норм. При этом общая собственность на имущество, классифицируемое согласно гражданско-правовой классификации вещей как делимое, может возникнуть в случаях, предусмотренных правовыми нормами или договором.

Изложенное позволяет в качестве оснований возникновения правоотношений общей собственности рассматривать следующие действия, совершенные совместно несколькими лицами: изготовление или приобретение одной вещи, не подлежащей разделу либо неделимой, совместное строительство дома с целью приобретения права собственности на него, участие в наследственном правоотношении по поводу неделимого либо не подлежащего разделу имущества, участие в договоре простого товарищества, совместное участие в приватизации квартиры, получение несколькими лицами не подлежащего разделу либо неделимого имущества в дар, приобретение права общей собственности на неделимую находку, клад, безнадзорное животное, обнаруженные совместно несколькими лицами, приобретение имущества лицами, состоящими в брачных отношениях, и другие аналогичные основания. На основании заключенного между субъектами гражданского права договора в общую собственность может поступить и совокупность вещей, раздел которых возможен как физически, так и в силу отсутствия законодательно установленного запрета.

Кроме того правоотношения общей собственности могут возникнуть

---

[189] Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 463.

[190] Скловский К.И. – Указ. соч. – С. 219.

в силу наступления событий, рассматриваемых нормами гражданского права в качестве оснований возникновения правоотношений общей собственности. В частности, общая собственность может возникнуть на вещи, определяемые родовыми признаками, по причине их смешения вследствие воздействия стихийных сил природы. В качестве классического примера такого воздействия в юридической литературе приводится факт смешения леса одной лесосплавной организации с лесом другой в результате наводнения. Аналогичные последствия могут возникнуть в результате наступления смерча, урагана, под воздействием которых имущество одного собственника, например, снопы льна, находящиеся в поле, смешалось с аналогичным имуществом другого собственника, находящемся на соседнем поле.

Нормами гражданского права конкретный перечень оснований возникновения права общей долевой собственности не установлен, что обусловлено многогранностью экономических отношений, являющихся предпосылкой возникновения имущества и, следовательно, права собственности на него, постоянным их развитием и, как следствие, невозможностью изначально предвидеть все возможные жизненные обстоятельства, наступление которых в экономической сфере может стать основанием возникновения права общей долевой собственности на вещь.

В отличие от права общей долевой собственности основания возникновения права общей совместной собственности исчерпывающе определены нормами ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. К таким основаниям относится факт совместного приобретения (создания) имущества в собственность лицами, состоящими в браке, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Первым конституирующим признаком отношений общей собственности является ее многосубъектный характер, т.е. принадлежность одной вещи на одном праве собственности двум и более лицам (участникам отношений общей собственности), именуемым сособственниками. Применительно к понятию «правоотношение» следует вести речь о множественности лиц на управомоченной стороне правоотношения общей собственности.

Количественные ограничения участников применительно к отношениям общей долевой собственности правовыми нормами не установлены. В отличие от отношений общей долевой собственности, отношения общей совместной собственности могут возникать только между двумя субъектами гражданского права, являющимися физическими лицами, состоящими в браке, т.е. между супругами.

В качестве сособственников в отношениях общей долевой собственности могут участвовать любые субъекты гражданского права в любом

их сочетании, в том числе и иностранные. Причем физические лица могут участвовать в отношениях общей долевой собственности вне зависимости от объема их дееспособности, включая полное ее отсутствие, что предполагает возникновение отношений представительства в процессе реализации неправосубъектным лицом принадлежащих ему правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, находящимся в общей долевой собственности.

Ограничения на приобретение права собственности на отдельные виды имущества для иностранных граждан, организаций и государств могут быть установлены правовыми нормами. Так, например, согласно нормам ст. 12 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г., иностранные граждане и лица без гражданства могут приобрести в собственность земельный участок на территории Республики Беларусь только в порядке участия в наследственном правопреемстве при условии, что они являются родственниками наследодателя.

Применительно к правоотношениям общей долевой собственности следует вести речь об общем субъекте, а применительно к правоотношениям общей совместной собственности – о специальном.

В качестве объектов права общей собственности могут выступать любые вещи, не изъятые из гражданского оборота:

– применительно к праву общей долевой собственности – определенные индивидуальными либо родовыми признаками, непотребляемые, неделимые либо не подлежащие разделу в силу правовых норм или договора;

– применительно к праву общей совместной собственности – приобретенные супругами в период существования брачных отношений, за исключением вещей индивидуального пользования, не являющихся драгоценностями и другими предметами роскоши. Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.п.) признаются индивидуальной собственностью супруга, который ими пользовался – ст. 26 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье).

Таким образом, можно констатировать, что объектом права общей собственности является имущество, включая деньги и ценные бумаги на предъявителя. Такой подход к определению объекта права общей собственности имманентен вещному праву в целом, закреплен в ст. 246 ГК и находит свое подтверждение в юридической литературе. Так, А.С. Шевченко рассматривает в качестве объекта права общей собственности индивидуально-определенные вещи, вещи, определяемые родовыми признаками, совокупности вещей и имущественные комплексы. На имущество в качестве объекта права общей собственности указывает Р.П. Мананкова, Ю.К. Толстой, В.А. Витушко, В.П. Камышанский и другие ав-

торы[191]. При этом Р.П. Мананкова отмечает существенную особенность права общей собственности, к которой относит «сочетание множественности субъектов с единством и нераздельностью объекта»[192], которые (единство и нераздельность) принимаются юридически для целей права общей собственности даже в том случае, когда в общей собственности находится вещь, делимая как в юридическом, так и в физическом смысле.

На основании изложенного вторым конституирующим признаком отношений общей собственности следует признать единство и нераздельность объекта, принадлежащего на праве собственности нескольким субъектам.

Третьим признаком правоотношений общей собственности, отличающим их от иных отношений собственности, следует признать принадлежность всем сособственникам единого права собственности на весь объект (их совокупность), характеризующегося принадлежностью каждому из сособственников идентичных с другими участниками общей собственности правомочий применительно к объекту правоотношений общей собственности в целом.

Как указывалось выше, нормами ГК в гражданский оборот введено два вида отношений общей собственности: общая долевая собственность и общая совместная собственность, отличающихся друг от друга, в первую очередь, субъектным составом, во вторую – содержанием внутренних отношений между сособственниками, и в третью – процедурой взаимодействия с третьими лицами в процессе реализации правомочия распоряжения объектами, находящимися в общей собственности. При этом нормами п. 3 ст. 246 ГК закреплена презумпция общей долевой собственности и допускается образование общей совместной собственности только в случаях, закрепленных в законодательных актах.

§ 2. Право общей долевой собственности

Право общей долевой собственности как совокупность правовых норм (в объективном смысле) представляет собой субинститут гражданского права, входящий в состав института «право общей собственности» подотрасли гражданского права «право собственности и другие вещные права».

Предназначение непосредственно анализируемого субинститута, как и всей системы гражданского права, состоит в создании приемлемых для государства и граждан правовых условий участия в экономических от-

[191] См., вышеуказанные литературные источники.
[192] Мананкова Р.П. – Указ. соч. – С. 53.

ношениях и, в частности, в общественных отношениях, возникающих в процессе осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения различными вещами совместно группой лиц, именуемых сособственниками или, иначе, участниками правоотношений общей долевой собственности.

Отношения общей долевой собственности возникают с момента приобретения двумя или более лицами права собственности на одну вещь, являющуюся неделимой физически или в соответствии с требованиями правовых норм либо на их совокупность, представляющую собой единое целое с художественной, экономической и т.п. точки зрения. Кроме того, основанием возникновения правоотношений общей долевой собственности, как следует из содержания норм, закрепленных в ч. 2 п. 4 ст. 246 ГК является договор, согласно которому стороны устанавливают для себя отношения общей долевой собственности на делимые вещи. К таким договорам, в частности, относится договор о совместной деятельности (простое товарищество)[193].

Отношения общей долевой собственности, на что указывалось выше, структурно состоят из двух групп общественных отношений: внутренних и внешних, отличающихся друг от друга количеством участников, содержанием, юридической формой и степенью персонификации субъектов, что является основанием для отнесения внутренних и внешних отношений к различным классификационным группам гражданских правоотношений. Внутренние классифицируются как относительные, а внешние – как абсолютные.

Внешние правоотношения, возникающие между сособственниками с одной стороны и всеми третьими лицами – с другой, являются классическими вещными и абсолютными правоотношениями с пассивной ролью неперсонифицированной управомоченной стороны, в качестве которой, соответственно, выступает неопределенный круг лиц. Внешние правоотношения общей долевой собственности какими-либо особенностями по отношению к правоотношениям собственности не обладают. В этой связи какой-то специфики правового регулирования таких отношений по сравнению с отношениями собственности нормами как субинститута «право общей долевой собственности» так в целом и института «право общей собственности» не установлено.

Отсутствие необходимости в каком-то особом, отличном непосредственно от права собственности, правовом регулировании внешних отношений общей долевой собственности обусловлено тем, что ни у сособственников по отношению к третьим лицам, ни у третьих лиц по от-

[193] *Подробнее об этом см.*: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2010. – Т. 2. – С. 370–400.

ношению к сособственникам в процессе участия в правоотношениях общей долевой собственности никаких дополнительных прав и обязанностей не возникает. Анализируемые правоотношения протекают аналогично обычным правоотношениям собственности.

Вместе с тем, правоотношения общей долевой собственности характеризуются множественностью лиц, выступающих на управомоченной стороне внешнего правоотношения, что является основанием для создания системы правовых норм, направленных на урегулирование отношений участников общей долевой собственности друг с другом, именуемых, как указывалось выше, внутренними. Названные (внутренние) отношения возникают непосредственно между сособственниками в процессе осуществления ими правомочий владения и пользования общим имуществом, а также в процессе согласования воль всех участников общей долевой собственности с целью выработки единой воли всех сособственников, выступающих во внешних правоотношениях в качестве одной управомоченной стороны, чем и обусловлена необходимость закрепления в ГК соответствующих правовых норм.

Непосредственно на урегулирование внутренних отношений, возникающих между участниками общей долевой собственности и направлены нормы субинститута гражданского права «право общей долевой собственности».

Как следует из содержания норм ст. 246 ГК отношения общей долевой собственности характеризуются тем, что доля в праве общей собственности каждого из сособственников изначально определена либо соглашением сторон, либо правовыми нормами. В отличие от отношений общей долевой собственности в отношениях общей совместной собственности доли сособственников, по общему правилу, не определяются за исключением случаев раздела имущества супругов, в том числе посредством заключения брачного договора, либо обращения судом взыскания на имущество одного из них.

Применительно к общественным отношениям общей долевой собственности нормами главы 16 ГК установлено несколько презумпций.

Первая презумпция устанавливает необходимость применения, по общему правилу, норм об общей долевой собственности ко всем отношениям, возникающим в процессе приобретения одной вещи в собственность двумя или более лицами. Анализируемая презумпция закреплена в п. 3 ст. 246 ГК согласно нормам которой общая собственность на имущество является долевой, за исключением случаев, когда нормами законодательных актов допускается образование совместной собственности на это имущество.

Таким образом, отношения общей долевой собственности возникают по общему правилу, а отношения общей совместной – исключительно в

предусмотренных правовыми нормами случаях.

В настоящее время в Республике Беларусь возникновение общей совместной собственности на имущество допускается только в одном случае – между лицами, вступившими в брак на имущество, приобретенное в период состояния в браке, в том числе и на имущество частного унитарного предприятия. Во всех остальных случаях приобретения в общую собственность одной вещи несколькими лицами между ними возникают отношения общей долевой собственности.

Вторая презумпция закреплена в п. 1 ст. 247 ГК согласно нормам которой если размер долей участников долевой собственности не может быть определен на основании правовых норм и не установлен соглашением всех участников отношений долевой собственности, их доли считаются равными.

Таким образом, по общему правилу, в случае приобретения двумя или более лицами одной неделимой вещи или их совокупности, не подлежащей разделу в соответствии с правовыми нормами, между приобретателями возникают правоотношения общей долевой собственности в которых доли участников в праве общей собственности признаются равными если иное не установлено правовыми нормами или соглашением участников общей долевой собственности.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в процессе изучения права общей долевой собственности исследованию подлежит, во-первых, понятие доли, как конституирующего признака отношений общей долевой собственности, ее юридическая природа, предназначение и процедура определения и, во-вторых, установленная нормами главы 16 ГК процедура реализации сособственниками правомочий владения, пользования и распоряжения общим имуществом или права и обязанности участников общей долевой собственности относительно друг друга, реализуемые в процессе участия субъектов права общей долевой собственности во внутренних правоотношениях.

На сегодняшний день понятие сущности доли в цивилистической науке не нашло единообразного толкования и в понимании отдельных ученых не согласуется с подходом, легально закрепленным в ГК.

Так, согласно нормам п. 2 ст. 246 ГК каждому из сособственников принадлежит доля в праве общей долевой собственности на вещь. Причем, в советский период развития гражданского права понятие сущности доли в общей долевой собственности догматического закрепления ни в ГК 1922 г., ни в ГК 1964 г. не нашло, что, по нашему мнению, послужило причиной развития научной дискуссии по данному вопросу[194] в ходе

[194] Обзор существующих в советский период точек зрения см.: Мананкова Р.П. – Указ. соч. – С. 18–34.

которой большинство ученых склонились к пониманию сущности доли каждого из сособственников в общем имуществе, как доли в праве общей долевой собственности.

По всей вероятности непосредственно сформированная большинством советских цивилистов точка зрения к пониманию сущности доли как доли в праве общей долевой собственности и послужила основанием закрепления выработанной учеными доктринальной позиции в ГК Российской Федерации 1994 г. и, соответственно, в ГК Республики Беларусь 1998 г.

В настоящее время основная группа ученых придерживается легально закрепленной концепции и рассматривает долю непосредственно как долю в праве общей долевой собственности. К приверженцам легально установленного подхода относятся, в частности, такие российские цивилисты, как Ю.К. Толстой, Е.А. Суханов, М.Г. Масевич, Н.И. Коваленко, В.П. Камышанский, А.С. Шевченко и другие ученые[195]. Аналогичную точку зрения высказывают и белорусские правоведы[196].

Из изложенного можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что основная часть ученых на современном этапе развития цивилистической науки придерживается догматического подхода к пониманию доли и рассматривает ее как долю каждого из сособственников в праве собственности на общую вещь.

Включение в ГК понятия сущности доли в праве общей долевой собственности, по нашему мнению, послужило основанием для прекращения длившейся не одно десятилетие дискуссии по анализируемой проблематике, что нашло свое отражение в учебниках по гражданскому праву, выпущенных в первом десятилетии XXI века как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

Закрепленный в ГК подход к пониманию доли не является новым и достаточно широко применялся цивилистами советского периода (см. учебники по гражданскому праву, выпущенные в семидесятых годах XX века), которые, в свою очередь, развивали мысли ученых досоветского периода. Вместе с тем в цивилистических исследованиях досоветского, советского и, как их продолжение, постсоветского периода обосновываются и другие, хотя значительно реже встречающиеся, подходы к пониманию сущности доли применительно к отношениям общей долевой собственности.

Так, еще учеными досоветского периода высказывались три точки зрения на понимание доли.

---

[195] См., вышеуказанные литературные источники.

[196] Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь: в 2 кн. – 2-е изд. / Отв. ред. В.Ф. Чигир. – Минск: Амалфея, 2000. – Кн. 1. – С. 530; Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1. – С. 780–782.

Согласно первой концепции делению подлежало непосредственно право собственности, а точнее заключающиеся в нем правомочия (Ранда, Бекинг, Унгер, Арндтс). Согласно второму подходу, каждый из соучастников имеет право собственности на идеальную долю вещи (Бринц, Вехтер, Виндшейд, Рюмелин, в России – Мейер, Победоносцев). По третьему воззрению, при общей собственности делится не вещь и не право, а экономическая ценность вещи (Колер, Ферстер, Штейнлехнер, Пунтшарт, в России – профессор Шершеневич)[197].

По сути концепции понимания сущности доли каждого из сособственников в общем имуществе, разработанные в досоветский период, поддерживаемые советскими и современными учеными сводятся к пониманию сущности доли как доли в праве общей собственности либо как реальной доли, под которой понимают «конкретную, физически обособленную часть общего имущества» или как идеальной доли «которая сводит право на долю лишь к его стоимостному выражению»[198].

Вместе с тем все три концепции понимания доли участника общей долевой собственности подвергались вполне обоснованной критике известными учеными досоветского и советского периодов развития цивилистической мысли.

Так, Г.Ф. Шершеневич справедливо указал на неделимость самого права как такового и отсутствие какой-либо юридической определенности в понимании доли в праве, что, по его мнению, исключает возможность применения такого подхода. Ученый также критически оценил применение подхода к доле как к реальной или идеальной, отмечая, что вещь не подлежит идеальному делению, а только материальному. При этом определение доли как реальной в смысле материальной доли вещи так же не применимо потому что каждый из участников общей долевой собственности имеет право не на всю вещь, но на известную долю и в то же время его право распространяется не на часть вещи, а проникает всюду [199].

Критические замечания в отношении анализируемых концепций высказывал и О.С. Иоффе[200].

Бурное развитие цивилистической мысли по поводу сущности доли в правоотношениях общей долевой собственности, проводимые по этому поводу многочисленные научные дискуссии, а также тот факт, что не

---

[197] Обзор точек зрения цивилистов досоветского периода приведен по: Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. – М.: Статут, 2003.

[198] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ПБОЮЛ; Л.В. Рожников, 2001. – Т. 1. – С. 438.

[199] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – СПб, 1913. – С. 157–158.

[200] Иоффе О.С. Советское гражданское право. – М.: Юрид. лит., 1967.

все современные ученые восприняли легально закрепленный подход к пониманию сущности доли свидетельствует о необходимости дополнительного исследования анализируемой категории цивилистики. Так, к современным цивилистам, высказывающим хоть и не новую, но отличную от легального понимания сущности доли в правоотношениях общей долевой собственности точку зрения относится В.А. Белов, рассматривающий долю как «долю ценности (доходности) вещи»[201]. Таким образом, В.А. Белов, по сути, придерживается концепции, согласно которой под долей понимается стоимостное выражение части имущества, часть получаемого от него дохода.

В современных публикациях встречается и подход к доле, как к идеальной, под которой понимается «математическая абстракция, одна энная доля в праве общей долевой собственности»[202].

Для того, что бы наиболее верно определить сущность доли в правоотношениях общей долевой собственности необходимо, по нашему мнению, определить практическое значение анализируемой категории, выявить ее роль в развитии отношений общей долевой собственности.

Так, отношения собственности, как индивидуальной, так и долевой возникают, на что указывалось выше, в процессе приобретения субъектом гражданского права вещи в фактическое владение и, в дальнейшем, в процессе извлечения ее полезных свойств. По сути, приобретение человеком различного имущества в фактическое владение обусловлено необходимостью обеспечения повседневных (естественных) потребностей человека, а также для повышения комфортности его жизни, а организацией – для выполнения уставных задач.

В большинстве случаев субъекты гражданского права приобретают имущество в индивидуальную собственность, что является логичным и, зачастую, наиболее рациональным с точки зрения извлечения из вещи ее полезных свойств, т.е. с точки зрения ее полезности для отдельно взятого собственника. Безусловным является тот факт, что при индивидуальном использовании вещи экономический эффект для собственника является более весомым, чем в случае использования той же вещи двумя и более лицами. Причем, при индивидуальном использовании вещи вопрос о каких-либо долях не возникает в силу того, что все полезные свойства вещи потребляет один субъект гражданского права.

Однако, в определенных случаях цели использования имущества либо условия его приобретения предполагают возникновение притязаний на вещь у нескольких лиц, что является основанием для принятия госу-

---

[201] Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учеб. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – П. 1416.

[202] Бородин С. Общая собственность // http://orsn.rambler.ru/content/consult.

дарством, как гарантом стабильного развития экономических отношений, соответствующих правовых норм, направленных на урегулирование взаимоотношений между такими субъектами.

Выяснение причин, побуждающих самостоятельных и экономически независимых друг от друга участников гражданского оборота принимать участие в отношениях общей долевой собственности, осложненных условиями совместного использования имущества, необходимостью совместного участия в расходах на его содержание и притязаниями других субъектов на часть доходности вещи поможет выявить сущность фактически складывающихся между сособственниками общественных отношений и, как следствие, сущность доли в отношениях общей долевой собственности.

Так, на основании изложенного можно утверждать о том, что в современных условиях развития имущественных отношений и их правовой регламентации существует по меньшей мере две группы условий вступления субъектов гражданского права в отношения общей долевой собственности.

Первая группа опосредует вынужденное вступление в отношения общей долевой собственности, основанное на требованиях правовых норм, притом, что внутренняя воля субъектов, вынужденных вступить в указанные общественные отношения, может быть направлена на приобретение имущества в индивидуальную собственность, но волеизъявление, сделанное добровольно, в силу сложившихся правовых условий участия в имущественных отношениях будет направлено на вступление в отношения общей долевой собственности.

Вторая группа опосредует добровольное вступление в отношения общей долевой собственности, основанное исключительно на свободно сформированном и добровольно выраженном волеизъявлении двух или более субъектов гражданского права, направленном на вступление в правоотношения общей долевой собственности и совместную эксплуатацию общего имущества.

При первом варианте отношения общей долевой собственности возникают в рамках наследственного правопреемства, когда несколько самостоятельных субъектов гражданского права согласно условиям правовых норм или завещания признаются наследниками имущества, не подлежащего разделу в силу своих физических свойств либо в силу условий завещания.

В качестве примера имущества, не подлежащего разделу в силу своих физических свойств, можно привести автомобиль, многоквартирный жилой дом, жилой дом коттеджного типа, телевизор, деревообрабатывающий станок, другое аналогичное имущество функционально представляющее собой единую, неделимую вещь.

Примерами имущества, не подлежащего физическому разделу между наследниками в силу условий завещания, могут служить коллекция картин известного художника, полное собрание сочинений известного писателя, поэта, иные коллекции, представляющие собой художественную или историческую ценность непосредственно как совокупность вещей (например, коллекция боевого оружия монгольских племен периода татаро-монгольского Ига).

В рассматриваемых случаях у субъектов гражданского права, признанных наследниками есть два варианта поведения. Во-первых, любой из наследников имеет право отказаться от принятия наследства и, следовательно, вступления в отношения общей долевой собственности, во-вторых, – принять наследство, что является безусловным основанием возникновения отношений общей долевой собственности и основанием для нашего утверждения о том, что внутренняя воля такого субъекта может быть направлена на приобретение имущества в индивидуальную собственность, а его волеизъявление, сделанное добровольно, но под гнетом правовых норм, – на вступление в отношения общей долевой собственности.

В связи с тем, что отказ от наследства либо его принятие основаны исключительно на добровольном волеизъявлении лиц, призванных к наследованию, классификация анализируемого варианта участия в отношениях общей долевой собственности как вынужденного является, в некотором роде, условной. Вместе с тем факт безусловного, не зависящего от воли субъектов, возникновения отношений общей долевой собственности в рамках наследственного правопреемства в случае вступления в наследство при указанных выше обстоятельствах послужил основанием для квалификации такого варианта как вынужденного, т.е. предусмотренного правовыми нормами, не подлежащими изменению по воле участников соответствующего правоотношения.

Второй вариант условий возникновения отношений общей долевой собственности характеризуется полной свободой усмотрения субъектов гражданского права и, следовательно, направленностью действий последних исключительно к своей выгоде. Возникновение отношений общей долевой собственности при втором варианте возможно в том случае, когда каждый из потенциальных участников таких правоотношений будет иметь экономический либо иной, неимущественный, интерес в их возникновении.

В силу того, что гражданское право направлено на урегулирование, в первую очередь, имущественных отношений между его субъектами, следует предположить, что основная часть правоотношений общей долевой собственности возникает в силу наличия у участников таких правоотношений материальной заинтересованности в их возникновении и

развитии.

В качестве часто используемого в юридической литературе примера добровольного возникновения отношений общей долевой собственности основанных на имущественном интересе их участников можно привести случай совместного строительства двумя семьями жилого дома коттеджного типа с двумя отдельными входами. При таком строительстве его участники получают существенную экономию при подключении к коммуникациям (электричество, газ, водоснабжение, канализация, подъездные пути, теплосети), при возведении стен (по сути для двух домов необходима одна, разделяющая их стена), при сооружении крыши и забора.

При этом в процессе строительства дома участники строительства преследуют цель получения экономической выгоды не связанной с предпринимательской деятельностью.

Типичным примером возникновения отношений общей долевой собственности по соглашению сторон, основанному на имущественном интересе может служить факт заключения договора простого товарищества (договора о совместной деятельности)[203] предметом которого является процесс осуществления совместной деятельности, направленной на достижение общего результата, который, согласно условиям участия в договоре простого товарищества, может относится к результатам совместной предпринимательской деятельности либо к результатам деятельности, имеющей социально полезную направленность.

Между сторонами договора простого товарищества, по общему правилу, возникают отношения общей долевой собственности на имущество, внесенное в качестве вклада в общее дело, а также на имущество, приобретенное или созданное в процессе осуществления совместной деятельности.

Возможные варианты добровольного вступления в отношения общей долевой собственности не исчерпываются приведенными примерами, которые использованы с целью демонстрации нескольких возможных вариантов вступления в анализируемые правоотношения и, при этом, в достаточной степени характеризуют побуждающие мотивы субъектов гражданского права. В целом, в процессе участия в гражданском обороте встречаются самые разнообразные факты вступления нескольких субъектов гражданского права в отношения общей долевой собственности, основанного на экономическом интересе субъектов, а анализируемые отношения могут возникать как с участием физических

[203] *Подробнее о процедуре заключения и исполнения договора простого товарищества см.*: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2010. – Т. 2. – С. 370–400.

лиц, так и с участием организаций в различном сочетании названных субъектов. Например, два сельскохозяйственных производственных кооператива приобрели на условиях общей долевой собственности зерносушилку. Такой поступок может быть обусловлен отсутствием у каждого субъекта в отдельности достаточных объемов зерновых для полной загрузки мощности сушилки и, как следствие, экономической целесообразности в приобретении сушилки за полную стоимость каждым из названных субъектов в отдельности. В общую долевую собственность могут приобрести, например, энергетическую установку в целях получения электроэнергии жители одного хутора. Рыбаки, проживающие в одном рыбацком поселке, могут приобрести в общую долевую собственность плавсредство с целью совместной промысловой заготовки рыбы. Аналогичные примеры можно приводить до бесконечности.

В приведенных примерах, да и в большинстве других аналогичных случаев мотивом, побуждающим нескольких субъектов вступить в отношения общей долевой собственности выступает экономический интерес, обусловленный наличием у субъектов потребности в извлечении полезных свойств определенного имущества существующей в условиях отсутствия у одного субъекта достаточных средств для приобретения необходимого оборудования либо в экономической нецелесообразности приобретения вещи одним субъектом.

Исходя из того, что побуждающим мотивом вступления в отношения общей долевой собственности служит экономический интерес в извлечении из имущества его полезных свойств, а процесс приобретения вещи сопряжен с необходимостью вложения в приобретение определенных финансовых ресурсов, каждый из субъектов, вступивших в отношения общей долевой собственности, будет заинтересован в получении от вещи максимально возможной рентабельности на вложенные в ее приобретение (создание) средства. Такое поведение субъектов экономических отношений является абсолютно логичным и продиктовано сущностью экономической деятельности целью осуществления которой, по общему правилу, является получение максимального экономического эффекта с наименьшими затратами и в минимально короткие сроки.

Учитывая то обстоятельство, что в процессе участия двух или более субъектов в правоотношениях общей долевой собственности каждый из сособственников будет стремиться извлечь из общей вещи максимальное количество ее полезных свойств у участников анализируемых правоотношений непременно возникнет объективная потребность в установлении взаимосогласованного режима использования общего имущества в целях упорядочения внутренних отношений между сособственниками, возникающих в процессе извлечения из вещи ее полезных свойств. Отсутствие такового в большинстве случаев может привести к возникно-

вению между сособственниками противоречий по вопросам эксплуатации общей вещи, разрешение которых без вмешательства третьих лиц (органов судебной власти) скорее всего будет безуспешным.

Непосредственно на установление режима эксплуатации общего имущества, включающегося в себя процедуру извлечения из имущества его полезных свойств, порядок распределения полученных в процессе использования имущества плодов, продукции, доходов, а также процесс распределения обязанностей по поддержанию имущества в надлежащем состоянии, и направлены нормы стст. 247–255 ГК, разрешающие указанные вопросы с помощью очередной правовой фикции, именуемой в ГК «долей в праве собственности».

По общему правилу, сложившемуся в практической юриспруденции, доля каждого из сособственников определяется математическими единицами, выраженными в процентах (10 %; 20 %; 70 %) или в виде дроби (1/4; 3/4), на что указывается во всех литературных источниках, посвященных исследуемой проблематике. Основным правилом при определении долей сособственников является то, что совокупность математических единиц, определяющих доли всех сособственников в общем имуществе, должна составлять 100 % или единицу, на что справедливо обращает внимание С.П. Соколов, согласно мнению которого «применяя правовую форму «право на долю в праве собственности», законодатель использовал средний уровень абстракции. Арифметическому, в виде дроби, выражению доли в праве придана правовая форма, и это позволило четко урегулировать отношения между участниками долевой собственности»[204].

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что предназначение понятия «доля» и, следовательно, ее сущность, состоит исключительно в определении объема (степени) участия каждого из сособственников в общественных отношениях, возникающих в процессе реализации ими правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом находящимся в общей долевой собственности.

Само же понятие «доля» применительно к исследуемым правоотношениям с точки зрения русского языка означает «часть целого»[205] и в отношениях общей долевой собственности, по нашему мнению, указывает лишь на объем экономических возможностей и имущественных обязанностей каждого из сособственников в процессе реализации ими правомочий владения, пользования и распоряжения принадлежащим им имуществом. Также следует еще раз подчеркнуть тот факт, что право

[204] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1. – С. 780.

[205] Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – С. 272.

собственности и, соответственно, входящие в него правомочия собственника, неделимо, также как, по общему правилу, физически неделимо имущество, находящееся в общей долевой собственности и принадлежащее в равной мере всем сособственникам. Это указывает на определенную нелогичность воспринятой догмой и закрепленной в п. 2 ст. 246 ГК конструкции «доля в праве собственности».

При этом в нормах главы 16 ГК эта, не совсем удачная конструкция, не нашла своего единообразного применения. Так, в п. 2 ст. 246 ГК содержится указание на «доли каждого из собственников в праве собственности», на основании чего собственно этот термин и применяется в современных учебниках, подготовленных по учебному курсу «Гражданское право: Общая часть». Аналогичное указание сделано в п. 3 ст. 247 ГК, согласно нормам которой участник долевой собственности при указанных в анализируемой статье обстоятельствах «имеет право на соответствующее увеличение своей доли в праве на общее имущество». Однако уже в ст. 248 ГК указано на то, что «по требованию этого собственника доли в общей собственности на дом или строение и порядок пользования помещениями в нем подлежат соответствующему изменению».

Таким образом, в ст. 246 ГК и ст. 247 ГК речь идет о доле в праве общей собственности, а в ст. 248 ГК о доле в общей собственности, т.е. в имуществе, но не в праве.

Из содержания норм ст. 249 ГК, которые гласят: «участник долевой собственности вправе по своему усмотрению продать, подарить, завещать, сдать в залог свою долю», вовсе не понятно, что вправе «по своему усмотрению продать, подарить, завещать, сдать в залог» каждый из сособственников – долю в праве или долю в имуществе, т.е. его часть. Исходя из содержания договора о залоге, договора купли-продажи, дарения, предметом всех этих договоров являются вещи, как движимые, так и недвижимые, отчуждение которых происходит посредством, во-первых, передачи либо права собственности, либо части правомочий (в случае передачи имущества в аренду) в отношении индивидуально определенной вещи (индивидуализированной для целей договора группы однородных вещей) и, во-вторых, фактической передачи имущества во владение контрагента по договору[206].

Ни право собственности в полном объеме, ни часть вещи во владение третьему лицу сособственник передать не может в силу того, что право собственности, что неоднократно обсуждалось в юридической литературе, неделимо также, как неделима, по общему правилу, вещь, на-

[206] *Подробнее о процедуре заключения и исполнения отдельных видов гражданско-правовых договоров см.:* Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2008. – Т. 1. – 512 с.; – 2010. – Т. 2. – 568 с.

ходящаяся в общей долевой собственности.

Также интересной является формулировка норм ст. 253 ГК, согласно которым «при продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли».

Из приведенных норм следует, что один субъект гражданского права может продать второму субъекту долю, т.е. часть права собственности. Однако следует отметить, что право не является предметом договора купли-продажи и, в принципе, не продается. Передаче иному лицу на возмездной основе подлежит вещь, ценная бумага, удостоверяющая определенные права требования, иные права требования, вытекающие из гражданско-правового договора, уступка которых осуществляется в порядке, установленном нормами § 1 главы 24 ГК.

Приведенные примеры свидетельствуют о неудачном применении в праве общей собственности конструкции «доля в праве», которую, по нашему мнению, было бы логичнее заменить на конструкцию «объем участия в отношениях общей долевой собственности», который (объем), так же как и «доля в праве» подлежит математическому выражению, необходимому для распределения экономического эффекта извлечения из имущества его полезных свойств между участниками общей долевой собственности, а также распределения бремени имущественных расходов по содержанию общего имущества и бремени имущественных потерь в случае его случайной гибели (повреждения). При этом долевую собственность можно переименовать в разделенную (но не раздельную), что устранит противоречия между ее названием – «долевая собственность» и названием предложенной нами конструкции «объем участия в отношениях общей <…> собственности» вместо конструкции «доля в праве собственности». Таким образом, название предложенной нами конструкции вследствие изменения названия общей долевой собственности на общую разделенную собственность будет звучать следующим образом: «объем участия в отношениях общей разделенной собственности».

Отличие предложенной нами конструкции «объем участия в отношениях общей разделенной собственности» от конструкции «доля в праве собственности» состоит в том, что:

– во-первых, исключает полемику в отношении того, что право собственности не может быть разделено на доли, так как является неделимым;

– во-вторых, исключает дискуссию о том, что вещь не подлежит идеальному делению, а только реальному, как объект материального мира;

– в-третьих, исключает споры о том, что в случае реального раздела вещи право общей долевой собственности прекращает существовать ли-

бо споры о том, что в общей долевой собственности, как правило, находятся вещи, по своим физическим свойствам не подлежащие разделу без нанесения им несоразмерного вреда, что исключает определение доли в общем имуществе, как реальной;

– в-четвертых, исключает возможность неверных формулировок правовых норм, согласно которым может быть продана доля, т.е. часть права собственности.

Предложенная нами конструкции в полной мере согласуется с содержанием правовых норм, закрепленных в главе 16 ГК, основана на экономическом интересе участников отношений общей долевой (разделенной)[207] собственности и будет способствовать урегулированию внутренних отношений между участниками общей долевой собственности, не отягощенному существующими по сей день теоретическими спорами о сущности доли в отношениях общей долевой собственности.

В целом процедура определения пределов участия каждого из сособственников в отношениях, возникающих в процессе владения, пользования и распоряжения общим имуществом основывается на экономических (имущественных) показателях и сводится к следующему[208].

1. *Определение долей (объема участия) сособственников в праве (отношениях) общей долевой (разделенной) собственности*.

Как отмечалось выше, при поступлении неделимой, по общему правилу, вещи в собственность двух или более лиц автоматически возникают правовые отношения общей долевой (разделенной) собственности, основу которых составляют внутренние взаимоотношения сособственников в связи с реализацией правомочий владения, пользования и распоряжения общей вещью, строящиеся на определении размера доли (объема участия) каждого из сособственников.

Определению размера долей сособственников в праве общей долевой собственности (объема их участия в отношениях общей разделенной собственности) посвящены нормы ст. 247 ГК, согласно которым,

---

[207] Далее, по тексту, во избежание путаницы, совместно с воспринятым догмой термином «общая долевая» собственность мы будем использовать предложенный нами термин «разделенная» собственность, а наряду с термином «доля в праве собственности» – «объем участия в отношениях общей разделенной собственности». Такой подход к дальнейшему изложению будет способствовать не только восприятию предложенного читателю материала, адекватному современному уровню развития цивилистической науки, но и демонстрации того, что в связи с предложенным нами изменением закрепленная в ГК процедура правового регулирования анализируемых отношений не изменяется и, следовательно, предложенное нами название органично вписывается в установленный гражданский правопорядок, устраняя при этом ненужные теоретические дискуссии.

[208] Далее мы проведем анализ содержания внутренних отношений общей долевой собственности, параллельно используя предложенную нами конструкцию «объем участия в отношениях общей разделенной собственности».

если иное не предусмотрено правовыми нормами или соглашением сторон доли всех участников (объем участия всех сособственников в отношениях общей разделенной собственности) признаются равными.

Например, 1\2 и 1\2, если два сособственника, 1\33.., 1\33.., 1\33.. – если три, 1\4, 1\4, 1\4 и 1\4 – если 4 и т.д. либо по 50 %, по 33,33333… %, по 25 % и т.д.

Следовательно, по общему правилу, каждый из сособственников имеет абсолютно равные в математически установленном объеме с другими участниками права по использованию вещи (например, время использования легкового автомобиля между двумя сособственниками должно быть распределено поровну), равного с другими сособственниками распределения доходов (плодов, продукции, приплода), полученных в процессе хозяйственной эксплуатации имущества (например, урожай фруктового сада делится поровну), обязан в равной степени участвовать в расходах по содержанию общей вещи (например, участвовать в капитально ремонте автомобиля, обработке удобрениями фруктовых деревьев) и несет равный с остальными сособственниками риск ее случайно гибели (повреждения).

Нормы анализируемой статьи допускают по соглашению сторон либо на основании правовых норм и иное распределение долей сособственников в праве общей долевой собственности (объема участия в отношениях общей разделенной собственности). Математически такое соотношение может быть абсолютно любым и, в первую очередь, должно быть поставлено в зависимость от вклада (денежного, трудового) каждого из сособственников в приобретение (создание) и приращение общего имущества.

Вместе с тем, соглашением сторон либо правовыми нормами может быть определен и иной порядок определения долей (объема участия) каждого из сособственников, основанный не на размере вклада в общее имущество, а на других критериях, например, возраста (на каждый год жизни одна математическая единица) либо срока проживания в данной местности и т.п. Разрешение этого вопроса оставлено анализируемыми нормами на усмотрение участников общей долевой (разделенной) собственности, что является вполне логичным и соответствует используемому при построении системы гражданского права диспозитивному методу правового регулирования.

В связи с тем, что в процессе хозяйственного использования общее имущество может быть улучшено стараниями одного из сособственников (отремонтировано, модернизировано, увеличено количественно (если, например, это общий плодовый сад, общее стадо домашних животных и т.п.)), что, соответственно, приведет к увеличению его стоимости, нормы ст. 247 ГК предоставляют участнику общей долевой (разделен-

ной) собственности, за счет (или трудом) которого произведены соответствующие улучшения, право на увеличение его доли в праве общей собственности (объема участия в отношениях общей разделенной собственности). Одним из основных условий легитимности такого требования является соблюдение процедуры улучшения общего имущества. Такое улучшение должно производиться в соответствии с установленными между сособственниками правилами пользования общим имуществом. В частности, на производство улучшений может потребоваться согласие всех сособственников либо решение суда, если кто-либо не согласен с производством улучшений, но они необходимы для поддержания имущества в надлежащем состоянии.

Вместе с тем, правила пользования общим имуществом определяются участниками и могут содержать иные требования к производству неотделимых улучшений общего имущества.

Учитывая то, что все доли в праве общей долевой собственности (объем участия в отношениях общей разделенной собственности) математически представляют собой единицу (1) или 100 %, математическое увеличение доли (объема участия) одного участника приведет к пропорциональному изменению математических величин, характеризующих доли (объем участия) других сособственников. Например, двум субъектам на праве общей долевой (разделенной) собственности принадлежит автомобиль с математическим распределением долей (объема участия) 50 % х 50 %. Один из сособственников с соблюдением установленных правил произвел капитальный ремонт двигателя, что привело к увеличению стоимости автомобиля на 10 %. Следовательно, такой участник имеет право на пересмотр долей (объема участия) в пропорции 40 % х 60 % в свою пользу. При этом, такое перераспределение, по общему правилу, возможно в том случае, когда улучшение общего имущества, произведенное одним из сособственников, классифицируется как неотделимое. Произведенные отделимые улучшения поступают в единоличную собственность того из сособственников, который их произвел, что, соответственно, не влечет пересмотра размера долей в праве общей долевой собственности (объема участия в отношениях общей разделенной собственности). Вместе с тем, сособственники по общему согласию могут включить отделимые улучшения в состав общей долевой собственности и, следовательно, пересмотреть размер долей в праве общей долевой собственности (объем участия в отношениях общей разделенной собственности).

Аналогичное право предоставлено участнику общей долевой (разделенной) собственности нормами ст. 248 ГК и в случае, когда он за свой счет с соблюдением установленных правил увеличил площадь дома (иного строения) путем пристройки, надстройки, перестройки. При этом

под соблюдением установленных правил в случае перестройки исключительно своей части здания, например, оборудованной отдельным входом, следует понимать получение разрешения уполномоченных государственных органов на производство соответствующих работ. Если же пристройка, перестройка и т.п. затрагивают площадь здания, занимаемую другими сособственниками, то для производства соответствующих работ в первую очередь необходимо получить согласие остальных участников отношений общей долевой (разделенной) собственности.

Совершение пристройки, перестройки и т.п. является основанием для пересмотра долей в праве собственности на дом (строение) и порядка пользования находящимися в нем помещениями (применительно к предложенной нами конструкции – пересмотра объема участия в отношениях общей разделенной собственности, что включает и пересмотр математических величин и порядка пользования общим имуществом).

2. *Осуществление правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, находящимся в общей долевой (разделенной) собственности.*

Участие в отношениях общей долевой (разделенной) собственности осуществляется посредством реализации каждым из сособственников правомочий владения, пользования и распоряжения общим имуществом в объеме согласно принадлежащему каждому из сособственников математически выраженному размеру доли (объему участия в отношениях общей разделенной собственности).

При этом нормами главы 16 ГК процедура реализации правомочий владения и пользования и процедура реализации правомочия распоряжения урегулированы по разному.

Так, нормами ст. 250 ГК установлено два правила, в соответствии с которыми определяются внутренние взаимоотношения между сособственниками в процессе реализации правомочий владения и пользования общим имуществом. В соответствии с первым правилом реализация правомочий владения и пользования общим имуществом осуществляется по соглашению всех участников общей долевой (разделенной) собственности, т.е. в соответствии с единогласно принятым решением. В случае недостижения соглашения заинтересованное лицо имеет право обратиться в органы судебной власти за разрешением возникшего спора относительно порядка реализации правомочий владения и пользования общим имуществом.

При разрешении вопросов владения и пользования общим имуществом не имеет значение размер доли (объем участия) каждого из сособственников в отношениях общей долевой собственности и требуется согласие каждого из них с предложенными правилами владения и пользования имуществом. В данном случае нормы ст. 250 ГК выполняют ох-

ранительную функцию гражданского права, направленную на обеспечение интересов слабой стороны отношений общей долевой (разделенной) собственности, т.е. сособственника, имеющего наименьший размер доли (объем участия).

Согласно второму правилу участник общей долевой собственности (отношений общей разделенной собственности) имеет право, во-первых, требовать предоставления в его владение и пользование части общего имущества, пропорциональной математически установленному размеру его доли (объему участия в отношениях общей долевой собственности) и, во-вторых, в случае когда это не представляется возможным, имеет право требовать от других участников, владеющих и пользующихся его частью имущества, соответствующей компенсации.

В процессе хозяйственной эксплуатации общего имущества может быть произведена продукция, получены плоды, приплод и иные доходы, которые в соответствии с нормами ст. 251 ГК поступают в общую собственность и, по общему правилу, подлежат распределению между сособственниками соразмерно математически определенной доле (размеру участия в отношениях общей разделенной собственности). Согласно нормам ст. 251 ГК сособственники своим соглашением могут предусмотреть и иной порядок распределения плодов, продукции, приплода, доходов и т.п. Причем новый порядок распределения продукции и других доходов может устанавливаться применительно к каждому факту их получения и зависеть не только от размера доли в праве общей собственности (объема участия каждого из сособственников в отношениях общей разделенной собственности), но и от вклада (трудового, иного) каждого из сособственников в процесс получения продукции и иных доходов в каждом конкретном случае.

Хозяйственная эксплуатация общего имущества сопряжена не только с получением продукции и иных доходов, но и с необходимостью несения расходов, включая уплату налогов и иных обязательных платежей, на содержание и сохранение имущества, что позволяет поддерживать имущество в надлежащем состоянии и обеспечивать необходимую безопасность его эксплуатации для третьих лиц и окружающей природной среды. Такие расходы в соответствии с нормами ст. 252 ГК, по общем правилу, ложатся на всех участников соразмерно доле каждого в праве общей собственности (объему участия в отношениях общей разделенной собственности). Вместе с тем, правовыми нормами или решением, принятым всеми участниками единогласно, распределение бремени расходов может быть поставлено в зависимость от иных факторов и, в частности, от размера полученного в каждом конкретном случае дохода, если он распределяется вне зависимости от доли каждого в праве общей собственности (объема участия каждого в отношениях общей

разделенной собственности).

В том случае, когда один из участников отношений общей долевой (разделенной) собственности без согласия остальных участников произвел расходы на содержание или улучшение имущества, не являющиеся необходимыми (обязательными), бремя таких расходов согласно нормам п. 2 ст. 252 ГК ложится, непосредственно на произведшее их лицо. При этом в случае возникновения спора между участниками отношений долевой (разделенной) собственности относительно порядка распределения бремени таких расходов, возникший спор подлежит разрешению в судебном порядке.

Процедура реализации правомочия распоряжения имуществом, находящимся в общей долевой (общей разделенной) собственности, урегулирована нормами ст. 249 ГК, согласно которым распоряжением непосредственно вещью (их совокупностью) целиком осуществляется по соглашению всех сособственников. Формулировка приведенных норм исключает возможность урегулирования спора, возникшего по поводу отчуждения общего имущества, судом. Так, если один из сособственников, например, дома, автомобиля или иного имущества, не подлежащего разделу в натуре, не согласен с его отчуждением, то таковое в принципе не может иметь места.

Однако нормы п. 2 ст. 249 ГК предоставляют каждому из сособственников право самостоятельного распоряжения своей долей в праве общей долевой собственности (объемом участия в праве общей разделенной собственности), в следствие чего происходит изменение в субъектном составе отношений общей долевой (разделенной) собственности, но не в самом имуществе.

Право самостоятельного распоряжения своей долей (объемом участия) ограничено нормами ст. 253 ГК, предоставляющими остальным участникам право преимущественной покупки подлежащих отчуждению прав в отношении общего имущества, что направленно на защиту имущественных интересов остальных сособственников в случае самостоятельного принятии одним из них решения о выходе из отношений общей долевой (разделенной) собственности посредством передачи своих правомочий в отношении общего имущества третьему лицу.

Необходимость закрепления за участниками отношений общей долевой (разделенной) собственности права на преимущественную покупку отчуждаемых прав предопределена, как правило, фидуциарным характером отношений общей долевой (разделенной) собственности, возможным нежеланием остальных сособственников вступать в правовые отношения с неизвестным им, по сути, чужим человеком.

Так, в случае принятия решения об отчуждении своих прав в отношении общего имущества участник отношений общей долевой (разде-

ленной) собственности обязан известить в письменной форме остальных участников о принятом решении с указанием цены и других условий, на которых отчуждаются соответствующие права, чтобы оставшиеся в отношениях общей долевой (разделенной) собственности участники имели возможность реализовать предоставленное им нормами ст. 253 ГК право преимущественной покупки.

Исключение составляют случаи реализации общего имущества с публичных торгов.

Способ извещения участников отношений общей долевой (разделенной) собственности об отчуждении доли может быть установлен по соглашению всех участников.

Нормы ст. 253 ГК отводят участникам, имеющим преимущественное право покупки отчуждаемых прав, ограниченный срок на принятие решения о приобретении прав или на отказ от приобретения.

Так, права в отношении недвижимого имущества должны быть приобретены в течение одного месяца с момента получения извещения, а в отношении движимого – в течение десяти дней. Указанные сроки классифицируются как пресекательные (преклюзивные), т.е. сроки, устанавливающие временные пределы реализации управомоченным лицом принадлежащих ему субъективных гражданских прав.

В случае пропуска остальными участниками установленного нормами ст. 253 ГК срока участник, принявший решение об отчуждении принадлежащих ему прав, может передать их любому управомоченному на приобретение лицу.

Отказ от преимущественного приобретения прав в отношении общего имущества может быть совершен в любой предусмотренной нормами ГК форме (устной, письменной), а также путем молчания (игнорирования поступившего от сособственника предложения, сделанного в установленной форме), т.е. не совершения каких-либо действий, направленных на приобретение соответствующих прав в установленные сроки. Наш вывод следует непосредственно из формулировки норм ст. 253 ГК, согласно которым сособственник имеет право на отчуждение своих прав любому лицу в том случае, если остальные участники отношений общей долевой (разделенной) собственности откажутся от приобретения либо не приобретут отчуждаемые права в установленные сроки. В этой связи нельзя согласиться с высказанными в юридической литературе точками зрения, согласно которым отказ должен быть сделан либо в письменной форме, как и извещение о продаже, либо в форме, требуемой для заключения договора купли-продажи имущества, права в отношении которого отчуждаются[209].

[209] Фокин А.П. Правовая природа общей долевой собственности: исторические и гра-

Применение указанного подхода лишит участника общей долевой собственности возможности реализовать принадлежащие ему правомочия в отношении общего имущества в случае, когда остальные сособственники не только не будут приобретать отчуждаемые права, но и не будут отказываться от их приобретения, тем более в одной из указанных форм.

В случае нарушения правил, закрепленных в ст. 253 ГК, и отчуждения своих прав без уведомления остальных сособственников каждый из оставшихся участников общей долевой (разделенной) собственности имеет право в течение трех месяцев требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя.

Нормы ст. 253 ГК запрещают уступку права преимущественной покупки доли в праве общей собственности (прав в отношении имущества, находящегося в общей разделенной собственности).

Нормами ст. 254 ГК момент перехода прав в отношении общего имущества от отчуждателя к приобретателю определен моментом заключения договора, т.е. вступления его в силу, если иной момент перехода отчуждаемых прав не определен соглашением сторон. В том случае, когда отчуждаются права в отношении недвижимого имущества, переход которых подлежит государственной регистрации, права считаются переданными с момента государственной регистрации либо факта их перехода либо договора об их передаче (в зависимости от требований правовых норм применительно к виду недвижимого имущества), если иной момент не определен правовыми нормами.

3. *Прекращение отношений общей долевой (разделенной) собственности*.

Право общей долевой собственности прекращается в случае раздела имущества в натуре между всеми собственниками – для всех сособственников, а также в случае выдела доли в натуре либо выплаты ее стоимости в деньгах одному (нескольким) сособственникам – для этого одного (нескольких) сособственника, что предусмотрено нормами ст. 255 ГК.

Нормами указанной статьи установлены следующие правила:

– имущество, находящееся в общей долевой (разделенной) собственности и подлежащее фактическому разделу без причинения несоразмерно вреда имуществу, может быть разделено между участниками отношений общей долевой (разделенной) собственности в соответствии с решением, принятым всеми сособственниками единогласно;

– каждый из сособственников имеет право требовать выдела своей части общего имущества в натуре, если это возможно без нанесения

жданско-правовые аспекты преимущественного приобретения доли // История государства и права. – 2003. – № 5. – С. 20–23.

несоразмерного вреда имуществу, либо соразмерной выплаты стоимости такого имущества, если его раздел в натуре физически не представляется возможным;

– если соглашение о разделе имущества, выделе его части в натуре либо выплате соразмерной денежной компенсации участниками общей долевой (разделенной) собственности не достигнуто, возникший спор подлежит разрешению судом.

Выплата денежной компенсации вместо выдела имущества в натуре допускается с согласия участника, вышедшего из отношений общей долевой (разделенной) собственности, либо без его согласия по решению суда, если доля (объем прав в отношении общего имущества) соответствующего собственника незначительна, не может быть реально выделена, и он не имеет существенного интереса в использовании общего имущества.

В соответствии с нормами п. 5 ст. 255 ГК после получения денежной компенсации вышедший участник утрачивает права в отношении общего имущества, а сами отношения общей долевой (разделенной) собственности в отношении такого лица прекращаются.

ГЛАВА 8. ОГРАНИЧЕННЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ И ИНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИМУЩЕСТВА СОБСТВЕННИКА

§ 1. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления: общая характеристика

Необходимость материального обеспечения выполнения государством и его административно-территориальными единицами социальных функций предопределяет участие названных субъектов в имущественном обороте и, в частности, в вещных правоотношениях. Особенности публично-правовых образований как субъектов отношений, регулируемых гражданским правом, ставит вопрос о способе реализации правомочий, составляющих содержание права публичной собственности. Одним из таких способов выступает установление названными субъектами ограниченных вещных прав – права хозяйственного ведения и права оперативного управления – посредством создания унитарных государственных предприятий и учреждений. Данный способ, будучи закрепленным и в отечественном правопорядке, утратил свою, можно сказать, исторически сложившуюся специфику, особенно в последние годы, поскольку стал доступным и для других субъектов гражданского права, однако более подробно на этом остановимся позже.

Оставляя за рамками настоящей работы подробно исследованные политико-правовые предпосылки современных институтов права хозяйственного ведения и права оперативного управления[210], отметим лишь, что оформившаяся в средневековой Европе концепция разделенной собственности стала элементом англо-американской правовой системы. Романо-германским, также как и российским правопорядком данная юридическая конструкция воспринята не была. Само понятие собственности получило свое закрепление лишь в 1832 г. в Своде законов Российской империи (т. X, ч. 1 – Свод законов Гражданских). При этом речь шла об исключительном, независимом и едином праве собственности на один объект.

Формирование единого фонда государственного имущества как результат установления советской власти в России повлекло передачу большей его части в управление государственным организациям. По политическим причинам стать собственниками переданного имущества эти организации не могли, поскольку «социалистическое государство является единым и единственным субъектом права собственности как права

[210] См., например: Петров Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления. – СПб: , 2002. – 326 с.

присвоения в отношении всех государственных имуществ».[211] В то же время, было необходимо признать особое вещное право за указанными организациями, в связи с чем академиком А.В. Венедиктовым была предложена конструкция права непосредственного оперативного управления, а именно, государственные организации («социалистические госорганы») наделяются определенными правомочиями по владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом, которые реализуются «не своей властью и не в своем интересе, но властью, предоставленной государством и в интересах государства[212]». Данная конструкция была законодательно закреплена в ст. 21 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и в гражданских кодексах большинства союзных республик. В 1982 г. Основы были дополнены ст. 26^1, расширившей перечень субъектов права оперативного управления, но не содержание самого права.

Реформы 1989–1990 гг. имели одним из своих результатов расширение прав государственных предприятий, правовые возможности которого выразились во введении права полного хозяйственного ведения на закрепленное за ними имущество. Данное право впервые было закреплено Основами законодательства СССР об аренде от 23 ноября 1989 г. (ст. 4), а затем получило содержательную характеристику в Законе СССР «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. и Законе СССР «О предприятиях в СССР» от 4 июня 1990 г., и ограничивалось следующими правами собственника имущества предприятия: создание предприятия; определение целей его деятельности; его реорганизация и ликвидация; контроль за использованием имущества предприятия. Прибыль предприятия в соответствии с нормой п. 1 ст. 25 Закона поступала в распоряжение трудового коллектива предприятия. В отношении предприятий как субъектов права полного хозяйственного ведения указывалось на возможность совершения «любых действий, не противоречащие закону». В соответствии с Законом о собственности имущество, находящееся в государственной собственности, передавалось на праве оперативного управления – государственным учреждениям, на праве полного хозяйственного ведения – государственным предприятиям.

В Законах Республики Беларусь от 11 декабря 1990 г. «О собственности в Республике Беларусь» и от 14 декабря 1990 г. «О предприятиях» право полного хозяйственного ведения и право оперативного управления не упоминались. Право оперативного управления имуществом[213]

---

[211] Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М-Л.: АН СССР, 1948. – С. 322.

[212] Там же. – С. 591.

[213] Имущество на праве оперативного управления могло быть закреплено не только за государственными, но и межколхозными, государственно-колхозными, иными государст-

было включено в ГК 1964 г. в результате его дополнения ст. 87^1 в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР от 20 марта 1984 г., а право полного хозяйственного ведения – в результате изменения положений ст. 87 в соответствии с Законом Республики Беларусь от 3 марта 1994 г. При этом в норме ст. 87 речь шла о предприятиях в целом без конкретизации формы собственности, что в совокупности с правилами ст. 4 Закона о предприятиях позволяло сделать вывод о возможности применения закрепленной в ГК 1964 г. конструкции права полного хозяйственного ведения и к предприятиям, создаваемым не только государством, но и другими собственниками. Этим же Законом была изменена норма ст. 87^1 – категория права оперативного управления стала распространяться только на учреждения, финансируемые за счет собственника.

ГК 1998 г. в числе ограниченных вещных прав назвал право оперативного управления, а также право хозяйственного ведения, изменив объем его содержания в пользу собственника, а также субъектный состав названных ограниченных вещных прав. Не взирая на закрепленные на уровне ГК изменения в названии права хозяйственного ведения, законодатель продолжал в отдельных случаях использовать прежнее название. Так, в соответствии с утратившей силу лишь с 25 апреля 2011 г. нормой п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2006 г. № 586 «Об уставе Белорусского государственного университета» «имущество, переданное Белорусскому государственному университету в оперативное управление, принадлежит ему на праве *полного* хозяйственного ведения, используется самостоятельно, в том числе для ведения хозяйственной деятельности, сдачи в аренду без права выкупа и пользования». Таким образом, не будучи унитарным предприятием университет становился субъектом права хозяйственного ведения, к тому же полного, получая его на праве оперативного управления. Как отмечалось, эта странная правовая конструкция уже исключена.

Изменение субъектного состава рассматриваемых ограниченных вещных прав в соответствии с действующим ГК состоит в его расширении. Так, субъектами права хозяйственного ведения признаются унитарное предприятие или государственное объединение, а в случаях, определяемых Президентом Республики Беларусь, иное юридическое лицо[214], субъектами права оперативного управления – казенное предпри-

венно-кооперативными организациями (ст. 87^1 ГК 1964 г.).

[214] Существенные изменения субъектный состав права хозяйственного ведения претерпел в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 20 июня 2008 г. «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь», который предусмотрел возможность наделения правом хозяйственного ведения и иных юридических лиц по решению Президента.

ятие, учреждение или государственное объединение. При этом собственником передаваемого на праве хозяйственного ведения имущества может выступать не только государство, но и физическое лицо при учреждении частного унитарного предприятия. Таким образом, применительно к отечественному правопорядку будет не точной характеристика права хозяйственного ведения и права оперативного управления лишь в качестве способов включения государственного имущества в гражданский оборот. Во-первых, подобным образом распорядиться своим имуществом может и физическое лицо – субъект частной собственности[215], во-вторых, стать обладателем права хозяйственного ведения может не только унитарное предприятие, а организация в любой правовой форме, но с одним условием – при наличии решения Президента. Следовательно, право хозяйственного ведения с точки зрения субъектного состава приобрело черты универсальности, но в содержательном плане свобода титульного владельца стала более ограниченной. В настоящее время обладатели права хозяйственного ведения не вправе продавать принадлежащее им на праве хозяйственного ведения недвижимое имущество, сдавать его в аренду, в залог, вносить в качестве вклада в уставный фонд хозяйственных обществ и товариществ или иным способом распоряжаться этим имуществом без согласия собственника (п. 3 ст. 276 ГК).

Объем правомочия распоряжения субъекта право оперативного управления еще ỳже. В частности, казенное предприятие вправе отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом лишь с согласия собственника этого имущества (п. 1 ст. 278 ГК).

Следует отметить, что и при таком существенном ограничении прав субъектов рассматриваемых вещных прав некоторые представители российской цивилистики высказывают сомнения в целесообразности сохранения этих прав, рассматривая таковые как временное явление, связанное с переходным характером самой экономики[216].

Другие исследователи, обосновывая недосказанность «вывода о необходимости упразднения хозяйственного ведения и оперативного управления из российской правовой системы», отмечают, что «разрешение законодателем использовать право хозяйственного ведения всем субъектам (речь идет о субъектах частной собственности – *прим. авто-*

[215] Разрешая создание унитарных предприятий частным и публичным собственникам, законодатель действовал в рамках конституционного принципа равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности (ч. 2 ст. 13 Конституции Республики Беларусь).

[216] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 599; Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. – М., 1998. – С. 252–254.

ра) как способ хозяйствования с их имуществом <…> значительно расширило бы реальные возможности граждан и организаций»[217]. В результате анализа сходства в содержании и целях конструирования права хозяйственного ведения и права оперативного управления цитируемый автор считает целесообразным на законодательном уровне объединить указанные институты в один, предусмотрев возможность наделения различных субъектов различным объемом правомочий в рамках единого вторичного права. Данная точка зрения нашла поддержку на уровне Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г., в соответствии с которой нужно устранить существующий в законодательстве дуализм прав на управление имуществом, находящимся в государственной или муниципальной собственности, оставив только одно право – право оперативного управления (подп. 11.1).

Белорусский законодатель, как отмечалось выше, стоит на совершенно иных позициях. В этой связи имеет смысл еще раз вернуться к субъектному составу права хозяйственного ведения. Субъектом указанного права, как отмечалось, теперь может стать коммерческая организация практически любой правовой формы, а также государственное объединение, которое, по общему правилу, является некоммерческой организацией (п. 4 ст. 123^1 ГК). Насколько такой подход согласуется с другими положениями ГК? Из определения понятия «юридическое лицо», закрепленного в п. 1 ст. 44 ГК, следует, что организация, претендующая на такой статус, «имеет в собственности, хозяйственном ведении *или* оперативном управлении обособленное имущество …», а в соответствии с правилом п. 2 этой же статьи к организациям, «на имущество которых их учредители имеют право собственности или иное вещное право, относятся унитарные предприятия, в том числе дочерние, а также государственные объединения и финансируемые собственником учреждения». Из указанных норм вытекает имеющая логическое и практическое обоснование невозможность для организации, например, хозяйственного общества, быть одновременно субъектом двух вещных прав – права собственности и права хозяйственного ведения. Следовательно, в рамках ГК имеет место коллизия, которую, на наш взгляд, можно разрешить посредством возврата к действовавшему ранее (до внесения Законом Республики Беларусь от 20 июня 2008 г. изменений в п. 1 ст. 276

[217] Петров Д.В. – Указ. соч. – С. 226–228. См. также: Ершова И.В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: теоретические основы и пути совершенствования. – М.: Юриспруденция, 2001. – С. 150.

ГК) субъектному составу права хозяйственного ведения.

Вопрос об объекте рассматриваемых вещных прав является дискуссионным. Так, в качестве объекта права хозяйственного ведения называется «предприятие как единый имущественный комплекс, относящийся, в целом, к материальным вещам»[218], предприятие как имущественный комплекс, а также входящие в его состав любые виды имущества, перечисленные в ст. 132 ГК[219], «любое число предприятий как объектов права (ст. 132 ГК), но исключительно в случаях, когда данные имущественные комплексы не составляют всей совокупности имущества унитарного предприятия»[220], в качестве объектов права хозяйственного ведения и права оперативного управления – имущественные комплексы, закрепленные на балансе соответствующих организаций[221], комплекс имущества, которое в установленном порядке закреплено за носителями этих прав[222], «не только недвижимое имущество, но и любые вещи, необходимые для деятельности субъектов этих прав …»[223].

На наш взгляд, включение всего имущества, закрепленного за организацией, в принадлежащий ей на праве хозяйственного ведения или оперативного управления имущественный комплекс не соответствует нормам ГК и целям гражданского оборота, поскольку, в частности, не каждое унитарное предприятие или учреждение может обладать имущественным комплексом, особенно сразу после создания, в смысле ст. 132 ГК. В норме последней речь вовсе не идет о том, что предприятие должно составлять сразу все имущество организации, используемое ею для осуществления предпринимательской деятельности; говорится лишь о возможности использования имущественного комплекса для этой цели. Не следует упускать из виду также тот факт, что «государственная регистрация создания предприятия (как имущественного комплекса) является обязательной в предусмотренных законодательными актами случаях до совершения сделок с предприятием» (п. 5 Положения о порядке совершения регистрационных действий в отношении предприятия как имущественного комплекса, утвержденного Постановлением Совета Министров от 1 июня 2004 г. № 650). Таким образом, само предприятие

---

[218] Корытов С. О. Юридическая природа права хозяйственного ведения: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. – Ярославль, 2000.

[219] Гражданское право. Часть первая: Учеб. / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – С. 294.

[220] Петров Д.В. – Указ. соч. – С. 159–169.

[221] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 599.

[222] Гражданское право: Учеб.: в 2 ч. / Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2000. – Ч. 1. – С. 735, 738.

[223] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 781.

как имущественный комплекс и право на него регистрируются, т.е. возникают при необходимости введения данного комплекса в экономический оборот.

По мнению В.А. Белова, «… смысл обособления имущественного комплекса унитарных предприятий и учреждений в том и состоит, чтобы противопоставить таковой остальному имуществу собственника, выделить его из этого имущества. В случае с другими юридическими лицами такой необходимости нет, ибо все они – собственники обособленного за ними имущества»[224]. В то же время, само обособление собственником имущества за организацией на одном из ограниченных вещных прав – праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления – цитируемый автор характеризует в качестве одной их гражданско-правовых форм имущественной обособленности организаций, а именно, ограниченной имущественной обособленности[225]. Таким образом, передача имущества соответствующей организации на одном из указанных прав даже без объединения его в рамках имущественного комплекса уже предполагает имущественную обособленность такой организации.

Если исходить из современной законодательной характеристики имущественного комплекса (объект гражданских прав, признаваемый недвижимостью), сведение к последнему всего имущества субъекта права хозяйственного ведения или оперативного управления ставит вопрос о соотношении прав этого субъекта и учредителя при распоряжении этим самым имущественным комплексом. Как отмечает Д.В. Петров, речь идет о том, что при продаже, например, унитарным предприятием всего своего имущества права учредителя будут переданы другому лицу и, следовательно, прекращены. При этом, вопреки норме п. 1 ст. 424 ГК, унитарное предприятие в соответствии с правилом п. 1 ст. 281 ГК сохранит право хозяйственного ведения на это имущество, т.е. возникает противоречие между названными нормами[226]. Иными словами, распорядиться имущественным комплексом унитарное предприятие, также как и учреждение, не вправе. Отмеченные особенности определения предприятия посредством понятия «имущественный комплекс» и проблемы реализации правомочия распоряжения имущественным комплексом, объединяющим все имущество субъекта права хозяйственного ведения или оперативного управления, подтверждают следующий из п. 2 ст. 289 ГК вывод о том, что объектом права хозяйственного ведения и права оперативного управления выступают движимые и недвижимые вещи, а

[224] Белов В.А. Имущественные комплексы: Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. – М.: Юрайт, 2004. – С. 129.

[225] Белов В.А. Гражданское право. Общая часть: Учеб. – М.: Юрайт, 2011. – Т. 2. Лица. Блага. Факты. – С. 150–151.

[226] Петров Д.В. – Указ. соч. – С. 160–163.

также вещи, приобретенные субъектами этих прав в процессе своей деятельности – плоды, продукция и доходы, имущество, приобретенное по договорам или иным основаниям.

К числу недвижимых вещей в данном случае, на наш взгляд, следует относить и земельные участки, поскольку, во-первых, норма п. 1 ст. 262 ГК допускает возможность установления права хозяйственного ведения и права оперативного управления в отношении земельных участков, во-вторых, нормы Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. не содержат какого-либо упоминания об этих правах и прямо не запрещают такую возможность. Более того, в соответствии с правилом ч. 3 ст. 56 данного кодекса, если при реорганизации частной организации, у которой земельный участок находится в частной собственности, создается государственная организация, после принятия решения о реорганизации реорганизуемая организация обязана обратиться в государственный орган, принявший решение о предоставлении земельного участка, с заявлением об изменении *вида вещного права на земельный участок*. Возможность установления права хозяйственного ведения на земельный участок подтверждается также нормами ГК о залоге: в силу нормы п. 2 ст. 315 ГК предметом залога может быть земельный участок, в норме п. 2 ст. 316 ГК в качестве залогодателя назван обладатель права хозяйственного ведения на предмет залога.

Субъект-объектная характеристика рассматриваемых прав предопределяет постановку вопроса об их правовой сущности и последующем определении. Мнение о вещно-правовом характере этих прав не стало общепризнанным ни в литературе советского периода, ни в современных исследованиях. Против отнесения права оперативного управления к числу вещных возражал О.С. Иоффе. Вещным правам, в частности, праву постоянного пользования, праву пожизненного наследуемого владения, полагал автор, присуще свойство ограничения права собственности. Основное же предназначение права оперативного управления – не ограничивать право собственности, а способствовать его реализации[227]. Ныне действующие нормы права, определяющие правомочия субъектов права хозяйственного ведения и права оперативного управления, свидетельствуют о значительном ограничении правомочий собственника после передачи имущества на одном из указанных прав. Так, в соответствии правилом п. 3 ст. 276 ГК, унитарное предприятие вправе распоряжаться переданным ему имуществом с учетом определенных данной нормой ограничений, т.е. собственник не вправе распорядиться этим имуществом до прекращения права хозяйственного ведения. Применительно к учреждению собственник вправе изъять лишь излишнее, неис-

[227] Иоффе О.С. Цивилистическая доктрина промышленного капитализма // Избранные труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2000. – С. 94–95.

пользуемое либо используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению (п. 2 ст. 277 ГК). В то же время отмеченные обстоятельства нисколько не умаляют основную функцию права хозяйственного ведения и права оперативного управления – обеспечить включение имущества собственника в гражданский оборот. Иными словами, данная функция не влияет на вещно-правовую природу этих прав.

Необходимость отказа от квалификации права хозяйственного ведения и права оперативного управления в качестве вещных и отнесения их к разновидностям права управления (наряду с правом доверительного управления) обосновывает В.А. Белов[228]. Такой вывод автора связан, во-первых, с отнесением имущества, закрепленного в хозяйственном ведении и оперативном управлении, к разряду имущественных комплексов, а, во-вторых, с утверждением о том, что «имущественный комплекс не объект гражданских правоотношений, но гражданско-правовая категория, указывающая на специфический (единый) правовой режим физически и юридически разнородных элементов известной хозяйственной системы»[229]. Поскольку правовой режим – это правовая (идеальная) оболочка, она может охватывать не разнородные (и реальные, и идеальные) элементы, а лишь идеальные субстанции, в данном случае – субъективные права и юридические обязанности. Следовательно, состояние принадлежности (присвоенности) предприятия (имущественного комплекса) как специфического вида благ должно оформляться абсолютным правом особого рода – правом управления предприятием. В этой связи норму абз. 2 п. 2 ст. 132 ГК В.А. Белов предлагает читать следующим образом: «В состав предприятия как имущественного комплекса входят права на все виды имущества, предназначенные для его деятельности, <…>»[230]. Возникает вопрос – о каких правах идет речь в нашем случае? Ответ, на наш взгляд, очевиден – речь идет о правомочиях владения, пользования, распоряжения вещами, передаваемыми собственником в определенных пределах субъекту права хозяйственного ведения или оперативного управления, в связи с чем последние большинством авторов относятся к ограниченным или производным вещным правам. Вещная природа названных прав вытекает из многих законодательных предписаний, в частности, правил об их следовании за своим объектом в случае изменения субъекта права собственности на него (п. 1 ст. 281 ГК), о возможности их абсолютной защиты (п. 3 ст. 217, ст.

[228] Белов В.А. Имущественные комплексы: Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. – М.: Юрайт, 2004. – С. 172–196.

[229] Белов В.А. Гражданское право. Общая часть: Учеб. – М.: Юрайт, 2011. – Т. 2. Лица. Блага. Факты. – С. 276–277.

[230] Там же. *См. также*: Белов В.А. Гражданское право: Общая часть: Учеб. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 170.

286), об их приобретении и прекращении (ст. 280).

Рассматриваемые права отдельные авторы характеризуют как вещно-правовой механизм «обособления *собственного* (*выделено авт.*) имущества субъектов права»[231]. Действительно, законодатель предусмотрел состояние *принадлежности* (см., например, п. 2, 6, 8 ст. 113, п. 1 ст. 276 ГК) или *присвоенности* (п. 3 ст. 114 ГК) имущества как своего и для субъектов права хозяйственного ведения, и для субъектов права оперативного управления[232], хотя в большинстве случаев речь идет о *закреплении* имущества на указанных правах (п. 1 ст. 113, ст. 277 ГК). Однако принадлежать означает не только находиться в собственности, но и в обладании кого-либо, а одно из значений прилагательного собственный (свой) – «находящийся в непосредственном ведении, распоряжении, подчинении кого-чего-нибудь»[233]. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления, как отмечалось ранее, служат гражданско-правовой формой имущественной обособленности соответствующих организаций (п. 1 ст. 44 ГК), однако учредитель организации сохраняет право собственности на переданное ей имущество. Исходя из изложенного, приведенная точка зрения, по сути, не противоречит распространенной точке зрения на указанные права как на «права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника»[234], т.е. с *чужим* имуществом.

§ 2. Содержание права хозяйственного ведения и права оперативного управления

Как отмечалось выше, право хозяйственного ведения шире по объему, чем право оперативного управления.

Содержание и пределы осуществления права хозяйственного ведения в общем виде определены нормой п. 1 ст. 276 ГК: «унитарное предприятие или государственное объединение, а в случаях, определяемых Президентом Республики Беларусь, иное юридическое лицо, которым имущество принадлежит на праве хозяйственного ведения, владеют, пользуются и распоряжаются этим имуществом в пределах, определяемых в соответствии с законодательством». Указанные пределы определяются правомочиями собственника имущества, переданного названным организациям, который:

---

[231] Петров Д.В. – Указ. соч. – С. 116–127; Якушев В.С. Правое регулирование внутрихозяйственных отношений // Антология уральской цивилистики: 1925–1989. – М., 2001. С. 419.

[232] Петров Д.В. – Указ. соч. – С. 102.

[233] Ожегов И.С., Шведова Н.Ю. – Указ. соч. – С. 595, 704, 740.

[234] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 598.

1) осуществляет контроль за использованием по назначению и сохранностью имущества, являющегося объектом права хозяйственного ведения;

2) имеет право на получение части прибыли от его использования[235] (ч. 2 п. 2 ст. 276 ГК);

3) по общему правилу, решает вопросы распоряжения (любыми способами, в том числе и не влекущими отчуждения) недвижимым имуществом (п. 3 ст. 276 ГК); при этом согласие требуется на каждую конкретную сделку по распоряжению недвижимым имуществом[236];

4) решает вопросы дарения как движимых, так и недвижимых вещей, кроме обычных подарков небольшой стоимости (п. 1 ст. 547 ГК).

Собственник имущества унитарного предприятия, кроме перечисленных, имеет следующие правомочия:

1) решает вопросы создания унитарного предприятия, определения предмета и целей его деятельности, его реорганизации и ликвидации, т.е. вопросы, связанные с возникновением и прекращением права хозяйственного ведения;

2) назначает руководителя унитарного предприятия (п. 2 ст. 276 ГК) или передает полномочия руководителя унитарного предприятия по договору другой коммерческой организации (управляющей организации) либо индивидуальному предпринимателю (управляющему); кроме того, собственник имущества унитарного предприятия – физическое лицо – вправе непосредственно осуществлять функции руководителя (п. 4 ст. 113 ГК);

3) утверждает устав унитарного предприятия и вносимые в него изменения и (или) дополнения;

4) формирует уставный фонд унитарного предприятия, принимает решение о его изменении;

5) принимает решение об изъятии имущества у унитарного предприятия в порядке и случаях, предусмотренных нормами права либо уставом;

6) осуществляет контроль за деятельностью унитарного предприятия, использованием по назначению и сохранностью имущества, принадлежащего унитарному предприятию;

7) дает письменное согласие на создание, реорганизацию и ликвидацию дочерних предприятий, создание и ликвидацию представительств и филиалов (п. 6 ст. 113 ГК).

---

[235] См.: Указ Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2005 г. № 637 «О порядке исчисления в бюджет части прибыли государственных унитарных предприятий, государственных объединений, являющихся коммерческими организациями, доходов от находящихся в республиканской и коммунальной собственности акций (долей в уставных фондах) хозяйственных обществ и об образовании государственного целевого бюджетного фонда национального развития».

[236] Практика применения Гражданского применения РФ части первой / Под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – С. 530.

Унитарное предприятие отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом и не несет ответственности по обязательствам собственника его имущества. В свою очередь, собственник имущества унитарного предприятия не отвечает по обязательствам предприятия, за исключением случаев, предусмотренных нормой п. 3 ст. 52 ГК. Аналогичное правило об ответственности собственника установлено и в отношении государственных объединений (п. 5 ст. 123-1 ГК).

Также как и в случае с правом хозяйственного ведения законодатель различает два вида права оперативного управления в зависимости от субъекта, выступающего носителем права, – унитарное (казенное) предприятие, государственное объединение или учреждение, выделяя при этом некоторые особенности права оперативного управления государственных объединений. Последнее обстоятельство связано в том числе и с тем, что государственные объединения в отличие от казенных предприятий (коммерческая организация) и учреждений (некоммерческая организация) могут быть как коммерческими, так и некоммерческими.

В соответствии с общей для всех перечисленных субъектов нормой п. 1 ст. 277 ГК «казенное предприятие, учреждение или государственное объединение, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, в отношении закрепленного за ними имущества осуществляют в пределах, установленных законодательством, в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества права (в данном случае правильным было бы вести речь о правомочиях – *прим. автора*) владения, пользования и распоряжения им». Учитывая эту и другие нормы ГК, можно сформулировать следующие общие для всех субъектов права оперативного управления признаки:

1) распоряжение закрепленным на праве оперативного управления имуществом, как движимым, так и недвижимым, осуществляется только с согласия его собственника; иное правило может быть предусмотрено актами Президента Республики Беларусь применительно к государственному объединению (п. 3 ст. 278 ГК);

2) собственник вправе изъять излишнее, неиспользуемое либо используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению (п. 2 ст. 277 ГК);

3) собственник несет полную субсидиарную ответственность по долгам казенного предприятия – при недостаточности имущества предприятия (п. 5 ст. 115 ГК) и учреждения – при недостаточности находящихся в распоряжении учреждения денежных средств (п. 2 ст. 120 ГК); применительно к государственным объединениям, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, правило о субсидиарной ответственности собственника имущества отсутствует.

Особенности правового режима имущества казенного предприятия

состоят в следующем:

1) казенное предприятие самостоятельно реализует товары (работы, услуги), если иное не установлено нормами права (ч. 2 п. 1 ст. 278 ГК);

2) собственником имущества казенного предприятия определяется порядок распределения доходов (п. 2 ст. 278 ГК).

Эти же правила, если иное не предусмотрено актами Президента Республики Беларусь, распространяются и на государственные объединения.

Как справедливо отмечает Д.В. Петров, если учесть, что казенное предприятие может производить недвижимые вещи, то его возможности по распоряжению имуществом могут оказаться даже шире, чем у субъекта права хозяйственного ведения[237].

В соответствии с правилами ст. 279 ГК учреждение как субъект права оперативного управления, во-первых, не вправе *без согласия* собственника отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом и имуществом, приобретенным за счет средств, выделенных ему, если иное не установлено нормами законодательных актов[238]; во-вторых, имеет право самостоятельно распоряжаться доходами от разрешенной учредительными документами приносящей доходы деятельности[239] и приобретенным за счет этих доходов имуществом, *в том числе недвижимым*, если иное не предусмотрено законодательством. Такие доходы и имущество учитываются на отдельном балансе[240].

---

[237] Петров Д.В. – Указ. соч. – С. 195.

[238] *Для сравнения*: в соответствии с правилом п. 1 ст. 298 ГК Российской Федерации частное или бюджетное учреждение даже с согласия собственника не может распоряжаться имуществом, закрепленным за ним собственником или приобретенным этим учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества. При таком подходе ни учреждение, ни собственник (при отсутствии оснований, предусмотренных п. 2 ст. 296 ГК Российской Федерации – имущество является излишним, неиспользуемым или используемым не по назначению) не могут распорядиться имуществом, закрепленным в оперативном управлении, что вряд ли экономически обосновано.

[239] Интерес представляет практика применения нормы п. 2 ст. 279 ГК, предусматривающей возможность учредителя предоставить учреждению право осуществлять приносящую доходы деятельность в сфере образования. В соответствии с позицией законодателя, недвусмысленно выраженной в ст. 120 ГК, учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично. Частные учреждения образования, как известно, фактически создаются исключительно с целью осуществления приносящей доходы предпринимательской деятельности в виде оказания платных образовательных услуг, т.е. с целью, соответствующей целям создания коммерческих организаций (п. 1 ст. 46 ГК). Иными словами, указанная выше возможность, призванная решить проблемы, связанные с финансированием собственниками, прежде всего публичными, созданных ими учреждений, фактически превратилась в возможность использования правовой формы некоммерческих организаций при создании организаций, по сути являющихся коммерческими, что противоречит нормам ГК.

[240] В данном случае имеет место несовпадение норм ГК и норм о бухгалтерском учете и отчетности, в частности, в соответствии с Правилами учета доходов, полученных учре-

В соответствии с нормой п. 14 Положения о порядке создания унитарных предприятий, учреждений, имущество которых находится в республиканской собственности, их реорганизации и ликвидации, утвержденного Постановлением Совета Министров от 23 июля 2004 г. № 913, полученные созданным государственным органом учреждением доходы от предпринимательской деятельности и приобретенное за счет их имущество поступают в оперативное управление учреждения. В то же время правом самостоятельного распоряжения доходами от предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным на такие доходы, наделены учреждения образования, как частные, так и государственные (п. 4 ст. 138 Кодекса Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г.). Следовательно, возможность применения нормы п. 2 ст. 279 ГК необходимо уточнять в каждом конкретном случае ввиду наличия в действующем законодательстве норм, исключающих для отдельных учреждений рассматриваемое правомочие самостоятельного распоряжения.

Правовая природа данного правомочия с момента его закрепления в ГК является предметом дискуссии. Аналогичные положения включены и в ГК Российской Федерации. Применительно к ним высказаны следующие точки зрения.

«Право самостоятельного распоряжения» доходами от предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным на такие доходы, рассматривается в качестве права хозяйственного ведения[241], особого вещного права, «которое не укладывается ни в рамки права оперативного управления, ни в рамки права хозяйственного ведения»[242], права собствен-

---

ждениями от осуществления приносящей доходы деятельности, и приобретенного за их счет имущества, утвержденными Постановлением Министерства финансов от 29 декабря 2000 г. № 133, бухгалтерский учет доходов, полученных от осуществления приносящей доходы деятельности, и приобретенного за их счет имущества ведется раздельно от доходов, полученных из других источников, *на отдельных субсчетах с составлением единого баланса по учреждению*.

[241] Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: Учеб. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – С. 75; Гражданское право: Учеб.: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 608–609; Гражданское право. Часть первая: Учеб. / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – С. 294.

Если учреждение рассматривать в качестве субъекта не только права оперативного управления, но и права хозяйственного ведения в отношении доходов, полученных от разрешенной учредительными документами предпринимательской деятельности и приобретенного за счет этих доходов имущества, то неизбежным является применение правил п. 3 ст. 276 ГК о получении согласия собственника в случае распоряжения (любыми способами, в том числе и не влекущими отчуждения) недвижимым имуществом, однако, как представляется, право самостоятельного распоряжения не предполагает получения чьего-либо согласия.

[242] Гражданское право: Учеб.: в 3 т. –5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2001. – Т. 1. – С. 410; Гражданское право: Учеб.: в 3 т. / Под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1. – С. 811–815.

ности[243], отдельного режима «права оперативного управления, так сказать, право оперативного управления «прим»»[244], правомочия в рамках права оперативного управления[245]. На наш взгляд, соответствующей действующим нормам гражданского права является последняя точка зрения. Так, в соответствии с нормой п. 2 ст. 280 ГК (аналогичная норма п. 2 ст. 299 ГК Российской Федерации, которую в качестве аргумента приводит Д.В. Петров) «плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в <…> оперативном управлении, а также имущество, приобретенное <…> учреждением <…> по договорам или *иным основаниям*, поступают в <…> *оперативное управление* <…> учреждения <…> в порядке, установленном законодательством для приобретения права собственности». Следовательно, если имуществом, закрепленным за учреждением, и имуществом, приобретенным за счет средств, выделенных ему, оно не вправе распоряжаться без согласия собственника (п. 1 ст. 279 ГК), то доходами от предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным на такие доходы, учреждение распоряжается самостоятельно, но в рамках права оперативного управления, что необходимо для дальнейшего осуществления предпринимательской деятельности, определяемой законодателем в качестве деятельности самостоятельной (ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК). Системное толкование норм ст. 277 и ст. 279 ГК с учетом их названий также подтверждает вывод о том, что учреждение может быть субъектом лишь права оперативного управления. В этом случае логичной представляется постановка следующих вопросов: 1) имеет ли собственник право изъять имущество, полученное в результате осуществления предусмотренной учредительными документами приносящей доходы деятельности, по основаниям, предусмотренным нормой п. 2 ст. 277 ГК; 2) вправе ли кредиторы обращать взыскание на такое имущество. Положительный ответ на первый вопрос при рассмотрении «права самостоятельного распоряжения» в качестве правомочия в рамках права оперативного управления соответствует п. 2 ст. 277

Как особое вещное право рассматривает право оперативного управления И.В. Ершова, и предлагает «изменить название главы 19 ГК Российской Федерации, изложив его в следующей редакции: «Право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право самостоятельного распоряжения», дополнить данную главу нормой, раскрывающей содержание данного права, и внести соответствующее дополнение в ст. 216 ГК Российской Федерации [*Ершова И. В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: Теоретические основы и пути совершенствования : Автореф. дисс. д-ра юрид. наук: 12.00.03. – М., 2001. – С. 46–49*].

[243] Практика применения Гражданского применения РФ части первой / Под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – С. 544–545.

[244] Рабинович А. Нормативно-правовые основы составления отдельного баланса небюджетного учреждения по учету доходов от разрешенной деятельности и приобретенного за этот счет имущества // Хозяйство и право. – 2001. – №1. – С. 92.

[245] Петров Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 197.

ГК[246], а на второй – противоречит прямому указанию п. 2 ст. 120 ГК. Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в Постановлении от 27 октября 2006 г. № 11 «О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности» также указал, что «… на иное, нежели денежные средства, имущество, находящееся у учреждения, в том числе приобретенное за счет доходов, полученных от приносящей доход деятельности, не может быть обращено взыскание по долгам учреждения» (ч. 3 п. 13). В юридической литературе встречается и противоположный подход, основанный, в частности, на том, что в норме п. 2 ст. 120 ГК (соответствует п. 2 ст. 120 ГК Российской Федерации) отсутствует запрет на обращение взыскания на имущество, приобретенное учреждением самостоятельно[247], однако такой запрет отсутствует и в отношении остального имущества, закрепленного собственником за учреждением.

Собственник имущества, находящегося в хозяйственном ведении или в оперативном управлении, лишен возможности передать это имущество в доверительное управление. Такая передача возможна только после ликвидации организации, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которой имущество находилось, либо прекращения права хозяйственного ведения или оперативного управления имуществом и поступления его во владение собственника по иным предусмотренным нормами права основаниям (п. 3 ст. 896 ГК).

§ 3. Возникновение и прекращение права хозяйственного ведения и права оперативного управления

Вопросам возникновения и прекращения рассматриваемых ограниченных вещных прав посвящена специальная ст. 280 ГК. В соответствии

---

[246] Как бы мы не квалифицировали данное право – как право оперативного управления, право хозяйственного ведения или как особое вещное право, учреждение не приобретает право собственности на имущество (ч. 3 п. 2 ст. 44 ГК), полученное в результате осуществления предусмотренной учредительными документами приносящей доходы деятельности, а учредитель, соответственно, его не утрачивает, а следовательно, имеет возможность изъять в предусмотренных законом случаях. Нельзя признать достаточным аргументом в пользу возможности существования у учреждения права собственности лишь то обстоятельство, что нормы ГК не исключают возможности возникновения у учреждения права собственности на имущество, приобретенное за счет разрешенной предпринимательской деятельности [*Практика применения Гражданского применения РФ части первой / Под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – С. 544.*]. Следуя такой логике, мы можем предположить возможность существования права собственности у унитарного предприятия, в частности, на движимое имущество, которым предприятие распоряжается самостоятельно, поскольку нормы ГК прямо это не запрещают.

[247] Практика применения Гражданского применения РФ части первой / Под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – С. 548.

с п. 1 названной статьи право хозяйственного ведения или право оперативного управления имуществом, в отношении которого собственником принято решение о закреплении за унитарным предприятием, учреждением или государственным объединением, возникает у этого предприятия, учреждения или государственного объединения с момента передачи имущества, если иное не установлено нормами права. Таким образом, названные права, по общему правилу, возникают с момента поступления имущества в фактическое владение организации, которое должно сопровождаться подписанием акта приема-передачи и отражением имущества на счетах баланса, основанием которого является решение собственника о передаче своего имущества соответствующей организации. Данное обстоятельство следует учитывать при распределении риска за случайную гибель или повреждение имущества. При передаче имущества в уставный фонд организации соответствующее ограниченное вещное право возникает с момента ее государственной регистрации.

Право хозяйственного ведения и право оперативного управления на недвижимое имущество возникают с момента их государственной регистрации в качестве прав на недвижимое имущество. В соответствии с п. 2 ст. 280 ГК право хозяйственного ведения или право оперативного управления на плоды продукцию, доходы, приобретенные от использования переданного субъекту этих прав (закрепленного за ним) имущества, а также на имущество, приобретенное по договорам или иным основаниям, возникает в порядке, предусмотренном для возникновения права собственности.

Право хозяйственного ведения и право оперативного управления имуществом прекращаются по основаниям и в порядке, предусмотренным законодательными актами для прекращения права собственности. В качестве специального основания законодателем названо решение собственника о правомерном изъятии имущества у соответствующего субъекта, однако в нормах ГК отсутствуют критерии правомерности такого изъятия. Кроме того, норма п. 6 ст. 113 ГК устанавливает, что собственник имущества унитарного предприятия, если иное не определено Президентом Республики Беларусь, положениями ГК, «принимает решение об изъятии имущества у унитарного предприятия в порядке и случаях, предусмотренных законодательством либо уставом». Здесь же следует напомнить, что имущество, закрепленное за казенным предприятием, учреждением или государственным объединением на праве оперативного управления, может быть правомерно изъято собственником только в случае наличия доказательств того, что такое имущество является излишним, неиспользуемым либо используемым не по назначению (п. 2 ст. 277 ГК).

Из приведенных положений законодательства в их системной и

функциональной связи, на наш взгляд, следует, что изъятие имущества из хозяйственного ведения как в случаях, предусмотренных законодательством, так и в случаях, предусмотренных уставом, должно быть правомерным. Иными словами, из приведенных норм, в частности, п. 3 ст. 280 ГК, вовсе не следует, что собственник имущества унитарного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения, вправе в любой момент изъять имущество, в частности, денежные средства, даже при отсутствии у предприятия прибыли[248]. Противоположный подход позволял бы собственнику изымать имущество из хозяйственного ведения, в том числе с целью избежать обращения взыскания кредиторов.

Применительно к правомочиям собственника имущества, закрепленного на праве хозяйственного ведения, в российской судебной практике и юридической литературе высказана следующая, как представляется, соответствующая целям гражданского оборота и принципам гражданского права в целом точка зрения, согласно которой собственник не вправе распоряжаться имуществом, закрепленным за предприятием на праве хозяйственного ведения, без согласия последнего[249]. Кроме наличия согласия предприятия при оценке правомерности изъятия суды учитывают возможность погашения предприятием кредиторской задолженности за счет оставшегося после изъятия имущества и возможные мотивы изъятия[250], которое, как отмечалось выше, может быть осуществлено с целью препятствия обращению на него взыскания кредиторов.

Специальными основаниями прекращения права хозяйственного ведения и права оперативного управления выступают также приватизация, в результате которой предприятия как имущественные комплексы государственных унитарных предприятий продаются на аукционе или по конкурсу субъектам приватизации, определенным специальными нормами права; преобразование государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества; присоединение таких предприятий к открытым акционерным обществам[251]. Перечисленные основания пред-

---

[248] Точка зрения о наличии у собственника такого правомочия получила распространение в правоприменительной практике. См. также: Ширко М. Как собственнику изъять свои средства из оборота частного унитарного предприятия // Налоговый вестник. – 2010. – № 15.

[249] См.: п. 40 Постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Практика применения Гражданского применения РФ части первой / Под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – С. 553–554.

[250] Более подробно об этом см.: Практика применения Гражданского применения РФ части первой / Под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – С. 553–554.

[251] См.: Закон Республики Беларусь от 16 июля 2010 г. «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества».

ставляют собой исключение из правила о следовании права хозяйственного ведения за вещью (п. 1 ст. 281 ГК).

Таким основанием для прекращения права хозяйственного ведения или оперативного управления, как отказ от них, соответствующие субъекты могут воспользоваться только применительно к имуществу, распоряжение которым возможно без согласия собственника. В отношении остального имущества их обоснованное и надлежаще оформленное волеизъявление будет рассматриваться лишь как основание для принятия собственником решения о правомерном изъятии такого имущества.

ГЛАВА 9. ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

§ 1. Понятие, формы, способы и средства защиты вещных прав

Имущественные общественные отношения, составляющие основной предмет гражданско-правового регулирования, как уже неоднократно отмечалось, возникают и развиваются по поводу производства, обмена и потребления различной продукции (товаров, работ, услуг). Непосредственно указанные процессы подлежат детальному правовому регулированию нормами гражданского права.

Как процесс производства различных вещей, так и их нормальное, легитимное использование (потребление) возможны только при наличии у владельца вещи правового титула на нее – предусмотренного нормами гражданского права правового основания, позволяющего субъекту воздействовать на вещь любым способом, не противоречащим гражданско-правовым нормам либо общим началам и смыслу гражданского права. Таким титулом, в первую очередь, является основное вещное право – право собственности, а также производные от права собственности ограниченные вещные права.

Как право собственности, так и ограниченные вещные права, на что указывалось выше, с точки зрения классификации гражданских прав являются абсолютными вещными правами, опосредующими отношения статики. В этой связи можно утверждать, что принадлежность вещи субъекту непосредственно на праве собственности, т.е. абсолютном праве, является правовой гарантией, во-первых, беспрепятственного осуществления собственником всех трех правомочий собственника в отношении принадлежащей ему вещи и, во-вторых, юридически обеспечивающей защиту от вмешательства в хозяйственную сферу собственника всех иных лиц.

Вместе с тем, нормы права собственности, являясь, в основе своей, регулятивными, создают идеологические предпосылки для нормального развития гражданско-правовых отношений, возникающих по поводу владения, пользования и распоряжения принадлежащим субъекту имуществом и, так же как другие нормы гражданского права, не застрахованы от их нарушения, в результате совершения которого собственник или иной титульный владелец вещи лишается нормативно закрепленных за ним возможностей использования своего имущества.

Лишение собственника возможности нормального осуществления его законных правомочий в отношении принадлежащего ему имущества может произойти вследствие неправомерного изъятия самого объекта воздействия, либо иными способами, не связанными с фактическим изъя-

тием имущества у его собственника, т.е. посредством противоправного вмешательства в хозяйственную сферу управомоченного лица, вследствие чего последнее лишится юридически обеспеченной возможности воздействия на свое имущество желаемым для него способом.

Негативные последствия в виде создания собственнику имущества или иному титульному владельцу препятствий в осуществлении правомочий собственника в отношении его имущества могут возникнуть в результате совершения несобственником действий в пределах предоставленных ему нормами ГК прав, но противоречащим нормам ст. 9 ГК способом и, следовательно, признаваемых противоречащими требованиям ГК, т.е. противоправными. Например, осуществление предоставленных нормами ГК прав исключительно с намерением причинить вред собственнику имущества посредством создания препятствий осуществления правомочий собственника в отношении конкретного имущества (шикана) либо злоупотребление предоставленными правами в иных формах.

Необходимо отметить, что лишение собственника фактической возможности осуществления принадлежащих ему правомочий собственника может произойти как вследствие нарушения норм гражданского права, так и в результате совершения административного проступка либо уголовного преступления.

В этой связи следует отметить, что наряду с нормами гражданского права охрана вещных прав от противоправных посягательств осуществляется нормами административного и уголовного права в соответствии с квалификацией правонарушения, совершенного портив собственности.

При этом под охраной вещных прав следует понимать совокупность превентивных мероприятий, осуществляемых государственными органами и собственниками (иными титульными владельцами) имущества, направленных на создание неблагоприятных экономических и социальных условий совершения противоправных деяний в отношении чужого имущества.

Независимо от способа вмешательства в хозяйственную сфер собственника или иного титульного владельца, а именно путем изъятия имущества из его фактического обладания, иного не связанного с волей собственника выбытия имущества из сферы его господства либо посредством создания иных препятствий для нормальной эксплуатации собственной вещи, возникает ситуация, не соответствующая требованиям норм Конституции, ГК и иных нормативных правовых актов, чем ставится под угрозу нормальное развитие гражданского оборота.

Так, государство в соответствии с нормами ст. 44 Конституции гарантирует каждому субъекту, находящемуся на территории Республики Беларусь, право собственности, ее неприкосновенность и государственную защиту от противоправных посягательств. Обеспечением закрепленной в

Конституции гарантии является эффективное правовое регулирование общественных отношений, возникающих в процессе приобретения права собственности и осуществления субъектами гражданского права правомочий собственника. При этом одним из необходимых элементов эффективного правового регулирования отношений собственности следует признать совокупность охранительных правовых средств, направленных на защиту права собственности и ограниченных вещных прав в случае их нарушения, что, наряду с регулятивными нормами вещного права, служит стабильному развитию гражданского оборота, эффективному вовлечению имущества в экономический оборот, динамичному развитию общества и государства.

Следовательно, субъект, ущемляющий интересы собственника имущества, посягает, в первую очередь, на конституционный и, во вторую, на гражданский правопорядок, установленный в государстве.

На основании конституционных норм в ГК закреплен принцип неприкосновенности собственности, императивы которого предоставляют субъектам гражданского права охрану права собственности на имущество, приобретенное в соответствии с правовыми нормами, гарантируют неприкосновенность права собственности и его государственную защиту. Таким образом, противоправное вмешательство в хозяйственную сферу собственника или иного титульного владельца также противоречит установленному в государстве гражданскому правопорядку. Следовательно, любое ущемление прав собственника по отношению к их объему, закрепленному в Конституции и ГК, является противоправным, что служит основанием для восстановления нарушенного права в предусмотренном правовыми нормами порядке с использованием предусмотренных правовыми нормами формы, способов и средств защиты.

В результате совершения противоправного деяния в отношении чужого имущества у его собственника возникает субъективное право на защиту нарушенных прав и ущемленных законных интересов.

Под защитой вещных прав следует понимать возникающее вследствие совершения противоправного деяния в отношении чужого имущества общественное отношение, в процессе участия в котором субъекту гражданского права, вещные права которого нарушены, предоставляется обеспеченная государством возможность восстановления нарушенного вещного права и защиты своих законных интересов путем использования соответствующих средств защиты, подлежащих применению в рамках избранного способа и формы защиты.

В процессе реализации субъективного права на защиту субъекты гражданского права могут использовать как юрисдикционную, так и неюрисдикционную формы защиты, в рамках которых применяются соответствующие способы и средства защиты нарушенного субъектив-

ного вещного права.

Юрисдикционная форма защиты вещных прав, на что указывалось выше, предполагает обращение за защитой в компетентные государственные органы, а неюрисдикционная – использование субъектом, вещное право которого нарушено, предусмотренных нормами ГК средств самозащиты граждански прав.

Далее будут рассмотрены способы и средства защиты, применяемые в рамках юрисдикционной формы защиты, т.е. посредством использования возможностей государства по принудительному восстановлению нарушенного субъективного права участника гражданских правоотношений.

В юридической литературе такие понятия, как «средства защиты» и «способы защиты», отождествляются. При этом некоторые авторы выделяют три, а некоторые – четыре группы средств (способов) защиты права собственности и других вещных прав.

Так, В.П. Камышанский выделяет три группы способов защиты права собственности: 1) вещно-правовые; 2) обязательственно-правовые; 3) способы, которые не вошли в первые две группы и содержатся в отдельных институтах гражданского права (в том числе и способы защиты законных интересов собственника при прекращении права собственности)[252].

Сергеев А.П. выделяет четыре группы средств защиты вещных прав: 1) вещно-правовые; 2) обязательственно-правовые; 3) способы, которые не вошли в первые две группы и содержатся в отдельных институтах гражданского права; 4) гражданско-правовые средства, которые направлены на защиту интересов собственника при прекращении права собственности по основаниям, предусмотренным правовыми нормами[253]. Как видно из содержания третей и четвертой классификационных групп, А.П. Сергеев в одном ряду использует такие понятия, как «средства» защиты и «способы» защиты.

Анализ содержания классификаций, приведенных двумя учеными, указывает на их полную идентичность, за исключением того, что В.П. Камышанский объединил в третью группу способы (средства) защиты, которые А.П. Сергеевым выделены в две самостоятельные группы – третью и четвертую. Безусловно, более логичной следует признать классификацию, предложенную А.П. Сергеевым, так как способы (средства) защиты, включенные в третью и в четвертую группы, применяются при различных обстоятельствах и, следовательно, классификация, предложен-

[252] Гражданское право: Учеб.: в 2-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 449–450.

[253] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 788–790.

ная А.П. Сергеевым, является более удобной для проведении научных исследований. Однако, с точки зрения их практического применения, и классификацию А.П. Сергеева, и классификацию В.П. Камышанского следует признать идентичными.

Аналогичные классификации приводятся такими авторами, как В.А. Витушко[254], В.В. Чубаров[255], Н.А. Саниахметова, Е.О. Харитонов[256] и другими.

Несмотря на отождествление в юридической литературе таких терминов, как «способ защиты» и «средство защиты», по нашему мнению, их следует различать, так как они представляют собой хотя и взаимосвязанные друг с другом, но все же различные категории гражданского права.

Так, под способом защиты следует понимать совокупность регламентированных правовыми нормами действий, совершаемых субъектом вещного права и направленных на его восстановление либо на возмещение убытков, причиненных нарушением вещного права. Открытый перечень способов защиты гражданских прав, в том числе и вещных, закреплен в ст. 11 ГК, которая предусматривает перечень действий, совершение которых с целью защиты нарушенного права признается легитимным.

Реализация действий, направленных на защиту нарушенного права и предусмотренных соответствующим способом зашиты, осуществляется посредством применения предусмотренных правовыми нормами средств защиты, под которыми следует понимать совокупность приемов, используемых субъектом права собственности в процессе реализации субъективного права на защиту.

Средствами защиты вещных прав, применяемыми в рамках того или иного способа, являются, в частности, соответствующие гражданско-правовые иски, подаваемые в общие либо хозяйственные суды в зависимости от субъектного состава спорного правоотношения. Применительно к обязательственным правоотношениям средства защиты интересов участников обязательства закреплены в главе 23 ГК.

В частности, применительно к вещным правам средствами их защиты являются перечисленные выше четыре группы:

1) *вещно-правовые средства защиты*.

В указанную группу входят иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикационный иск); иск об устранении на-

[254] Витушко В.А. – Указ. соч. − С. 411–412.

[255] Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 558–563.

[256] Харитонов Е.О., Саниахметова Н.А. Гражданское право: Учеб. пособ. – Киев: А.С.К., 2003. – С. 270–271.

рушений, не связанных с лишением владения (негаторный иск); иск о признании права собственности.

Названные вещно-правовые средства защиты права собственности и ограниченных вещных прав характеризуются своей самостоятельностью, отсутствием зависимости от наличия обязательственного и иных относительных правоотношений, участие в которых является необходимым для применения анализируемых средств защиты, а также своей направленностью исключительно на защиту абсолютного субъективного права, каким и является право собственности.

Вещно-правовые иски, именуемые со времен Древнего Рима абсолютными, могут быть предъявлены собственником вещи к любому нарушителю вещных прав в отношении индивидуально-определенной вещи или вещей, определенных родовыми признаками, но индивидуализированных для целей рассмотрения спора.

Указанные средства защиты, исходя из их названий, направлены либо на фактический возврат имущества лицу, которому принадлежит право собственности в отношении имущества, хозяйственное господство над которым утеряно, либо на устранение причин, препятствующих собственнику имущества реализовывать правомочия собственника в отношении собственного имущества, либо на подтверждение факта принадлежности имущества на праве собственности конкретному субъекту гражданско-правовых отношений.

Вещно-правовые средства защиты являются общими и, следовательно, могут применяться для защиты имущественных прав собственника или иного титульного владельца только в том случае, когда между сторонами спора отсутствует какое-либо относительное правоотношение, основанное на обязательстве.

При наличии между собственником (иным титульным владельцем) имущества и третьим лицом договорного или внедоговорного правоотношения, объектом которого является спорная вещь, ее титульный владелец должен прибегнуть к специальным, т.е. обязательственно-правовым средствам защиты. Наличие между сторонами спора о вещи обязательственных правоотношения, на что справедливо указывает Р.С. Бевзенко, всегда устраняет возможность применения виндикационного иска, что, по сути, исключает конкуренцию виндикационного (общего) и договорного (специального) иска[257];

2) *обязательственно-правовые средства защиты*.

Анализируемая группа гражданско-правовых средств защиты вещных прав характеризуется своей производностью от договорного или

[257] Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / Под общ. ред В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 563.

внедоговорного обязательственного правоотношения, являющегося относительным. Средства защиты вещных прав, входящие в анализируемую группу, могут быть применены в случае ущемления вещных прав вследствие нарушения условий участия в обязательстве:

а) для защиты права собственности при нарушении контрагентом собственника вещи соответствующих обязанностей по возврату имущества, предусмотренных гражданско-правовым договором, например, договором аренды, безвозмездного пользования, хранения;

б) либо для защиты имущественных прав, не связанных с правом собственности на индивидуально-определенную вещь, в случае ее гибели вследствие ненадлежащего исполнения договорных обязательств контрагентом собственника вещи, а также в результате причинения вреда или неосновательного обогащения[258], являющихся основаниями возникновения внедоговорных обязательственных правоотношений.

Процедура применения обязательственно-правовых средств защиты права собственности и ограниченных вещных прав подлежит рассмотрению при анализе соответствующих гражданско-правовых институтов обязательственного права.

В юридической литературе к обязательственно правовым средствам защиты вещных прав обоснованно относят, например, иск о возврате неосновательно приобретенного или неосновательно сбереженного имущества; иск о возврате вещей, предоставленных по договору; иск о возмещении вреда, причиненного имуществу собственника вследствие нарушения договорных обязательств; иск о возмещении вреда, причиненного имуществу вследствие его повреждения (уничтожения) вне связи с участием в обязательстве и др.[259]

К специфическим особенностям обязательственно-правовых средств защиты права собственности и иных вещных прав, позволяющим отграничить анализируемые средства защиты от вещно-правовых, следует отнести то, что, во-первых, их применение возможно только при наличии спора между сторонами обязательственного правоотношения; во-вторых, предметом спора может быть не только индивидуализированное имущество, но и определенное родовыми признаками; в-третьих, вместо утраченного имущества его собственник имеет право потребовать передачи ему аналогичного имущества либо возмещения его стоимости, чего не предполагают вещно-правовые средства защиты;

3) *средства защиты вещных прав, применение которых предусмотрено отдельными институтами гражданского права, и не относящи-*

[258] *Подробнее об этом см.*: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2010. – Т. 2. – С. 456–561.

[259] См., например: Гражданское право: Учеб.: в 3-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – С. 558–559.

еся ни к вещно-правовым, ни к обязательственно-правовым.

Выделение третей группы средств защиты вещных прав обусловлено тем обстоятельством, что гражданско-правовые отношения не ограничиваются абсолютными правоотношениями, возникающими в процессе осуществления правомочий собственника и участием в обязательствах. Отдельные институты Общей части ГК посвящены регулированию отношений, например, возникающих в случае исчезновения человека и его длительного отсутствия в месте нахождения принадлежащего отсутствующему имущества: признание лица безвестно отсутствующим и объявление лица умершим. Отельные нормы ГК посвящены регулированию отношений, возникающих между сторонами сделки, которая признана в установленном порядке недействительной. Особую группу составляют отношения, возникающие на основании договора о залоге имущества.

Во всех перечисленных случаях возникает необходимость охраны, а в случае нарушения и защиты вещных прав участников гражданско-правовых отношений. Так, в частности, в случае признания лица безвестно отсутствующим государство обязано принять меры к охране его имущества, к содержанию такого имущества в надлежащем состоянии, исключающем его порчу или утрату. Кроме того, государство обязано учесть имущественные интересы лиц, которых безвестно отсутствующий обязан содержать. В случае объявления лица умершим, распределения его имущества в порядке наследственного правопреемства и возвращения такого лица в место нахождения своего имущества государство обязано принять меры к восстановлению его имущественного положения. Необходимость защиты имущественных прав возникает и в случае порчи или утраты предмета залога.

Изложенное позволяет утверждать о целесообразности выделения специальных средств охраны и защиты вещных прав, порядок применения которых рассматривается в соответствующих главах настоящего издания.

4) *гражданско-правовые средства, которые направлены на защиту интересов собственника при прекращении права собственности по основаниям, предусмотренным правовыми нормами*.

Государство в целях надлежащего выполнения возложенных на него функций включило в систему гражданского права правовые средства, позволяющие в случае возникновения особой необходимости перевести на себя правомочия собственника имущества, находящегося в частной собственности, помимо воли собственника такого имущества. К указанным правовым средствам относятся, например: выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей (ст. 241 ГК), выкуп домашних животных (ст. 242 ГК); реквизиция (ст. 243); конфискация (ст. 244 ГК); национализации (ст. 245 ГК).

Вместе с тем, нормы ст. 44 Конституции гарантируют каждому неприкосновенность собственности и допускают возможность отчуждения имущества у его собственника только по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных правовыми нормами, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда.

В этой связи нормы, предусматривающие возможность принудительного изъятия имущества у его собственника в случае возникновения общественной необходимости, предусматривают и право собственника изымаемого имущества на соответствующую денежную компенсацию его стоимости.

Указанные нормы стоят на охране вещных прав собственника, предоставляя последнему соответствующие гарантии соблюдения его имущественных интересов в случае изъятие его имущества для общественной пользы. В случае нарушения предоставленных названными нормами гарантий лицо, чье право на компенсацию стоимости национализированного, реквизированного или изъятого по иным указанным выше основаниям имущества нарушено, имеет право обратиться за судебной защитой своего имущественного права в компетентные государственные органы посредством использования соответствующих средств защиты.

Таким образом, рассмотренные четыре группы средств защиты права собственности и ограниченных вещных прав предоставляют собственнику или иному титульному владельцу достаточный арсенал правовых возможностей для защиты нарушенного вещного права создавая, тем самым – стабильные условия развития гражданского оборота.

Далее рассмотрим вещно-правовые средства защиты, используемые непосредственно для защиты вещных прав как прав абсолютных и статических.

§ 2. Иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикационный иск)

Одним из основных способов защиты вещных прав можно признать предусмотренную нормами ст. 11 ГК возможность восстановления положения, существовавшего до нарушения вещного права. Названный способ применяется в рамках юрисдикционной формы защиты посредством обращения в суд с использованием такого средства защиты, как виндикационный иск, который, согласно справедливому утверждению А.П. Сергеева, занимает особое место среди гражданско-правовых средств защиты права собственности и имеет предупредительно-воспитательное

значение для обеспечения неприкосновенности государственной и частной собственности от противоправного завладения[260].

Под виндикационным иском традиционно, со времен Римского права, понимается иск фактически не владеющего индивидуально определенной вещью собственника, к лицу, фактически владеющему такой вещью, но не имеющему соответствующего правового титула в отношении нее.

По сути, в приведенной ситуации фактически не владеющий собственник имеет в отношении вещи, принадлежащей ему на праве собственности, юридические составляющие трех правомочий собственника, а именно, правомочие владения, правомочие пользования, правомочие распоряжения и лишен фактических составляющих названных правомочий. «Предъявление виндикационного иска, отмечает Ю.К. Толстой, означает, что истец не в состоянии осуществить принадлежащее ему право владения. Истец не осуществляет над вещью ни хозяйственного, ни физического господства, которое сосредоточено в руках других лиц. Из этого, однако, вовсе не следует, что истцу не принадлежит больше и самое право владения»[261].

При этом владеющее вещью иное, неуправомоченное лицо имеет в отношении нее фактические составляющие правомочий собственника, но не приобретает юридических составляющих, что, по общему правилу, лишает его притязания на вещь статуса легитимных.

Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, как способ защиты вещных прав применяется в том случае, когда собственник вещи, определенной индивидуальными признаками, лишен фактической составляющей правомочия владения ею и, как следствие, фактических составляющих остальных правомочий собственника, но желает ими обладать. Возникновение указанной ситуации возможно в том случае, когда вещь по каким-либо причинам выбывает из сферы хозяйственного господства собственника, в результате чего последний лишается возможности физического воздействия на вещь и, следовательно, возможности извлечения ее полезных свойств, т.е. того, ради чего вещь и приобретается в собственность.

Лишение собственника или иного титульного владельца возможности осуществления правомочий, составляющих содержание права собственности в отношении принадлежащего ему имущества, создает угрозу нормальному развитию гражданского оборота, препятствует вовлечению имущества в легитимную хозяйственную деятельность и, в целом, может

[260] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 792–793.

[261] Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. – С. 101.

оказать негативное воздействие на эффективное развитие экономики. Существование гипотетической возможности совершения противоправного деяния, влекущего нарушение вещных прав, является безусловным основанием к созданию правовых условий охраны права собственности и ограниченных вещных прав от противоправных посягательств и, в случае нарушения вещного права, его эффективной защиты.

Правовую основу применения в качестве средства защиты вещных прав иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения, именуемого цивилистической наукой со времен Римского права виндикационным иском[262], составляют нормы стст. 282–284 ГК, ст. 286 ГК.

Так, нормами ст. 282 ГК собственнику имущества предоставлено право его истребования из чужого незаконного владения. При этом нормами ст. 286 ГК аналогичное право предоставлено лицам, хотя и не являющимся собственниками имущества, но владеющим им на одном из ограниченных вещных прав: праве хозяйственного ведения, оперативного управления, пожизненного наследуемого владения, либо по иному основанию, предусмотренному правовыми нормами или договором, т.е. иным, кроме собственника, титульным (законным) владельцам имущества. При этом иные титульные владельцы наделяются правом предъявления виндикационного иска не только к третьим лицам, но и к лицу, от которого это имущество получено во владение, пользование, распоряжение по одному из правовых оснований, т.е. непосредственно к собственнику имущества, на что указывают нормы ст. 286 ГК.

Содержание норм стст. 282–284 ГК, ст. 286 ГК позволяет точно определить, во-первых, круг лиц, имеющих право использовать виндикационный иск в качестве средства защиты своего нарушенного права, а, во-вторых, те обстоятельства, при которых допускается использование непосредственно виндикационного иска в качестве средства защиты имущественных прав.

Так, к лицам, имеющим право использовать виндикационный иск в качестве средства защиты вещного права, относятся, во-первых, собственник имущества, во-вторых, лицо, владеющее таким имуществом на основании одного из ограниченных вещных прав, договора или по иному легитимному основанию. К таким лицам, т.е. собственникам имущества и субъектам ограниченных вещных прав, относятся граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица без гражданства, белорусские государственные и частные коммерческие и некоммерческие организации со статусом юридического лица, непосредственно Республика Беларусь в лице соответствующих государственных органов, ад-

[262] От латинского vim dicere – объявить о применении силы. Понятие «виндикационный иск» в гражданском законодательстве не закреплено.

министративно-территориальные единицы Республики Беларусь в лице органов местного управления, организации со статусом юридического лица иностранных государств, иностранные и международные организации, не обладающие статусом юридического лица, а также непосредственно иностранные государства.

Таким образом, применительно к субъектному составу отношений, возникающих в процессе истребования имущества из чужого незаконного владения, применим термин «общий субъект гражданского права», т.е. все лица, участие которых в гражданско-правовых отношениях предусмотрено нормами п. 3 ст. 1 ГК.

В силу того, что цивилистическая доктрина, а вслед за ней и догма, разделяют момент возникновения у человека способности иметь гражданские права, в том числе и право собственности, и момент возникновения способности самостоятельно их осуществлять, можно констатировать, что виндикационный иск, как, впрочем, и другие средства защиты права собственности применительно к физическим лицам, легитимную возможность использовать имеет не каждый собственник имущества, а лишь те из них, которые обладают правосубъектностью в полном объеме.

Интересы физических лиц (собственников), не наделенных достаточным объемом правосубъектности для защиты своего нарушенного вещного права, т.е. социально несформировавшихся как личность и, соответственно, как участники гражданско-правовых отношений, представляют в гражданском обороте их представители, что соответствует используемому в цивилистике искусственному расчленению правосубъектности на правоспособность и дееспособность, при котором правоспособность сохраняется за лицом, не достигшим восемнадцати лет, ограниченно дееспособным или лишенным дееспособности, а дееспособность такого лица и, как ее элемент, сделкоспособность посредством применения юридической фикции передается другому субъекту, способному, с точки зрения гражданского права, своими действиями приобретать права и исполнять обязанности недееспособного (частично дееспособного) в процессе защиты принадлежащего ему права собственности[263].

Таким образом:

– согласно нормам ст. 282 ГК, право на виндикацию всегда принадлежит собственнику истребуемого имущества;

– в соответствии с нормами ст. 286 ГК право на виндикацию также принадлежит иному титульному владельцу, обладающему в отношении истребуемого имущества правовым титулом на основании одного из

[263] Тариканов Д.В. – Указ. соч. – С. 42–43.

ограниченных вещных прав либо на основании договора или правовых норм. К таким лицам относятся субъекты права хозяйственного ведения, оперативного управления, пожизненного наследуемого владения земельным участком, постоянного пользования земельным участком, а также субъекты иных ограниченных вещных прав, в том числе залогодержатель в отношении имущества, являющегося предметом залога; субъекты, владеющие имуществом на основании договора аренды, ссуды, хранения, комиссии, перевозки, поручения и других гражданско-правовых договоров, предполагающих передачу имущества его собственником во владение второй стороне по договору. Причем субъекты ограниченных вещных прав, залогодержатель, а также не являющаяся собственником вещи сторона гражданско-правового договора, по которому вещь поступает в ее владение и пользование (например, сторона договора аренды или ссуды), имеют право в целях зашиты своего титульного владения предъявлять виндикационный иск в том числе и к собственнику имущества;

– кроме того, в юридической литературе высказывается обоснованная точка зрения, согласно которой право на предъявление виндикационного иска принадлежит также лицу, хотя и не обладающему в момент предъявления иска правовым титулом в отношении истребуемой вещи, но способного к приобретению права собственности на такую вещь на основании норм, составляющих гражданско-правовой институт «приобретательная давность»[264], т.е. к лицу, признаваемому цивилистической догмой давностным владельцем в соответствии с нормами ст. 235 ГК.

Ответчиком по виндикационному иску может выступать только то лицо, у которого к моменту обращения собственника или иного титульного владельца в суд с виндикационным иском об истребовании принадлежащей им индивидуально определенной вещи (вещей, определенных родовыми признаками, но индивидуализированных для целей иска) такая вещь сохранилась в натуре. При этом объем дееспособности фактического владельца истребуемой вещи значения не имеет.

Выбытие имущества из владения лица до момента предъявления к нему иска исключает возможность применения виндикации для защиты нарушенного вещного права, что непосредственно обусловлено отсутствием у предполагаемого ответчика предмета материального мира, способного удовлетворить исковые притязания.

Собственник или иной титульный владелец истребуемого имущества

[264] См., например: Гражданское право: Учеб. / Под ред. В.В. Залесского, М.М. Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 272; Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 794–795; Гражданское право: Учеб.: в 3-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – Ч. 1. – С. 562 и др.

обязаны доказать легитимность своих имущественных притязаний на него. Доказыванию, в первую очередь, подлежит принадлежность субъекту, обращающемуся в суд с виндикационным иском правового титула на истребуемое имущество. Это связано с тем, что, в соответствии с верным утверждением Е.А. Суханова, «виндикационный иск со времен римского права признается петиторным, т.е. требующим изначального доказательства истцом своего титула на вещь <…>»[265].

Кроме того, доказыванию подлежит факт отсутствия между истцом и ответчиком договорного или иного обязательственного правоотношения по поводу истребуемой вещи, наличие которого также исключает возможность применения виндикационного иска как правового средства защиты нарушенного вещного права.

Виндикационный иск служит цели обеспечения возможности собственника (иного титульного владельца) вещи истребовать ее из чужого незаконного владения, что и предопределяет предмет виндикации – требование о возврате индивидуально определенной вещи (их совокупности) от незаконного владельца лицу, обладающему правовым титулом на истребуемое имущество, предъявляемое к незаконному фактическому владельцу вещи через органы судебной власти.

Приведенное определение предмета виндикационного иска соответствует требованиям науки гражданского процессуального права, рассматривающей в качестве предмета любого иска «конкретное материально-правовое требование истца к ответчику, которое вытекает из спорного правоотношения и относительного которого истец просит постановить судебное решение»[266].

Согласно верному утверждению Т.В. Сысуева, от предмета иска следует отличать материальный объект иска, под которым понимается «любой объект материального мира, о котором идет спор … (вещь, в т.ч. деньги, объект недвижимости, иное имущество …)»[267]. Таким образом, в науке гражданского процессуального права различают два понятия: «предмет иска» и «материальный объект иска».

Необходимо отметить, что Ю.К. Толстой еще в 1955 г. в монографии «Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР» различал «предмет виндикационного иска», под которым понимал требование о признании истца собственником или иным законным владельцем истребуемой вещи и о возвращении вещи лицу, и «предмет спора по виндикационному иску», под которым понимал индивидуально-

[265] Суханов Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4. – С. 15.

[266] Гражданский процесс: Общая часть: Учеб. / Под ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Ю.Г. Юркевича. – Минск: Амалфея, 2001. – С. 402.

[267] Там же. – С. 402–403.

определенную вещь, принадлежащую истцу на праве собственности[268].

В связи с изложенным нельзя согласиться с утверждением Д.А. Колбасина, согласно которому «объектом (предметом) виндикации всегда является индивидуально-определенная вещь …»[269].

Наряду с предметом исковых притязаний титульного владельца к неуправомоченному обладателю вещи существенное значение для правильного рассмотрения имущественного спора имеет основание иска, под которым следует понимать «те юридические факты, на которых истец основывает свое материально-правовое требование к ответчику»[270], т.е., по сути, совокупность фактических обстоятельств, послуживших причиной предъявления исковых требований. Указанная совокупность фактических обстоятельств именуется юридическим составом, который, применительно к обстоятельствам предъявления виндикационного иска, квалифицируется как сложный юридический состав.

К фактическим обстоятельствам, совокупность которых составляет основание виндикационного иска и подтверждает обоснованность имущественных притязаний истца, относятся следующие:

– *во-первых*, факт принадлежности истребуемой вещи истцу на одном из предусмотренных правовыми нормами правовых титулов (право собственности, ограниченное вещное право, гражданско-правовой договор, согласно условиям которого истребуемое имущество поступило в фактическое владение истца, иные правовые основания).

Отсутствие у истца доказательств принадлежности ему правового титула на истребуемое у ответчика имущество является основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. Так, согласно верному утверждению Ю.К. Толстого, «удовлетворяя заявленный виндикационный иск, суд должен всякий раз установить, что истребуемое имущество действительно принадлежит истцу на праве собственности или на праве владения»[271];

– *во-вторых*, факт наличия у ответчика в натуре того имущества, об истребовании которого просит истец.

Особенностью виндикационного иска как средства защиты вещных прав является то, что он направлен исключительно на истребование индивидуально определенной вещи в натуре (совокупности родовых вещей, индивидуализированных для целей виндикации).

В случае, когда такое имущество уничтожено либо выбыло из обладания фактического владельца по иным причинам и к моменту предъявления исковых требований ответчик таким имуществом фактически

[268] Толстой Ю.К. – Указ. соч. – С. 102.
[269] Колбасин Д.А. – Указ. соч. – С. 240.
[270] Гражданский процесс. – Указ. соч. – С. 403.
[271] Толстой Ю.К. – Указ. соч. – С. 103.

не обладает, предъявление виндикационного иска, на что указывалось выше, непосредственно к данному лицу не представляется возможным. Вместе с тем, в случае наличия у титульного владельца вещи достаточных доказательств того, что именно это лицо причинило ему своими действиями убытки, титульный владелец имеет право использовать иные средства защиты из арсенала, закрепленного в гражданском законодательстве. В частности, собственник утраченного имущества может предъявить иск о возмещении убытков, причиненных повреждением или уничтожением его имущества;

– *в-третьих*, факт отсутствия между истцом и ответчиком договорного или иного обязательственного правоотношения, предметом которого является истребуемая вещь.

Наличие между сторонами спора любого обязательственного правоотношения, на что указывает Ю.К. Толстой[272], исключает возможность предъявления по поводу спорной вещи виндикационного иска. При этом имущественные требования собственника вещи могут быть удовлетворены посредством предъявления соответствующего иска, входящего в группу обязательственно-правовых средств защиты;

– *в-четвертых*, совокупность обстоятельств выбытия имущества из сферы хозяйственного господства истца.

В данном случае обязательному выяснению подлежит одно из двух возможных обстоятельств выбытия имущества из сферы хозяйственного господства управомоченного лица: по его воле или по мимо его воли, что в соответствии с нормами ст. 283 ГК оказывает существенное влияние на возможность применения виндикации к лицу, у которого фактически находится истребуемая вещь к моменту предъявления искового требования.

По воле титульного владельца вещь может выбыть из его хозяйственного господства в силу передачи ее на хранение, во временное владение и пользование, для реализации по договору комиссии и т.п., вещь может быть по легкомыслию оставлена без присмотра в общедоступном месте, собственник может отказаться от своей вещи и оставить ее в общедоступном месте, вещь может выбыть из сферы хозяйственного господства собственника и по иным аналогичным основаниям.

Помимо воли собственника или иного титульного владельца вещь может выбыть и сферы их хозяйственного господства вследствие кражи, разбоя, грабежа, мошенничества, может быть утеряна собственником при различных обстоятельствах, может быть оставлена помимо воли собственника, например, вследствие ухудшения состояния его здоровья, потери сознания и госпитализации в бессознательном состоянии, может

[272] Толстой Ю.К. – Указ. соч. – С. 113.

выбыть из сферы хозяйственного господства собственника и по иным основаниям, возникновение которых не зависит от воли собственника или иного титульного владельца имущества.

Необходимо отметить, что, согласно справедливому утверждению Л.А. Новоселовой, «<…> к обстоятельствам выбытия, помимо воли собственника, не относится изъятие имущества судебным приставом-исполнителем для его реализации при обращении взыскания на основании судебного решения»[273];

– *в-пятых*, совокупность обстоятельств поступления истребуемой вещи в фактическое обладание ответчика.

Наряду с определением обстоятельств выбытия имущества из сферы хозяйственного господства собственника или иного титульного владельца важное значение для применения виндикации имеют обстоятельства поступления имущества во владение его фактического обладателя, т.е. незаконного приобретателя.

Так, нормы ст. 283 ГК в зависимости от условий поступления вещи в фактическое владение лица предусматривают два типа незаконных приобретателей имущества: 1) добросовестный приобретатель; 2) недобросовестный приобретатель.

Добросовестным незаконным приобретателем согласно нормам п. 1 ст. 283 ГК признается субъект гражданского права, который в момент приобретения имущества у неуправомоченного лица не знал и не мог знать о том, что лицо, отчуждающее имущество, не имеет легитимных оснований для участия в соответствующем гражданско-правовом отношении, а по сути, не является собственником вещи, иным титульным владельцем и не управомочено указанными лицами на отчуждение их имущества. Приведенный подход к определению добросовестности незаконного приобретателя находит подтверждение и в юридической литературе. Так, например, В.А. Белов считает, что «добросовестным может считаться только приобретатель, который приобрел чужую вещь невиновно, т.е. если в его действиях не усматривается ни умысла, ни неосторожности»[274].

Под доброй совестью в самом общем виде Ю.А. Тарасенко понимает «состояние лица, выражающееся в его знании или незнании (наличном, возможном или долженствующем) о каких-либо фактах, с которыми закон связывает наступление или ненаступление определенных последствий»[275]. При этом, согласно верному утверждению Е.Ю. Самойлова,

[273] Новоселова Л.А. Истребование из чужого незаконного владения имущества, проданного в порядке исполнения судебного акта // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 65.

[274] Белов В.А. Защита интересов добросовестного приобретателя ценной бумаги // Законодательство. – 1997. – № 6. – С. 34.

[275] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Бело-

«добросовестный приобретатель совершает именно фактическую ошибку, покупая вещь не у собственника и считая продавца собственником на основании видимости права собственности, которую вызывает внешний факт»[276].

Именно ошибка в оценке фактических обстоятельств совершенной сделки в силу отсутствия у покупателя фактической (реальной) возможности точного определения правового положения лица, отчуждающего вещь, является основанием для признания за ним правомочий в отношении незаконно приобретенной вещи.

В отличие от фактической совершение юридической ошибки, т.е. ссылки приобретателя на тот факт, что он знал об отсутствии у продавца соответствующих правомочий на отчуждение вещи, но не знал о том, что приобретение вещи у такого лица запрещено правовыми нормами и, следовательно, является противоправным, не признается современным гражданским правопорядком в качестве основания для признания притязаний покупателя на такую вещь легитимными.

Необходимо отметить, что, согласно верному утверждению А.П. Сергеева, «добросовестность приобретателя вещи от неуправомоченного отчуждателя в соответствии со смыслом закона определяется на момент приобретения вещи», что исключает возможность признания приобретателя недобросовестным, если впоследствии он узнал о неправомерности своего приобретения[277].

При том следует учитывать общую направленность гражданско-правового регулирования, выраженную в том числе и в закрепленном в ст. 2 ГК принципе добросовестности участников гражданских отношений, согласно которому приобретатель признается добросовестным до тех пор, пока его недобросовестность не будет доказана в установленном правовыми нормами порядке (презумпция добросовестности).

Таким образом, в том случае, когда незаконный приобретатель в момент приобретения имущества признан добросовестным, статус добросовестного приобретателя сохраняется за ним в течение всего срока владения имуществом независимо от того, поступит к нему информация о незаконности своего приобретения или нет, что следует из содержания норм п. 1 ст. 283 ГК, согласно которым добросовестность субъекта определяется непосредственно в момент приобретения вещи.

Необходимость сохранения за незаконным приобретателем статуса добросовестного весь период владения имуществом, независимо от то-

---

ва. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 515.

[276] Самойлов Е.Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3. – С. 66.

[277] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 796.

го, что впоследствии он узнает о незаконности своего приобретения, обусловлена общей направленностью гражданского права как совокупности правовых средств, направленных на создание правовых условий стабильного и эффективного развития экономических отношений.

В противном случае экономический оборот и непосредственно процесс обмена товарами был бы поставлен под угрозу срыва, связанную с необходимость для каждого продавца предъявления покупателю неопровержимых доказательств наличия полномочий на отчуждение имущества, что возможно не во всех случаях и может быть связано с дополнительными финансовыми издержками. Так, если применительно к недвижимому имуществу, возникновение, переход и прекращение вещных прав в отношении которого подлежит государственной регистрации, процесс доказывания соответствующих правомочий не представляет сложности в силу наличия правоустанавливающих документов, выданных уполномоченными государственными организациями, то в отношении большинства движимых, и особенно потребляемых вещей, процедура доказывания принадлежности продавцу соответствующих правомочий может вызвать определенные сложности.

Непосредственно в силу этого цивилистическая доктрина, а вслед за ней и догма строятся на принципе фактического владения имуществом, согласно которому собственником вещи признается фактически владеющее ей лицо, если иное не доказано в установленном правовыми нормами порядке, как правило, вступившим в законную силу решением суда. Именно поэтому извинительным с точки зрения гражданского правопорядка является совершение фактической, но не юридической ошибки для признания незаконного приобретателя добросовестным, на что указывалось выше.

Только такой подход к определению принадлежности движимого имущества определенному лицу на праве собственности и к установлению добросовестности или недобросовестности незаконного приобретателя способствует стабильному развитию процесса обмена в частности и экономических отношений в целом.

Недобросовестным незаконным приобретателем признается участник гражданско-правовых отношений, который в момент приобретения вещи знал или мог знать о том, что лицо, отчуждающее имущество, не имеет правовых оснований для его отчуждения, либо субъект, непосредственно совершивший противоправное изъятие имущества из сферы хозяйственного господства его титульного владельца (например, похитивший имущество).

В частности, как недобросовестный приобретатель будет квалифицировано лицо, приобретающее заведомо похищенное имущество, лицо, нашедшее вещь и присвоившее ее себе в нарушение норм стст. 228–229

ГК, лицо, присвоившее себе безнадзорных животных в нарушение норм стст. 231–232 ГК. Как недобросовестный должен быть квалифицирован приобретатель, купивший вещь при обстоятельствах, дающих основание предполагать факт ее незаконного отчуждения (сильно заниженная цена имущества, предложение покупки в непредназначенном для продажи месте (у входа в винно-водочный магазин, в подворотне, на вокзале и т.п.), предложение покупки лицом без определенного места жительства, малолетним и при других аналогичных нестандартных обстоятельствах). Так, согласно верному утверждению О.С. Иоффе, «если имущество продается из-под полы, наспех, по явно заниженной цене, приобретатель, даже при отсутствии прямой неосведомленности по этому поводу, должен был бы усомниться в правомерности действий отчуждателя и воздержаться от вступления с ним в правоотношение».[278]

Из изложенного следует вывод о том, что добросовестность или недобросовестность незаконного приобретателя является одним из существенных фактических обстоятельств, оказывающих непосредственное влияние на возможность истребования вещи в натуре с помощью виндикационного иска и, следовательно, подлежит доказыванию в суде. Непосредственно добросовестность приобретателя, согласно обоснованной точке зрения Е.Ю. Самойлова, является в настоящее время «центральным элементом фактического состава добросовестного приобретения»[279], исключающего возможность истребования вещи, приобретенной возмездно.

Однако встает вопрос о том, на какую из сторон имущественного спора должно быть возложено бремя доказывания субъективной составляющей приобретения – на истца доказывание недобросовестности ответчика, либо, наоборот, доказывание своей добросовестности должно быть возложено на ответчика.

Данный вопрос поставлен нами в связи с тем, что в теоретической и практической юриспруденции имеются несколько противоположных подходов к его разрешению.

Так, Е.Ю. Самойлов отмечает, что формулировка нормы п. 1 ст. 302 ГК Российской Федерации (п. 1 ст. 283 ГК Республики Беларусь), согласно которой добросовестным приобретателем признается субъект, который не знал и не мог знать о том, что приобретает у неуправомоченного лица, «<…> выглядит как позитивная предпосылка (доказываемое условие) защиты приобретателя», что ученый обоснованно считает неверным[280]. Вместе с тем, опираясь на формулировку названной нор-

[278] Иоффе О.С. Избранные труды: в 4-х Т. – СПб.: Юрид. центр пресс, 2004. – Т. 2. – С. 496.

[279] Самойлов Е.Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3. – С. 83.

[280] Самойлов Е.Ю. – Указ. соч. – С. 99.

мы, по пути необходимости доказывания незаконным приобретателем своей добросовестности пошла судебная практика Российской Федерации[281], что, по нашему мнению, противоречит требованию нормы, закрепленной в п. 3 ст. 10 ГК Российской Федерации (п. 4 ст. 9 ГК Республики Беларусь).

Так, согласно приведенной норме, в том случае, когда нормы гражданского законодательства ставят защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права добросовестно и разумно, добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается. Следовательно, в случае предъявления виндикационного иска, удовлетворение которого поставлено в прямую зависимость от добросовестности или недобросовестности незаконного приобретателя, согласно содержанию приведенной нормы, добросовестность ответчика должна предполагаться до те пор, пока не доказано обратное. Презумпция добросовестности участников гражданских оборота, закрепленная как в ст. 9 ГК, так и в ст. 2 ГК, является одним из основных начал, на которых зиждется гражданско-правовое регулирование экономических отношений, и должна применяться во всех случаях разрешения споров о праве гражданском.

Так, согласно нормам ст. 179 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 г., каждая сторона доказывает факты, на которые ссылается как на основание своих требований или возражений, из чего следует, что истец, являясь титульным владельцем вещи, во-первых, должен доказать наличие у него соответствующего правового титула и, во-вторых, предоставить суду факты недобросовестности незаконного приобретателя, так как именно от этого в дальнейшем зависит возможность истребования у него вещи и передачи ее титульному владельцу. При этом ответчику (незаконному приобретателю) предоставлено право либо согласиться с доводами истца о своей недобросовестности, либо предоставить доказательства, опровергающие утверждения титульного владельца. Так, согласно верному утверждению Н.Г. Юркевича, «позиция истца содержит его требование к ответчику вместе с их фактическим и правовым обоснованием»[282], что подтверждает правомерность возложения доказывания факта недобросовестности ответчика на истца и ложность выводов, сделанных Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации в Постановлении № 8.

---

[281] См.: О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 25 февраля 1998 г. – № 8. – П. 24.

[282] Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Под ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, И.А. Мироничeнко. – Минск: Тесей, 2005. – С. 105.

Во избежание конфликтных ситуаций, возникновение которых возможно в процессе возложения бремени доказывания на стороны имущественного спора, следует согласиться с мнением Е.Ю. Самойлова о необходимости дополнения нормы п. 1 ст. 302 ГК Российской Федерации (п. 1 ст. 283 ГК Республики Беларусь) формулировкой, закрепленной в ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг», согласно которой добросовестным приобретателем признается лицо, которое не знало и не могло знать о незаконности своего приобретения, если не доказано иное[283].

Именно указание на презумпцию добросовестности незаконного приобретателя и необходимость доказывания обратного непосредственно в нормах анализируемой статьи будет способствовать наиболее верному определению процессуальных прав и обязанностей сторон в ходе рассмотрения имущественного спора об истребовании вещи из чужого незаконного владения.

Описанные выше обстоятельства выбытия имущества из сферы хозяйственного господства собственника или иного титульного владельца и поступления такого имущества в фактическое владение неуправомоченного лица оказывают ниже следующее влияние на возможность предъявления виндикационного иска.

Так, нормами ст. 283 ГК предусмотрены следующие варианты истребования имущества от незаконного приобретателя:

1) незаконный приобретатель признается недобросовестным, что указывает на умышленное (виновное или неосторожное) нарушение субъектом требований норм гражданского, административного либо уголовного права в процессе приобретения имущества в свое фактическое владение. При указанных обстоятельствах имущество (включая деньги и ценные бумаги) может быть истребовано от незаконного приобретателя посредством предъявления виндикационного иска во всех случаях, т.е. независимо от обстоятельств выбытия имущества из сферы хозяйственного господства собственника или иного титульного владельца (по их воле или помимо ее) и обстоятельств приобретения имущества незаконным недобросовестным приобретателем (на возмездной либо безвозмездной основе).

В данном случае на защиту вещного права собственника или иного титульного владельца встает принцип неприкосновенности собственности, закрепленный в ст. 44 Конституции и ст. 2 ГК;

2) незаконный приобретатель признается добросовестным и, следовательно, не совершавшим виновно (умышленно или по неосторожности) нарушения правовых предписаний.

[283] Самойлов Е.Ю. – Указ. соч. – С. 99–101.

При указанных обстоятельствах:

а) если имущество получено от неуправомоченного лица безвозмездно собственник или иной титульный владелец такого имущества могут его истребовать посредством предъявления виндикационного иска независимо от обстоятельств выбытия имущества из сферы своего хозяйственного господства (по их воле или помимо ее).

Закрепление в ГК возможности истребования безвозмездно приобретенного имущества от незаконного добросовестного приобретателя независимо от оснований выбытия имущества из хозяйственной сферы его собственника или иного титульного владельца обусловлено тем обстоятельством, что незаконный приобретатель, в случае изъятия у него имущества, не несет имущественных потерь и сохраняет свое имущественное положение, существовавшее до приобретения вещи.

В отличие от имущественной сферы незаконного приобретателя имущественная сфера не владеющего вещью собственника пострадала вследствие выбытия вещи из под его хозяйственного влияния и, согласно общей направленности и смыслу гражданского права, подлежит восстановлению, что следует из императивов принципа обеспечения восстановления нарушенных прав, закрепленного в ст. 2 ГК.

Исключение составляют деньги и ценные бумаги на предъявителя, которые не подлежат истребованию у добросовестного приобретателя независимо от обстоятельств их выбытия из сферы хозяйственного господства собственника или иного титульного владельца (по их воле или помимо ее), а также от обстоятельств приобретения добросовестным приобретателем (на возмездной или безвозмездной основе).

Установление запрета на истребование названных объектов гражданских прав у добросовестного приобретателя обусловлено такими их свойствами, как невозможность индивидуализации для целей виндикации, а также повышенная оборотоспособность, что делает невозможным применение в указанном случае виндикационного иска, направленного исключительно на истребование вещей, непосредственно выбывших из сферы хозяйственного господства их законного владельца, т.е. индивидуально определенных.

В случае с деньгами и ценными бумагами на предъявителя в большинстве случаев возврат непосредственно тех объектов, которые принадлежали законному владельцу, будет невозможен в силу их включения в гражданский оборот незаконным приобретателем (например, передача продавцу в обмен на приобретаемое имущество, передача банку или небанковской кредитно-финансовой организации вследствие заключения договора банковского вклада (депозита))[284];

[284] *Подробнее о процедуре заключения и исполнения договора банковского вклада (де-*

б) если имущество получено от неуправомоченного лица на возмездной основе, собственник или иной титульный владелец такого имущества вправе истребовать его от незаконного добросовестного приобретателя, но только в том случае, если истребуемое имущество выбыло из сферы хозяйственного господства управомоченного лица помимо его воли либо помимо воли лица, которому имущество передано во владение собственником или иным титульным владельцем.

Отличие процедуры виндикации вещи, приобретенной незаконно, но добросовестно на возмездной основе, от процедуры виндикации вещи, приобретенной добросовестно безвозмездно, связано с тем, что хозяйственная сфера лица, приобретшего вещь на возмездной основе, в случае ее изъятия пострадает, также как и страдает хозяйственная сфера не владеющего вещью собственника или иного титульного владельца в случае отказа в виндикации. В сложившейся ситуации, на что справедливо указывает А.П. Сергеев, возникает коллизия интересов собственника и незаконного добросовестного приобретателя вещи[285], которые, по нашему мнению, в равной степени имеют право на защиту своих имущественных интересов, что следует из императивов принципа юридического равенства участников гражданских отношений, закрепленного в ст. 2 ГК. Кроме того, закрепление в ГК запрета на виндикацию у добросовестного приобретателя вещи, выбывшей из хозяйственной сферы законного владельца по его воле, обусловлено необходимостью придания определенной стабильности гражданскому обороту. Так, на что справедливо указывает Е.А. Суханов, «истребование имущества собственником во всех без исключения случаях могло бы серьезно осложнить гражданский оборот, ибо тогда любой приобретатель оказался бы под угрозой лишения полученного имущества и потому нуждался бы в дополнительных гарантиях»[286].

Разработанный цивилистикой и воспринятый догмой гражданского права подход к правовому положению незаконного добросовестного приобретателя имущества, приобретшего вещь на возмездной основе, следует признать наиболее соответствующим общей направленности и смыслу гражданского права, нормы которого в равной степени стоят на защите имущественных интересов всех добросовестных участников гражданско-правовых отношений.

Так, приобретая имущество у неуправомоченного лица, о чем приоб-

---

позита) см.: Маньковский И.А. Курс гражданского права: Особенная часть: в 3-х т. – Минск: Молодежное, 2010. – Т. 2. – С. 87–99.

[285] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 798–799.

[286] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 617.

ретатель не знает и из обстоятельств приобретения не может знать (например, приобретение вещи на городском рынке, по объявлению, поданному в газете или через электронные ресурсы), он, руководствуясь принципом добросовестности участников гражданских отношений, а также общей направленностью вещного права как подотрасли гражданского права, признающего, по общему правилу, титульным владельцем вещи, фактически владеющее ею лицо при приобретении вещи не совершает виновно (умышленно, по неосторожности (халатности или легкомыслию)) противоправного деяния.

Приобретая при названных условиях вещь у неуправомоченного лица, субъект гражданского права считает себя законным приобретателем, а приобретенное имущество рассматривает как находящееся у него на праве собственности, что предполагает возможность обращения к государству за защитой в случае его нарушения. Третьи лица, окружающие незаконного добросовестного приобретателя в быту, также рассматривают его в качестве собственника имущества, находящегося в его фактическом владении. Таким образом, незаконный добросовестный приобретатель в своих глазах и в глазах окружающих является надлежащим участником гражданского оборота до тех пор, пока действительный собственник не обратится в суд с иском об истребовании имущества из владения незаконного приобретателя.

Закрепленный в законодательстве способ разрешения указанной ситуации, согласно которому истребование у добросовестного приобретателя вещи, приобретенной возмездно, возможно только в том случае, когда такая вещь выбыла из владения собственника или уполномоченного им лица помимо их воли, объясняется цивилистической доктриной либо с позиции «теории наименьшего зла», либо с позиции того, кто из субъектов спорного правоотношения прямо или косвенно совершил деяние, способствующее выбытию имущества из владения его собственника, реализации такого имущества неуправомоченным лицом и, как следствие, способствовал возникновению имущественного спора между собственником (иным титульным владельцем) и добросовестным приобретателем.

Постулатом «теории наименьшего зла»[287] выступает предположение о том, что в случае выбытии вещи из владения собственника или субъекта ограниченного вещного права по его воле такой субъект имеет больше возможностей защитить свои имущественные интересы (предъявить иск о возмещении убытков лицу, в чье фактическое владение было передано имущество), чем незаконный добросовестный приобретатель, который

[287] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 798–799.

может и не иметь идентификационных сведений о продавце имущества (например, в случае приобретения товара на рынке). Этот подход основан на том, что собственник имущества в процессе передачи вещи, как правило, вступает в договорное обязательственное правоотношение (хранение, аренда, комиссия, доверительное управление и т.п.) с индивидуализированным для этих целей субъектом, что предполагает наличие у собственника имущества полных сведений о второй стороне договора. Это обстоятельство, по мнению сторонников анализируемой теории, создает для собственника вещи более благоприятные условия для восстановления своего имущественного положения за счет субъекта, реализовавшего имущество помимо воли его собственника, по отношению к возможностям незаконного добросовестного приобретателя. Таким образом, наиболее справедливым признан подход, закрепленный в действующем ГК.

Во втором случае цивилистика исходит из того обстоятельства, что незаконный добросоветсный приобретатель, приобретая имущество у неуправомоченного лица, остается субъективно безупречным в отличие от собственника имущества, неосмотрительные действия которого при передаче имущества в фактическое владение субъекта, способного к ненадлежащемиу исполнению своих обязательств, и привели к сложившейся неблагоприятной ситуации[288]. Другой подход к разрешению анализируемой проблемы можно назвать «теорией виновного лица», которая зиждется на вменении собственнику имущества неосмотрительности в выборе контрагента при вступлении в договорные обязательственные правоотношения, участие в которых повлекло добровольную фактическую передачу имущества собственником недобросовестному субъекту гражданского оборота. Непосредственно такие действия собственника имущества, согласно анализируемому подходу, в конечном счете привели к незаконному отчуждению вещи и, как следствие, незаконному приобретению добросовестным субъектом гражданского права, который, в случае наличия у него сведений об отсутствии соответствующих правомочий у продавца вещи, скорее всего отказался бы от ее приобретения в силу незаконности такого деяния.

Каждая из названных теорий, по нашему мнению, имеет право на существование, однако каждая из них в отдельности не в полной мере объясняет основания применения закрепленного в действующем ГК подхода к разрешению имущественного спора. В этой связи наиболее оправданным следует признать подход, объединяющий в себе две рассмотренные теории, при котором учитываются как неосмотрительные

[288] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 618.

действия (бездействие) собственника имущества, так и его большие возможности по восстановлению своей ущемленной имущественной сферы. Подхода, объединяющего две теории, при анализе норм ГК, согласно которым вещь не может быть истребована у добросовестного возмездного приобретателя, если она выбыла из владения собственника по его воле, придерживается, например, В.П. Камышанский[289], который при анализе правовых норм, устанавливающих запрет на истребование выбывшего по воле собственника имущества у возмездного добросовестного приобретателя, ссылается как на неосмотрительное поведение собственника при выборе контрагента, так и на его бóльшие возможности по восстановлению своего имущественного положения.

Нормами главы 20 ГК предусмотрен особый порядок расчетов при возврате имущества его собственнику из незаконного владения.

Следует отметить, что необходимость осуществления расчетов между сторонами спора обусловлена экономическими характеристиками вещей, во-первых, во многих случаях требующих определенных затрат на поддержание вещи в надлежащем состоянии (на ее содержание) и, во-вторых, способных приносить плоды, приплод, иные доходы как в денежном, так и в натуральном выражении. В этой связи между сторонами спора, возникшего по поводу возврата имущества его собственнику, могут возникнуть разногласия, связанные, с одной стороны, с требованием фактического незаконного владельца компенсации расходов на содержание вещи и, с другой, с требованием собственника вещи о передаче ему вместе с вещью доходов, полученных в процессе ее хозяйственной эксплуатации.

На разрешение возможных разногласий между сторонами имущественного спора направлены нормы ст. 284 ГК, предусматривающие порядок распределения между собственником вещи и ее незаконным владельцем бремени содержания имущества и доходов, которые получены или непременно, в силу природных свойств имущества, должны были быть получены от его эксплуатации.

Из содержания норм ст. 284 ГК следует, что, во-первых, закрепленные в ней правила предусматривают две процедуры осуществления расчетов между сторонами спора, выбор одной из которых поставлен в зависимость от добросовестности либо недобросовестности незаконного приобретателя и, во-вторых, при производстве расчетов учитываются как имущественные интересы собственника истребуемой вещи, так и имущественные интересы ее незаконного владельца.

Примененный в ст. 284 ГК подход в полной мере соответствует ос-

[289] Гражданское право: Учеб.: в 3-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – Ч. 1. – С. 563–564.

новным началам и смыслу гражданского права как совокупности правовых средств, регулирующих имущественно-стоимостные эквивалентно-возмездные отношения между юридически равными субъектами, направленных исключительно на восстановление прав участников гражданского оборота в случае их нарушения. Использованный при конструировании норм ГК подход к урегулированию отношений, возникающих в сфере производства, обмена и потребления материальных благ, по общему правилу, не предполагает возможности приращения имущества одной стороны за счет другой без ее на то согласия и на безвозмездной основе, что в полной мере использовано и в конструкции норм ст. 284 ГК.

Так, согласно нормам ч. 1 ст. 284 ГК, собственник истребуемой вещи имеет право потребовать как от недобросовестного приобретателя, так и от добросовестного приобретателя возврата наряду со взыскиваемым имуществом доходов, полученных в процессе извлечения его полезных свойств.

Однако у недобросовестного приобретателя такие доходы подлежат взысканию за весь период незаконного владения вещью, а у добросовестного – с того момента, когда субъект узнал о незаконности своего владения и только в том случае, если вещь, являющаяся материальным объектом исковых требований собственника, будет взыскана в его пользу.

Момент, с которого добросовестный незаконный приобретатель должен был узнать или мог узнать о незаконности своего владения, определяется либо календарной датой получения повестки в суд в качестве ответчика по иску собственника вещи с требованием о ее взыскании, либо календарной датой получения сообщения от собственника или иного лица о незаконности владения вещью. Учитывая то, что точность определения указанного момента может иметь имущественные последствия для сторон спора, факт сообщения сособственником вещи или иным лицом о незаконности владения ею незаконному добросовестному владельцу и дата доведения такого сообщения до сведения незаконного владельца должны иметь в суде юридически значимое подтверждение.

Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что взыскание наряду с индивидуально определенной вещью доходов, полученных от ее использования, является правом собственника вещи, а не его обязанностью. В этой связи собственник истребуемой вещи наряду с требованием о ее отобрании у незаконного приобретателя должен предъявить отдельное требование о взыскании доходов в денежном и натуральном выражении, доказано полученных от использовании вещи либо доходов (плодов, приплода), которые неизбежно должны были быть получены в связи с природными свойствами истребуемого имущества. К доходам (плодам, приплоду), которые должны быть неизбежно получены, следу-

ет отнести: молоко, которое ежедневно получают от коровы, козы; яйца, которые ежедневно приносят яйценосные породы птиц; плоды цитрусового дерева, незаконно приобретенного в кадке в период плодоношения; приплод любого животного, птицы, аквариумных рыб и других представителей животного мира, незаконно приобретенных в соответствующий период их жизни, и т.п. При этом размер доходов, полученных незаконным владельцем и подлежащих, по мнению собственника имущества, взысканию в его пользу наряду с индивидуально определенным имуществом, подлежит доказыванию непосредственно собственником (истцом по виндикационному иску) и может быть оспорен незаконным владельцем (ответчиком по виндикационному иску) как в сторону уменьшения, что является экономически логичным, так и в сторону увеличения, что может быть вызвано различными причинами, в том числе и высокими моральными качествами ответчика.

В случае, когда собственнику имущества достоверно известно о том, что незаконный владелец получил доходы от хозяйственной эксплуатации истребуемого имущества помимо тех, которые являются обязательными, он имеет право истребовать и такие доходы, подтвердив факт их получения незаконным владельцем и их размер в суде. Например, незаконный владелец лошади получил доход от ее использования для вспашки земельных участков в садовом товариществе на возмездной основе.

Наряду с правом собственника взыскать с незаконного приобретателя имущество и полученные от его использования доходы (деньги, плоды, приплод, продукцию), нормы ч. 2 ст. 284 ГК наделяют незаконного приобретателя правом предъявления к собственнику требования возмещения расходов, связанных с содержанием имущества и извлечением его полезных свойств, включая процесс получения доходов в денежном и натуральном выражении.

Предоставление такого права незаконному как добросовестному, так и недобросовестному приобретателю истребуемой вещи, на что указывалось выше, обусловлено направленностью гражданско-правовых норм исключительно на восстановление положения существовавшего до нарушения субъективного права собственника истребуемого имущества и предотвращение случаев неосновательного обогащения одного лица за счет другого, т.е. исключительно имущественно-восстановительной направленностью метода гражданско-правового регулирования экономических отношений. Кроме того, как отмечает А.П. Сергеев, «указанное правило <…> имеет под собой вполне разумное основание, так как в известной мере предотвращает бесхозяйственное содержание имущества со стороны недобросовестного владельца, т.е. служит в конеч-

ном счете интересам собственника имущества»[290].

Безусловно, названное А.П. Сергеевым основание предоставления незаконному владельцу легитимной возможности предъявления к собственнику вещи имущественных требований по возмещению расходов, связанных с ее содержанием, направлено на создание правовых условий надлежащего содержания имущества, однако носит второстепенный характер. Наше утверждение основано на том, что большинство непрофессиональных участников гражданского оборота, физических лиц, не имеет представления о содержании норм главы 20 ГК и, если и содержит незаконно приобретенное имущество в надлежащем состоянии, то только потому, что субъективно относится к нему как к своему, что мы наблюдаем в том случае, когда незаконный приобретатель является добросовестным. В отношении же недобросовестного приобретателя следует отметить, что он, умышленно приобретая заведомо чужое имущество, либо надеется, что этот факт останется для окружающих в тайне и, следовательно, будет относиться к имущество как к своему, либо намерен в короткие сроки избавиться от имущества посредством его отчуждения третьему лицу и, следовательно, не произведет существенных расходов на его содержание, либо вообще не намерен их производить в силу отсутствия экономической заинтересованности в сохранении имущества. В любом случае предоставленная нормами гражданского права возможность взыскания в будущем с собственника вещи расходов, произведенных на ее содержание, по нашему мнению, не сможет оказать стимулирующего воздействия на изначально недобросовестного субъекта гражданского оборота, даже если он и будет осведомлен о наличии таких правовых норм.

Нормы ч. 2 ст. 284 ГК, предоставляя право незаконному приобретателю на взыскание с собственника вещи затрат, произведенных на ее содержание, предъявляют к таким затратам определенное требование – они должны быть необходимыми. Закрепленная в ст. 284 ГК категория «необходимые затраты» является оценочной и, в случае возникновения между истцом и ответчиком спора по признанию необходимыми расходов, произведенных на содержание вещи, необходимость производства таких расходов подлежит судебной оценке.

К необходимым расходам, по нашему мнению, следует отнести минимально требуемые затраты для поддержания вещи в надлежащем состоянии, отсутствие которых неизбежно приведет к порче имущества. Например, незаконно приобретенное животное необходимо кормить, однако обычной для такого животного пищей в обычном для него коли-

[290] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 801.

честве; незаконно приобретенное растение необходимо поливать и в соответствующие периоды его роста вносить обычные для такого растения удобрения и подкормки. В целом, необходимыми можно признать такие расходы на содержание вещи, которые предположительно произвел бы и сам собственник, если бы вещь не выбыла из сферы его хозяйственного господства, что находит подтверждение в юридической литературе. Так, Ю.К. Толстой под необходимыми затратами предлагает понимать не только затраты на содержание имущества, но и затраты на его капитальный ремонт[291]. Точку зрения Ю.К. Толстого разделяет В.П. Камышанский, понимающий под необходимыми затратами «такие издержки владельца, которые вызваны необходимостью поддерживать имущество в исправном состоянии, производство его текущего и капитального ремонта, а также производственных издержек, связанных со сбором урожая, производством молока, мяса и т.п.»[292]. Вместе с тем, в юридической литературе высказывалась и иная, по нашему мнению, менее убедительная точка зрения. Так, А.В. Венедиктов предлагает под необходимыми понимать лишь затраты, связанные с содержанием имущества[293].

Размер произведенных необходимых расходов, связанных с содержанием имущества, подлежит доказыванию незаконным приобретателем вещи и может быть оспорен ее собственником (иным титульным владельцем).

В целом, основная масса непотребляемых вещей каких-либо расходов на свое содержание не требует, что исключает возможность предъявления незаконным приобретателем имущества соответствующих требований к его собственнику. Например, право владения и пользования незаконно приобретенным велосипедом можно передать на возмездной основе третьему лицу. При этом в собственность незаконного приобретателя велосипеда будет поступать установленное соглашением сторон вознаграждение, что не будет обусловлено необходимость производства каких-либо расходов на его получение. В указанной ситуации взыскание будет произведено в одностороннем порядке – только доходов, полученных незаконным владельцем вещи в пользу ее собственника.

Следует отметить, что незаконный приобретатель, купивший имущество непосредственно для собственного использования, может не получить каких-либо доходов. Например, приобретение певчей или декоративной птицы, породистого котенка или щенка, декоративного растения, других представителей животного или растительного мира требует

---

[291] Толстой Ю.К. – Указ. соч. – С. 1117.

[292] Гражданское право: Учеб.: в 3-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – Ч. 1. – С. 567.

[293] Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. –С. 91.

производства расходов на их содержание, особенно применительно к содержанию домашних животных, которые (расходы) могут быть не связаны с непосредственным получением каких-либо доходов. В приведенном примере взыскание будет произведено в одностороннем порядке – в пользу незаконного приобретателя средств на содержание вещи у ее собственника.

Применительно к добросовестному приобретателю последний имеет право на возмещение расходов, связанных с содержанием имущества не за весь период, а только с того момента, когда считается осведомленным о незаконности своего приобретения, что, безусловно, ограничивает его возможности по возврату расходов, произведенных на содержание имущества, которые могут достигать значительных размеров, если период содержания вещи, например, служебной собаки, до момента уведомления добросовестного приобретателя о незаконности его владения длился, например, год или два. При этом собака содержалась в квартире многоэтажного жилого дома и ее сторожевые качества не использовались, что указывает на отсутствие факта получения добросовестным приобретателем каких-либо доходов, связанных с содержанием собаки, в том числе и с использованием ее природных качеств «сторожа».

В приведенном выше примере с велосипедом незаконный приобретатель может использовать его для удовлетворения собственных потребностей, не производя каких-либо затрат на содержание велосипеда и не получая при этом каких-либо видимых доходов, подлежащих взысканию в пользу собственника имущества. Вместе с тем, очевидным является факт износа велосипеда в процессе эксплуатации, что снижает его стоимость применительно к той, которая была до выбытия вещи из хозяйственной сферы собственника.

Как поступить участникам возникшего гражданско-правового отношения в приведенных примерах, каким образом взыскать расходы на содержание имущества либо компенсировать потери от снижения его стоимости?

Предложенные нами возможные варианты развития событий, связанных с незаконным приобретением вещи, указывают на некоторое несовершенство норм главы 20 ГК, требующих их интерпретации судом в процессе рассмотрения спора, что не всегда способствует его верному разрешению.

В частности, применительно к приведенным нами случаям, согласно нормам ст. 972 ГК, стороны спора в процессе рассмотрения виндикационного иска могут использовать в том числе и нормы главы 59 ГК об истребовании сумм неосновательного обогащения.

Так, незаконный добросовестный приобретатель собаки, согласно нормам главы 59 ГК, может истребовать с ее собственника неоснова-

тельно сбереженные средства на содержание животного, а собственник велосипеда может истребовать с незаконного приобретателя сумму, которую он должен был израсходовать в случае получения велосипеда во временное владение и пользование на возмездной основе, в которую, безусловно, была бы включена сумма износа велосипеда, вызванного его эксплуатацией.

Вместе с тем, суды в процессе разрешения споров, вытекающих из исков об истребовании имущества из чужого незаконного владения, не всегда правильно применяют нормы системы гражданского права, представляющего собой единую систему взаимосвязанных правовых средств. Так, применительно к Российской Федерации, ГК которой содержит нормы о защите права собственности, аналогичные по содержанию нормам ГК Республики Беларусь, ВАС Российской Федерации, отменяя состоявшиеся судебные акты, указал: «суды также необоснованно применили к отношениям по расчетам, связанным с возвратом имущества из чужого незаконного владения, положения ст. 1105 и 1107 ГК, тогда как спорные отношения регулируются положениями ст. 303 ГК», с чем обоснованно не согласен Р.С. Бевзенко[294].

Таким образом, по нашему мнению, необходимо дополнить ст. 284 ГК нормами, отсылающими стороны в приведенных случаях к нормам главы 59 ГК, с указанием на возможность взыскания добросовестным приобретателем всех необходимых расходов, произведенных на содержание вещи, включая произведенные в тот период, когда незаконный приобретатель считался добросовестным, но не получил доходов от использования имущества ни в денежном, ни в натуральном выражении. При этом процесс доказывания факта получения доходов добросовестным приобретателем в тот период, когда он не знал и не мог знать о незаконности своего владения, должен быть возложен на титульного владельца имущества.

Предложенный нами подход исключит судебные ошибки при разрешении соответствующих имущественных споров и будет способствовать наиболее полной реализации восстановительной функции гражданского права.

Одновременно с процедурой расчетов по содержанию имущества и полученными в процессе его эксплуатации доходам нормами ч. 3 ст. 284 ГК урегулирована процедура определения юридической судьбы улучшений спорного имущества в случаях, когда таковые были произведены его незаконным владельцем. Необходимость закрепления в ГК названной правовой нормы вызвана, по нашему мнению, физическими свойст-

[294] Практика применения Гражданского кодекса РФ: Части первой / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 602–603.

вами большинства вещей, позволяющими увеличивать их стоимость посредством ремонта, в том числе капитального, модернизации, иного усовершенствования, в том числе применительно к сложным вещам, путем монтажа дополнительного оборудования и т.п. и, на что указывалось выше, направленностью гражданско-правового регулирования на недопущение неосновательного (без предоставления соответствующего эквивалента) обогащения одного субъекта гражданского права за счет другого.

Законодатель нормами ч. 3 ст. 284 ГК определяет юридическую судьбу улучшений, произведенных добросовестным приобретателем и остается безразличным к судьбе улучшений спорного имущества, произведенных приобретателем недобросовестным. Указанный пробел в правовом регулировании является основанием к судебному толкованию соответствующих норм в случае возникновения спора между собственником вещи и недобросовестным приобретателем по поводу определения юридической судьбы произведенных улучшений спорного имущества и его разрешения на основе аналогии, исходя из смысла и общей направленности гражданско-правового регулирования.

Применительно к приобретателю добросовестному нормы ч. 3 ст. 284 ГК закрепляют за ним право оставить за собой отделимые улучшения спорного имущества и потребовать от его собственника возмещения стоимости улучшений неотделимых, что соответствует общему смыслу гражданско-правового регулирования. При этом анализируемые нормы не проводят разницу между улучшениями, производство которых было необходимо, например, текущий ремонт имущества, без которого его хозяйственная эксплуатация была бы невозможна, и иными улучшениями, которые увеличивают стоимость имущества, но не являются необходимыми для его нормального функционирования.

Буквальное толкование норм п. 3 ст. 284 ГК позволяет сделать вывод о том, что добросовестный приобретатель имеет право требовать возмещения любых произведенных неотделимых улучшений спорного имущества в размере фактического увеличения стоимости имущества.

Вместе с тем, в юридической литературе встречается и иная точка зрения, высказанная, в частности, А.П. Сергеевым, согласно которой не подлежат возмещению произведенные добросовестным приобретателем произвольно, по собственной инициативе, неотделимые от вещи «расходы на роскошь», под которыми понимаются затраты на украшение вещи, оснащение ее дорогостоящими предметами, не связанными с улучшение функциональных качеств имущества[295].

[295] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 802–803.

По нашему мнению, такой подход к толкованию анализируемых правовых норм (ч. 3. ст. 284 ГК; ч. 3 ст. 303 ГК Российской Федерации) не может быть признан состоятельным, так как необоснованно сужает возможности восстановления имущественной сферы добросовестного приобретателя, пострадавшей вследствие производства затрат на чужое имущество в период, когда добросовестный приобретатель относился к нему как к своему. Наш вывод основан на том, что все действия добросовестного приобретателя, направленные на приобретение имущества и его содержание, в том числе и любое улучшение, произведенное до момента получения сведений о незаконности своего приобретения, признаются субъективно безупречными. Субъективно безупречное правовое положение добросовестного приобретателя указывает на недопустимость причинения ему в процессе возврата имущества его действительному собственнику, дополнительного имущественного вреда, вследствие невозврата сумм, израсходованных на производство неотделимых улучшений имущества.

Также следует учитывать то обстоятельство, что добросовестный приобретатель, действующий в своем сознании, т.е. субъективно, в момент приобретения имущества и в процессе его содержания в соответствии с требованиями правовых норм, при возврате имущества его собственнику несет имущественные потери в размере стоимости, уплаченной неуполномоченному продавцу в момент приобретения вещи. Вместе с тем, в рассматриваемой трихотомии субъектов, каким-либо образом причастных к незаконному обороту вещи: ее собственник; субъект, незаконно завладевший вещью и реализовавший ее; добросовестный приобретатель вещи, только последний не совершал ни с объективной, ни с субъективной точки зрения каких-либо деяний (действий или бездействия), способствовавших незаконному обороту имущества. Так:

– продавец вещи, во-первых, нарушил правовые нормы в процессе приобретения вещи в фактическое владение и, во-вторых, нарушил правовые нормы в процессе отчуждения имущества;

– собственник вещи, если осознанно каких-либо действий, направленных на выбытии имущества из своего хозяйственного господства, не совершал, то, по крайней мере, может быть обвинен в недостаточном присмотре за имуществом, чем способствовал его изъятию посторонним лицом;

– добросовестный приобретатель не нарушая каких-либо правовых норм, приобрел вещь в установленном для продажи месте (например, на рынке или в комиссионном магазине) или установленным способом (по объявлению, размещенному, например, официальным электронным ресурсом) и владел ею добросовестно и открыто, относясь к имуществу как к своему.

В случае изъятия у добросовестного приобретателя имущества в пользу его собственника именно добросовестный приобретатель, т.е. лицо в наименьшей степени виновное в незаконном обороте вещи, несет наиболее существенные имущественные потери, связанные с трудностью определения личности ненадлежащего продавца, например, в случае приобретения вещи на рынке и возврата уплаченной за вещь денежной суммы. В приведенной ситуации лишать субъекта, по сути, с безупречным с точки зрения норм гражданского права поведением, возможности компенсировать затраты, произведенные на улучшение имущества, по нашему мнению, является не оправданным и противоречащим общему смыслу гражданско-правового регулирования и его восстановительной функции, направленной на максимально полное восстановление имущественного положения сторон, существовавшего до возникновения спорного правоотношения.

Применительно к произведенным добросовестным приобретателем отделимым улучшениям имущества вопрос решен законодателем достаточно определенно – добросовестный приобретатель имеет право оставить их в своей собственности, что не является препятствием к передаче их собственнику вместе вещью, если последний согласиться их принять на возмездной либо безвозмездной основе.

Недобросовестный приобретатель, в отличие от добросовестного, права на возмещение произведенных им неотделимых улучшений имущества не имеет, что можно признать оправданным, а причиненные этим имущественные потери такого лица рассматривать как имущественную санкцию за совершенное нарушение установленного в государстве гражданского правопорядка. При этом доход собственника вещи, выраженный в виде увеличения стоимости его имущества за счет средств недобросовестного приобретателя, можно рассматривать как материальное возмещение неудобств, причиненных действиями незаконного приобретателя вещи и связанных с изъятием имущества у его собственника.

Отделимые от вещи улучшения, произведенные недобросовестным приобретателем, безусловно, могут быть оставленным им в своей собственности, так как, предположительно, поступили в собственность такого лица на законных основаниях и, следовательно, право собственности на них охраняется нормами Конституции и ГК.

Вместе с тем, в силу изначальной и осознанной на волевом уровне противоправности действий незаконного приобретателя, будь он непосредственно тем лицом, которое изъяло имущество у его собственника или незаконно присвоило находку, безнадзорное животное и т.п., либо лицом, которое приобрело имущество у заведомо для приобретателя неуправомоченного лица, по нашему мнению, следовало бы лишить неза-

конного приобретателя права на возмещение необходимых затрат, произведенных на содержание вещи, и распределить их либо в пользу собственника имущества в качестве компенсации за причиненные неудобства либо в пользу государства в качестве штрафной санкции за совершение гражданского правонарушения.

Кроме тех расчетов, порядок производства которых был рассмотрен выше, в процессе восстановления права собственности на вещь может встать вопрос о возмещении вреда, причиненного повреждением имущества в процессе его эксплуатации незаконным как добросовестным, так и недобросовестным приобретателем. Вместе с тем, нормами главы 20 ГК эта процедура не определена, что является основанием к отсылке в юридической литературе к нормам ГК о деликтной ответственности, что, в целом, является верным.

Однако, по нашему мнению, в главе 20 ГК необходимо закрепить нормы, запрещающие применение норм о деликтной ответственности к добросовестному приобретателю за порчу или уничтожение имущества в тот период, когда он не знал и не мог знать о незаконности своего владения. Наше утверждение основано на том, что в указанный период добросовестный приобретатель юридически обоснованно считал себя собственников имущества и, согласно нормам ГК, по своему субъективному усмотрению имел право определять юридическую судьбу вещи, в том числе и путем ее порчи или уничтожения.

Таким образом, применение норм об ответственности за вред, причиненный повреждением или уничтожением имущества в указанный период, к добросовестному приобретателю является нелогичным и ведет к несправедливому ущемлению интересов добросовестного субъекта гражданского права.

§ 3. Иск об устранении нарушений, не связанных с лишением владения (негаторный иск)

Одним из способов защиты вещных прав наряду с таким способом, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, является предусмотренная нормами ст. 11 ГК возможность пресечения действий, нарушающих субъективное вещное право и, в частности, действий, создающих препятствия для осуществления собственником вещи или иным титульным владельцем правомочий пользования и распоряжения ею.

Названный способ применяется в рамках юрисдикционной формы защиты посредством обращения в суд с использованием в качестве средства защиты иска фактически владеющего вещью собственника к

не владеющему этой вещью лицу с требованием об устранении препятствий в осуществлении собственником, предоставленных нормами ГК правомочий пользования и распоряжения собственной вещью. Указанное средство защиты со времен Римского права именуется в цивилистике негаторным иском[296], или иском фактически владеющего собственника к не владеющему несобственнику.

Правовую основу применения негаторного иска составляют нормы ст. 285 ГК которыми собственнику или иному титульному владельцу имущества предоставлена легитимная возможность предъявления к третьему лицу требования об устранении всяких нарушений принадлежащего им субъективного вещного права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения вещью.

Закрепленная в ст. 285 ГК формулировка «хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения» воспринята ГК 1998 г. из Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., в котором процедуры предъявления виндикационного и негаторного исков были закреплены в одной статье, на что обращает внимание К.И. Скловский, отмечающий некоторую некорректность такой формулировки применительно к современному уровню развития системы гражданского права[297]. Суть справедливых замечаний К.И. Скловского состоит в том, что приведенная формулировка ст. 285 ГК (304 ГК Российской Федерации) может быть интерпретирована таким образом, что негаторный иск подлежит применению как в случае, когда собственник не лишен фактического владения вещью, так и в случае, когда фактическим владельцем спорного имущества является ответчик, что, безусловно, не верно и не соответствует современной структуре главы 20 ГК «Защита права собственности и других вещных прав», в которой процедура предъявления виндикационного и негаторного исков структурно закреплены в разных статьях. Названная неточность, по нашему мнению, нуждается в соответствующей законодательной корректировке.

Необходимо отметить, что возможность предъявления негаторного иска иными, кроме собственника, титульными владельцами непосредственно нормами ст. 285 ГК не предусмотрена и вытекает из содержания норм ст. 286 ГК, распространяющих права собственника по защите своих правомочий, в том числе и на иных субъектов, обладающих правовым титулом на имущество, которым предоставлено право применения закрепленных в главе 20 ГК возможностей по защите своего владения, в том числе и против собственника вещи. На основании норм ст. 286 ГК

[296] Негаторный иск берет свое начало в римском праве и является классическим вещно-правовым иском (action negatoria – отрицающий иск).

[297] Скловский К.И. – Указ. соч. – С. 356.

право использования норм главы 20 ГК можно распространить и на давностного владельца, который, согласно п. 2 ст. 235 ГК, имеет право на защиту своего владения против третьих лиц, не являющихся собственниками имущества, а также не имеющих прав на владение им в силу иного предусмотренного правовыми нормами или договором основания. Отличие возможностей давностного владельца от иных титульных владельцев состоит в запрете защиты давностным владельцем правомочий, предоставленных правом собственности, от притязаний собственника вещи.

Основной отличительной чертой негаторного иска от виндикационного является то обстоятельство, что собственник (иной титульный владелец) имущества не лишается ни фактической, ни юридической составляющей правомочия владения. За ним также остаются юридические составляющие правомочий пользования и распоряжения, однако фактическая реализация возможностей, предоставленных правомочием пользования и, в отдельных случаях, правомочием распоряжения, может быть затруднена или ограничена действиями третьего лица.

Действия, совершаемые третьим лицом, могут быть изначально противоречащими установленному в государстве гражданскому правопорядку, т.е. противоправными, либо, изначально, действиями правомерными, т.е. по сути, действиями, совершение которых допускается нормами гражданского права, но в силу того, что их совершение противоречит установленным нормами ст. 9 ГК требованиям, такие действия могут быть признаны совершенными в одной из форм злоупотребления правом и, следовательно, противоправными. В последнем случае гражданско-правовое регулирование основывается на принципе, согласно которому субъективное право одного лица заканчивается там, где начинается субъективное право другого лица, на что указывалось выше.

В большинстве случаев общественные отношения, связанные с требованием об устранении препятствий в осуществлении правомочия пользования вещью, возникают в процессе извлечения полезных свойств недвижимого имущества, на что указывает, например, В.В. Чубаров[298], и что подтверждается примерами из судебной практики[299]. Названные обстоятельства, однако, не являются препятствием для использования негаторного иска и в качестве средства защиты правомочия пользования или распоряжения движимым имуществом. Кроме того, негаторный иск может применяться для исключения имущества из описи (освобождения от ареста) в том случае, когда на вещи, принадлежащие одному лицу, нео-

[298] Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 568.

[299] Практика применения Гражданского кодекса РФ: Части первой / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 604–614.

боснованно наложен арест по обязательствам другого лица, и при этом арестованное имущество остается в фактическом владении его действительного собственника[300].

Использование негаторрнного иска, в большинстве случаев, как средства защиты правомочия пользования недвижимым имуществом обусловлено его природными свойствами и, в частности, неспособностью к перемещнию без причинения вреда физическим свойствам недвижимых вещей. Следовательно, в том случае, когда в месте нахождения объекта недвижимости, а точнее, здания, сооружения либо земельного участка действиями третьих лиц созданы препятствия к осуществлению правомочия пользования таким объектом, его собственник (иной титульный владелец), не имея возможности перемещения объекта в другое место, свободное от влияния противоправного воздействия, имеет только одну легитимную возможность восстановления своих нарушенных прав – предъявление иска об устранении нарушений его вещного права, не связанных с лишением владения вещью, но создающих препятствия для реализации правомочия пользования ею.

В качестве истца по негаторному иску может выступать собственник или иной титульный владелец имущества, правовой титул которого позволяет извлекать из вещи ее полезные свойства в процессе реализации переданного собственником правомочия пользования, а также давностный владелец. В частности, согласно условиям договора хранения, хранителю запрещено извлекать полезные свойства из имущества, переданного на хранение. Такое же ограничение установлено в отношении стороны договора комиссии (комиссионера), которой вещь передана для реализации.

В отличие от субъектов названных договорных отношений, второй стороне договора аренды или ссуды собственник или уполномоченное им лицо передает наряду с правомочием владения и правомочие пользования, что является основанием к использованию негаторного иска для защиты правомочия пользования указанными субъектами в случае, если возможность его осуществления будет ограничена действиями третьих лиц либо собственника имущества.

Право на обращение в суд с исковым заявлением принадлежит как собственнику или иному титульному владельцу вещи, так и управомоченным ими лицам, что возможно в процессе участия названных субъектов в гражданско-правовых отношениях представительства.

В качестве ответчика может выступать любой субъект гражданского

[300] См., например: Постановление Высшего Хозяйственного Суда от 28 октября 2005 г. № 25 «О практике рассмотрения хозяйственными судами дел об освобождении имуществ от ареста (исключения из акта описи)».

права, виновными либо невиновными действиями которого создаются препятствия для реализации собственником имущества или иным титульным владельцем правомочия пользования вещью и, в отдельных случаях, правомочия распоряжения. При этом объем дееспособности, в том числе и деликтоспособности такого лица значения не имеет.

Например, собственник земельного участка в соответствии с установленными требованиями, т.е. на расстоянии не менее одного метра от границы соседнего земельного участка посадил кусты шиповника, на что имеет полное право. Однако через определенный промежуток времени шиповник, в силу своих природных свойств, которые не учел при посадке его собственник, пустил побеги на соседнем земельном участке в том месте, где у его собственника установлена теплица. Таким образом, в результате изначально правомерных и, следовательно, невиновных действий одного лица нарушено субъективное вещное право другого лица в осуществлении им правомочия пользования теплицей. В создавшейся ситуации изначально правомерные действия будут признаны совершенными в форме злоупотребления правом и, следовательно, трансформируются в противоправные, т.е. действия, нарушающие субъективные права другого лица, что является основанием для использования негаторного иска в качестве средства защиты нарушенного права.

В том случае, когда препятствия в реализации правомочия пользования возникли в результате действий не деликтоспособного физического лица, хотя и являющегося собственником, например, смежного с истцом земельного участка, ответчиком в суде по негаторному иску будет выступать его представитель (опекун).

В целом, в отношении субъектного состава общественных отношений, возникающих на основании негаторного иска, можно указать на общий субъект.

Для использования субъектами гражданского права негаторного иска как средства защиты вещного права необходимо соблюдение ряда условий.

Первичным из таких условий является наличие факта нарушения субъективного вещного права собственника вещи или иного титульного владельца. Правонарушение должно выражаться в совершении иным лицом (несобственником) таких действий, которые создавали бы препятствие по осуществлению собственником (иным титульным владельцем) вещи правомочия пользования ею и при этом осуществление такого правомочия оставалось бы для указанных субъектов юридически доступным.

Действия могут быть совершены как в отношении непосредственно имущества собственника, например, складирование строительного мусора на принадлежащем собственнику земельном участке, что является

противоправным, так и в отношении имущества лица, непосредственно совершающего противоправные действия, которые изначально могут носить характер правомерных. В качестве классического примера правомерных действий, впоследствии нарушающих субъективные права другого лица, можно привести факт строительства забора на своем земельном участке, чем создано препятствие по использованию соседнего земельного участка по назначению вследствие его затенения. В качестве примера совершения действий, носящих противоправный характер и с самого начала их совершения направленных исключительно на причинение вреда другому лицу[301], можно привести сооружение субъектом на своем земельном участке второго колодца непосредственно на уровне водоносного слоя, снабжающего водой колодец на соседнем земельном участке и бесцельное, применительно к хозяйственным нуждам, выкачивание из него воды, что приводит к осушению колодца соседа и препятствует осуществлению им правомочия пользования своим колодцем.

Основным квалифицирующим признаком таких действий (бездействия) является факт создания условий, при которых собственник имущества лишается фактической возможности извлечения его полезных свойств, и такое положение продолжает существовать в момент предъявления негаторного иска и его рассмотрения в суде по существу.

По сути, негаторный иск является правовым средством, с помощью которого собственник (иной титульный владелец) может прекратить совершающееся в отношении себя длящееся гражданское правонарушение, направленное на ограничение принадлежащих ему субъективных вещных прав.

На необходимости совершения действий, характеризуемых как длящееся правонуршение, для предъявления негаторного иска акцентирует внимание А.Д. Рудоквас, который, в частности, указывает на то, что «<…> необходимым условием предъявления негаторного иска является длящийся характер правонарушения <…>»[302]. Кроме того, именно длящийся характер правонарушения, согласно обоснованному мнению А.Д. Рудокваса, является основанием неприменения к требованиям собственника или иного титульного владельца об устранении всякого нарушения вещного права, не соединенного с лишением владения, исковой давности (см., п. 4 ст. 209 ГК).

В этой связи нельзя согласиться с утверждением Д.А. Колбасина, согласно которому « <…> в основе предъявления негаторного иска лежит

[301] Действия единственной целью совершения которых является причинение вреда другому лицу именуются в цивилистике шиканой.

[302] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 559.

продолжаемое нарушение <…>»[303].

Длящемуся правонарушению присуща перманентность, в отличие от продолжаемого правонарушения, которое существует определенный промежуток времени, после чего прекращается, но повторяется с некоторой периодичностью. Негаторный иск служит правовым средством устранения как раз постоянно существующего (непрерывно длящегося во времени и существующего на момент предъявления иска и его рассмотрения в суде) препятствия, наличие которого не позволяет собственнику вещи осуществлять правомочие пользования ею.

Вместе с тем, собственник вещи обязан претерпевать временные, хотя и периодически продолжаемые негативные с его точки зрения действия третьих лиц, создающие временные препятствия для использования собственником своего имущества, на что справедливо указывает В.А. Витушко[304]. Например, собственник земельного участка не имеет права на удовлетворение негаторного иска, предъявленного к собственнику соседнего земельного участка, временно перегородившего проезд в связи с разгрузкой автомобиля со строительными материалами, хотя бы такое поведение и создавало препятствия использования земельного участка в силу ограничения доступа к нему. Причем такое поведение соседа может быть продолжаемым, т.е. повторятся с периодичностью, например, один раз в неделю в течение всего периода строительства дома.

Применение негаторного иска невозможно в том случае, когда препятствие в осуществлении правомочия пользования вещью создается правомерными действиями других субъектов. Например, ежегодное плановое сезонное отключение горячей воды в многоквартирных жилых домах в целях профилактического ремонта системы водоснабжения можно признать обстоятельством, препятствующим реализации правомочия пользования жилым помещением. Однако, являясь правомерными, такие действия жилищно-эксплуатационной организации, производящей профилактический ремонт системы водоснабжения, не могут быть признаны основанием для обращения жильцов дома в суд с негаторным иском и, следовательно, его удовлетворения.

В качестве предмета негаторного иска выступает предъявленное в суд требование собственника или иного титульного владельца вещи к несобственнику об устранении нарушения субъективного права собственника, в результате которого он лишен возможности осуществления правомочия пользования (распоряжения) принадлежащей ему индивидуально определенной вещью, находящейся в его фактическом владении.

Из изложенного следует, что имущество, правомочие пользования

[303] Колбасин Д.А. – Указ. соч. – С. 246.
[304] Витушко В.А. – Указ. соч. − С. 413.

которым ограничено, должно находиться в фактическом владении его собственника на момент предъявления исковых требований. Негаторный иск может служить средством защиты вещного права только тогда, когда и юридическая, и фактическая составляющие правомочия владения принадлежат титульному владельцу соответствующей вещи.

Невладеющий собственник, на что указывается в юридической литературе, не может предъявлять негаторный иск, так как в противном случае избранный способ защиты права не может восстановить нарушенное право[305]. Приведенное утверждение, по нашему мнению, основано на том, что для устранения препятствий в реализации правомочия пользования вещью у претендующего на это лица должна быть возможность фактического воздействия на вещь, которая должна находиться в сфере хозяйственного господства истца по негаторному иску.

В качестве объекта требования по негаторному иску выступают, на что верно указывает Е.А. Суханов, действия, направленные на устранение длящегося правонарушения (противоправного состояния), сохраняющегося к моменту предъявления иска[306].

В этой связи нельзя согласиться с утверждением Д.А. Колбасина, согласно которому «объектом данного иска в силу защиты прав вещного характера является индивидуально-определенная вещь»[307], которая, на что указывалось выше, является материальным объектом виндикационного, но не негаторного иска.

Кроме того, между истцом и ответчиком по негаторному иску не должно существовать обязательственных или иных относительных правоотношений. Наличие между указанными субъектами правовой связи, имеющей обязательственно-правовую природу, исключает возможность применения негаторного иска, который, являясь, как и виндикационный, вещно-правовым средством защиты, может быть применен только между сторонами абсолютного вещного правоотношения.

Запрет на применение негаторного иска в приведенной ситуации не лишает стороны обязательственного правоотношения средств юридической защиты. Сторона обязательства, чье субъективное право нарушено контрагентом, имеете право использовать средства защиты, входящие в группу обязательственно-правовых.

Так же как и в случае с использованием в качестве средства защиты виндикационного иска, наряду с предметом исковых притязаний титульного владельца к лицу, создающему своими действиями препятст-

[305] Практика применения Гражданского кодекса РФ: Части первой / Под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 605.

[306] Гражданское право: Учеб.: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: БЕК, 2002. – Т. 1. – С. 620.

[307] Колбасин Д.А. – Указ. соч. – С. 427.

вия в осуществлении правомочия пользования вещью и объектом иска, существенное значение для правильного рассмотрения имущественного спора имеет основание иска под которым, на что указывалось выше, понимается совокупность фактических обстоятельств, послуживших причиной предъявления исковых требований (определенная совокупность юридических фактов, именуемых в цивилистике юридическим составом, который применительно к основаниям возникновения негаторного иска квалифицируется как сложный юридический состав).

Сложный юридический состав, наличие которого дает участнику экономического оборота право обращения с негаторным иском в органы судебной власти, включает в себя следующие последовательно возникшие фактические обстоятельства.

Первостепенное значение имеет факт принадлежности истцу вещи на праве собственности, одном из ограниченных вещных прав либо на ином основании, предусмотренном правовыми нормами или договором и предоставляющем субъекту гражданского права легитимную возможность реализации правомочия пользования индивидуально определенной вещью.

Применительно к недвижимому имуществу его собственник должен предъявить правоустанавливающие документы, которые оформляются в процессе регистрации возникновения или перехода права собственности на объект недвижимого имущества. Иной титульный владелец должен подтвердить принадлежность ему правомочия пользования недвижимым имуществом другими доказательствами, например, предъявив в суд договор аренды объекта недвижимости.

Применительно к движимым вещам цивилистическая доктрина, а вслед за ней и догма исходят из презумпции права собственности и, следовательно, принадлежности правомочий собственника лицу, фактически владеющему вещью. В том случае, когда с негаторным иском обращается иной титульный владелец движимой вещи, он обязан предоставить суду доказательства принадлежности ему правомочия пользования вещью.

Отсутствие правового основания осуществления правомочия пользования имуществом является основанием к отказу в удовлетворении требований, вытекающих из негаторного иска.

Вторым обстоятельством, необходимым для возникновения права на предъявление негаторного иска, является факт совершения иным субъектом гражданского права действий, создающих препятствие для реализации владельцем вещи в отношении нее правомочия пользования. При этом, как уже отмечалось, препятствие, мешающее владельцу вещи извлекать ее полезные свойства, должно фактически существовать как на момент предъявления исковых требований, так и в момент рассмотрения спора в суде.

Совершенные третьим лицом действия, на что указывалось выше, должны быть противоправными. В этой связи возникает вопрос о том, на какой из сторон спора лежит обязанность доказывания противоправности (правомерности) совершенных действий.

В юридической литературе имеется несколько точек зрения, дающих противоположенные ответы на поставленный вопрос.

Так, согласно компетентному мнению А.П. Сергеева, «в обязанности истца не входит доказательство неправомерности действия или бездействия ответчика, которые предполагаются таковыми, если сам ответчик не докажет правомерность своего поведения»[308]. Приведенную точку зрения разделяет и В.П. Камышанский[309].

Противоположную точку зрения высказывает В.В. Чубаров, который утверждает, что бремя доказывания неправомерности действий ответчика ложится на истца по негаторному иску, ссылаясь в подтверждение своего высказывания на точку зрения О.Ю. Скворцова[310].

Существует и третья точка зрения, согласно которой истец обязан предъявить доказательства неправомерности действий ответчика, который, в свою очередь, имеет право доказывать в суде обратное[311]. Последнее утверждение, высказанное Н.М. Фроловой, возражений как раз не вызывает. Независимо от того, на ком лежит обязанность доказывания – на истце неправомерности действий ответчика либо на ответчике правомерности своих действий, вторая сторона спора о праве гражданском всегда имеет право приводить доказательства обратного, что следует из содержания норм ст. 19 и ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 г.

Между тем правильное разрешение вопроса о том, кто первоначально должен предоставить доказательства правомерности либо противоправности деяния ответчика в возникшем гражданско-правовом споре, является весьма важным. Так, если предположить, что доказательства неправомерности действий ответчика должен представлять суду истец, то может возникнуть ситуация, при которой субъект гражданского права, лишенный возможности осуществления правомочия пользования своим имуществом, но не имеющий возможности добыть письменные или иные надлежащие доказательства неправомерности действий ответ-

---

[308] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 804.

[309] Гражданское право: Учеб.: в 3-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – Ч. 1. – С. 570.

[310] Гражданское право России: Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юристъ, 2001. – С. 193.

[311] Гражданское право: Часть первая: Учеб. / Под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – С. 390.

чика, будет лишен возможности обращения в суд за защитой своего вещного права. Причем лицо, ограничивающее правомочия пользования титульного владельца, может совершать противоправные действия таким образом, что получить доказательства противоправности поведения помимо воли нарушителя не представится возможным. В приведенной ситуации вещное право титульного владельца может остаться без защиты, что противоречит требованиям принципа юридического равенства участников гражданских отношений, согласно императивам которого субъекты гражданско-правовых отношений имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

Вместе с тем, в случае совершения ответчиком деяния, создающего препятствие собственнику (титульному владельцу) в осуществлении правомочия пользования индивидуально-определенной вещью, вещное право указанного лица очевидно ущемляется и, следовательно, государство не может оставаться юридически безразличным в случае обращения собственника (иного титульного владельца) за судебной защитой. При этом, на что абсолютно верно указывает А.П. Сергеев, «<…> создание третьими лицами препятствий для осуществления собственником правомочий пользования и распоряжения имуществом предполагается противоправным во всех случаях, если только эти лица не докажут свою управомоченность на совершение подобных действий»[312].

Точку зрения А.П. Сергеева разделяет А.Д. Рудоквас, который отмечает, что при негаторном иске действует презумпция права собственности, в соответствии с чем действия ответчика предполагаются противоправными, но ему предоставлена возможность доказывания обратного[313].

Таким образом, вне всякого сомнения, именно ответчик обязан доказывать правомерность своего деяния. Истцу же достаточно предъявить легитимные основания принадлежности ему правомочия пользования имуществом и доказать факт совершения деяний, препятствующих извлечению из вещи ее полезных свойств. При этом, для разрешения спора по существу и удовлетворения исковых притязаний собственника или иного титульного владельца не имеет значение наличие вины ответчика в совершении противоправных действий, создающих препятствие для осуществления собственником имущества правомочия пользования (распоряжения) им. Достаточным для применения государственной защиты является сам факт создания препятствия собственнику (иному титульному владельцу) в осуществлении принадлежащих ему правомочий, что следует из норм ст. 44 Конституции, гарантирующих

[312] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 805.

[313] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – С. 558.

собственнику вещи свободное осуществление правомочий собственника, а также основанном на нормах Конституции гражданско-правовом принципе неприкосновенности собственности.

В том случае, если ответчик предоставит суду доказательства правомерности своего поведения, в удовлетворении исковых требований должно быть отказано.

В случае принятия судом положительного решения по негаторному иску суд обяжет ответчика либо прекратить совершение негативных действий, создающих препятствие в осуществлении собственником (иным титульным владельцем) вещи правомочия пользования (распоряжения) ею, либо обяжет ответчика совершить положительные действия, направленные на устранение созданного препятствия.

Применительно к приведенным выше примерам суд может обязать собственника колодца (ответчика по негаторному иску) прекратить не связанное с хозяйственными нуждами выкачивание воды из него, а собственника земельного участка (ответчика по негаторному иску), соорудившего на своем участке забор, снести его либо уменьшить до необходимых размеров, обеспечивающих доступ солнечного света на земельный участок истца.

В том случае, когда противоправными действиями ответчика, совершенными виновно, наряду с созданием препятствий осуществления правомочия пользования (распоряжения) имуществом его собственнику (иному титульному владельцу), причинены убытки, последний наряду с негаторным иском имеет право предъявить иск о возмещении вреда по правилам, закрепленным в главе 58 ГК.

Применительно к приведенным выше примерам собственник земельного участка, на котором проросли побеги шиповника, посаженного соседом, может требовать от последнего, кроме устранения созданного препятствия в использовании земельного участка, т.е. перемещения кустов шиповника в другое место, возмещения причиненного вреда, если проросшие побеги повредили, например, созданный собственником газон либо грядку с редкими культурами.

В целом, следует отметить, что негаторный иск в настоящее время является достаточно эффективным средством защиты субъективных вещных прав в случае их нарушения, не связанного с лишением владения вещью.

§ 4. Иск о признания права собственности

Наряду с такими закрепленными в ст. 11 ГК способами защиты вещных прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих субъективное вещное

право одним из используемых участниками гражданского оборота и рассматриваемым в юридической литературе способом защиты вещных прав, является предусмотренная нормами ст. 11 ГК возможность признания права.

Признание права, как способ защиты вещных прав, применяется, также как и два способа, рассмотренных выше, в рамках юрисдикционной формы защиты с использованием такого средства защиты, как иск о признании права собственности, под которым А.П. Сергеев понимает «внедоговорное требование собственника имущества о констатации перед третьими лицами факта принадлежности истцу права собственности на спорное имущество, не соединенное с конкретными требованиями о возврате имущества или устранении иных препятствий, не связанных с лишением владения»[314]. Аналогичное по смыслу определение приводят Н.А. Машкин[315] и В.П. Камышанский[316].

Необходимо отметить, что, в отличии от виндикационного и негаторного исков, ни ГК Республики Беларусь, ни ГК Российской Федерации не содержат правовых норм, прямо определяющих условия предъявления иска о признании права собственности, за исключением общей нормы ст. 11 ГК, предусматривающей в качестве общего способа защиты нарушенных прав и законных интересов возможность признания права. Таким образом, правовую основу применения иска о признании права собственности в качестве средства защиты вещных прав составляет единственная норма, закрепленная в ст. 11 ГК.

Учитывая общее значение норм ст. 11 ГК, следует констатировать тот факт, что иск о признании права может основываться на относительных правоотношениях и, соответственно, использоваться в качестве средства защиты стороной обязательственного или иного относительного правоотношения. Например, иск о признании права на наследование, иск о признании права на долю в общем имуществе и иные аналогичные иски, применяемые вследствие возникновения спора о праве между участниками существующего относительного правоотношения.

Вместе с тем, в процессе участия в гражданском обороте может возникнуть ситуация, при которой будет необходимо признать за субъектом право собственности в отношении конкретной, индивидуально-определенной вещи вне в связи с участием истца в каких-либо относительных правоотношениях, что исключает возможность применения иска

---

[314] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 807.

[315] Гражданское право: Учеб. / Под ред. В.В. Залесского, М.М. Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 277.

[316] Гражданское право: Учеб.: в 3-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – Ч. 1. – С. 570.

о признания права, относимого к обязательственно-правовым средствам защиты вещных прав.

Необходимость в использовании иска о признании права собственности, как вещно-правового средства защиты, может возникнуть в том случае, когда имущество находится в фактическом владении лица, использующего анализируемый иск в качестве средства защиты, отсутствуют препятствия в осуществлении правомочия пользования им, но есть необходимость в судебном подтверждении принадлежности фактическому владельцу права собственности на какую-либо индивидуально-определенную вещь.

Например, необходимость использования вещно-правового иска о признании права собственности может возникнуть в том случае, когда наследник не оформил свидетельство о праве на наследство, но принял имущество путем фактического вступления в наследование, т.е. путем принятия имущества в фактическое владение им, и при этом субъекты гражданского права, не связанные с указанным лицом относительным правоотношением, не признают за наследником право собственности на такое имущество. В приведенной ситуации собственник имущества в определенной степени может быть лишен предоставленной Конституцией возможности свободного вовлечения вещи, право собственности на которую не признается третьими лицами, в экономический оборот, извлечения ее полезных свойств, в том числе получения доходов, а также правомочия распоряжения вещью.

Еще одним примером, когда необходимо использовать вещно-правовой иск о признании права собственности, встречающемся в судебной практике и описанном в юридической литературе, является требование собственника вещи об освобождении имущества из под ареста (исключении из описи), не связанное с его возвратом собственнику в связи с тем, что такое имущество находится у его контрагента на легитимном основании[317]. Описанная ситуация может возникнуть в том случае, когда на основании, например, договора аренды, ссуды, комиссии, поручения, перевозки и т.п. собственник передал вещь во владение своему контрагенту, имущество которого впоследствии было арестовано с целью обращения на него взыскания по долгам субъекта. В перечень арестованного необоснованно попало имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу (контрагенту по гражданско-правовому договору), и при этом субъект, на имущество которого наложен арест, не принимает меры к исключению чужой вещи из описи. В приведенной ситуации сособственник необоснованно арестованной вещи имеет воз-

[317] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 807.

можность обращения в органы судебной власти с иском о признании права собственности, не связанном с истребованием имущества в свое владение. Решение суда о признании за истцом права собственности на вещь послужит основанием для исключения ее из описи.

В качестве примера использования вещно-правового иска о признании права собственности В.А. Витушко обоснованно приводит споры о признании права собственности на основании норм о приобретательной давности, о приобретении права собственности на бесхозяйное имущество, брошенные вещи, находку, безнадзорных животных[318].

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что анализируемый иск, являясь вещно-правовым средством защиты, на что указывается и в юридической литературе, имеет право на признание в качестве самостоятельного средства защиты вещных прав и подлежит применению в тех случаях, когда не требуется изъятия имущества из чужого незаконного владения (виндикационный иск) или устранения препятствий в осуществлении правомочия пользования имуществом, не соединенных с лишением владения (негаторный иск).

Отнесение иска о признании права собственности в соответствии с гражданско-правовой классификацией к вещно-правовым средствам защиты является основанием для распространения на него признаков и условий применения, имманентных иным вещно-правовым средствам защиты права собственности и иных вещных прав и непосредственно виндикационному и негаторному искам. В частности, анализируемое средство защиты вещных прав подлежит применению только в том случае, когда истец не состоит с ответчиком в обязательственном или ином относительном правоотношении, вещь, право собственности на которую подлежит подтверждению, сохранилась в натуре и индивидуально определена для целей иска. При этом иск не сопряжен с требованием изъятия вещи у третьего лица или с требованием об устранении препятствий пользования (распоряжения) ее, что непосредственно относится к специфическим условиям предъявления иска о признании права собственности.

Как и иные вещно-правовые средства защиты, иск о признании права собственности характеризуется такими его составляющими, как предмет иска, материальный объект иска, основание иска, условия удовлетворения иска. Стороны гражданского процессуального правоотношения, возникающего на основании поданного в суд искового заявления, именуются истцом и ответчиком.

В качестве предмета иска о признании права собственности выступает заявленное истцом требование констатации факта принадлежности

[318] Витушко В.А. – Указ. соч. − С. 421.

ему права собственности на индивидуально-определенную вещь, что соответствует положениям науки гражданского процессуального права, определяющей предмет иска как конкретное материально-правовое требование истца[319]. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением А.П. Сергеева, согласно которому «предметом иска о признании права собственности является лишь констатация факта принадлежности истцу права собственности, иного вещного права на имущество <…>»[320]. Непосредственно констатация факта принадлежности права собственности в отношении индивидуально-определенной вещи истцу производится судом в своем решении и является результатом положительного судебного рассмотрения требований истца, но не предметом иска.

Требование о признании за истцом вещного права не должно быть сопряжено с необходимостью возложения на ответчика каких-либо обязанностей в отношении истца или третьих лиц, связанных с передачей вещи истцу, устранением иных препятствий в осуществлении правомочия пользования (распоряжения) ею и состоит лишь в необходимости подтверждения вещного права истца уполномоченным государственным органом, решение которого будет иметь обязательную силу для всех участников гражданского оборота.

Именно в подтверждении на государственно властном уровне принадлежности права собственности на индивидуально-определенную вещь истцу и состоит цель обращения с иском о признании права собственности в органы судебной власти.

Материальным объектом иска о признании права собственности является индивидуально-определенная вещь, принадлежность вещного права в отношении которой истцу подлежит подтверждению в ходе судебного разбирательства. Отсутствие материального объекта иска (индивидуально-определенной вещи, право собственности на которую подлежит подтверждению) в натуре на момент подачи искового заявления или на момент рассмотрения спора в суде исключает возможность удовлетворения исковых требований.

В качестве основания иска о признании права собственности выступает совокупность фактических обстоятельств (юридических фактов), образующих собой сложный юридический состав и послуживших причиной предъявления иска о признании права собственности. Сложный юридический состав, наличие которого необходимо для предъявления искового требования о признании права собственности, включает в себя

---

[319] Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Под ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, И.А. Мироничeнко. – Минск: Тесей, 2005. – С. 340.

[320] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 808.

следующие фактические обстоятельства, возникшие в указанной ниже последовательности.

Во-первых, имущество, право собственности на которое требует подтверждения, должно существовать в натуре на момент предъявления иска и далее на момент рассмотрения спора в суде. Отсутствие такого имущества в натуре, а именно его гибель, уничтожение исключают возможность предъявления иска о признании права собственности. Кроме того, на что указывалось выше, такое имущество должно быть индивидуализировано для целей иска.

Во-вторых, имущество, являющееся материальным объектом иска, должно находиться во владении, пользовании и распоряжении истца либо в фактическом владении и пользовании другого лица, не являющегося ответчиком по иску. При этом выбытие имущества в фактическое владение и пользование третьего лица произошло по воле истца на основании, например, заключенного гражданско-правового договора, что предполагает осознанно волевую передачу истцом третьему лицу фактических составляющих правомочий владения и пользования, и сохранение за истцом юридических составляющих названных правомочий.

В противном случае, в зависимости от существующих на момент возникновения спора фактических обстоятельств, применению подлежит виндикационный или негаторный иск либо средства защиты вещных прав, входящие, например, в группу обязательственно-правовых.

В-третьих, должен иметь место факт непризнания (отрицания) конкретным субъектом (их совокупностью) права собственности на вещь, являющуюся материальным объектом иска, за истцом, чем создаются препятствия в реализации им в отношении указанной вещи возможностей, предоставленных правом собственности. В том случае, если отрицание факта принадлежности права собственности на вещь носит бытовой (моральный) характер, не влияет на возможность хозяйственного использования вещи и не ограничивает иные правовые возможности истца, основания для предъявления иска о признании права собственности отсутствуют.

Кроме того, между истцом и ответчиком не должно существовать обязательственного или иного относительного правоотношения по поводу материального объекта анализируемого иска. Наличие между истцом и ответчиком любого относительного правоотношения по поводу вещи, являющееся материальным объектом иска, исключает возможность применения в качестве средства защиты любого вещно-правового иска, в том числе и иска о признании права собственности, на что указывалось выше.

Наличие приведенной выше совокупности фактических обстоятельств при отсутствии между сторонами иска какого-либо относитель-

ного правоотношения по поводу индивидуально-определенной вещи, принадлежность права собственности на которую подлежит подтверждению в суде, является основанием для обращения в суд с иском о признании права собственности.

В ходе рассмотрения спора по существу на истца возлагается бремя доказывания факта принадлежности ему на праве собственности вещи, являющейся материальным объектом иска, посредством представления в суд любых допустимых доказательств, способных подтвердить соответствующий факт. При этом, на что указывалось выше, гражданско-правовое регулирование экономических отношений, основывается на презумпции права собственности фактически владеющего вещью лица, если иное не доказано в установленном порядке. Следует еще раз подчеркнуть, что названная презумпция в современных условиях развития гражданского права в большей степени применима к движимым вещам, что обусловлено требованием государственной регистрации прав на вещи недвижимые, предполагающей наличие соответствующих правоустанавливающих документов и регистрационных записей, произведенных уполномоченными государственными органами.

Ответчику в гражданском процессе предоставлено право доказывания обратного посредством представления в суд доказательств, опровергающих доводы истца относительно принадлежности ему права собственности на материальный объект иска.

Кроме того, истец должен представить доказательства, подтверждающие непризнание ответчиком права собственности за истцом на материальный объект иска и наличие для истца каких-либо юридически значимых негативных последствий такого поведения ответчика.

При рассмотрении спора по существу суд должен убедиться в отсутствии между сторонами материального спора какого-либо относительного правоотношения по поводу материального объекта иска.

В качестве истца по иску о признании права собственности может выступать правосубъектный собственник или иной титульный владелец вещи, вещное право которого в отношении индивидуально-определенной вещи не признается третьими лицами, что несет для истца юридически значимые негативные последствия. В случае непризнания права собственности в отношении индивидуально-определенной вещи, собственником которой является лицо, не наделенное достаточным для участия в гражданском процессе объемом дееспособности, его интересы могут быть представлены его представителем в порядке участия в отношениях представительства.

В качестве ответчика по иску о признании права собственности может выступать любое правосубъектное лицо, не признающее за истцом права собственности на индивидуально-определенную вещь, что имеет

для истца юридически значимые негативные последствия.

Необходимо отметить, что в отличие от виндикационного и негаторного исков, ответчиками по которому через своих представителей могут быть как частично дееспособные, так и недееспособные физические лица, по иску о признании права собственности в качестве ответчика может выступать только лицо, объем правосубъектности которого является достаточным для того, что бы своим непризнанием права собственности за истцом такое лицо могло оказать юридически значимое влияние на его возможности в отношении вещи, выступающей материальным объектом иска. По нашему мнению, такое лицо, по общему правилу, должно быть полностью правосубъектным, т.е. способным к вступлению с собственником вещи в относительные правоотношения по поводу нее.

Применяя, согласно нормам п. 1 ст. 5 ГК к анализируемым общественным отношениям по аналогии закона нормы ст. 286 ГК, можно с полной уверенностью утверждать, что право на предъявление иска о признании права собственности имеет не только субъект права собственности, но и субъекты ограниченных вещных прав, которым предоставлено право предъявления соответствующего иска к любому лицу, не признающему соответствующее ограниченное право за его носителем, в том числе и к собственнику имущества.

Учитывая то обстоятельство, что непризнание третьим лицом вещного права за его носителем не сопряжено с совершением деликта и длится во времени непрерывно вплоть до принятия судом соответствующего решения, на анализируемый иск не распространяет свое действие исковая давность, на что справедливо указывает А.П. Сергеев[321], точку зрения которого обоснованно корректирует В.П. Камышанский, согласно утверждению которого высказывание А.П. Сергеева является верным только в том случае, «<…> что иск о признании права собственности не сопряжен с требованием об изъятии спорной вещи из чужого незаконного владения, а заявлен самостоятельно владельцем вещи»[322]. Если же требование о признании права собственности является частью виндикационного иска, то исковая давность подлежит применению на общих основаниях, что является вполне логичным.

[321] Гражданское право: Учеб.: в 3-х т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2008. – Т. 1. – С. 809.

[322] Гражданское право: Учеб.: в 3-х ч. / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – Ч. 1. – С. 572.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

РАЗДЕЛ I. ЛИЧНЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ 6

ГЛАВА 1. ЛИЧНЫЕ ПРАВА 6

§ 1. Нематериальные блага как объекты личных прав: вопросы определения и классификации 6
§ 2. Современная научная характеристика личных прав 15
§ 3. Отдельные вопросы субъектного состава личных прав 18
§ 4. Особенности осуществления и защиты личных прав 23
§ 5. Актуальные проблемы защиты права на формирование представлений в виде чести, достоинства и деловой репутации 27

РАЗДЕЛ II. ВЕЩНОЕ ПРАВО – ЦЕНТРАЛЬНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 39

ГЛАВА 2. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВЕЩНОГО ПРАВА 39

§ 1. Вещное право в системе гражданского права: предназначение, понятие и признаки 39
§ 2. Современная научно-практическая классификация вещных прав 43
§ 3. Признаки вещных прав 48

ГЛАВА 3. МЕСТО И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ 55

§ 1. Собственность в системе общественных отношений 55
§ 2. Современное понимание права собственности как основного вещного права 63
§ 3. Содержательная характеристика права собственности 72
§ 4. Структура и юридическое значение правомочий владения, пользования и распоряжения 76
§ 5. Субъекты права собственности. Формы и виды собственности 83
§ 6. Фактические и юридические основания приобретения и прекращения права собственности 91
6.1. Понятие, юридическое значение и классификация оснований приобретения и прекращения права собственности 91

6.2. Первоначальные основания приобретения права собственности 97
6.3. Производные основания приобретения права собственности 133
6.4. Основания прекращения права собственности 153

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ 155

§ 1. Понятие и предназначение права собственности физических лиц: современный взгляд на проблему 155
§ 2. Субъектный состав права собственности 160
§ 3. Объекты и проблема содержательного наполнения права собственности 163
§ 4. Жилое помещение как объект права собственности: отдельные вопросы практики и отраслевого законодательства 171
§ 5. Земельный участок, как объект права собственности 174

ГЛАВА 5. ОСОБЕННОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СО СТАТУСОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА 178

§ 1. Понятие, смысл и специфика права собственности организаций со статусом юридического лица 178
§ 2. Объекты и содержание права собственности организаций со статусом юридического лица 186
§ 3. Особенности содержания права собственности организаций со статусом юридического лица в зависимости от их правовой формы 193
3.1. Особенности содержания права собственности хозяйственных товариществ 193
3.2. Особенности содержания права собственности хозяйственных обществ 195
3.3. Особенности содержания права собственности производственных кооперативов 198
3.4. Особенности содержания права собственности крестьянских (фермерских) хозяйств 199
3.5. Особенности содержания права собственности некоммерческих организаций 201

ГЛАВА 6. ОСОБЕННОСТИ ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ 203

§ 1. Понятие, целевое назначение и правовая основа государственной собственности 203
§ 2. Субъекты права государственной собственности 213

§ 3. Объекты права государственной собственности 216
§ 4. Содержание права государственной собственности 221

ГЛАВА 7. ПРАВО ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ 227

§ 1. Сущностно-содержательная характеристика права общей собственности. Основания ее возникновения 227
§ 2. Право общей долевой собственности 236

ГЛАВА 8. ОГРАНИЧЕННЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ И ИНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИМУЩЕСТВА СОБСТВЕННИКА 259

§ 1. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления: общая характеристика 259
§ 2. Содержание права хозяйственного ведения и права оперативного управления 268
§ 3. Возникновение и прекращение права хозяйственного ведения и права оперативного управления 274

ГЛАВА 9. ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ 278

§ 1. Понятие, формы, способы и средства защиты вещных прав .. 278
§ 2. Иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикационный иск) 286
§ 3. Иск об устранении нарушений, не связанных с лишением владения (негаторный иск) 314
§ 4. Иск о признания права собственности 325

Научное издание

Маньковский Игорь Александрович
Вабищевич Светлана Степановна

ЛИЧНЫЕ И ВЕЩНЫЕ ПРАВА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ответственный за выпуск Е.А. Полторжицкая

Подписано в печать 01.11.2011.
Формат 60 х 84 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 22,52.
Тираж 150 экз. Заказ № ____.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
ЛИ № 02330/437. Действительна до 14.10.2014 г.
Ул. Казинца, 21-3, 220099, г. Минск.

Республиканское унитарное предприятие «Минсктиппроект»
ЛП № 02330/0494102 от 11.03.2009 г.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220103, г. Минск